

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

**ГЕНОЦИД
БЕЛОРУССКОГО НАРОДА
ЛАГЕРЯ СМЕРТИ**

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

**GENOCIDE OF THE BELARUSIAN PEOPLE
DEATH CAMPS**

INFORMATIONAL AND ANALYTICAL MATERIALS AND DOCUMENTS

Под общей редакцией
Генерального прокурора Республики Беларусь,
доктора юридических наук А.И. Шведа

Г34 **Геноцид белорусского народа. Лагеря смерти** = Genocide of the Belarusian people. Death camps / Генеральная прокуратура Республики Беларусь ; под общей редакцией А.И. Шведа. – Минск : Беларусь, 2023. – 335 с. : ил.
ISBN 978-985-01-1638-3.

В издании представлены новые и ранее неизвестные широкой общественности сведения о лагерях смерти на территории БССР в период нацистской оккупации. В него включены материалы уголовного дела о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период, а также информация из трудов отечественных и зарубежных ученых.

Книга предназначена для широкого круга читателей: должностных лиц государственных органов и организаций, научных и музейных работников, исследователей, преподавателей и учащихся учреждений высшего и среднего образования, а также всех тех, кто интересуется историей Беларуси.

УДК [94+343.337.5](476)(093)
ББК 63.3(4Бел)

«И пока в странах, которые Советская Армия освобождала от фашизма, рушат могилы наших дедов и прадедов – здесь, на белорусской земле, мы будем строить новую Беларусь. Поднимать архивы и восстанавливать историю каждого воина, каждой невинной мирной жертвы. Это очень болезненные для нас воспоминания. До сих пор они были нашей тихой скорбной памятью. Теперь станут набатом. Хотят на Западе или нет – мы будем демонстрировать миру правду о всех зверствах, которые творили нацисты. Им придется снова слушать и слышать про убитых, в том числе не успевших родиться детей, про женщин, прижимающих к сердцу грудных младенцев, про малышей, которых, как показывает экспертиза, закапывали живыми. Мы покажем наследникам и сторонникам нацистов факты преступлений их предков, чтобы весь мир понял, что будет с этим миром, если современный нацизм перерастет в фашизм».

**Из выступления Президента
Республики Беларусь А.Г. Лукашенко
на торжественном собрании
ко Дню Независимости Республики Беларусь,
2 июля 2022 года**

"And while the graves of our grandfathers and great-grandfathers are being destroyed in the countries that the Soviet Army liberated from fascism, here, on Belarusian soil, we will build a new Belarus. Pull the archives and restore the history of every warrior, every innocent civilian victim. These are very painful memories for us. Until now, they have been our quiet mournful memory. Now they will become an alarm bell. Whether the West wants it or not, we will show the world the truth about all the atrocities, committed by the Nazis. They will have to listen and hear again about the dead, including those who did not have time to be born, about women cuddling nursing babies to their hearts, about babies who, as the examination shows, were buried alive. We will show the heirs and supporters of the Nazis the facts of the crimes of their ancestors, so that the whole world understands what will happen to this world if modern Nazism develops into fascism".

**From the speech of the President
of the Republic of Belarus A. Lukashenko
at a solemn meeting dedicated
to the Independence Day of the Republic of Belarus,
July 2, 2022**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Генеральной прокуратурой Республики Беларусь продолжается расследование уголовного дела о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (далее – уголовное дело о геноциде). За полтора года следствия установлены новые либо неизвестные широкой общественности многочисленные факты преступлений немецко-фашистских оккупантов и их пособников на белорусской территории.

Белорусская Советская Социалистическая Республика (далее – БССР) – одна из наиболее пострадавших от немецко-фашистских захватчиков республик Советского Союза. Вклад, который внес белорусский народ в победу над фашизмом, признан международным сообществом, о чем свидетельствует факт участия БССР в создании Организации Объединенных Наций.

Политика геноцида, осуществляемая гитлеровцами в отношении жителей БССР, носила системный и планомерный характер. На территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны реализовывались все формы геноцида, которые впоследствии были закреплены в Конвенции Организации Объединенных Наций от 9 декабря 1948 года «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него». Немецко-фашистские захватчики и их пособники массово истребляли белорусское население, осуществляли насильственную эксплуатацию белорусского народа, создавали невыносимые и непригодные для жизни условия. Одним из способов осуществления нацистской Германией геноцида стали лагеря смерти – места массового содержания и истребления людей¹.

Предварительные результаты расследования уголовного дела о геноциде дают основание утверждать, что в отличие от оккупированных стран Западной Европы на территории БССР во всех видах лагерей смерти нацисты реализовы-

¹ Здесь и далее в издании под дефинициями «лагеря смерти» и «места массового содержания и истребления людей» понимаются места принудительного содержания населения – учреждения (пункты, территории), куда нацисты помещали людей помимо их воли на определенный или неопределенный срок с причинением им нравственных и физических страданий, привлечением к тяжелому физическому труду [1, с. 3].

FOREWORD

The General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus continues the investigation of the criminal case on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period (hereinafter – the criminal case on genocide). Over a year and a half of investigation, numerous facts of crimes of the Nazi invaders and their accomplices on Belarusian territory have been established.

The Byelorussian Soviet Socialist Republic (hereinafter referred to as the BSSR) is one of the republics of the Soviet Union most affected by the Nazi invaders. The contribution that the Belarusian people made to the victory over fascism is recognized by the international community, as evidenced by the fact of the participation of the BSSR in the creation of the United Nations.

The policy of genocide carried out by the Nazis against the inhabitants of the BSSR was systematic and planned. All forms of genocide were committed on the territory of Belarus during the Great Patriotic War, which were subsequently enshrined in the United Nations Convention from December 9, 1948 "On the Prevention and Punishment of the Crimes of Genocide". The German fascist invaders and their accomplices massacred the Belarusian population, carried out the violent exploitation of our people, created unbearable and unsuitable conditions for life. One of the ways Nazi Germany carried out genocide was death camps – places of mass detention and extermination of people¹.

Preliminary results of the investigation of the criminal case on genocide give grounds to assert that, unlike the occupied countries of Western Europe, on the territory of BSSR in all types of death camps BSSR in all types of death camps and the Nazis realized the **main goal of the genocide – the total physical destruction of the Slavic and Jewish population, as well as other ethnic groups**.

Prior to the initiation of a criminal case on genocide by the General Prosecutor's Office of the Re-

¹ Hereinafter, in the publication, the definitions of "death camps" and "places of mass detention and extermination of people" mean places of forced detention of the population – institutions (points, territories) where the Nazis placed people against their will for a certain or indefinite period, causing them moral and physical suffering, used for hard physical labor [1, p. 3].

вали главную цель геноцида – **тотальное физическое уничтожение славянского и еврейского населения, а также других этнических групп**.

До возбуждения Генеральной прокуратурой Республики Беларусь уголовного дела о геноциде было известно о существовании свыше 480 мест массового содержания и истребления людей, которые были созданы и функционировали в годы Великой Отечественной войны на территории БССР [1].

Полученные в ходе расследования уголовного дела о геноциде данные свидетельствуют о том, что эта цифра, к сожалению, не является окончательной. Только за первый год следствия выявлено дополнительно 67 ранее неизвестных лагерей смерти.

На белорусской территории в годы оккупации нацистские преступники и их пособники создавали различные виды лагерей смерти, среди которых: концентрационные лагеря, лагеря уничтожения, исправительно-трудовые лагеря, гетто, тюрьмы, лагеря у переднего края немецкой обороны, трудовые (рабочие) лагеря, пересыльные лагеря (сборные пункты), рабочие колонны, батальоны, роты и команды, детские лагеря смерти и др.

Помимо мест массового содержания и истребления мирного населения, на территории БССР также функционировали многочисленные лагеря смерти для военнопленных.

Настоящая книга – сборник информационно-аналитических материалов, в котором представлены полученные в ходе расследования уголовного дела о геноциде сведения о местах массового содержания и истребления людей на территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Это очередное из планируемых к публикации Генеральной прокуратурой изданий, основанных на предварительных результатах следствия.

В книге подобраны материалы, которые демонстрируют истинные планы нацистской Германии по тотальному истреблению и порабощению белорусского народа посредством лагерей смерти. Приведены доказательства о фактах массового истребления населения БССР, в том числе конкретные архивные документы, с содержанием которых может ознакомиться читатель.

В книге описаны предпосылки и цели формирования и деятельности лагерей смерти, их классификация с учетом полученных в ходе расследования уголовного дела о геноциде све-

public of Belarus known to exist over 480 places of mass detention and extermination of people that were created and functioned during the Great Patriotic War on the territory of the BSSR [1].

The data obtained during the investigation of the criminal case on the genocide indicate that this figure, unfortunately, is not final. Only in the first year of the investigation revealed additionally 67 previously unknown death camps.

On Belarusian territory during the years of occupation, Nazi criminals and their accomplices created various types of death camps, including: concentration camps, extermination camps, forced labor camps, ghettos, prisons, camps at the front line of German defense, labor (worker) camps, transit camps (collection points), work columns, battalions, companies and teams, children's death camps and others.

In addition to places of mass detention and extermination of civilians, numerous death camps for prisoners of war also functioned on the territory of the BSSR.

This book is a collection of information and analytical materials, which presents new and previously unknown to the general public information about places of mass detention and extermination of people on the territory of the BSSR during the Great Patriotic War. This is the another from planned x publications by the Prosecutor General's Office, based on the preliminary results of the investigation.

The book contains materials that demonstrate the true plans of Nazi Germany for the total extermination and enslavement of the Belarusian people through death camps. Given evidences on facts of mass extermination of the population of BSSR, including specific archival documents, the content of which can be found by the reader.

The book describes the prerequisites and goals of the formation and operation of death camps, their classification, taking into account the information obtained during the investigation of the criminal case on the genocide. Separate attention is focused on the characteristics and general features of places of mass detention and extermination of people, the role of desocialization of the personality of prisoners in achieving the goals of genocide by Nazi criminals, and the participation of Belarusian collaborators – traitors who collaborated with the Nazi troops during the occupation – in the extermination of civilians through death camps.

The reader is given specific examples of some types of places of mass detention and extermination

дений. Отдельно акцентировано внимание на характеристике и общих чертах мест массового содержания и истребления людей, роли десоциализации личности узников в достижении нацистскими преступниками целей геноцида и участия белорусских коллаборационистов – предателей, сотрудничавших с гитлеровскими войсками во время оккупации, – в истреблении мирного населения посредством лагерей смерти.

Читателю приведены конкретные примеры некоторых видов мест массового содержания и истребления людей, действовавших в годы оккупации на территории БССР, среди которых концентрационные лагеря, лагеря уничтожения, детские лагеря смерти, гетто, лагеря для военнопленных и др.

Вопрос функционирования лагерей смерти на территории БССР не получил широкого освещения в научных исследованиях. Вместе с тем с учетом масштабов преступлений немецко-фашистских оккупантов и их пособников, в целях недопущения фальсификации исторической правды, искажения фактических обстоятельств событий, имевших место в действительности, указанная тема представляет собой особый интерес и значимость.

При подготовке информационно-аналитических материалов использованы полученные следственной группой Генеральной прокуратуры доказательства из уголовного дела о геноциде, в том числе документы и фотографии архивных фондов Республики Беларусь и Российской Федерации, показания бывших узников лагерей смерти, их родственников. Использованы результаты трудов отечественных и зарубежных ученых М.Я. Савоняко, В.Е. Бездель, С.В. Аристова и др.

Публикуемые в книге материалы позволяют оценить настоящие масштабы геноцида, осуществленного нацистскими преступниками и их пособниками в отношении жителей БССР посредством функционирования мест массового содержания и истребления людей.

Издание предназначено для широкого круга читателей: должностных лиц государственных органов и организаций, историков, научных и музейных работников, исследователей, преподавателей и учащихся учреждений высшего и среднего образования, а также всех тех, кто интересуется историей Беларуси.

of people that operated during the years of occupation on the territory of the BSSR, including concentration camps, extermination camps, children's death camps, ghettos, prisoner of war camps, etc.

It should be noted that the issue of the functioning of death camps on the territory of the BSSR has not received wide coverage in scientific research. At the same time, taking into account the scale of the crimes of the Nazi invaders and their accomplices, in order to prevent falsification of historical truth, distortion of the actual circumstances of the events that took place in reality, this topic is of particular interest and significance.

In the preparation of information and analytical materials obtained by the investigative group of the Prosecutor General's Office evidence from criminal case a on the genocide, including documents and photographs from the archival funds of the Republic of Belarus and the Russian Federation, testimonies of former prisoners of death camps and their relatives. The results of the works of domestic and foreign scientists were used: M.Ya. Savonyako, V.E. Bezdel, S.V. Aristov and others.

The materials published in the collection make it possible to assess the true scale of the genocide carried out by Nazi criminals and their accomplices against the inhabitants of the BSSR through the functioning of places of mass detention and extermination of people.

The publication is intended for a wide range of readers: officials of state bodies and organizations, historians, scientists and museum workers, researchers, teachers and students of institutions of higher and secondary education, as well as all those who are interested in the history of the Republic of Belarus.

О ЦЕЛЯХ СОЗДАНИЯ НАЦИСТАМИ ЛАГЕРЕЙ СМЕРТИ

Формирование системы концентрационных лагерей (лагерей смерти – применительно к БССР) берет свое начало еще в 30-е годы XX века. Впервые концентрационные лагеря были созданы Герингом, а впоследствии «усовершенствованы» Гиммлером. Первоначальным их назначением было заключение и содержание политических противников нацистского режима и подозреваемых в подобных действиях.

Создание концентрационных лагерей началось с Ораниенбурга (впоследствии Заксенхаузена) под Берлином. По всей Германии начались превентивные аресты потенциальных антифашистов. Обвинения им не предъявлялись. Достаточно было принадлежности к левым партиям или каких-либо подозрений. Лагеря наполнялись также профсоюзными активистами и участниками пацифистского движения.

Для подавления воли узников к сопротивлению едва ли не с первых дней нацисты установили предельно строгий режим [2, с. 336–338].

Вторая мировая война сделала систему лагерей смерти более радикальной вследствие жестокой эксплуатации узников и их массового истребления. Кроме орудия политического террора, такие места стали поставщиками рабочей силы и способом умерщвления [3].

В 1938–1939 годах система концентрационных лагерей была распространена на оккупированные Германией страны. В Австрии был создан Маутхаузен, в Польше – Освенцим, во Франции – Натцвейлер, в Голландии – Герцогенбош [2, с. 336–338].

В годы Великой Отечественной войны лагеря смерти стали одним из основных орудий геноцида местного населения БССР. Посредством создания и функционирования мест массового содержания и истребления людей нацисты реализовывали цель тотального уничтожения белорусского населения.

Задачу массового истребления населения руководство Германии ставило еще до войны против СССР. Это нашло свое отражение в различного рода инструкциях, приказах, а затем практических действиях. В соответствии с генеральным планом «ОСТ» нацистские преступники ставили своей целью «переселить», что означало уничтожить, не менее 75 % белорусов.

ON PURPOSES OF CREATION OF DEATH CAMPS BY NAZIS

The formation of the system of death camps dates back to the 30s of the twentieth century. For the first time concentration camps were created by Goering, and later "improved" by Himmler. Their original purpose was to imprison and hold political opponents of the Nazi regime and those suspected of such activities.

The creation of concentration camps began with Oranienburg (later Sachsenhausen) near Berlin. All over Germany, preventive arrests of potential anti-fascists began. They were not charged. It was enough to belong to the left parties or any suspicions. The camps were also filled with trade union activists and members of the pacifist movement.

To suppress the will of the prisoners to resist, almost from the first days, the Nazis established an extremely strict regime [2, p. 336–338].

The Second World War made the death camp system more radical due to the brutal exploitation of prisoners and their mass extermination. In addition to weapons of political terror, such places have become a source of labor and a means of killing [3].

In 1938–1939 the concentration camp system was extended to the countries occupied by Germany. Mauthausen was created in Austria, Auschwitz in Poland, Natzweiler in France, Herzogenbosch in Holland [2, p. 336–338].

During the Great Patriotic War, the death camps became one of the main weapons of genocide against the local population of the BSSR. Through the creation and operation of places of mass detention and extermination of people, the Nazis realized the goal of the total destruction of the Belarusian population.

It should be noted that the German leadership set the task of mass extermination of the population even before the war against the USSR. This was reflected in various kinds of instructions, orders, and then practical actions. In accordance with the "OST" plan, the Nazi criminals set as their goal to "resettle", which meant to destroy, at least 75 % of the Belarusians. One of the chief means of "liberation of the occupied territories from the indigenous population" was the death camps.

Documents such as the General Plan "OST", the Instruction on Special Areas to Directive No. 21 (Barbarossa Plan) from March 13, 1941, the De-

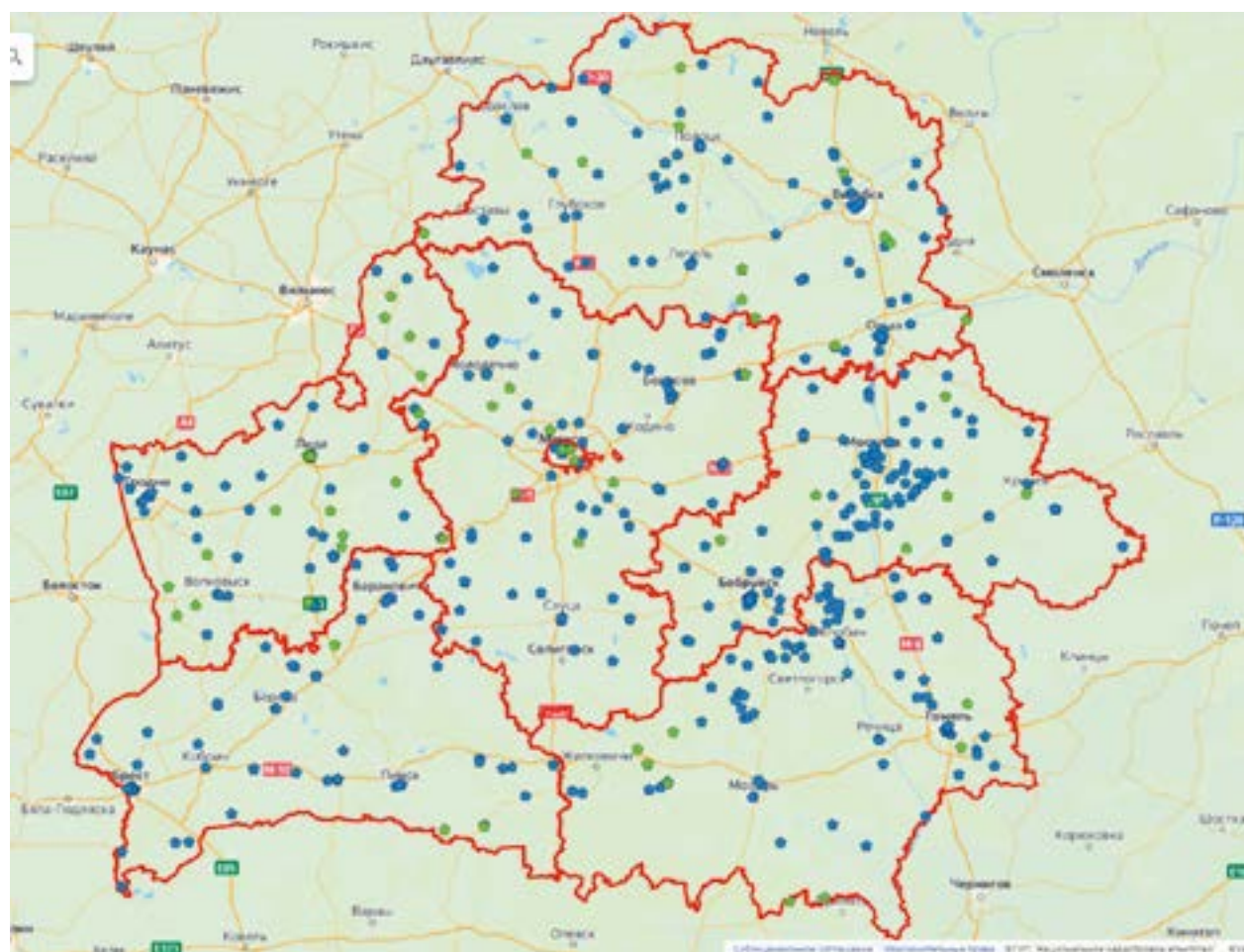
Одним из основных средств «освобождения оккупированных территорий от коренного населения» стали лагеря смерти.

Такие документы, как генеральный план «ОСТ», Инструкция об особых областях к директиве № 21 (план «Барбаросса») от 13 марта 1941 года, Указ «О применении военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мерах войск», подписанный 13 мая 1941 года начальником штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии В. Кейтелем, и другие возводили зверства по отношению к мирному населению в ранг государственной политики и освобождали фашистских солдат от ответственности за преступления (см. с. 9–13).

decree "On the Application of Military Jurisdiction in the Barbarossa Area and on Special Measures for Troops" signed on May 13, 1941, the Supreme Chief of Staff of the Supreme High Command of the German Armed Forces, V. Keitel and others brought atrocities against the civilian population to the rank of state policy and exonerated fascist soldiers from responsibility for crimes (see p. 9–13).

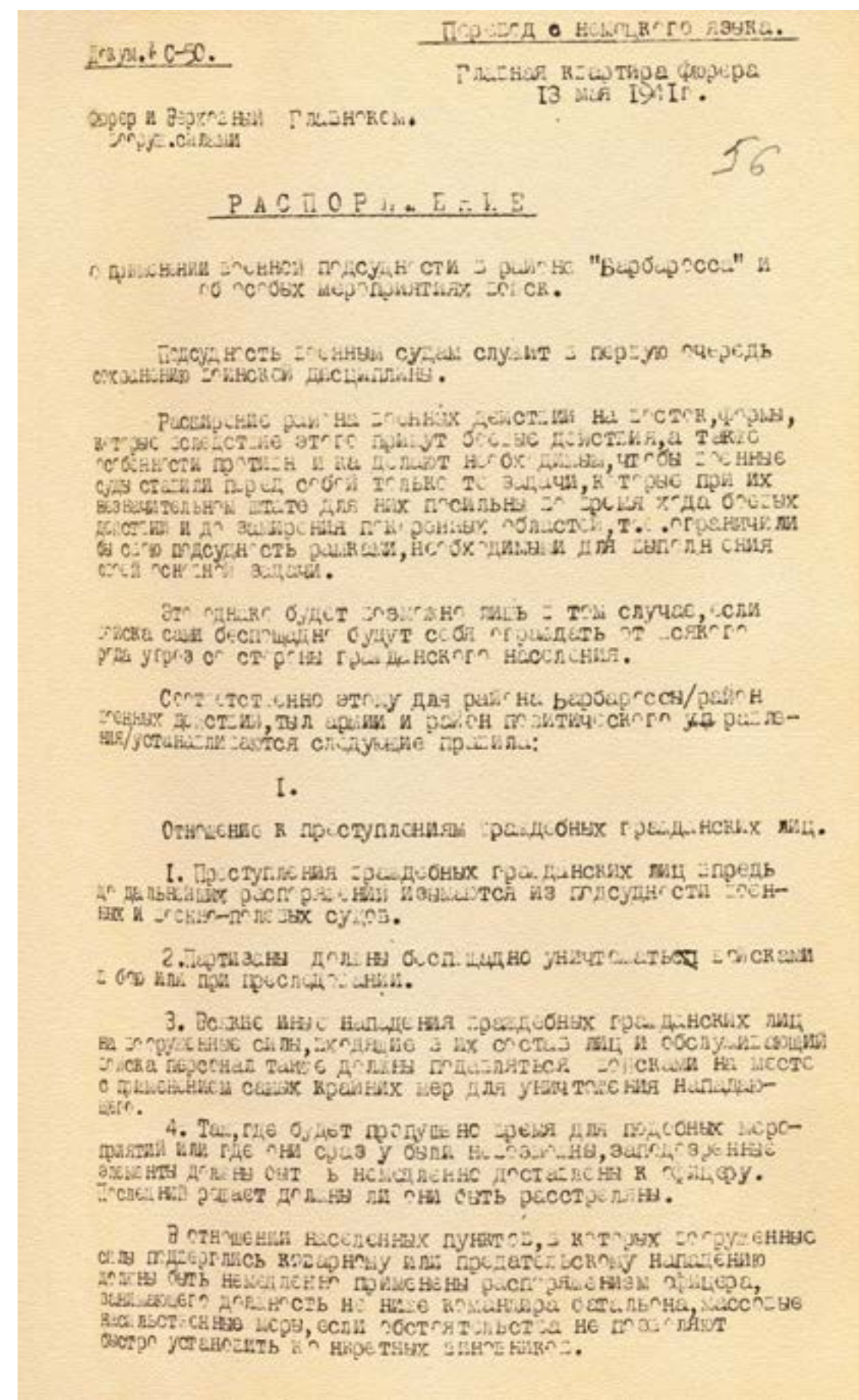
The German soldier Emil Goltz, a member of the National Socialist Party, wrote: "... June 25th. Passing through Slonim, together with Bitter, he took part in cleaning shops and apartments. I took some necessary things in the car.

June 28th. At dawn we passed Baranovich. The city is destroyed. But not everything is done yet. On

Публичная кадастровая карта Республики Беларусь. Пространственный слой «Лагеря смерти» с информацией о расположении мест массового содержания и истребления людей, организованных немецко-фашистскими преступниками и их пособниками на оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны

Public cadastral map of the Republic of Belarus. The spatial layer "Death Camps" with information about the location of places of mass detention and extermination of people organized by Nazi criminals and their accomplices in the occupied territory of Belarus during the Great Patriotic War

5. Категорически воспрещается охранять заподозренных для предания их суду и оле взятия этих судов для местного населения.

6. В местностях, достаточно заширенных, главнокомандующие армейскими группами вправе по согласованию с соответствующими командующими военно-морскими и военно-воздушными силами устанавливать подсудность гражданских лиц войны и судам.

Для районов политического управления распоряжение об этом отдается начальником штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами.

II.

Отношение к преступлениям, совершенным военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к местному населению.

1. Все будущие преследования за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к гражданским лицам, не подлежат обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют военное преступление или проступок.

2. При обсуждении подобных делами необходимо в каждой стадии процесса учитывать, что поражение Германии в 1918г., последовавшая за ним период страданий германского народа, а также борьба против национал-социализма, потребовавшая бесчисленных кровавых жертв, являлась результатом большевистского влияния, чего ни один немец не забыл.

3. Претому, судебный начальник должен тщательно разобраться, необходимо ли в подобных случаях возбуждение дисциплинарного или судебного преследования. Судебный начальник предписывает судебное рассмотрение дела лишь в том случае, если это требуется по соображениям поддержания военной дисциплины и обеспечения безопасности войск. Не подлежат как покаяние или смягчению приговора за бессмысленное уничтожение помещений и заводов или других трофеев во пред собственным войском.

При осуждении с привлечением к уголовной ответственности в каждом случае должно исходить из подписью судебного начальника.

4. При осуждении предлагается чрезвычайно критически относиться к достоверности показаний гражданских гражданских лиц.

Ответственность военных начальников.

Военские начальники в пределах своей компетенции ответственны за т с -

1. Чтобы все офицеры, подчиненных им частей, своевременно и тщательно были проинструктированы об основах настоящего распоряжения.

2. Чтобы их судебные советники своевременно были поставлены в известность, как о настоящем распоряжении, так и об устных указаниях, которыми главнокомандующим были разъяснены политические намерения руководства.

3. Чтобы утверждались только такие приговоры, которые соответствуют политическим намерениям руководства.

IV.

Степень секретности.

С окончанием периода маскировки настоящее распоряжение охраняет гриф "секретное дело в командования".

По поручению

Начальник штаба Верховного главнокомандующего вооруженными силами

п. л. КИТЕЛЬ.

С подлинным верно, гвардии майор / подпись/

Перевод с немецкого языка
полковник - С. Розенблит.

Document No. C-50.

Translation from German

Führer's General headquarters
May 13, 1941

Fuhrer and Supreme Commander of the Armed Forces

ORDER

on the application of military jurisdiction in the "Barbarossa" area and on special measures of the troops.

The jurisdiction of military courts primarily serves to maintain military discipline.

The expansion of the area of hostilities to the east, the forms that the hostilities will take as a result of this, as well as the special features of the enemy make it necessary for the military courts to set themselves only those tasks that, with their insignificant staff, are feasible for them during the course of hostilities and until the subjugated pacify areas, i.e. limit their jurisdiction to what is necessary for the performance of their primary task.

However, this will only be possible if the troops themselves are ruthlessly defending themselves against all kinds of threats from civilians.

Accordingly, the following rules are established for the Barbarossa area / the area of military operations, the rear of the army and the area of political administration:

I.

Attitude towards crimes by hostile civilians.

1. Offences by hostile civilians until further notice, are excluded from the jurisdiction of the military and courts-martial.

2. Partisans must mercilessly destroy with troops in battle or in pursuit.

3. Any other attacks by hostile civilians on the armed forces, their members and personnel serving the troops must also be suppressed by the troops on the spot using the most extreme measures to destroy the attacker.

4. Where time would be missed for such activities, or where they were not immediately possible, suspected elements should be brought to an officer immediately. The latter decides whether they should be shot.

In localities where armed forces have been subjected to insidious or treacherous attack, mass violent measures should be immediately applied by order of an officer holding a position not lower than battalion commander, unless the circumstances do not permit the prompt identification of the specific culprits.

Document No. C-50.

2.-

5. It is strictly forbidden to keep the suspected for bringing them to trial after the introduction of these courts for the local population.

6. In areas that are sufficiently pacified, the commanders-in-chief of army groups have the right, in agreement with the corresponding commanders of the naval and air forces, to establish the jurisdiction of civilians to military courts.

For areas of political administration, the order is issued by the Chief of Staff of the Supreme Command of the Armed Forces.

II.

Attitudes towards crimes committed by military personnel and service personnel towards the local population.

1. It is not mandatory to initiate prosecution for acts committed by military service personnel against hostile civilians even if these acts simultaneously constitute a military offence or misdemeanor.

2. In discussing such actions, it must be borne in mind at every stage of the process that the defeat of Germany in 1918, the subsequent period of suffering of the German people and the struggle against National Socialism, which required countless bloody sacrifices, was the result of a Bolshevik infiltration that no German has ever forgotten.

3. Therefore, the chief of court must carefully consider whether it is necessary to initiate disciplinary or judicial prosecution in such cases. The chief of court recommends legal prosecution only in case it is necessary to maintain military discipline and to ensure safety of the troops. Sentences for wanton destruction of premises and supplies or other trophies to the detriment of one's own troops are generally not subject to mitigation.

Suggestion of criminal prosecution must in each case come from the chief of court with his signature.

4. In the process of sentencing, it is proposed to be extremely critical of the reliability of the testimony of hostile civilians.

Responsibility of military commanders.

Military commanders, within their competence, are responsible for the following:

1. That all officers of units subordinate to them be instructed in a timely and thorough manner on the basics of this order.

2. That their judicial advisers be informed in a timely manner both about the present order and about the verbal instructions by which the commander-in-chief has been explained the political intentions of the leadership.

Document No. C-50.

3.-

3. That only such sentences will be confirmed which are in accordance with the political intentions of the leadership.

IV .

Degree of secrecy.

With the end of the disguise period, the present order retains the title "secret command file".

By order of

Chief of the Supreme Command of the Armed Forces

Signed. Keitel.

With genuine true, Guards Major (signed)

Translated from German by

Colonel S. Rozenblit.

Немецкий солдат Эмиль Гольц, член национал-социалистической партии, писал: «...25 июня. Проходя через Слоним вместе с Биттером, принял участие в очистке лавок и квартир. Кое-какие нужные вещи я захватил в машину.

28 июня. На рассвете мы проехали Барановичи. Город разгромлен. Но еще не все сделано. По дороге от Мира до Столбцов мы разговаривали с населением языком пулеметов. Крики, стоны, кровь, слезы и много трупов. Никакого сострадания мы не ощущали. В каждом местечке, в каждой деревне при виде людей у меня чешутся руки. Хочется пострелять из пистолета по толпе. Надеюсь, что скоро сюда придут отряды СС и сделают то, что не успели сделать мы.

5 июля. В 10 часов мы были в местечке Клецк. Сразу же отправились на поиски добычи. Выламывали двери топорами, ломами. Всех, кого находили в запертых изнутри домах, приканчивали. Кто действовал пистолетом, кто винтовкой, а кое-кто штыком и прикладом. Я предпочитаю пользоваться пистолетом» [4].

Другой нацист обер-ефрейтор Иоганнес Гердер писал в своем дневнике: «25 августа мы бросаем ручные гранаты в жилые дома. Дома очень быстро горят. Огонь перебрасывается на другие избы. Красивое зрелище. Люди плачут, а мы смеемся над слезами. Мы сожгли уже таким образом деревень десять.

29 августа. В одной деревне мы схватили первых попавшихся двенадцать жителей и отвели на кладбище. Заставили их копать себе просторную глубокую могилу. Славянам нет и не может быть никакой пощады. Проклятая гуманность нам чужда» [4].

Установленный на временно захваченной нацистской Германией советской территории оккупационный режим отличался исключительной жестокостью и зверствами по отношению к населению. Немецко-фашистская оккупационная политика являлась органической частью экспансионистских военно-политических планов нацистской Германии в войне против СССР и была направлена на ликвидацию советского общественного и государственного строя, на экономическое ограбление оккупированной территории, истребление и порабощение местного населения, постепенное заселение захваченного «жизненного пространства» немецкими колонистами.

Итоги Нюрнбергского процесса подтвердили, что система лагерей смерти рассматривалась

the way from Mir to Stolbtsy, we spoke to the population in the language of machine guns. Screams, moans, blood, tears and many corpses. We didn't feel any compassion. In every place, in every village, the sight of people makes my hands itch. I want to shoot from a pistol at the crowd. I hope that soon the SS detachments will come here and do what we did not have time to do.

July 5th. At 10 o'clock we were in the town of Kletsk. Immediately we went in search of prey. Broke down the doors with axes and crowbars. Everyone who was found in houses locked from the inside was finished off. Some acted with a pistol, some with a rifle, and some with a bayonet and gun-butt. I prefer to use a pistol" [4].

Another Nazi Corporal Johannes Herder wrote in his diary: "On August 25, we throw hand grenades at residential buildings. Houses burn very quickly. The fire is transferred to other huts. A beautiful sight. People cry and we laugh at tears. We have already burned ten villages using these methods.

August 29th. In one village, we grabbed the first twelve inhabitants that came across and took them to the cemetery. Forced them to dig a spacious deep grave for themselves. We mustn't show any mercy to Slavs. Damn humanity is alien to us" [4].

The occupation regime, established on temporarily occupied Soviet territory by Nazi Germany, was distinguished by exceptional cruelty and atrocities against the population. The Nazi occupation policy was an integral part of the expansionist military-political plans of Nazi Germany in the war against the USSR and was aimed at elimination of the Soviet social and state system, at the economic robbery of the occupied territory, the extermination and enslavement of the local population, the gradual settlement of the captured "living space" by German colonist.

The results of the Nuremberg trials confirmed that the system of death camps was considered and used by the Nazis as the main tool for the extermination of people.

L. Smirnov, assistant to the Chief Prosecutor from the USSR, emphasized in his accusatory speech: "The concentration camps of German fascism are usually divided into two groups: the so-called "ordinary" concentration camps (forced labor, work camps, preventive detention

и использовалась нацистами в качестве основного орудия истребления людей.

На это особое внимание акцентировал в обвинительной речи помощник Главного обвинителя от СССР Л.Н. Смирнов: «Концентрационные лагеря германского фашизма принято подразделять на две группы: так называемые «обычные» концентрационные лагеря (принудительные работы, рабочие лагеря, лагеря превентивного заключения и т. д.) и «лагеря истребления», непосредственно призванные умертвить миллионы людей.

Однако это деление является условным и неправильным.

Целям умерщвления людей фактически служили не только те лагеря, которые были специально созданы как лагеря смерти, но и лагеря, которые формально носили название «рабочих лагерей»...

...Все концентрационные лагеря, созданные немецкими фашистами на территории СССР и стран Восточной Европы, по существу преследовали одни и те же цели – физического истребления попавших туда людей...

...Прежде чем истребить обреченных на смерть людей, они предельно изнурили их непосильным трудом. Человек доводился до полного истощения. Только после этого обреченных отправляли к месту расстрела или в газовую камеру...» [5].

Доказательства масштабности и планомерности преступлений нацистской Германии в части создания и функционирования концентрационных лагерей по разделу обвинения «Концентрационные лагеря» на заседании Международного военного трибунала от 13 декабря 1945 года также предъявлялись заместителем Главного обвинителя от США Т. Доддом [2, с. 338–350].

Вопрос о документировании бесчинств фашистов стоял еще задолго до окончания войны. Именно это помогло доказать вину нацистов на Нюрнбергском процессе в ноябре 1945 – октябре 1946 года.

Президиум Верховного Совета СССР 2 ноября 1942 года издал Указ «Об образовании Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов на террито-

camp, etc.) and "extermination camps", directly designed to kill millions of people.

However, this division is conditional and incorrect.

The purpose of killing people was actually served not only by those camps that were specially created as death camps, but also by camps that formally were named "work camps" ...

...All the concentration camps created by the German fascists on the territory of the USSR and the countries of Eastern Europe essentially pursued the same goals – the physical extermination of people, located there...

... Before extermination of the people doomed to death, they exhausted them to the utmost with overwork. The man was brought to starvation. Only after that, the doomed were sent to the place of execution or to the gas chamber... " [5].

Evidence of the scale and regularity of the crimes of Nazi Germany in terms of the creation and operation of concentration camps under the paragraph of the accusation "Concentration camps" at the meeting of the International Military Tribunal from December 13, 1945 was also presented by the Deputy Chief Prosecutor from the United States T. Dodd [2, p. 338–350].

The question of documenting the atrocities of the Nazis was raised long before the end of the war. This is what helped to prove the guilt of the Nazis at the Nuremberg Trials in November 1945 – October 1946.

Presidium of the Supreme Soviet of the USSR November 2, 1942 published Decree "On the Formation of the Extraordinary State Commission for the Establishment and Investigation of the Atrocities of the Nazi Occupiers on the Territory Temporarily Occupied During the War Years" (hereinafter – ESC). ESC performed full accounting of the crimes of the Germans and their accomplices, documenting the damage caused to citizens, collective farms, public organizations and state enterprises, institutions, as well as establishing the amount of possible compensation for the damage caused by the invaders and, if possible, identifying the Nazi criminals for bringing them to justice. To achieve the assigned goals, commissions were formed both at the all-Union and at the local level (in the territories of districts and cities). Also, a significant

рии, временно оккупированной в годы войны» (далее – ЧГК). ЧГК осуществляла полный учет преступлений немцев и их пособников, документирование ущерба, причиненного гражданам, колхозам, общественным организациям и государственным предприятиям, учреждениям, а также установление размера возможного возмещения за причиненный захватчиками ущерб и по возможности установление личностей немецко-фашистских преступников для предания их суду. Для осуществления возложенных целей комиссии образовывались как на общесоюзном, так и на местном уровне (на территориях районов и городов). Значительную роль сыграли также мирные граждане, которые по собственной инициативе приходили рассказывать все, что им пришлось пережить.

По сегодняшний день продолжается сбор материалов и источников, указывающих на причастность нацистской Германии и ее пособников к нанесенному Беларуси ущербу. Актуальность изучения данной темы бесспорна. В Беларуси нет ни одной семьи, где бы не было родственников, пострадавших от бесчеловечных преступлений нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны. Расследование уголовного дела о геноциде белорусского народа помогает бороться с искажениями и фальсификациями итогов той страшной войны.

role was played by civilians, who themselves, initiated to tell everything that they had to go through.

To this day, the collection of materials and sources is continuing, indicating the involvement of the Nazi Germany and its accomplices to the damage inflicted on Belarus. The relevance of examination of this topic is beyond dispute. There is not a single family in our country where there are no relatives who suffered from the inhuman crimes of the Nazis and their accomplices during the Great Patriotic War. The investigation of the criminal case on the genocide of the Belarusian people helps to fight against distortions and falsifications of the results of that terrible war.

ВИДЫ ЛАГЕРЕЙ СМЕРТИ

В научной литературе, в том числе в Справочнике о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941–1944 годов, существует общепринятая система видов лагерей смерти, существовавших в годы Великой Отечественной войны на территории БССР.

Концентрационный лагерь – место превентивного заключения людей по расовым, национальным, этническим, политическим или религиозным мотивам в соответствии с решениями тайной полиции (гестапо) без суда и следствия, с неопределенным сроком и особо жестоким режимом содержания в целях эксплуатации их труда и постепенного физического истребления. Подчинялся главному административно-хозяйственному управлению СС. Охраняли такие лагеря войска СС и полиции [1].

Лагеря уничтожения – места массового истребления узников гетто, лагерей, тюрем, гражданского населения. Заключенные в этих местах содержались непродолжительное время, а затем истреблялись.

Одним из первых лагерей уничтожения на оккупированной территории СССР стал лагерь смерти «Тростенец». Лагеря истребления фактически являлись предприятиями для массового умерщвления людей. Доставленные в лагерь уничтожения жертвы истреблялись почти сразу же или в течение короткого времени [1].

Исправительно-трудовой лагерь – место заключения людей на определенный срок (до 2 месяцев, с возможной пролонгацией срока) за уклонение от трудовой повинности, другие трудовые нарушения с последующим возвращением на предыдущее место работы или в концентрационный лагерь, подчиненный комендатуре СД и полиции безопасности [1].

Лагеря смерти данного типа отличались особо жестоким режимом содержания. Указанная категория является наиболее близкой к концлагерям. Изначально целями исправительно-трудовых лагерей являлись повышение производительности труда, формирование у узников определенного мировоззрения и модели поведения, соответствующих нацистскому «народному сообществу» и «остарбайтерам». Функционал лагерей смерти данного

TYPES OF DEATH CAMPS

In the scientific literature, including the Reference book on Places of compulsory detention of the Civilian Population on the Occupied Territory of Belarus in 1941–1944, there is a generally accepted system of types of death camps that existed during the Great Patriotic War on the territory BSSR.

Concentration camp – a place of preventive detention of people for racial, national, ethnic, political or religious reasons in accordance with the decisions of the secret police (Gestapo) without trial, with an indefinite period and a particularly cruel regime of detention in order to exploit their labor and gradual physical extermination. Subordinated to the Main Administrative and Economic Directorate of the SS. These camps were guarded by SS and police troops [1].

Extermination camps – places of mass extermination of prisoners of the ghetto, camps, prisons, civilians. The prisoners in these places were kept for a short period of time, and then exterminated.

One of the first extermination camps in the occupied territory of the USSR was the Trostenets death camp. The extermination camps were actually enterprises for the mass killing of people. The victims brought to the extermination camps were exterminated almost immediately or within a short time [1].

Corrective labor camp – a place where people are imprisoned for a certain period (up to 2 months, with a possible extension of the term) for evading labor service, other labor violations, with subsequent return to their previous place of work or to a concentration camp subordinate to the commandant's office of the Security Service and the security police [1].

Death camps of this type were distinguished by a particularly cruel regime of detention. This category is closest to concentration camps. Initially, the goals of the forced labor camps were to increase labor productivity, to form a certain worldview and behavior among the prisoners, corresponding to the Nazi "people's community" and "Ostarbeiters". The functionality of death camps of this type could differ significantly – from the transit of prisoners to the placement of internees and mass extermination. Often these death camps were created in abandoned schools, garages, warehouses and other premises and territories unsuitable for living [6, p. 105–106].

типа мог значительно отличаться – от транзита узников до размещения интернированных и массового истребления. Нередко эти лагеря смерти создавались в заброшенных школах, гаражах, складах и других непригодных к проживанию помещениях и территориях [6, с. 105–106].

Из стенограммы судебного процесса по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими преступниками в Белорусской ССР, обвиняемый Рольф Оскар Бурхард – зондерфюрер Бобруйской комендатуры, который давал распоряжение о расстреле граждан, содержащихся в «трудовом лагере», показал: «Расстреливались главным образом нетрудоспособные лица, а также представляющие социальную и политическую опасность для германских властей. Твердо помню, что весной 1944 года было отправлено на расстрел через СД свыше 100 нетрудоспособных и больных советских граждан» [7].

Гетто – часть территории населенного пункта, обнесенная колючей проволокой или забором, охраняемая войсками СС и полиции, выделенная для принудительного содержания лиц еврейской национальности с целью их изоляции и последующего истребления [1].

Тюрьма – место предварительного заключения и содержания граждан по политическим и иным мотивам с применением к ним насильственных действий. Зачастую узники тюрем впоследствии переводились в другие лагеря смерти или истреблялись [1].

Лагерь у переднего края немецкой обороны – место принудительного содержания у переднего края немецкой обороны, представляющее собой открытую площадку без построек, обнесенную колючей проволокой, подступы к которой, как правило, были заминированы. Подобные лагеря смерти создавались с целью распространения среди местного населения и частей Красной Армии инфекционных заболеваний (сыпного тифа), а также массового истребления мирных жителей [1].

Трудовой (рабочий) лагерь – место принудительного содержания, где размещались мирные жители, труд которых использовался на нужды Германии. Создавались эти лагеря смерти, как правило, на открытом пространстве, огороженном колючей проволокой. Узники находились в приспособленных или наспеш сооруженных постройках барачного типа [1].

From the transcript of the trial on the case of the atrocities, committed by the Nazi criminals in the Byelorussian SSR, the accused Rolf Oskar Burchard, the Sonderführer of the Bobruisk commandant's office, who ordered the execution of citizens held in the "labor camp", testified: "We shot mostly disabled people, as well as representing a social and political danger to the German authorities. I firmly remember that in the spring of 1944, more than 100 disabled and sick Soviet citizens were sent to execution through the Security Service" [7].

Ghetto – a part of the territory of a settlement surrounded by barbed wire or a fence, guarded by SS and police troops, allocated for the forced detention of persons of Jewish nationality with the aim of isolating them and subsequent extermination [1].

Prison – a place of preliminary confinement and detention of citizens for political and other reasons with application of violence towards them. Often, prison inmates were subsequently transferred to other death camps or exterminated [1].

The camp at the front edge of the German defense – a place of forced detention at the front edge of the German defense, which is an open area without buildings, surrounded by barbed wire, the approaches to which, as a rule, were mined. Such death camps were created with the aim of spreading infectious diseases (typhus) among the local population and units of the Red Army, as well as the mass extermination of civilians [1].

A labor (working) camp – a place of forced detention, where civilians were housed, whose labor was used for the needs of Germany. These death camps were created, as a rule, in open space, fenced with barbed wire. The prisoners were in adjusted or hastily built barrack-type buildings [1].

A transit camp (collection point) – a place where civilians gather to be sent for forced labor in Germany and other European countries. Such death camps existed, as a rule, for a short time: from two to three days to several months [1].

From act of Extraordinary State Commission December 15, 1944:

The camps behind barbed wire were not only a whip point of Soviet citizens to send them to hard labor in Germany, but these camps were a place of torture and extermination of the population.

Witness Zmushko Mikhail Fedorovich testified:

Пересыльный лагерь (сборный пункт) – место сбора гражданского населения для отправки на принудительные работы в Германию и другие страны Европы. Существовали такие лагеря смерти, как правило, непродолжительное время: от двух-трех дней до нескольких месяцев [1].

Из акта ЧГК от 15 декабря 1944 года:

Лагеря за колючей проволокой были не только пунктом стона советских граждан для отправки их на каторгу в Германию, но эти лагеря являлись и местом пыток и уничтожения населения. Свидетель ЗМУШКО Михаил Федорович показал: Лагерь расположенный в районе станции Калинковичи руководил немец по фамилии ГРОСС, он зверски относился к гражданам содержащимся в лагере. На моих глазах ГРОСС, железной палкой разрубил голову одной гражданке из деревни Дудичи. ГРОСС заставлял граждан выполнять не посильные работы. Содержавшимся в лагере давали 200 грамм хлеба в сутки и кружку воды. Много было случаев когда в лагере люди умирали от болезни и недоедания и пыток.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7021. Оп. 91. Д. 15. Л. 4
State archive of Russian Federation. F. R-7021. Op. 91. D. 15. L. 4

Рабочие колонны, батальоны, роты и команды – формирования, создаваемые прежде всего на линии обороны немецких частей в принудительном порядке из гражданского населения для выполнения хозяйственных работ и строительства оборонительных сооружений [1].

Лагеря гражданского населения – лагеря смерти без четких классификационных признаков [1].

Лагеря для военнопленных. С началом войны кроме гражданского населения в лагеря смерти оккупанты стали массово заключать советских военнопленных.

Лагеря для военнопленных подразделялись на:

дулаги – транзитные лагеря;

шталаги – стационарные лагеря для рядового и сержантского состава;

офлаги – лагеря для офицерского состава и др.

Лагеря военнопленных находились в подчинении верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) и главного командования сухопутных сил (ОКХ) в прифронтовой зоне.

The camp, located near the Kalinkovichi station, was led by a German named Gross, who treated the citizens held in the camp brutally.

In front of my eyes, Gross chopped the head of a citizen from the village of Dudichi with an iron stick.

Gross forced citizens to do backbreaking work. Those held in the camp were given 200 grams of bread per day and a cup of water. There were many cases when people died in the camp from illness, malnutrition and torture.

Work columns, battalions, companies and teams – formations created primarily on the defense line of German units forcibly from the civilian population to carry out household work and build defensive structures [1].

Civilian population camps – death camps without clear classification features [1].

POW camps. From the beginning of the war, in addition to the civilian population, the invaders began to massively imprison Soviet prisoners of war in the death camps.

POW camps were divided into:

dulags – transit camps;

shtalags – stationary camps for privates and sergeants;

oflags – camps for officers, etc.

В. В повседневных сообщениях и в заключительном отчете сообщать:

- а) сколько взято военнопленных и кому они переданы;
- б) Сколько мужчин, женщин и детей (моложе и старше 10 лет) переданы в приемные лагеря для отбора.
- в) Сколько мужчин, женщин и детей выселено и куда они поселены или должны быть поселены.

Начальники приемных лагерей сообщают военному командованию, сколько человек отправлено в рейх и сколько человек использовано на месте в мероприятиях военного значения. Должен быть составлен единый статистический материал по этому вопросу.

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 961
National archive of the Republic of Belarus. F. 1440. Op. 3. D. 961

Полученные в ходе следствия по уголовному делу о геноциде доказательства свидетельствуют о том, что вышеизложенная классификация является неполной. С учетом особенностей функционирования отдельных мест массового содержания и истребления людей на белорусской территории в годы оккупации необходимо выделить дополнительно детские лагеря смерти.

Детские лагеря смерти. В детских лагерях смерти содержались дети в возрасте от 2 до 16 лет, которые подвергались медицинским опытам, привлекались к изнурительному физическому труду, использовались в качестве доноров для немецких солдат вплоть до умерщвления. В этих же лагерях смерти производился отбор детей для направления в Германию для последующего онемечивания.

В январе 1943 года Гиммлер подписал приказ «Об обращении с бандитскими детьми», регламентирующий отбор подростков мужского и женского пола для немецких предприятий.

Обергруппенфюрер СС, генерал полиции Эрих фон дем Бах-Зелевски приказом от 1 сентября 1943 года, касающимся борьбы с партизанами, обязал, помимо прочего, собирать статистические данные о количестве детей в возрасте до 10 лет.

Детей в возрасте до 10 лет предполагалось онемечивать в специально созданных для этого лагерях и детских домах, созданных на территории Польши и Германии. Там дети проходили расовый отбор и «приучались к послушанию новой власти». Более старших детей планиро-

8. Report in the daily communications and in the final report:

- a) how many prisoners of war were taken and to whom they were transferred;
- b) how many of men, women and children (under and above 10 years of age) transferred to the reception camps for selection;
- c) how many men, women and children have been evicted and where they have been or are due to be settled.

The heads of the reception camps inform the military command how many people have been sent to the Reich and how many people have been used on the spot in military activities. Unified statistical material on this issue should be compiled.

Prisoner of war camps were subordinated to the High Command of the Wehrmacht and the High Command of the Ground Forces in the frontline zone.

Evidence obtained during the investigation of the criminal case on genocide indicates that the above classification is incomplete. In our opinion, taking into account the peculiarities of the functioning of individual places of mass detention and extermination of people on Belarusian territory during the years of occupation, it is necessary to allocate additional children's death camps.

Children's death camps. In the children's death camps, children aged 2 to 16 years were kept, who were subjected to medical experiments, were involved in exhausting physical labor, were used as donors for German soldiers until they were killed.

валось использовать на принудительных работах [8].

Установлены факты продажи немцами белорусских детей зажиточным крестьянам, помещикам и торговцам. Немецкие солдаты и офицеры продавали детей по пять марок за ребенка, при этом учитывались их красота и возраст. Оставшиеся в детских лагерях смерти дети жили в исключительно плохих условиях [9].

Великая Отечественная война стала демографической катастрофой для Беларуси. Перед войной в БССР, включая Белостокскую область, проживали свыше 4,3 миллиона детей в возрасте до 16 лет. Эвакуировать смогли только 14–15 %. Остальные остались на оккупированной территории и оказались вынужденными переносить все трудности оккупации.

По данным СНК БССР в Германию было угнано более 380 тысяч человек, из которых свыше 33 тысяч (8,3 %) – дети до 16 лет. К началу Великой Отечественной войны в школах Беларуси проходили обучение более 1,8 миллиона детей, а по состоянию на 5 октября 1944 года было зарегистрировано всего чуть свыше 1,2 миллиона детей. То есть численность учащихся сократилась более чем на 33 %. По предварительным подсчетам за 1941–1944 годы на территории Беларуси погибло более 166 тысяч несовершеннолетних, а сиротами остались свыше 138 тысяч человек.

Кроме этого, по подсчетам советских ученых в годы войны «не родилось» предположительно 35 % детей [8].

Как отмечалось выше, все перечисленные лагеря смерти, несмотря на отнесение их к различным типам, служили способом достижения нацистами главной цели геноцида – истребление населения Беларуси. При этом гитлеровцы в процессе реализации этой цели в полной мере кровавым способом осуществляли эксплуатацию белорусского населения и извлекали экономическую выгоду как для себя лично, так и для нужд вермахта.

В видах мест массового содержания и истребления людей отличался лишь временной промежуток, отведенный для уничтожения узников. В одних местах, например в концентрационных лагерях и лагерях уничтожения, это происходило в течение непродолжительного времени, в других же – смерть узников наступала несколько позже от холода, болезней, физического истощения, голода. При этом все

In the same death camps, children were selected to be sent to Germany for subsequent Germanization.

In January 1943, Himmler signed the order "On the treatment of bandit children", regulating the selection of male and female teenagers for German enterprises.

SS Obergruppenführer, Police General Erich von dem Bach-Zelewski, by order of September 1, 1943, concerning the fight against partisans, ordered, among other things, to collect statistical data on the number of children under the age of 10 years.

Children under the age of 10 were supposed to be Germanized in camps and orphanages specially created for this purpose, created on the territory of Poland and Germany. There, the children underwent racial selection and "accustomed to obedience to the new government". Older children were planned to be used for forced labor [8].

The facts of the sale of Belarusian children by the Germans to wealthy peasants, landowners and merchants have been established. German soldiers and officers sold children for five marks per child, taking into account their beauty and age. The children who remained in the children's death camps lived in extremely poor conditions [9].

The Great Patriotic War became a demographic catastrophe for Belarus. Before the war, over 4.3 million children under the age of 16 lived in the BSSR, including the Bialystok region. Only 14–15 % have been evacuated. The rest remained in the occupied territory and were forced to endure all the hardships of the occupation.

According to the Council of People's Commissars of the BSSR, over 380 thousand people were driven to Germany, of which over 33 thousand (8.3 %) were children under 16 years old. At the beginning of the Great Patriotic War, more than 1.8 million children were studying in Belarusian schools, and as of October 5, 1944, just over 1.2 million children were registered. In other words, the number of students decreased by more than 33 %. According to preliminary estimates for 1941–1944, more than 166 thousand minors died on the territory of Belarus, and more than 138 thousand people remained orphans.

In addition, according to Soviet scientists, during the war years, supposedly 35 % of children "were not born" [8].

As noted above, all of the listed death camps, despite being assigned to different types, served as means for the Nazis to achieve the main goal of

лагеря смерти характеризовались рядом общих черт:

– непригодными условиями проживания: узники содержались в помещениях, не приспособленных для жизни человека, таких как бараки, сараи, землянки. В них отсутствовали отопление и освещение, санитарные помещения, водоснабжение. Заключенным не оказывалась медицинская помощь, больные люди не изолировались от здоровых, что приводило к вспышкам инфекционных заболеваний;

– способами истребления: узники умерщвлялись путем расстрелов, виселиц, избиений и пыток, посредством «душегубок», изнурительного физического труда, насильственной эксплуатации, преднамеренного заражения опасными инфекционными заболеваниями и т. д.;

– отсутствием питания: узников либо не кормили, либо давали в качестве еды невозможные для употребления продукты: 100–200 грамм хлеба, состоящего в большей степени из древесных опилок, а также незначительное количество супа-баланды из испорченных продуктов, например гнилой капусты или картофельных очисток;

– составом администрации и охраны: управление и охрана таких мест осуществлялись регулярными войсками, полицейскими и коллаборационистскими формированиями.

genocide – the extermination of the population of Belarus. At the same time, the Nazis, in the process of implementation of this goal, fully murderously exploited the Belarusian population and derived economic benefits either for themselves personally or for the needs of the Wehrmacht.

In the types of places of mass detention and extermination of people, only the time period allotted for the destruction of prisoners differed. In some places, such as concentration camps and extermination camps, this happened for a short time. In others, the death of prisoners came a little later from cold, illness, physical exhaustion, hunger. At the same time, all death camps were characterized by a number of common features:

– unsuitable living conditions: prisoners were kept in premises unsuitable for human life, such as barracks, sheds, dugouts. They lacked heating and lighting, sanitary facilities, and water supply. Prisoners were not provided with medical care, sick people were not isolated from healthy people, which led to outbreaks of infectious diseases;

– methods of extermination: prisoners were killed by executions, gallows, beatings and torture, by means of "gas chambers", exhausting physical labor, forced exploitation, deliberate infection with dangerous infectious diseases, etc.;

– lack of food: the prisoners were either not fed, or given food that was impossible to eat: 100–200 grams of bread, consisting mostly of sawdust, as well as a small amount of soup-balanda from bad food, such as rotten cabbage or potato cleanings;

– the composition of the administration and protection: the management and protection of such places was carried out by regular troops, police and collaborationist formations.

СПОСОБЫ ИСТРЕБЛЕНИЯ НАЦИСТАМИ УЗНИКОВ ЛАГЕРЕЙ СМЕРТИ

«Душегубки». В отличие от лагерей смерти за пределами СССР, в таких местах на оккупированных советских территориях, в том числе и в БССР, нацисты не создавали стационарных газовых камер. В первую очередь это было связано с близостью фронта и логистическими проблемами в организации истребления, а также возможностью использования местных коллаборационистов для убийств [6, с. 114].

Тем не менее вместо них использовались так называемые «душегубки», действовавшие в Малом Тростенце, Колдычево, тюрьме г. Могилева и ряде других мест массового истребления. Посредством «душегубок» оккупационными властями уничтожались не только узники концлагерей, но и местное население.

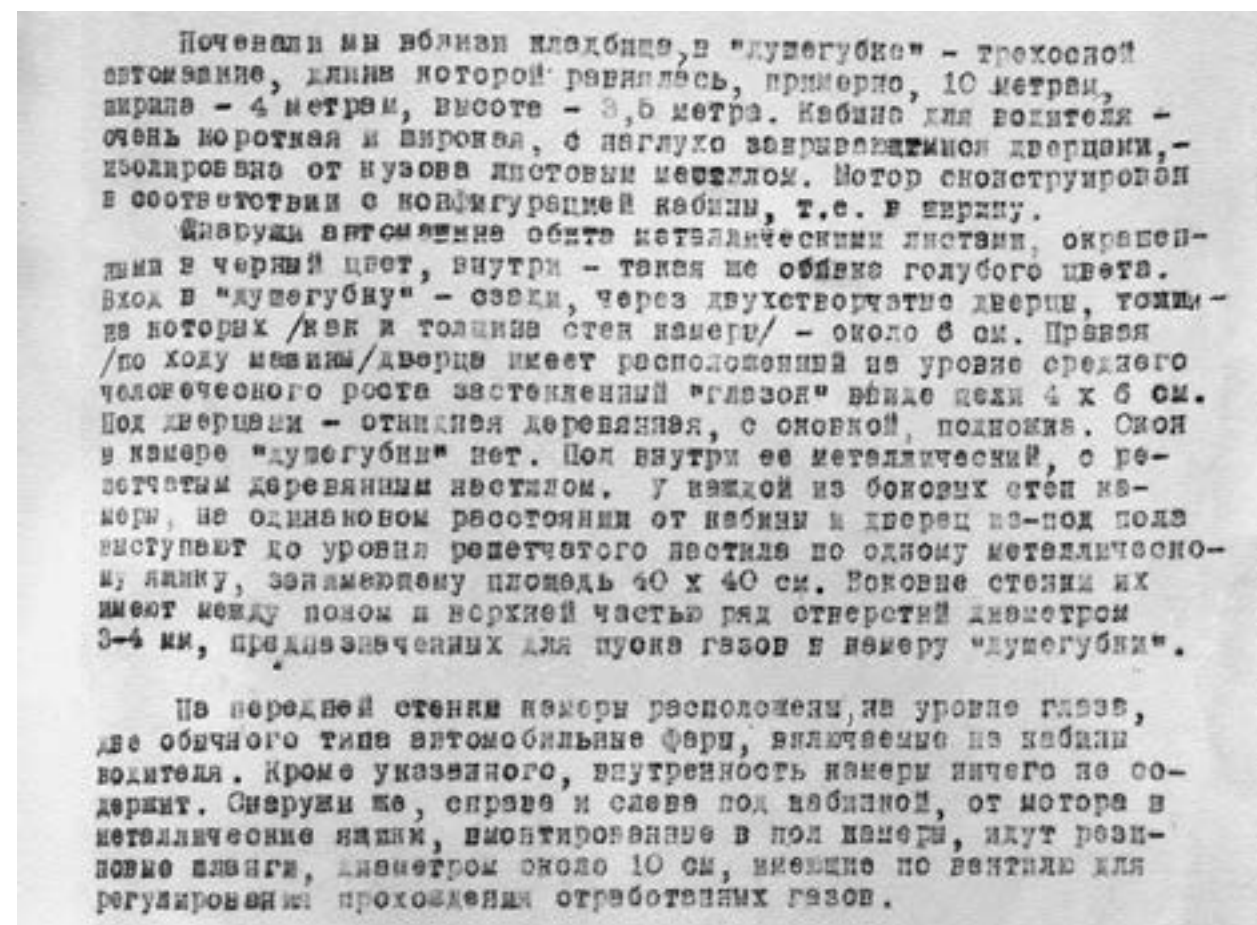
Вот как описывает устройство «душегубки» С.И. Пилунов.

MEANS OF EXTERMINATION BY THE NAZIS OF PRISONERS OF DEATH CAMPS

"Gas chambers". Unlike death camps outside the USSR, in such places on the occupied Soviet territories, including the BSSR, the Nazis did not create stationary gas chambers. This was primarily due to the proximity of the front and logistical problems in organization of the extermination, as well as the possibility of using local collaborators for the killings [6, p. 114].

Nevertheless, instead of them, the so-called "gas chambers" were used, which operated in Maly Trostenets, Koldychevo, the Mogilev prison and a number of other places of mass extermination. By means of "gas chambers" the occupying authorities destroyed not only the prisoners of concentration camps, but also the local population.

Here is how S. Pilunov describes the device of the "gas chamber".

Заявление С.И. Пилунова. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 8. Л. 211–220
Statement by S. Pilunov. National archive of the Republic of Belarus. F. 1450. Op. 2. D. 8. L. 211–220

We spent the night near the cemetery in a "gas chamber" – a three-axle car, which was about 10 metres long, 4 metres wide and 3.5 metres high. The driver's cab is very short and wide, with tightly closing doors, insulated from the body by sheet metal. The motor is designed according to the cab configuration, i.e. wide.

Outside, the car is upholstered with metal sheets painted black, inside – the same blue upholstery. The entrance to the "gas chamber" is from behind, through double doors, the thickness of which, like the thickness of the walls of the chamber, is about 6 cm. The door on the right in the direction of the machine has a glazed "peephole" – in the form of a 4×6 cm slit, located at the level of average human height. Under the doors is a hinged, pinned wooden step. There are no windows in the "gas chamber". The floor inside is metal, with a lattice wooden planking. At the same distance from the cab and the doors, one metal box (40×40 cm) protrudes from under the floor on each side of the cell to the level of the lattice floor. Their side walls have between the floor and the upper part a series of holes with a diameter of 3–4 mm, designed to release gases into the "gas chamber".

On the front wall of the camera are located at eye level two conventional type of car headlights, which are switched on from the driver's cab. Apart from the above, the interior of the camera contains nothing. Outside, rubber hoses of about 10 cm in diameter, each with a valve to regulate the passage of exhaust gases, run from the engine to the right and left under the cab to metal boxes embedded in the floor of the chamber.

Допрошенная по уголовному делу А.В. Громова сообщила об известных ей фактах убийства мирных жителей с использованием «душегубки»: «Я могу рассказать о тех фактах, которые я лицезрела, когда жила в этом районе – район Лебавский городок, улица Куйбышева теперешняя, а тогда она была улица Немецкая.

Interrogated in the criminal case A. Gromova reported on the facts known to her of the murder of civilians with application of "gas chamber": "I can tell you about the facts that I saw when I lived in this area – the Lebavsky Gorodok district, Kuibysheva Street is now located on that place, and then it was Nemetskaya Street.

Уголовное дело № 21028030022 по факту геноцида населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Кадр из видеозаписи допроса А.В. Громовой
Criminal case No. 21028030022 on the fact of the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. A frame from the video recording of the interrogation of A. Gromova

В конторе леспромхоза было гестапо. Когда немцы заняли город, то они расположились в этом большом доме.

К гестапо, я сама видела, будучи ребенком, и мама мне подсказывала, подъезжала раза 2 в неделю машина «душегубка», так мама ее называла, говорила, вот приехала «душегубка». Машина была крытая и торчала труба такая небольшая оттуда. Из этой трубы шел не то пар, не то дымок. Машина эта заезжала во двор этого леспромхоза, и к утру этой машины уже не было. С этой машины четко слышались людские стоны. Мы знали, что там люди. То есть немцы вылавливали, видимо, на рынках в городе людей, привозили в гестапо, что они дальше делали, я не знаю, может быть, они просто умирали там, но к утру машина эта исчезала. Вот это вот было на протяжении двух лет, пока мы там жили и видели все это.

Вопрос: Расскажите про машину «душегубку», это грузовой автомобиль?

Ответ: Небольшая такая будка, цвет темный, под коричневый, под черный. Она была вся закрытая и из нее, из серединки, небольшая труба была. И мне мама говорила, смотри дочка, «душегубка» опять приехала. Это мы видели, потому что дети постоянно на улице бегали. Она подъезжала, ворота открывались, она сразу туда во двор заезжала и какое-то время там стояла. Но утром этой «душегубки» уже не было. Наверное, люди умирали, но стоны мы слышали. Это были явно выраженные людские стоны, значит, там были люди. Мама мне говорила, что больше всего людей вылавливали в базарные дни, то есть суббота и воскресенье. В основном вылавливали евреев, цыган, еще кого-то» [10].

Истребление посредством газа нацисты оценивали как «эффективную замену» массовым расстрелам как с точки зрения высокой скорости умерщвления жертв, так и с позиции «гуманности» к карателям, которым этот способ причинял меньше «переживаний».

Истребление людей голодом. Распространенная нацистами на оккупированных советских территориях политика голода имела место и в концентрационных лагерях. Она являлась важным инструментом власти над узниками, средством деморализации заключенных, которое лишало их сил к сопротивлению.

Изначально в официальных нацистских документах значилось, что узники должны были получать недельный рацион, состоящий из

The Gestapo was in the Lespromkhoz office. When the Germans occupied the city, they settled in this big house.

I saw the Gestapo myself, as a child, and my mother told me, a "gas chamber" car came 2 times a week, as my mother called it, she said that a "gas chamber" arrived. The car was covered and a small pipe stuck out from there. Steam or smoke was coming out of this chimney. This car drove into the yard of this Lespromkhoz, and by morning this car was gone. From this machine, human groans were clearly heard. We knew there were people there. In other words, the Germans apparently caught people in the markets in the city, brought them to the Gestapo, what they did next, I don't know, maybe they just died there, but by the morning this car disappeared. That continued to occur for the period of two years, while we lived there and saw it all.

Question: Tell us about the gas chamber, is it a truck?

Answer: Such a small box, the color is dark, brown, black. It was all closed and from it, from the middle, there was a small pipe. And my mother told me, look, daughter, the "gas chamber" has arrived again. We saw this because the children were constantly running on the street. It came, the gates opened, she immediately drove into the courtyard and stood there for some time. But in the morning this "gas chamber" was no longer there. Probably, people were dying, but we heard groans. These were clearly expressed human groans, so there were people. Mom told me that most people were caught on market days, that is, Saturday and Sunday. Mostly they caught Jews, Gypsies, and someone else" [10].

Extermination by means of gas was assessed by the Nazis as an "effective replacement" for mass executions, both in terms of the high rate of killing of victims, and from the position of "humanity" to the punishers, to whom this method caused less "stress".

Extermination of people by starvation. The policy of starvation spread by the Nazis in the occupied Soviet territories also took place in the concentration camps. It was an important instrument of power over the prisoners, a means of demoralization of the prisoners, which deprived them of the strength to resist.

Initially, official Nazi documents indicated that prisoners were to receive a weekly ration of 400 grams of meat or meat products, 200 grams of fat in the form of margarine, rendered pork fat or lard, 100 grams of cottage cheese or 50 grams of low-fat cheese, 2,740 grams of bread, 80 grams of sug-

400 грамм мяса или мясных продуктов, 200 грамм жира в виде маргарина, смальца или сала, 100 грамм творога или 50 грамм нежирного сыра, 2740 грамм хлеба, 80 грамм сахара, 100 грамм мармелада, 150 грамм крупы, 225 грамм муки, 84 грамма заменителя кофе, картофеля и овощей. заключенным, которые работали на физически тяжелых работах, в ночную смену или свыше девяти часов, полагался увеличенный паек.

В 1942 году документально и этот рацион заключенного концлагеря уменьшился: недельная порция мяса составила 280 грамм, жира – 170 грамм, хлеба – 2450 грамм, муки – 125 грамм, заменителя кофе – 63 грамма. Сокращение официального рациона продолжалось и далее: в 1943 году работающие узники в неделю получали 2,8 кг картофеля вместо 5 кг, неработающие — 1,05 кг вместо 1,75 кг.

Однако реальность несопоставима с официальными документами нацистов. Продукты питания, даже в случае поставки на лагерные склады, разворовывались администрацией и охраной. Многие узники не получали даже минимального лагерного пайка [6, с. 212–213].

Из материалов уголовного дела о геноциде белорусского народа следует, что в Гродненском гетто ежедневный рацион составлял 200 грамм хлеба, несколько картофелин, иногда кусочек конины.

Паек для советских военнопленных в страшную зиму 1941–1942 годов составлял 100–150 грамм хлеба и 50 грамм пшена в сутки, а иногда (раз в неделю) 10 грамм несортového мяса, как правило, конины, либо внутренности убитого скота. Причем «русский хлеб» лишь наполовину, а чаще и того меньше, состоял из полноценной ржаной муки. В него добавляли опилки, листья деревьев, другие примеси. Пленные раз в сутки получали баланду – похлебку из очисток картофеля, гнилой или мерзлой капусты, свеклы.

Такой рацион убивал не хуже пули. Узники существовали за счет резервов своего организма и могли жить до тех пор, пока не доходили до крайней степени истощения, а затем погибали [3].

Истребление людей трудом. Идеология, нацеленная на истребление расовых и политических врагов, являлась важнейшим фактором, определявшим решения руководства Третьего рейха. Вместе с тем экономическая выгода была для

ar, 100 grams of marmalade, 150 grams of cereals, 225 grams of flour, 84 grams of coffee substitute, potatoes and vegetables. Prisoners who worked in physically demanding jobs, on the night shift or over nine hours, were entitled to increased rations.

In 1942, this diet of a concentration camp prisoner was also documented: the weekly portion of meat was 280 grams, fat 170 grams, bread 2,450 grams, flour 125 grams, coffee substitute 63 grams. The reduction in the official ration continued further: in 1943, working prisoners received 2.8 kg of potatoes a week instead of 5 kg, non-working prisoners – 1.05 kg instead of 1.75 kg.

However, the reality is not comparable with the official documents of the Nazis. Food products, even in the case of delivery to the camp warehouses, were plundered by the administration and guards. Many prisoners did not receive even the minimum camp ration [6, p. 212–213].

From the materials of the criminal case on the genocide of the Belarusian people, it follows that in the Grodno ghetto the daily ration was 200 grams of bread, a few potatoes, and sometimes a piece of horsemeat.

The ration for Soviet prisoners of war in the terrible winter of 1941–1942 was 100–150 grams of bread and 50 grams of millet per day, and sometimes (once a week) 10 grams of grade-out meat, usually horse meat, or the intestines of dead cattle. Moreover, "Russian bread" only by half, and often even less, consisted of full-fledged rye flour. Sawdust, tree leaves, and other impurities were added to it. Once a day, prisoners received a soup – a stew made from peeling potatoes, rotten or frozen cabbage, and beets.

Such a diet killed no less than a bullet. Prisoners existed due to the reserves of their bodies and could live until they reached the state of an extreme degree of exhaustion, and then died [3].

Extermination of people by labor. An ideology, aimed at the extermination of racial and political enemies was the most important factor in determining the decisions of the leadership of the Third Reich. At the same time, the economic benefit was no less significant for the Nazis. The concentration camps showed a characteristic example in which ideological ideas and economic plans were combined. The functions of extermination and exploitation of prisoners are closely interconnected, and each of them became dominant at a certain stage in the development of the entire system or in a separate death camp [6, p. 232].

нацистов не менее значимой. Концентрационные лагеря демонстрировали характерный пример, в котором объединялись идеологические представления и экономические планы. Функции истребления и эксплуатации заключенных были самым тесным образом взаимосвязаны, и каждая из них становилась главенствующей на определенном этапе развития всей системы или в отдельном лагере смерти [6, с. 232].

Со временем в силу объективных потребностей нацистской экономики в рабочей силе стал возобладать утилитарный подход. Эксплуатация узников лагерей смерти осуществлялась нацистами при повседневном обслуживании лагеря смерти, на промышленных предприятиях, в сельском хозяйстве и при выполнении иных работ.

В начале 1941 года ИГ «Фарбениндустри» и АГ «Штайр-Даймлер-Пух» инициировали создание основанных на использовании труда заключенных предприятий поблизости от Аушвица и Маутхаузена. Если в 1941 году нацистское руководство все еще планировало использовать узников в строительных проектах по переустройству завоеванного пространства на Востоке, то начиная с 1942 года от этих намерений отказалось, и заключенные были направлены на обеспечение фронта [6, с. 98].

В апреле 1942 года начальник главного административно-хозяйственного управления войск СС обергруппенфюрер СС, генерал войск СС Поль подписал приказ, в соответствии с которым возложил персональную ответственность за высокую производительность хозяйственных предприятий в районе действия концентрационного лагеря на коменданта. Вместе с тем все пункты этого приказа преследовали единственную цель – истребление находящихся в них людей.

Over time, due to the objective needs of the Nazi economy, a utilitarian approach prevailed in the labor force. The exploitation of the prisoners of the death camps was carried out by the Nazis in the daily maintenance of the death camp, in industrial enterprises, in agriculture and in the performance of other works.

At the beginning of 1941, the Farben industry IG and the Steyr-Daimler-Puch AG initiated the creation of enterprises based on the use of prisoner labor in the vicinity of Auschwitz and Mauthausen. In 1941 the Nazi leadership still planned to use prisoners in construction projects to reorganize the conquered space in the East, then starting from 1942, these intentions were abandoned and the prisoners were sent for maintenance of front [6, p. 98].

In April 1942, the head of the Main Administrative and Economic Department of the SS troops, SS Obergruppenführer, General of the SS Troops Поль signed an order, according to which he placed the commandant personally responsible for the high productivity of economic enterprises in the concentration camp area. At the same time, all the clauses of this order pursued a single goal – the extermination of the people in camps.

In the summer of 1942, special positions were created in the SS responsible for organization of cost-effective activities. Departments responsible for the organization of labor appeared in the administration of concentration camps. It was decided to hand over the prisoners to enterprises "for hire". The number of prisoners in concentration camps during the war was constantly growing: in September 1942 – 203 thousand, in August 1943 – 224 thousand, in August 1944 – 524 thousand. Most of them were Soviet prisoners who were forcibly taken to work in the Third Reich [6, p. 100].

Начальник Главного
Административно-Хозяйственного Управления
войск "СС"

Берлин
30 апреля 1942 года

Разослано: Начальнику отдела Д-Управления
Всем комендантам лагерей
Всем директорам заводов
Всем хозяйственным управлениям

П Р И К А З

Директивы и наставления, которые были даны комендантам лагерей и директорам заводов на совещании от 24 и 25 апреля 1942 года, излагаются при этом в виде приказа, вступающего в силу с 1 мая 1942 года.

1.Руководство концентрационным лагерем и всеми находящимися в районе его действия хозяйственными предприятиями охранного отряда осуществляет комендант лагеря. Поэтому он один несет ответственность за высокую производительность хозяйственных предприятий.

2.Комендант лагеря при осуществлении руководства над хозяйственными предприятиями прибегает к помощи директора завода. Директор завода должен докладывать коменданту лагеря о наличии опасений или недостатков производственного и хозяйственного порядка при выполнении распоряжений коменданта лагеря.

3.Эта служебная обязанность возлагает также ответственность на директора завода за производственные и хозяйственные ущербы и неудачи.

4.Комендант лагеря только один отвечает за использование рабочей силы. Это использование должно быть исчерпывающим в полном смысле этого слова, чтобы достигнуть максимум производительности.

Предоставление работы производится только централизованно через начальника отдела Д-Управления. Сами коменданты лагерей не имеют права по собственному усмотрению принимать работы от третьей стороны или вести переговоры по этому вопросу.

5.Рабочее время не связано никакими ограничениями. Его продолжительность зависит от производственной структуры лагеря и от рода выполняемой работы и определяется только самим комендантом лагеря.

6.Все обстоятельства, могущие уменьшить рабочее время, (обеда, переключки и т.п.) следует поэтому сокращать до минимума. Запрещаются переходы и перерывы на обед только с целью питания, отнимающие излишнее время.

7.Охрану освободить от установленной застывшей работы и, учитывая позднейшие мирные задачи, сделать постепенно подвижной. Следует распространить верховые посты, применение сторожевых собак, подвижные волеуверительные вышки и подвижные препятствия.

8.Выполнение этого приказа ставит перед каждым комендантом лагеря более высокие требования чем до сих пор. Ввиду того, что едва-ли имеется лагерь похожий один на другой, не следует обращать внимания на уравнилельные предписания. В этом отношении вся инициатива возлагается на коменданта лагеря. Он должен обладать специальными познаниями в военных и хозяйственных вопросах, равно как уметь мудро руководить группами людей, которые он должен объединить для получения высокого производственного потенциала.

Подпись : ПОЛЬ

Обергруппенфюрер СС-генерал войск "СС"

БЕРНЮ:

ШИЛЕР - Оберштурмфюрер СС-адъютант

ПЕРЕВЕЛА: Военный переводчик
ст. лейтенант

(СТЕСИУВА)

Translation from German

Head of the Main-Office
Economics and Administration of the Waffen-SS

Berlin
April 30, 1942

Sent out: Head of the D-management Department
All camp commandants
All factory directors
All economic departments

WARRANT

The directives and instructions that were given to the camp commandants and factory directors at the meeting of April 24 and 25, 1942, are set out below in the form of warrant, effective from May 1, 1942.

1. The management of the concentration camp and all the economic enterprises of the guard unit within its area is the responsibility of the Commandant of the camp. He is therefore solely responsible for the high productivity of the economic enterprises.

2. The camp commandant resorts to the help of the factory director when exercising leadership over economic enterprises. The factory director must report to the camp commandant if there are concerns or shortcomings in the production and economic order in the execution of the camp commandant's orders.

3. This official duty also makes the factory director responsible for production and economic damage and shortcomings.

4. The camp commandant alone is responsible for the use of manpower. This use must be exhaustive in the full sense of the word in order to achieve maximum productivity.

The provision of work is carried out only centrally through the head of the D-management department. The provision of work is carried out only centrally through the head of the D-management department.

5. Working hours are not subject to any restrictions. Its duration depends on the production structure of the camp and on the type of work performed and is determined only by the camp commandant himself.

6. All circumstances that could reduce working time (dinners, roll calls, etc.) should therefore be reduced to a minimum. Transitions and lunch breaks for the purpose of eating, taking up unnecessary time, are prohibited.

7. The guards should be relieved of their fixed work and, taking into account the later peaceful tasks, gradually make them mobile. The use of horse-drawn posts, the use of guard dogs, mobile observation towers and mobile obstacles should be extended.

8. The implementation of this decree places higher demands on each camp commandant than has been the case up to now. As there are hardly any identical camps, regulations that are equally binding for all should be dispensed with. In this respect the whole initiative rests with the camp commandant. He should have special knowledge of military and economic matters as well as the ability to wisely lead the groups of people he has to unite to obtain a high productive potential.

Signature: Paul
Obergruppenführer SS-General of the Waffen-SS

CORRECT:

SCHILLER – SS-Obersturmführer SS-Adjutant
Translate: Military translator
senior lieutenant

(STESNOVA)

Летом 1942 года в СС были созданы специальные должности, отвечающие за организацию экономически эффективной деятельности. В администрации концентрационных лагерей появились отделы, отвечающие за организацию труда. Было принято решение о сдаче узников предприятиям «внаем». Количество узников в концентрационных лагерях во время войны постоянно росло: в сентябре 1942 года — 203 тысячи, в августе 1943 года — 224 тысячи, в августе 1944 года — 524 тысячи. Большую часть составили советские узники, принудительно угнанные в Третий рейх на работу [6, с. 100].

Обращает на себя внимание тот факт, что фашисты прямо говорили о сортировке мирного населения, часть из которого подлежала истреблению на месте, а часть использованию в качестве рабов.

Attention is drawn to the fact that the Nazis spoke directly on the sorting of the civilian population, some of which were subject to extermination on the spot, and some to be used as slaves.

From the transcript of the trial on the case of the atrocities committed by Nazi criminals in the Byelorussian SSR: "... *The Nazi invaders carried out a mass deportation of peaceful Soviet citizens and prisoners of war for slave labor in Germany, and this was carried out by such methods that during their stay in the camps and transportation to Germany killed tens of thousands of Soviet people. Most of the prisoners taken to Germany were exhausted and sick from excessive hard work, after which they were exterminated...*" [11].

Also, during the investigation of the criminal case, the fact of poisoning has been established on

Перевод с немецкого

СЕКРЕТНО I

Полевая комендатура /У/ 194
группа Верфеля/ Дня 15 июня 1944.

_____

_____

Тема: Захват местного населения.

Основание: 1/ _____

_____

2/ _____

3/ _____

**По соглашению с окружным командованием и рабочим
с отделом-Цинска полевым комендатурам провести тщательный
захват и уничтожение следующим образом:**

1. Так как захват населения по опискам до сих пор не проважен, рабочим отделам необходимо в ближайшее время этим заняться. Это касается полевой комендатуры западной части района Пинска, потому что он находится между железной дорогой и р. Ясельдой. Также должны быть приготовлены в ближайшие дни списки для района Янова между железной дорогой и р. Ясельдой /исключая г. Янов/. При приготовлении списков окружное командование, рабочий отдел и сельскохозяйственный отдел должны выделить из списков для истребления на основании пункта I _____, потребную для них рабочую силу. Пропуска, которые в ближайшее время будут присланы в окружное командование,

должны быть заполнены окружным командованием совместно с рабочим отделом. Оставшаяся часть населения должна быть истреблена. После соглашения окружного командования с рабочим отделом, карательным отрядам будет указано время исполнения.

2. Истребление будет проведено в присутствии представителей рабочего отдела, окружного командования, районных бургомистров и старост. Комендатуры должны выделить охрану для истребительной комиссии на время проведения истребления. Истребление должно проходить с севера на юг, начиная с деревень южнее р. Ясельда. Истребление провести в боевом порядке с расчетом одновременного охвата двух-трех деревень. Чтобы не допустить ухода людей в леса, необходимо назначенные места перед утром окружить и с наступлением дня провести истребление. Одновременно представители рабочего отдела и окружного командования должны вручить выделенным лицам пропуска. Все люди, назначенные рабочим отделом и окружным командованием, а также полевой и местными комендатурами, направляются транспортом под охраной на сборные пункты Пинска и Янова. В Логишинском районе

делить охрану для истребительной комиссии на время проведения истребления. Истребление должно проходить с севера на юг, начиная с деревень южнее р. Ясельда. Истребление провести в боевом порядке с расчетом одновременного охвата двух-трех деревень. Чтобы не допустить ухода людей в леса, необходимо назначенные места перед утром окружить и с наступлением дня провести истребление. Одновременно представители рабочего отдела и окружного командования должны вручить выделенным лицам пропуска. Все люди, назначенные рабочим отделом и окружным командованием, а также полевой и местными комендатурами, направляются транспортом под охраной на сборные пункты Пинска и Янова. В Логишинском районе подвергаются пунктам I и 2 данного приказа только населенные пункты Логишин, Погост Загородский, Камень и Поречье.

3. Остальные населенные пункты Логишинского района - Чухово, Вотово и Новый Двор около Погоста,

ввиду влияния на них бандитов, должны быть сильнее охраняемы и также следуют пунктам I, 2 или 3 данного приказа. Также подвергаются данному приказу Телеханы, Кралевичи и Сзаричи. В этом округе уже _____ и работоспособные не отпускаются. Из работоспособных семейств и неработоспособных работоспособные лица должны быть отделены. Работоспособной семьей считается та семья, где число работоспособных на 2 больше числа неработоспособных. Дети от 10 лет считаются как работоспособные. К одной семье принадлежат: прадеды, деды, родители и дети, а также дяди, тетки и др., если они работоспособны. Все _____ и работоспособными считаются мужчины в возрасте от 14 до 55 включительно и женщины от 14 до 50 лет. В районах, где находятся бандиты, работоспособные должны охраняться особыми частями.

Этот приказ должен автоматически привести в исполнение без всяких обсуждений. Целесообразно было бы, если бы комендатура приготовила транспорт для отправки людей на сборные пункты.

В районах, которые находятся под влиянием бандитов, работоспособные лица и семьи должны быть немедленно доставлены в комендатуру и затем отправлены на сборные пункты.

Схема донесения.

А/ ..... пленных бандитов и перебежчиков.
Б/ ..... захваченных, подозреваемых в связи с бандитами.

Российский государственный архив социально-политической истории.
Ф. 625. Оп. 2. Д. 52. Л. 213-216
Russian State Archive of Social and Political History. F. 625. Op. 2. D. 52. L. 213-216

CONFIDENTIAL

Field commandant's office / u / 194
/ Werfel group/ _____

Day 15 June 1944

Theme: Capturing the local population.

Foundation: 1/ _____
2/ _____
3/ _____

In agreement with the District Command and the Pinsk Work Department, the Field Commanders shall carry out a thorough capture and extermination in the following manner:

1. Since the capture of the population according to the lists has not yet occurred, the Work Department need to deal with this in the near future. This concerns the field commandant's office in the western part of the Pinsk region, because it is located between the railway and the Yaselda River. Also, lists for the Yanov region between the railway and the Yaselda River /excluding the city of Yanov / should be prepared in the coming days. In preparing the lists, the District Command, the Work Department and the Agricultural Department must allocate from the extermination lists, on the basis of paragraph 1____, the labor force required for them. The passes, which will soon be sent to the district command, must be filled in by the district command together with the Work Department. The rest of the population must be exterminated. After the agreement of the district command with the work departments, the execution time will be indicated to the punitive detachments.

2. The extermination will be carried out in the presence of representatives of the working department, district command, district burgomasters and headmen. The commandant's office must provide guards for the extermination commission for the duration of the extermination. The extermination is to take place from north to south, starting with the villages south of the Yaselda River. The extermination is to be carried out in battle order, with the expectation of covering two or three villages at a time. In order to prevent people from going into the forests, the designated areas must be surrounded before morning and carry out extermination at the onset of the day. At the same time, representatives of the Work Department and the district command must hand out passes to the assigned persons. All people assigned by the Workers' Department and the district command, as well as the field and local commandant's offices, are sent by transport under guard to the assembly points in Pinsk and Yanov. In the Logishin district provide guards for the extermination commission for the duration of the extermination. The extermination is to take place from north to south, starting with the villages south of the Yaselda River. The extermination is to be carried out in battle order, with the expectation of covering two or three villages at a time. In order to prevent people from going into the forests, the designated areas must be surrounded before morning and carry out extermination at the onset of the day. At the same time, representatives of the Work Department and the district command must hand out passes to the assigned persons. All people assigned by the Workers' Department and the district command, as well as the field and local commandant's offices, are sent by transport under guard to the assembly points in Pinsk and Yanov. In the Logishin district, only the settlements of Logishin, Pogost Zagorodski, Kamen and Porechye are subject to paragraphs 1 and 2 of this order.

3. The remaining settlements of the Logishin district are Chukhovo, Votovo and Novy Dvor near Pogost, should be better protected and also follow points 1, 2 or 3 of this order due to the influence of bandits on them. Telehany, Kralevichi and Ozarichi are also subject to this order. In this district _____ and the able-bodied are not released. From able-bodied families and

non-workable families, able-bodied persons should be separated. An able-bodied family is the family where the number of able-bodied is 2 more than the number of incapacitated. Children aged 10 and over are counted as able-bodied. To one family belong: great-grandfathers, grandfathers, parents and children, as well as uncles, aunts and others, if they are able-bodied. All _____ and able-bodied are considered men aged 14 to 55 inclusive and women aged 14 to 50 years. The able-bodied are to be guarded by special units in areas where bandits are present.

This order should be automatically enforced without any discussion. It would be advisable if the commandant's office prepared transport to send people to assembly points.

In areas that are under the influence of bandits, able-bodied persons and families should be taken immediately to the commandant's office and then sent to assembly points.

Reporting scheme

A/ ..... captured bandits and defectors.

B/ ..... captured, suspected in connection with the bandits.

Из стенограммы судебного процесса по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими преступниками в Белорусской ССР: «...Гитлеровские захватчики проводили массовый угон мирных советских граждан и военнопленных на рабский труд в Германию, причем это проводилось такими методами, что за время нахождения в лагерях и транспортировки в Германию гибли десятки тысяч советских людей. Большая часть вывезенных в Германию заключенных от непосильного тяжелого труда истощалась и заболела, после чего подвергалась истреблению...» [11].

В ходе расследования уголовного дела установлен также факт отравления 25 сентября 1943 года супом двух эшелонов принудительно эвакуированных лиц в г. Оршу.

September 25, 1943 with soup of two convoys of forcibly evacuated persons in the city of Orsha.

From the testimonies of the victim K. Zarembo, provided by her during the investigation of the criminal case on the genocide, it follows that there were two death camps in the city of Orsha. Prisoners, including children, were subjected to medical experiments.

In the Koldychevo death camp, prisoners of various specializations worked in shops and workshops. In turn, the concentration camp near Minsk even was officially named "Trostenets household". It was located on the territory of the former state farm named after Karl Marx and provided food for the occupiers in Minsk. For these purposes, the prisoners were exploited at agricultural works, used for cattle breeding. Various workshops and even a

16 октября 1943.

Товарищам: СТАЛИНУ И.В.
МОЛОТОВУ В.М.
МАЛЕНКОВУ Г.М.
АНДРЕЕВУ А.А.
БЕРИЯ Л.П.
ШВЕРНИКУ Н.М.
ШЕРБАКОВУ А.С.

Данными партизанской разведки на 11-е октября 1943 года установлено, что часть населения, эвакуированного немцами из города Орша, перевозится в душегубках и отравляется. Известно, что таким путем отравлено 120 человек.

Установлено также, что 25.9.1943 года в Орше немцами отравлено супом два эшелона беженцев, повидимому, насильно утманенных противником из освобожденных Красной Армией районов.

Сообщениями трех комендиров партизанских отрядов от 5.10.43г. установлен факт отравления в Кожаново (30 км ю.з. Орша) трех эшелонов гражданского населения, предназначавшегося для отправки на работы в Германию. Этот факт подтверждается показаниями местных жителей, которые принимали участие в погребении трупов отравленных.

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 69. Оп. 2. Д. 22. Л. 136
Russian State Archive of Social and Political History. F. 69. Op. 2. D. 22. L. 136

October 16, 1943

To comrades: STALIN I.V.
MOLOTOV V.M.
MALENKOV G.M.
ANDREYEV A.A.
BERIA L.P.
SHVERNIK N.M.
SHERBAKOV A.S.

As of October 11, 1943, partisan intelligence data established that part of the population evacuated by the Germans from Orsha were being transported in gas chambers and sent off. It is known that 120 people were sent in this way.

It was also established that on September 25, 1943, in Orsha, the Germans poisoned two echelons of refugees with soup, apparently forcibly driven by the enemy from the areas liberated by the Red Army.

The reports of three commanders of partisan detachments dated 5.10.43 established the fact of poisoning in Kожаново (30 km southwest of Orsha) of three echelons of the civilian population, destined to be sent to work in Germany. This fact is confirmed by the testimony of local residents who took part in the burial of the corpses of the poisoned people.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Кадр из видеозаписи допроса потерпевшей К.И. Заремба
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. A frame from the video recording of the interrogation of the victim K. Zarembo

Из показаний потерпевшей К.И. Заремба, данных ею в ходе расследования уголовного дела о геноциде, следует, что в г. Орше было два лагеря смерти. Над заключенными, в том числе и детьми, проводились медицинские опыты.

small asphalt plant functioned in the death camp, which served the construction of the Minsk – Mogilev road.

By 1944, the household had 127 cattle, 132 pigs, 70 horses, 300 sheep, and poultry.

В г. Орше было 2 лагеря, один для гражданских людей, а второй для военных. Она находилась в гражданском лагере.

Лагерь был окружен четырьмя рядами проволоки, а также оборудован четырьмя вышками. Кормили посейкой от овса и давали немного хлеба. Пить разрешали брать из речки под конвоем ведро воды на семью. Имелась конюшня, в которой все ночевали. Было много вшей.

Не были оборудованы спальные места, было полное отсутствие гигиены, никто не мылся.

С детских воспоминаний ее сестре кто-то дал пососать кусочек соли, от которой у нее потом появились глисты, из-за которых она умерла.

Во время нахождения в концлагере пояснила, что на детях испытывали какие-то таблетки, из-за которых детям сначала болела голова и они кричали, а потом умирали, и поэтому в день из концлагеря выносили по 10 гробов. От данной таблетки умер ее брат.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Показания потерпевшей К.И. Заремба
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. Testimonies of the victim K. Zarembo

There were 2 camps in Orsha, one for civilians and the other for the military. She was in a civilian camp.

The camp was surrounded by four rows of wire, and also equipped with four towers. They were fed with a sowing of oats and given some bread. Drinking was allowed to take from the river under escort a bucket of water for the family. There was a stable where everyone spent the night. There were many things.

Sleeping places were not equipped, there was a complete lack of hygiene, no one washed.

From childhood memories, her sister was given a piece of salt by someone to suck on, which then gave her worms that caused her death.

During the stay of the concentration camp, she explained that some pills were tested on the children, because of which the children first had a headache and they screamed, and then died, and therefore 10 coffins were taken out of the concentration camp a day. Her brother died from this pill.

В Колдычевском лагере смерти узники различной специализации работали в цехах и мастерских. В свою очередь концлагерь под Минском даже получил официальное название «хозяйство Тростенец». Он располагался на территории бывшего совхоза имени Карла Маркса и обеспечивал продовольствием оккупантов в Минске. Для этих целей узников эксплуатировали на сельскохозяйственных работах, привлекали к скотоводству. В лагере смерти функционировали различные мастерские и даже небольшой асфальтовый завод, который обслуживал строительство дороги Минск – Могилев.

К 1944 году в хозяйстве имелось 127 голов крупного рогатого скота, 132 свиньи, 70 лошадей, 300 овец, а также домашняя птица.

В дальнейшем для функционирования подсобного хозяйства СД в лагерь смерти депортировано не только местное население, но и польские евреи. Общее количество работавших в нацистском «хозяйстве Тростенец» узников составляло от 600 до 900 человек [6, с. 235–236].

В 1942 году нацистские руководители инициировали увеличение рабочего дня узников до 11 часов в день и 72 часов в неделю. Руководство различных концернов и частных предприятий максимально увеличивало рабочий день заключенных, что в условиях голода, побоев и отсутствия лечения приводило к росту смертности [6, с. 243].

Все это преследовало решение одновременно идеологических установок и практических задач, реализуя принцип «истребления трудом».

В ходе расследования уголовного дела осмотрены опросные листы тех, кто был насильно угнан в Германию в рабство. Так, из опросного

In the future, not only the local population, but also Polish Jews were deported to the death camp for the functioning of the subsidiary plot of the Security Division. The total number of prisoners who worked in the Nazi "Trostenets household" ranged from 600 to 900 people [6, p. 235–236].

In 1942, Nazi leaders initiated an increase of the working day of prisoners to 11 hours a day and 72 hours a week. The leadership of various concerns and private enterprises maximally increased the working day of prisoners, which, in conditions of hunger, beatings and lack of treatment, led to the mortality increase [6, p. 243].

All this pursued the solution of simultaneously ideological principles and practical tasks, implementation the principle of "extermination by labor".

During the investigation of the criminal case, the questionnaires of those, who were forcibly deported to Germany into slavery were reviewed. So, from the questionnaire of A. Tsygankova it follows that on April 25, 1944, she was forcibly sent to Germany from a camp in the city of Orsha. She traveled in closed wagons. She was fed once a day – 200 grams of bread and boiling water. She worked at the "Norma" factory 12 hours a day. She was fed once a day with turnip soup and 200 grams of bread. For disobedience and failure to perform work, they were beaten [12]. Another prisoner reported that she did not have shoes and therefore did not want to go to work. For this she was beaten and forced to work [13]. E. Chebotarevsky reported that he was driven into slavery on October 1, 1943. He worked at the "Metzlar" rubber factory in Munich. He worked 12–14 hours a day. He was fed once a day – 200 grams of bread and soup. Lived in a camp. Haven't been

листа А.С. Цыганковой следует, что 25 апреля 1944 года она была насильно направлена в Германию из лагеря в г. Орше. Ехали в закрытых вагонах. Кормили один раз в сутки – 200 грамм хлеба и кипятка. Работала на фабрике «Норма» 12 часов в сутки. Кормили один раз в сутки – суп из брюквы и 200 грамм хлеба. За неподчинение и невыполнение работы избивали [12]. Другая узница сообщила, что у нее не было обуви, в связи с чем она не хотела идти на работу. За это ее избивали и заставили работать [13]. Е.И. Чеботаревский сообщил, что был угнан в рабство 1 октября 1943 года. Работал на резиновой фабрике «Метцелар» в г. Мюнхене. Работал по 12–14 часов в сутки. Кормили один раз в сутки – 200 грамм хлеба и суп. Жили в лагере. Одеждой и обувью не снабжали [14]. А.А. Черномордик, угнанная в рабство 15 февраля 1944 года, сообщила, что была направлена на сельхозработы. Выполняла «тяжелые работы, таскала камни, песок, навоз и др. Работала по 14–18 часов. Давали два раза в день кофе, 250 грамм хлеба, брюкву, шпинат. Жили в свинарнике, очень холодном, грязном. За работой не было времени убираться, обстановка плохая. Из одежды ничего не давали, из обуви давали деревянные... За непосильные работы избивал хозяин – немец Бертман» [15]. Д.И. Шляхтицева сообщила, что в немецкое рабство была угнана 27 августа 1943 года. Попала к помещику Георгу Брумтеру в г. Штрасбург, Эльзас (в настоящее время г. Страсбург во Франции), который ее купил. «Работала на сельском хозяйстве 12 часов в сутки. ...в сутки 200 грамм хлеба и литр баланды, обувью и одеждой не снабжали никак. За невыход на работу от истощения избивали палками раз по 15» [16]. Факт продажи узников частным владельцам фабрик и сельскохозяйственных угодий подтверждается сообщениями и других лиц, вернувшихся из немецко-фашистской неволи.

supplied with clothes and shoes [14]. A. Chernomordik, driven into slavery on February 15, 1944, reported that she was sent to agricultural work. She performed "hard work, dragged stones, sand, manure, etc. She worked for 14–18 hours. They gave me coffee twice a day, 250 grams of bread, turnips, and spinach. We lived in a pigsty, very cold and dirty. There was no time to clean up at work, the situation was bad. They didn't give anything from clothes, they gave pieces of wood as shoes... The owner, the German Bertman, beat them for backbreaking job" [15]. D. Shlyakhtitseva reported that she was driven into German slavery on August 27, 1943. Taken to the landowner Georg Brumter in Strasbourg, Alsace (now Strasbourg in France), who bought her. "I worked in agriculture 12 hours a day. ...200 grams of bread and a liter of gruel per day, they didn't supply us with shoes and clothes in any way. For being absent from work due to exhaustion, they beat me with sticks 15 times" [16]. The fact of the sale of prisoners to private owners of factories and agricultural land is confirmed by reports of other persons who returned from Nazi captivity.

Intentionally infection of people with infectious diseases. In the camps at the front line of the German defenses, infection of the prisoners, contained at the camps, with infectious diseases has been practiced in order to stop the advance of the Red Army. The German military authorities deliberately, in order to spread typhus, placed the sick together with the healthy population. The sick were brought by the Germans to these death camps from nearby settlements.

A resident of the village of Zabolotyе M. Lazebnikova, who was kept in the death camp, told the commission: "The Germans came to our house. When they found out that I was ill with typhus, they sent two soldiers the same day and took me to the camp on horseback".

Здесь был отравлен (отравил, город, р-н) Восточная Пруссия, от. Британь. Крайне измощенные условия обитания в пути на германскую каторгу. 10 февраля 1944. Как на ст. Богородино погрузили в вагоны. Они были закрыты, доехали в Лобисова прошли мимо Замка. Здесь мной расформировали больных и отправили на шелье. Кормили плохо. Давали только суп и 200 гр. из вагонов не выпускали. Потом поехали по направлению в Бобинский тракт. Здесь как поехали в банк отравили больных обильными на шелье а как отравили больных. И там они доехали.

до Восточной Пруссии, где и остались от. Британь. 10. Как приходило на шелье направленные на работу (путей, продажа, самотар на бирже труда, направленные под конвоем, заключенные в концентрационный лагерь и др.). На станциях Британь мы находились под охраной жандармов. Здесь нас наши продавали. Нам взяли хозяина Басф Демон и пришло со станцией повсюду свое имущество. 11. Где работал (подробное название предприятия, фамилия владельца, хозяина, хозяйки и их фамилия) и хозяев и выполняла полевые работы: сенокос, жатка и т.д. у хозяина Басф Демон, фамилия от имени такая же. 12. Адрес предприятия (страна, город, р-н, улица, №) дом Восточная Пруссия, от. Британь, м. Березово. 13. Адрес местожительства хозяев (город, р-н, улица, №) дом Восточная Пруссия, от. Британь, м. Березово. 14. Крайне измощенные условия и жизнь в неволе (под работы, мало часов работы, отапливание, питание, снабжение необходимыми предметами обихода, одеждой и др. вещей и т.д.). Рабочий день начинался с 6 часов и до 12 часов вечера. Кормили плохо. Давали картошку. Работали на полевых работах. Одежды никакой не давали. Хлеба давали 200 гр. зерна на шелье жиров 200 гр в месяц. Квартала была не особенно плохая. Жили в шелье. Работали под наблюдением хозяина. Он был помыслил. Он нас не отходил на шаг, наблюдал за работой. 15. Крайне измощенные условия издевательств, насилия, издеваний, побоев и других преступных действий владельцев предприятий, их служащих, хозяев, хозяек и других лиц по отношению к угнанным в германскую неволю.

Хозяйка была — очень грубая, обращалась много оскорбляла разными словами. Дитю меня не было а сына моего была много раз. Хозяин также был. Груб в обращении. Однажды хотело меня застрелить. В поле за нами присматривали с винтовкой недоумки на хозяина проводили дома цыганские немцы.

Опросный лист А.С. Штурдымовой.
Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 845. Оп. 1. Д. 206. Л. 162–163
Questionnaire A. Shturdymova.
National archive of the Republic of Belarus. F. 845. Op. 1. D. 206. L. 162–163

Where was it sent (country, city, district)
East Prussia of Britolia, Britanny station

A brief account of the circumstances on the way to German penal servitude. On February 10, 1944, we were loaded into wagons at the Pogodino station. They were closed, arrived in Borisov, lived there for 3 days. Here we were disbanded, the sick were left in place. We were fed poorly. They only gave us soup and 200 grams, they wouldn't let us out of the wagons. Then we took the direction to Poland Grajewo. Here they washed us in a bathhouse, the rest of the sick were selected on the spot, and sent us on our way. And so we arrived to East Prussia, where the Britanny station remained.

10. How did it happen at the place of assignment to work (purchase, sale, examination at the labor exchange, assignment under escort, imprisonment in a concentration camp, etc.).

At Britanny station we were under the guard of the gendarmes. Here we began to be sold. The owner Baor Jeon picked us up and took us straight from the station to his estate.

11. Where did you work (detailed description of the enterprise, name of the owner, proprietor, landlady and their identities).

I did field work for the owners: family residence, etc. The owner's surname is Baor John, his wife's surname is the same.

12. Address of the enterprise (country, city, district, street, house number).
East Prussia, Britanny, m. Berigubino.

13. Address of residence of the owners (city, district street, house number).
East Prussia, Britanny, m. Berigubino.

14. Summary of conditions and life in captivity (type of work, start of working hours, payment, food, housing, supply of necessary enterprise shoes, clothes, etc., guards, etc.). The working day began at 6 o'clock and until 5 o'clock in the evening. They fed badly. Potatoes were given. We worked in the fields. No clothes were given either. They gave 8 kg of bread per month, 200 grams of fats per month. The apartment was not particularly bad. They paid 8 marks. We worked under the supervision of the landlord. He was a policeman. He did not leave us a single step, he watched the work.

15. Summary of the facts of abuse, violence, torture, beatings and other criminal acts by business owners, their employees, masters, landlords and others in relation to the trafficked into German captivity.

The hostess was very rude, treated badly, insulted in different words. She didn't beat me personally, but she beat my son many times. The owner was also rude. Once they wanted to shoot me. In the field, they looked after us with a rifle, even civilized Germans showed dissatisfaction with the owner.

Умышленное заражение людей инфекционными заболеваниями. В лагерях у переднего края немецкой обороны практиковалось заражение содержащихся в них узников инфекционными заболеваниями с целью остановить продвижение Красной Армии. Немецкие военные власти преднамеренно, с целью распространения сыпного тифа, размещали больных вместе со здоровым населением. Больные свозились немцами в эти лагеря смерти из близлежащих населенных пунктов.

Жительница д. Заболотье М.Б. Лазебникова, содержащаяся в лагере смерти, сообщила комиссии: «К нам в дом пришли немцы. Узнав, что я больна тифом, они в тот же день прислали двух солдат и на лошади отвезли меня в лагерь».

Жительница местечка Новогрудок Э.П. Гаврильчик сообщила: «В течение 3 суток в лагерь привозили на машинах больных сыпным тифом, в результате чего многие здоровые заключенные заболели».

Преднамеренное распространение эпидемии сыпного тифа среди мирного советского населения, заключенного германскими властями в концентрационные лагеря у переднего края обороны, подтверждается также данными судебно-медицинской экспертизы и показаниями допрашиваемых в ходе расследования настоящего уголовного дела в качестве свидетелей бывших узников лагерей (в частности Н.П. Зиновенко, В.А. Периявцева, Н.Н. Бусла, Н.Я. Евтушенко и др.) [10].

Пытки, истязания, расстрелы и повешения. Система ежедневных наказаний в нацистских лагерях смерти была, с одной стороны, предметом формальных педантичных бюрократических предписаний, а с другой – областью ничем не контролируемого произвола эсэсовцев и их помощников.

На узников возлагалась обязанность выполнять все указания СС и их пособников, запрещалось нарушать распорядок лагеря и т. д. Это позволяло лагерной администрации трактовать любые их действия как «нарушения».

Расстрелы и повешения заключенных были для эсэсовцев нормой.

В Колдычевском лагере смерти охранники издевались над заключенными. Одним из способов унижения и веселья для лагерной охраны были «игры». Например, они заставляли узников по несколько часов прыгать на полусогнутых ногах с вытянутыми руками, изображая

A resident of the town of Novogrudok E. Gavrilchik reported: "Within 3 days, patients with putrid typhus were brought to the camp by car, as a result of which many healthy prisoners fell ill".

The deliberate spread of an epidemic of typhus among the civilian Soviet population, imprisoned by the German authorities in concentration camps at the front line of defense, is also confirmed by the data of a forensic medical examination and the testimony of those interrogated during the investigation of this criminal case as witnesses of former prisoners of the camps (in particular N. Zinovenko, V. Periyavtsev, N. Busel, N. Evtushenko, and others) [10].

Torture, torment, shootings and hangings. The system of daily punishments in the Nazi death camps was, on the one hand, the subject of formal, pedantic bureaucratic regulations, and, on the other hand, an area of uncontrolled arbitrariness of the SS men and their assistants.

The prisoners were obliged to follow all the instructions of the SS, and their accomplices were forbidden to violate the order of the camp, etc. This allowed the camp administration to interpret any of their actions as "violations".

Executions and hangings of prisoners were the norm for the SS.

In the Koldychevo death camp, the guards mocked the prisoners. One of the ways of humiliation and fun for the camp guards was "games". For example, they forced prisoners to jump for several hours on half-bent legs with outstretched arms, depicting frogs. Or a "game of cavalry": the prisoners portrayed horses and cavalymen, between whom battles took place. Those who could not endure such treatment were beaten to death by the guards.

Also, in the concentration camp there was a special room for torture of prisoners, which was called a prison. Death sentences were carried out not only by shooting, but also by hanging.

Some prisoners described one of the murders by Nazi accomplice Nikolai Kalko of a prisoner of the Koldychevo death camp. One of the prisoners tried to escape, and when he was caught, Kalko tied him to the gates of the death camp, made him bark and shout: "I ran away – they caught me". Having enjoyed the humiliation, Kalko ordered the prisoner to be hanged, but the rope broke. Two prisoners begged Kalko not to repeat the execution, but the prisoner was hanged anyway. By order of Kalko, these two prisoners kissed legs of the murdered, after that were have been shoot [10].

лягушек, или практиковали «игру в кавалерию»: узники изображали лошадей и кавалеристов, между которыми происходили сражения. Тех, кто не выдерживал подобного обращения, охранники избивали до смерти.

В концлагере имелось также специальное помещение для пыток узников, которое называлось тюрьмой. Смертные приговоры осуществлялись не только посредством расстрелов, но и через повешение.

Некоторые заключенные описали одно из убийств пособником фашистов Николаем Калько узника Колдычевского лагеря смерти. Один из узников пытался сбежать, а, когда его поймали, Калько привязал его к воротам лагеря смерти, заставлял лаять и кричать: «Я удирал – меня поймали». Насладившись унижением, Калько приказал повесить заключенного, однако веревка оборвалась. Двое узников умоляли Калько не повторять казнь, но заключенный все равно был повешен. По приказу Калько эти двое узников целовали ноги погибшему, после чего были расстреляны [10].

In the testimonies of former prisoners on the Nazi terror in Maly Trostenets, the facts of infliction of blows with a whip on prisoners are mentioned. First of all, the disabled and those suspected in violation of the conditions of detention were killed.

Other violent methods of extermination of people. The Nazi invaders and their accomplices carried out the extermination of people, including through the implementation of mass executions and other methods of killing people.

In the course of the investigation by the General Prosecutor's Office of the criminal case on the genocide, information was obtained on the presence of at least 7 places of mass graves dated back to the time of the Great Patriotic War near the Uruchie natural boundary. The total number of buried people can be about 38 thousand people.

All this confirms the cruelty, inhumanity, and most importantly – purposefulness of the actions of the Nazi invaders against Belarusian residents.

According to eyewitnesses, from 1941 until 1944, the Nazis brought residents of Minsk and its envi-

В начале июня 1944 года Калько вместе с группой охранников принял участие в повешении юности 18-20 лет, который пытался бежать из лагеря, но был задержан. Издеваясь над ним, каратели заставляли этого юнца перед казнью издеваться лаем собаки и громко кричать, что он бежал, но его поймали.

Будучи командантом охраны лагеря, Калько лично руководил охранников в издевательствах и жестоком обращении с узниками: он сам травил заключенных собаками, избивал ремняковой палкой и плетью, заставлял прыгать на гетвуцких «шабну», ползая на коленях, ходит в «гусином шаге»; в некоторые время бривался в

-6-
Бажаў нем лачужную трыбу, где вміце са сваімі падшчышчы застраваць чыніць іх іздэватліва над савецкімі гэтамі.

Архив Комитета государственной безопасности Республики Беларусь.
Уголовное дело в отношении Н.А. Калько, Л.А. Сенкевича и др.

Archive of the State Security Committee of the Republic of Belarus. Criminal case against N. Kalko, L. Senkevich and etc.

In early June 1944, Kalko, along with other guards, took part in the hanging of a young man of 18–20 years old, who had tried to escape from the camp but had been detained. Mocking him, the punishers forced this young man before execution to imitate the barking of a dog and shout loudly that he was running, but he was caught.

As the commandant of the camp guard, Kalko encouraged the guards by personal example in the mockery and cruel treatment of prisoners: he himself poisoned the prisoners with dogs, beat them with a rubber stick and a whip, forced them to jump on all fours "toad", crawl in the mud, walk with a "goose step"; at night, he broke into a barracks or a camp prison, where, together with his subordinates, he arranged cynical mockery of Soviet citizens.

В свидетельствах бывших узников о нацистском терроре в Малом Тростенце упоминаются факты нанесения заключенным ударов плеткой. В первую очередь умерщвляли нетрудоспособных и подозреваемых в нарушении условий содержания.

Иные насильственные способы истребления людей. Немецко-фашистские оккупанты и их приспешники осуществляли истребление людей, в том числе посредством осуществления массовых расстрелов и иных способов умерщвления.

В ходе расследования Генеральной прокуратурой уголовного дела о геноциде получены сведения о наличии не менее 7 мест массового захоронения времен Великой Отечественной войны вблизи урочища Уручье. Общее число погребенных может составлять порядка 38 тысяч человек.

Все это подтверждает жестокость, бесчеловечность, а самое главное – целенаправленность действий немецко-фашистских захватчиков в отношении белорусских жителей.

По свидетельствам очевидцев, с 1941 вплоть до 1944 года фашисты привозили к этому месту жителей Минска и окрестностей, в том числе

rons to this place, including prisoners of the Minsk death camps: men, women, children.

The executions were so massive that after the corpses were buried, the mound became saturated with blood. Residents of neighboring settlements constantly heard the sounds of shots, screams and groans of people. People were buried in dug holes up to 5 meters deep. When innocent victims did not want to go the prepared graves on their own, the monsters beat them with birch sticks, drove them into pits and shot them.

At the excavation site, spent shell casings from firearms that operated at Wehrmacht, were found and seized. According to the testimonies of witnesses, in order to destroy as well as tamping of corpses, the punishers resorted to explosions: during the inspection of the scene, a check from a grenade was found.

The remains of military personnel were also found at the indicated place, which were brought from the death camp for prisoners of war in the military town of Uruchie, which existed until 1944.

In order to hide their crimes, the invaders dug up some graves in 1944, burned the remains at the bonfires, and scattered the ashes across the field.

узников минских лагерей смерти: мужчин, женщин, детей.

Расстрелы были настолько массовыми, что после засыпания трупов насыпь пропитывалась кровью. Жители соседних населенных пунктов постоянно слышали звуки выстрелов, крики и стоны людей. Хоронили людей в заранее выкопанных ямах глубиной до 5 метров. Когда безвинные жертвы не хотели самостоятельно заходить в приготовленные могилы, изверги избивали их березовыми палками, загоняли в ямы и расстреливали.

В месте раскопок обнаружены и изъяты стреляные гильзы от огнестрельного оружия, состоявшего на вооружении вермахта. По показаниям свидетелей, для уничтожения, а также утрамбовки трупов каратели прибегали к взрывам: в ходе осмотра места происшествия обнаружена чека от гранаты.

На указанном месте также обнаружены останки военнослужащих, которые были привезены из лагеря смерти военнопленных в военном городке Уручье, который существовал до 1944 года.

Оккупанты с целью сокрытия своих преступлений в 1944 году раскапывали некоторые могилы, сжигали останки на кострах, а пепел рассеивали по полю.

После войны предпринимались попытки по увековечению памяти погибших вблизи урочища Уручье. В 1959 году на 9-м километре Московского шоссе был установлен обелиск. Надпись на мемориальной доске не в полной мере отражает суть происшедших событий: сообщается, что тут захоронено 30 тысяч военных, партизан и мирных граждан, хотя места погребения фактически находятся на значительном расстоянии от мемориала. Точное количество погибших и местонахождение всех могил еще предстоит выяснить.

Следует отметить, что в 1997 году 1-я специализированная поисковая рота в/ч 28443 проводила поисковые работы с раскопками на местности с заложением 355 шурфов. Вместе с тем в связи с наличием недостаточной и противоречивой информации места захоронения так и не были обнаружены.

Расследование уголовного дела о геноциде открыло дополнительные возможности по сбору доказательств преступлений приспешников Гитлера на территории Беларуси. Для обнаружения 7 мест массового захоронения вблизи уро-

After the war, attempts were made to perpetuate the memory of the dead near the Uruchie natural boundary. In 1959, an obelisk was erected at the 9th kilometer of the Moscow highway. The inscription on the memorial plaque does not fully reflect the essence of the events that took place: it is reported that 30 thousand soldiers, partisans and civilians are buried here, although the burial places are actually at a considerable distance from the memorial. The exact number of dead and the location of all the graves should be further established.

It should be noted that in 1997 the 1st specialized search company of military unit 28443 carried out prospective works with excavations on the ground with the laying of 355 pits. However, due to insufficient and conflicting information, the burial sites have never been found.

The investigation of the criminal case on the genocide disclosed additional opportunities for collection of evidence of the crimes of Hitler's accomplices on the territory of Belarus. To discover 7 mass grave sites near the Uruchie natural boundary, prospective works was carried out on an area of about 40 hectares. A map of the city of Minsk and its surroundings of 1933 edition, as well as a German map of the surroundings of Minsk of 1943 were found in archival materials.

With the participation of specialists-topographers, by comparing the available information with today's maps, studying the features of the terrain, description of the area in historical documents, the most probable locations of 7 graves were determined. Special equipment has also been brought to the territory of the training range for the conduction of prospecting works.

To establish the places of mass extermination and burial in the Uruchie tract, information obtained during the interrogation of witnesses has been of assistance. A comparison of all the information received allowed at the beginning of October 2021, to discover in the forest near the entrance to the training ground of the 120th Separate Guards Mechanized Brigade the first of the alleged seven mass grave sites.

In May 2022, during the continuation of prospecting works in the Uruchie natural boundary, the second from seven places of mass extermination of civilians was discovered. The remains of three people were found in a meter from the surface of the earth. The hands of one of them were intertwined with wire. The prospecting works were continued

чища Уручье поисковые работы проводились на площади около 40 га. В архивных материалах были найдены карта г. Минска и его окрестностей 1933 года издания, а также немецкая карта окрестностей г. Минска 1943 года.

С участием специалистов-топографов путем сопоставления имеющихся сведений с картами сегодняшнего дня, изучения особенностей рельефа, описания местности в исторических документах определены наиболее вероятные места расположения 7 могил. Для производства поисковых работ на территорию полигона привлечена также специальная техника.

В установлении мест массового истребления и захоронения в урочище Уручье помогли сведения, полученные в ходе допросов свидетелей. Сопоставление всей полученной информации позволило в начале октября 2021 года обнаружить в лесном массиве вблизи въезда на полигон 120-й отдельной гвардейской механизированной бригады первое из предполагаемых 7 мест массовых захоронений.

and as a result, the place of the mass grave was discovered, where the remains of civilians and military personnel were located at a depth of more than two meters. Gunshot wounds are absent in the region of the skull bones, which indicates that people were killed not by execution, but in another way.

From the examination protocol of June 30, 2022: "During the examination of the bone remains from No. 71, according to oral information provided by the state medical forensic expert, it was established that, based on the dimensional characteristics of the bone remains, it cannot be ruled out that the bone remains may belong to a child.

During the examination of the bone remains from No. 72, according to oral information provided by the state medical forensic expert, it was established that the pelvis bones can be the remains belong to a female person" [10].

One of the previously unknown burial sites of the victims of the genocide was also found in a forest expanse near the villages of Sloboda and Bortniki of the Beshenkovichi district of Vitebsk region.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period

*Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period*

В мае 2022 года при продолжении поисковых мероприятий в урочище Уручье обнаружено второе из 7 мест массового истребления мирных жителей. В метре от поверхности земли были обнаружены останки трех человек. Руки одного из них были скручены проволокой. Поисковые работы были продолжены, и в результате обнаружено само место массового захоронения, где на глубине свыше двух метров находились останки мирных жителей и военнослужащих. В области костей черепа отсутствуют огнестрельные ранения, что свидетельствует об убийстве людей не путем расстрела, а другим способом.

In the course of examination of the documents of the Extraordinary State Commission by the investigation group of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus, one of the acts of 1945 established information on the execution in October 1942 of 365 civilians and their burial near the village of Sloboda.

In the 2000s, the search military unit carried out excavations in the indicated area, but the remains of the executed citizens haven't been found.

In order to establish the named burial place, the investigation team of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus carried out exten-

*Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period*

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022
о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022
on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022
о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022
on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period

Из протокола осмотра от 30 июня 2022 года: «В ходе осмотра костных останков с № 71 со слов государственного медицинского судебного эксперта установлено, что по размерным характеристикам костных останков нельзя исключить, что костные останки могут принадлежать ребенку.

В ходе осмотра костных останков с № 72 со слов государственного медицинского судебного эксперта установлено, что по костям таза нельзя исключить, что костные останки принадлежат лицу женского пола» [10].

Одно из ранее неизвестных мест захоронения жертв геноцида также обнаружено в лесном массиве возле деревень Слобода и Бортники Бешенковичского района Витебской области.

В ходе изучения следственной группой Генеральной прокуратуры Республики Беларусь документов ЧГК в одном из актов 1945 года были установлены сведения о расстреле в октябре 1942 года 365 мирных граждан и их захоронении вблизи д. Слобода.

В 2000-х годах поисковой воинской частью проводились раскопки на указанной местности, однако останки расстрелянных граждан обнаружены не были.

В целях установления названного места захоронения следственной группой Генеральной прокуратуры Республики Беларусь была проведена масштабная работа по изучению архивной информации, в том числе поступившей из Государственного архива Российской Федерации в порядке оказания правовой помощи по уголовному делу, допрошены местные жители, располагающие сведениями о месте указанного захоронения.

Анализ и сопоставление следственной группы Генеральной прокуратуры Республики Беларусь указанной информации позволил установить указанное место захоронения жертв геноцида.

В ходе поисковых работ, проведенных специализированным поисковым подразделением в/ч 28443, из земли подняты останки, принадлежащие не менее чем 80 лицам, из них большинство – женщины и дети, извлечены многочисленные фрагменты обуви, в том числе детской, пуговицы, фрагменты расчесок, а также патроны и гильзы, причем некоторые из них промаркированы штампами 1938 года и эмблемой SS в виде двух характерных молний.

sive work to examine archival information, including information received from the State archive of the Russian Federation in order to provide legal assistance in a criminal case, and interrogated local residents who have information on the place of the indicated burial.

The analysis and comparison of the investigative group of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus of the indicated information allowed to establish the indicated place of burial of the victims of the genocide.

In the course of the prospective works, carried out by the specialized search subdivision of military unit 28443, the remains belonging to at least 80 persons were dug out from the ground, most of them were women and children, numerous fragments of shoes, including children's shoes, buttons, fragments of combs, and also cartridges and cases, some of which are marked with stamps of 1938 and the emblem of the SS in the form of two characteristic lightnings.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Осмотр костных останков, обнаруженных в ходе проведения поисковых работ в лесном массиве возле деревень Слобода и Бортники Бешенковичского района
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. Inspection of the bone remains discovered during the prospecting works in the forest near the villages of Sloboda and Bortniki of Beshenkovichi district

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Костные останки, обнаруженные в ходе проведения поисковых работ в лесном массиве возле деревень Слобода и Бортники Бешенковичского района
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. The bone remains discovered during the prospecting works in the forest near the villages of Sloboda and Bortniki of Beshenkovichi district

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Костные останки, обнаруженные в ходе проведения поисковых работ в лесном массиве возле деревень Слобода и Бортники Бешенковичского района
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. The bone remains discovered during the prospecting works in the forest near the villages of Sloboda and Bortniki of Beshenkovichi district

О РОЛИ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ В ИСТРЕБЛЕНИИ УЗНИКОВ ЛАГЕРЕЙ СМЕРТИ

ON THE ROLE OF COLLABORATIONISTS IN EXTERMINATION OF PRISONERS OF DEATH CAMPS

Важной составляющей для реализации нацистской политики геноцида населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны являлось привлечение населения захваченных территорий к сотрудничеству.

В годы оккупации территории БССР бок о бок с немецкими захватчиками в массовых преступлениях против мирного белорусского населения участвовали и коллаборационисты.

Уже летом и осенью 1941 года нацистами было сформировано большое количество полицейских подразделений: служба порядка, вспомогательная полиция, вспомогательные и охранные части, которые несли службу по месту жительства. В городах полиция подчинялась немецкой полиции порядка, а в сельской местности – немецкой жандармерии.

Нередко именно коллаборационистам немецкие оккупанты поручали самую «грязную» работу: массовые расстрелы, повешения, пытки, истязания. По этим же причинам коллаборационисты массово входили в охранные подразделения лагерей смерти на территории БССР. Помимо всего прочего привлечению националистов к охране лагерей смерти способствовал массовый рост количества узников и нехватка немецкого персонала [10].

В 1942 году полиция порядка начала формировать собственные вспомогательные подразделения, известные как батальоны «шума», которые охраняли тюрьмы и концлагеря [6, с. 154]

Свой кровавый след в лагерях смерти оставили коллаборационисты из соседних республик СССР и других государств: польские, украинские, прибалтийские и другие националисты.

В Минском гетто коллаборационисты были причастны к совершению массовых карательных операций. Весной 1942 года подразделение вспомогательной латышской полиции под командованием Виктора Арайса («команда Арайса») участвовало в истреблении его узников. Примечательно, что в письме от 16 декабря 1941 года Г. Лозе – рейхскомиссару «Остланда» – В. Кубе, обсуждая вопросы уничтожения как мирного населения, так и депортированных из стран Западной Европы евреев, предлагал привлечь к их уничтожению коллаборационистов:

An important component for the implementation of the Nazi policy of genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War was the involvement of the population of the occupied territories in cooperation.

During the years of occupation of the territory of the BSSR, collaborators also participated alongside with the German invaders in mass crimes against the peaceful Belarusian population.

Already in the summer and autumn of 1941, the Nazis formed a large number of police units: security guard, auxiliary police, auxiliary and security units, which served at the place of residence. In the cities, the police units have been subordinated to the German order police, and in the countryside, to the German gendarmerie.

Often, the German occupiers assigned the most "dirty" work to collaborators: mass executions, hangings, torture, torture. For these reasons, too, collaborators en masse entered the security units of the death camps on the territory of the BSSR. Among other things, the involvement of nationalists in the protection of the death camps was facilitated by a massive increase in number of prisoners and shortage of German personnel [10].

In 1942, the security guard began to form their own auxiliary units, known as "noise" battalions, which guarded prisons and concentration camps [6, p. 154].

Collaborators from the neighboring republics of the USSR and other states left their bloody trail in the death camps: Polish, Ukrainian, Baltic and other nationalists.

In the Minsk ghetto, collaborators were involved in mass punitive operations. In the spring of 1942, particularly the "Araysovites" participated in the extermination of its prisoners. Nameworthy, that in a letter from December 16, 1941, H. Loze – the Reichskommissar of "Ostland" – W. Kube, discussing the destruction of both the civilian population and Jews deported from Western European countries, proposed to involve collaborators in their destruction:

"My dear Heinrich! I ask you personally to issue an official directive on the position of the civil authorities regarding the Jews deported from Germany to Belarus. Among these Jews there are people who fought at the front (in the First World War) and were awarded the Iron Cross of the first

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Личные вещи жертв геноцида, обнаруженные в ходе проведения поисковых работ в лесном массиве возле деревень Слобода и Бортники Бешенковичского района
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. The personal things of the victims of genocide discovered during the prospecting works in the forest near the villages of Sloboda and Bortniki of Beshenkovich district

«Мой дорогой Генрих! Я прошу тебя лично дать официальную директиву о позиции гражданских властей относительно евреев, депортированных из Германии в Белоруссию. Среди этих евреев есть люди, которые воевали на фронте (в Первую мировую войну) и награждены Железным крестом первой и второй степени, инвалиды войны, наполовину и даже на три четверти арийцы. На сегодняшний день прибыли лишь 6000–7000 евреев из ожидаемых 25 000, о которых нам было сообщено. Я не знаю, что с остальными. Во время нескольких официальных визитов в гетто я отметил, что среди этих евреев, отличающихся от русских евреев и своей чистоплотностью, есть квалифицированные рабочие, способные сделать за день в пять раз больше, чем русские евреи.

Эти евреи, вероятно, погибнут от холода или голода в ближайшие недели. Для нас они представляют страшную угрозу как распространители болезней, ибо они, как и мы, немцы, подвержены 22 эпидемическим заболеваниям, распространенным в Белоруссии.

На свою ответственность я не дам СД никаких указаний относительно обращения с этими людьми, хотя некоторые подразделения вермахта и полиции уже наложили руки на имущество евреев, депортированных из рейха... Я, безусловно, тверд в своем мнении и желаю содействовать решению еврейского вопроса, но эти люди, которые принадлежат к нашей культуре, отличаются от тупого стада местных. Может быть, возложить массовые расстрелы на литовцев и латышей, которые чужды и местному населению. Я не могу этого сделать. Прошу тебя дать точные директивы, чтобы надлежащая акция была проведена наиболее гуманным образом» [17, с. 211].

Практически сразу после оккупации территории Литвы немецко-фашистскими захватчиками в г. Каунасе из местных добровольцев был сформирован 2-й (позднее 12-й) литовский полицейский батальон. Осенью 1941 года батальон был переведен в г. Минск, где в октябре 1941 года литовские полицейские участвовали в уничтожении военнопленных в одном из лагерей в г. Минске, в период с осени 1941 года по лето 1942 года регулярно выезжали для уничтожения евреев гетто, расположенных на территории Минской области и г. Минска.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Кадр из видеозаписи допроса потерпевшей Ф.В. Рейзман
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. A frame from the video of the interrogation of the victim F. Reizman

and second degrees, disabled of the war, half and even three-quarters of the Aryans. To date, only 6,000–7,000 Jews have arrived out of the expected 25,000 that we have been informed about. I don't know what about the rest. During several official visits to the ghetto, I noted that among these Jews, who differ from Russian Jews in their cleanliness, there are skilled workers who can do five times more in a day than Russian Jews.

These Jews are likely to die of cold or starvation in the coming weeks. For us, they pose a terrible threat as spreaders of diseases, because they, like us Germans, are subject to 22 epidemic diseases that are common in Belarus.

On my own responsibility, I will not give the Security Service any instructions regarding the treatment of these people, although some units of the Wehrmacht and the police have already laid

Хочу открыть один секрет, мы боялись литовцев, украинцев и поляков больше чем немцев. Немцы были дурные, как говорится, если спрячешься за дверью они пройдут мимо, потом уже научились. А вот эти прекрасно знали, где искать. Я сама видела своими глазами, они, немцы, поляки, украинцы и литовцы делали погромы на одной-двух улицах, остальные улицы не трогали, там убивали людей, текла река крови, вниз к Мясникова, я об этом никому не говорила, понимала, что скажут, что ребенку приснилось. Потом я видела в одной брошюрке, что женщина какая-то тоже писала про это. Стояли мы на Юбилейной площади, называли просто Юбилейка, и начали хватать в облавы, облава это не погром, людей, евреев, взрослых и детей, в облавы, хватали наши и полиция, а кто знает, кто это были, наши или литовцы. Это была игра у них такая, просто для игры. Жегщина стояла с маленьким ребенком, и он выхватывает у нее этого ребенка за одну ножку и об угол этого дома головкой, и эта головка разлеталась как арбуз. Я это видела, кто это сделал я тогда не задумывалась, то есть немец или полицией. Я так хотела жить. Брата моего среднего уже не была, он погиб в Тростенце.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Протокол допроса потерпевшей Ф.В. Рейзман
Archives of the Prosecutor General's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. Protocol of the interrogation of the victim F. Reizman

I want to let you in on a secret: we were more afraid of the Lithuanians, Ukrainians and Poles than of the Germans. The Germans were bad, as they say, if you hide behind the door, they will pass by, then they have already learned. But these ones knew very well where to look. I saw with my own eyes, they, Germans, Poles, Ukrainians and Lithuanians were making pogroms in one or two streets, the other streets were untouched, people were killed there, a river of blood flowed down to Myasnikova, I didn't tell anyone about this I understood that they would say that the child had a dream. Then I saw in one pamphlet that a woman had written about it too. We were standing on Yubileynaya Square, simply called Yubileyka and they started rounding up, a round-up is not a pogrom, people, Jews, adults and children, were being rounded up by ours and the police, and who knows who it was, ours or Lithuanians. It was just a game they had, just to play. A woman was standing with a small child, and he snatched that child from her by one leg and hit the corner of the house with his head, and this head exploded like a watermelon. I saw it, who did it I didn't think about at the time, i.e. a German or a policeman. I wanted to live so much. My middle brother was gone, he died in Trostenets.

Допрошенная по уголовному делу о геноциде жителей БССР в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период бывшая узница Минского гетто Ф.В. Рейзман сообщила, что узники боялись больше коллаборационистов, чем немцев.

В июле 1941 года по приказу командира айнзатцгруппы «А», начальника ЗиПо и СД рейхскомиссариата «Остланд» Вальтера Шта-лекера было создано подразделение вспомогательной латышской полиции, впоследствии получившее неофициальное название «команда Арайса». Руководил этим формированием Виктор Арайс – бывший полицейский.

Арайс вербовал в формирование бывших военных и полицейских, выходцев из рабочей среды, студентов и школьников. Члены «команды Арайса» посредством сотрудничества с оккупационной властью и участия в массовых убийствах стремились к реализации своих радикальных националистических «идеалов» и амбиций, исходили из собственной жадности и наживы.

hands on the property of Jews deported from the Reich... I, of course, firm in my opinion and wish to contribute to the solution of the Jewish question, but these people who belong to our culture are different from the dumb herd of the locals. Perhaps, mass executions should be blamed on Lithuanians and Latvians, who are also alien to the local population. I can not do it. I ask you to give precise directives so that the proper action will be carried out in the most humane way" [17, p. 211].

Almost immediately after the occupation of the territory of Lithuania by the Nazi invaders in the city of Kaunas, the 2nd (later 12th) Lithuanian police battalion was formed from local volunteers. In the autumn of 1941, the battalion was transferred to Minsk, where in October 1941 Lithuanian policemen participated in the extermination of prisoners of war in one of the camps in Minsk, in the period from autumn 1941 to summer 1942, located on territory of the Minsk region and the city of Minsk.

«Команда Арайса» к 1943 году насчитывала 1,5 тысячи человек и принимала участие в масштабных операциях истребления евреев, цыган, душевнобольных, партизан, в том числе и на территории БССР.

Латышские коллаборационисты из «команды Арайса» охраняли концентрационный лагерь Малый Тростенец в течение первого года функционирования и напрямую участвовали в массовых преступлениях в отношении узников этого лагеря смерти.

Украинские коллаборационисты, входившие в одну из рот 23-го батальона СД, созданного в 1942 году в Киеве, осенью 1943 года, вместе с немцами располагались в Малом Тростенце и участвовали в совершении преступлений в отношении мирных жителей.

Осенью 1943 года во время истребления евреев Минского гетто в окрестностях Малого Тростенца отряды фольксдойче и рота 23-го батальона СД были усилены несколькими десятками (около 30 человек) коллаборационистов 5-й роты 13-го белорусского батальона СД [6, с. 165–169].

Коллаборационисты из числа украинских националистов участвовали в преступлениях в отношении узников Тростенецкого лагеря смерти и шталага-337, располагавшегося на территории Барановичского района Брестской области. Бок о бок с немцами и прибалтийскими коллаборационистами украинские националисты совершали массовые злодеяния в отношении узников Озаричского лагеря смерти.

Бывший узник Озаричского лагеря смерти потерпевший Н.Н. Бусел сообщил, что людей в лагерь сгоняли немцы, украинские нацисты и прибалты, у некоторых были красно-белые повязки. Слабых узников убивали прибалты и украинцы. В лагере смерти людям не давали жечь костры. Они болели, заражались тифом, умирали. Он рассказал также о том, что в концлагере узникам медицинской помощи не оказывали, одежду не давали, люди снимали одежду с умерших, чтобы можно было согреться. Трупы умерших вблизи лагеря смерти немцы сжигали. Местность была заминирована, люди подрывались на минах [10].

Инициирование массового истребления и создание условий для него исходило от немецко-фашистских оккупантов. При этом коллаборационисты активно проявляли инициативу в чинимых ими зверствах и применяли насилие в отношении заключенных даже в тех случаях, ког-

F. Reizman, a former prisoner of the Minsk ghetto, interrogated in a criminal case on the genocide of the inhabitants of the BSSR during the Great Patriotic War and the post-war period, reported that the prisoners were more afraid of collaborators than the Germans.

In July 1941, on the orders of the commander of Einsatzgruppen "A", the head of the ZiPo and Security Service of the Reichskommissariat "Ostland" Walter Stahleker, a unit of the auxiliary Latvian police was created, which later received the unofficial name "Arais team". Viktor Arais, a former policeman, was appointed head of this formation.

Arais recruited former military and police officers, people from the working environment, students and schoolchildren into the formation. The members of the "Arais team", through cooperation with the occupation authorities and participation in massacres, sought to realize their radical nationalist "ideals" and ambitions, proceeding from their own lust for power and profit.

By 1943, the "Arais team" numbered 1.5 thousand people and took part in large-scale operations for the extermination of Jews, Gypsies, the mentally ill, partisans, including on the territory of the BSSR.

Latvian collaborators from the "Arais team" guarded the Maly Trostenets concentration camp during the first year of operation and directly participated in mass crimes against the prisoners of this death camp.

Ukrainian collaborators, who were part of one of the companies of the 23rd Security Service battalion, created in 1942 in Kyiv, in the fall of 1943, along with the Germans, were located in Maly Trostenets and participated in the commission of crimes against civilians.

In the autumn of 1943, during the extermination of the Jews of the Minsk ghetto in the vicinity of Maly Trostenets, Volksdeutsche detachments and a company of the 23rd Security Service battalion were reinforced by several dozen (about 30 people) collaborators of the 5th company of the 13th Belorussian Security Service battalion [6, p. 165–169].

Collaborators from among the Ukrainian nationalists participated in crimes against prisoners of the Trostenets death camp and Stalag-337, located on the territory of the Baranovichi district, Brest region. Side by side with the Germans and the Baltic collaborators, Ukrainian nationalists committed massive atrocities against the prisoners of the Ozarichi death camp.

Former prisoner of the Ozarichi death camp, victim N. Busel reported that Germans, Ukrainian Nazis and Balts drove people to the camp, some

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Кадр из видеозаписи допроса потерпевшего Н.Н. Бусла
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. A frame from the video of the interrogation of the victim N. Busel

да этого не требовало их немецкое руководство. Причина – желание продвинуться по карьерной лестнице в нацистской иерархии, проявить свое превосходство над слабыми и беззащитными, повысить таким образом самооценку.

Например, «за отлично выполненную работу» по истреблению людей коллаборационисты – охранники лагеря смерти «Тростенец» – награждались из рук нацистов. Особо отличившиеся получали в собственность надел земли.

Советский народ самоотверженно боролся с оккупантами на фронтах, в партизанских отрядах и подполье. Миллионы человек, защищая Родину, принимали мучительную смерть от рук фашистов во время боевых сражений, в лагерях смерти. Мирное население, старики, женщины и дети массово истреблялись, ежедневно терпели насилие, издевательства и грабежи со стороны оккупантов и их пособников. Жители Советской Беларуси массово отказались сотрудничать с оккупационным режимом. Вместе с тем на службу к немецко-фашистским захватчикам пошли немногочисленные предатели из числа белорусских националистов.

were wearing red and white armbands. Weak people were killed by the Balts and Ukrainians. In the death camp, people were not allowed to light fires. People got sick in the concentration camp, contracted typhus, died. He also talks about the fact that in the concentration camp people were not provided with medical care, they were not given clothes, people took off clothes from the dead so that they could keep warm. The Germans burned the bodies of the dead near the death camp. The area was mined, people were undermined by mines [10].

Initiation of mass extermination and the creation of conditions for it was ordered by the Nazi occupiers. At the same time, collaborators proactively participated in the atrocities they perpetrated and used violence against prisoners, even in cases where their German leadership did not require it. The reason is the desire to move up the career ladder in the Nazi hierarchy, to show their superiority over the weak and defenseless, thus increasing self-esteem.

For example, "for a job well done" in the extermination of people, collaborators – the guards of the Trostenets death camp – were awarded from by the Nazis. Particularly distinguished received a plot of land.

The Soviet people selflessly fought against the invaders on the fronts, in partisan detachments and

Кадры из к/ф «Люди с черными душами», режиссер П.П. Шапиур. Награждение коллаборационистов в лагере смерти «Троштенец». Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов. № 35_01133
 Movie still from the film "People with Black Souls", directed by P. Shamshur. Rewarding of collaborators in the death camp "Trostenets".
 Belarusian State Archive of Film and Photo Documents. No. 35_01133

Кадры из к/ф «Люди с черными душами», режиссер П.П. Шапиур. Награждение коллаборационистов в лагере смерти «Троштенец». Акт на право собственности на землю. Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов. № 35_01133
 Movie still from the film "People with Black Souls", directed by P. Shamshur. Rewarding of collaborators in the death camp "Trostenets".
 Belarusian State Archive of Film and Photo Documents. No. 35_01133

13-й белорусский полицейский батальон СД получил свое официальное наименование в 1943 году. К зиме 1943 года он состоял из пяти рот и насчитывал около 1 тысячи человек. К его созданию имеет непосредственное отношение Франц Кушель – уполномоченный по вопросам белорусских полицейских формирований и один из создателей коллаборационистского формирования «Белорусский корпус самообороны». Командиром батальона был немецкий лейтенант по фамилии Юнкер (в некоторых источниках Юнкерс).

Белорусские коллаборационисты участвовали в антипартизанских акциях, охране полицейских объектов и истреблении заключенных. 7-я рота 13-го батальона СД численностью немногим свыше 100 человек охраняла также Колдычевский лагерь смерти.

Все белорусские коллаборационисты давали присягу на верность немецкому командованию.

Сергей Бобко – бывший сотрудник следственного отдела СД в Барановичах – до зимы 1942–1943 годов занимал должность коменданта, до осени 1943 года – начальника охраны Колдычевского лагеря смерти [9]. У Бобко были заместители: некто Степанюк, которого один из узников характеризовал как «психопата», а

underground. Millions of people, defending their homeland, met their demise at the hands of the Nazis during military battles, in death camps. The civilian population, the elderly, women and children were exterminated en masse, daily suffered violence, bullying and robbery by the occupiers and their accomplices. Residents of Soviet Belarus massively refused to cooperate with the occupation regime. At the same time, a few traitors from among the Belarusian nationalists went to the service of the Nazi invaders.

The 13th Belarusian police battalion of Security Service has been officially named in 1943. By the winter of 1943, it consisted of five companies and numbered about 1 thousand people. Franz Kuschel – Commissioner for issues of Belarusian Police Formations and one of the founders of the collaborationist formation "Belarusian Self-Defense Corps", is directly involved in its creation. The battalion commander was a German lieutenant named Junker (in some sources, Junkers).

Belarusian collaborators participated in anti-partisan actions, guarding police facilities and extermination of prisoners. The 7th company of the 13th Security service battalion, numbering a little over 100 people, also guarded the Koldychevo death camp.

All Belarusian collaborators took an oath of allegiance to the German command.

Вопрос: Присягу давали?

Ответ: Да, после учебы все мы организованным порядком перед строем приняли присягу, содержание которой сводилось к тому, что мы брали на себя обязательство быть верными немецкому командованию и беспрекословно выполнять все его задания. Текст присяги по прочтении был подписан каждым из нас, ее принявшим.

Архив Комитета государственной безопасности Республики Беларусь.
 Уголовное дело в отношении Н.А. Калько, Л.А. Сенкевича и др.
 Archive of the State Security Committee of the Republic of Belarus. Criminal case against N. Kalko, L. Senkevich and etc.

Question: Did you take the oath?

Answer: Yes, after the training we all took the oath in an organized manner before the formation, the content of which was that we undertook to be loyal to the German command and to carry out all its instructions without question. The text of the oath, when read, was signed by each of us who took it.

также коллаборационист по прозвищу Черный комендант. Как установлено в ходе следствия, так называли коллаборациониста Стасиновича за творимые им в Колдычевском лагере смерти особые зверства.

Впоследствии руководителем лагерной охраны был назначен Николай Калько. Руководителем рабочих бригад в концлагере был коллаборационист и, по свидетельствам бывших узников, «садист» по фамилии Сичук [6, с. 170].

На фотографии из материалов уголовного дела в отношении Н.А. Калько и других изображены охранники Колдычевского лагеря смерти.

Как видно на фотографии, на левом рукаве формы охранников Колдычевского лагеря смерти нашит специальный бело-красно-белый шеврон.

Sergey Bobko – a former employee of the investigative department of the Security Service in Baranovichi, served as commandant until the winter of 1942–1943, and until the autumn of 1943 – head of the security of the Koldychevo death camp [9]. Bobko had deputies: a certain Stepanyuk, who was described by one of the prisoners as a "psychopath", as well as a collaborator nicknamed the Black Commandant. As established during the investigation, the collaborator Stasinovich was named for the extreme atrocities, committed by him in the Koldychevo death camp.

Subsequently, Nikolai Kalko was appointed head of the camp guard. The leader of the work teams in the concentration camp was a collaborator and, according to former prisoners, a "sadist" by the name of Sichuk [6, p. 170].

Photo from the materials of the criminal case against N. Kalko and others, which depicts the guards of the Koldychevo death camp.

Архив Комитета государственной безопасности Республики Беларусь.
Уголовное дело в отношении Н.А. Калько, Л.А. Сенкевича и др.
Archive of the State Security Committee of the Republic of Belarus. Criminal case against N. Kalko, L. Senkevich and etc.

Архив Комитета государственной безопасности Республики Беларусь.
Уголовное дело в отношении Н.А. Калько, Л.А. Сенкевича и др.
Archive of the State Security Committee of the Republic of Belarus. Criminal case against N. Kalko, L. Senkevich and etc.

Использование бело-красно-белой символики совместно с нацистской – отличительная черта белорусских коллаборационистов. Указанный факт подтвержден в том числе и показаниями А.И. Королевича – одного из охранников Колдычевского лагеря смерти.

Именно под бело-красно-белой символикой совершались жуткие преступления в отношении беззащитных узников. Ярким примером и подтверждением служат показания Николая Калько, данные им в ходе судебного разбирательства в 1961–1962 годах.

As it is seen at the photo, a special chevron of white-red-white color is sewn on the left sleeve of the uniform of the guards of the Koldychevo death camp.

The use of white-red-white symbols together with the Nazi symbols – is a distinctive feature of Belarusian collaborators. This fact is confirmed, among other things, by the testimony of A. Korolevich – one of the guards of the Koldychevo death camp.

Specifically under the white-red-white symbols that terrible crimes were committed against defenseless prisoners. A vivid example and confirmation are the testimony of Nikolai Kalko, provided by him during the trial in 1961–1962.

Во время службы в "СД" я сначала был в самоорганизации группы, а там и в казачьи роты, а потом, в начале с первых чисел апреля 1943 года, я был переведен из самоорганизации группы в подразделение карательного батальона "СД" дислоцированного в деревне Арабовщина. Там я служил уже официальным сотрудником "СД". Мне была выдана удовлетворительная форма войск Арабовщины. На фуражке эмблема "смерть" - череп со скрещенными костями, защитные погоды, красная нашивка. На рукаве эмблема независимой Беларуси в виде щита с красной полосой поперек и белым крестом. Нам выдали три бронекапюшона - белый, это для самоорганизации белорусов.

Трагично в Арабовщине, там пока здание с малых слов записано и написано *Арабовщина*

Врагосты: следователи след. отд. и чл. и др. и др. по броне. отд. *Калыко*

Калыко

-3-

во время двух месяцев и трех недель в меня заключенных и расстрелянных где то за деревней Кольчицево. Однако, в этот раз до меня расстреляна не была и осталась во взводе охраны, который расположен в школе. Там охрана. Приближительно в середине июня 1944, когда уже чувствовалось приближение фронта, мы были вывезены в лагерь Барановичи. Там были грузовые автомобили с прицепами. Эти машины были загружены узниками и отправлены в то время в сторону от Барановичи. Куда эти люди были вывезены и их судьба мне неизвестна. В качестве охраны прировнования были назначены наши работники Барановичи, и везущие немцы с собой *Арабов*

Архив Комитета государственной безопасности Республики Беларусь. Уголовное дело в отношении Н.А. Калыко, Л.А. Сенкевича и др. Archive of the State Security Committee of the Republic of Belarus. Criminal case against N. Kalko, L. Senkevich and etc.

While serving in the "SD", I was first in the music group, as I had already mentioned earlier, and then around the beginning of April 1943 I was transferred from a pseudo-partisan group to a unit of the SD Punitive Battalion stationed in the village of Arabovshchik. There I became an official collaborator of the "SD". I was given the German uniforms established for the troops of this body. On the cap is the emblem "death" – a skull with crossed bones, protective shoulder straps, red buttonholes. There was a patch on the sleeve – the emblem of the Belarusian flag in the form of a shield with a red stripe in the middle on a white background. It was explained to us that white-red-white is the flag of independent Belarus.

I read the protocol, my testimony from my words was recorded correctly. Signature

from the camp, two men and three women from among the prisoners were shot somewhere outside the village of Koldichevo. However, this time I did not get to the place of firing squad, but remained in the guard platoon, which was located in the school building. Around the middle of June 1944, when the approach of the front was already felt, about twenty trucks with trailers came to the camp from the Baranovichi "SD". These cars were loaded with prisoners and sent on the road towards the town of Baranovichi. Where did these people go and their fate are unknown to me. Baranovichi SD officers and armed German soldiers were used as escort guards.

Signature / Kalko

- 4 - 70

Хотя я и порученные мне охран-
ными подразделениями непосредственно
участвовавшие в эвакуации людей, ор-
гано мне не было известно по
каким признакам отбирались
эти люди. Известно только, что из
лагеря были вывезены как муж-
чины, а также и женщины с деть-
ми. На эвакуацию было дано очень пре-
дельно ограниченное время
и в связи с этим люди привели
просто павлом. Утром, когда
по тем или иным причинам заде-
живались со едой, то вывезены
избыточно. Приблизительно 30 человек
остались в лагере после этого в
стабле и канале до Кольдичево
в итоге. Все они содержались
до 29 июня 1944 и на работы не
выпускались. К этому времени
уже готовились к эвакуации лю-
ди.

Kalko

- 5 - 71

устройства и много состава охраны.
Было очевидно очевидно, что
остатки людей, убитых за время
физическим уничтожением массовым
расстрел их парами, ночью и
продолжалась до утра. Тронуло-
лись они с места охраны лагеря
и на территории лагеря, в степи
было подготовлено для этой
цели земляной траншеи. Приблизит-
ельно к трем часам ночи 30 июня
1944 из ст. Кольдичево я прибыл
на территорию лагеря. К этому
времени расстрел уже продол-
жался. Охранными подразделениями по 10-15
человек водили к месту расстрела
людей. По приказу моего лагеря
Корна, а также охраняли
расстрел в кандалах узи-
тов из конюшни, где они содержа-
лись.

Kalko

Although I and the guards subordinate to me were directly involved in evacuating people, I did not know on what criteria this selection took place. Suffice it to say that both men and women and children were transported out of the camp. For some reason, very limited time was given for the evacuation and in connection with this, people were simply loaded in bulk. Prisoners who, for one reason or another, were delayed with fees were subjected to beatings. About 30 prisoners remained afterwards in the stables and a certain number in prison. They were all held until 29 June 1944 and were not taken out to work. By this time, preparations were underway for the evacuation.

Signature / Kalko

of property and security personnel. It was quite obvious that the remaining prisoners should be physically destroyed. Their mass execution began at night and continued until the morning. It was carried out by the camp guards and on the territory of the camp, in a long trench specially prepared for this purpose. At about three o'clock in the morning of 30 June 1944 I arrived at the camp from the village of Koldychevo. By this time, the execution had already taken place. The guards, in groups of 10-15 people, led the prisoners to the place of execution. On order of the chief of the camp, the German Nork, I also took part in escorting the prisoners from the stable where they were kept

Signature / Kalko

- 6 -

нес к месту расстрела и сам
 расстреливал там. Причем я знал
 это по приказанию Норка. Сейчас
 я не в состоянии назвать общего
 числа расстрелянных их было
 много. Глубокая и длинная тран-
 шея была выкопана в грунте.
 Кроме этого охранники забросали
 траншею землей. К сказанному
 хочу добавить, что в момент мас-
 сового расстрела узников, весь
 периметр лагеря усиленно охра-
 нялся. Увеличенная у нас охрана
 постоянно патрулировалась вокруг
 лагеря с тем, чтобы предотвра-
 тить возможное нападение пар-
 тизан. Вам покажут об одной
 картине этого массового рас-
 стрела, то она была ужасной. Видны
 крики, фигурная фигурация тех же
 щип и детей наводили страх. Какое
 Н. Калко

- 7 -

то необъяснимое чувство несто-
 ятельности руководило мной в то
 время. Но впоследствии мне я чув-
 ствовал себя виноватым в этом.
 Самая то невыносимая часть посто-
 янно меня преследовала впослед-
 ствии. Образно выражаясь, во время
 ареста в 1947. во мне произошла
 "заячья" кровь, - я побоялся рас-
 казать все правду, расказав
 в силу каких причин я так по-
 лез в советские танковые подразделения.

Допрос произведен 01.01.2014.
 Записано с моих слов верно,
 мной прочитано. Н. Калко
 Подпись: Н. Калко
 три ам блс по преданию оди.
 Подпись:

Архив Комитета государственной безопасности Республики Беларусь.
 Уголовное дело в отношении Калко Н.А., Сенкевича Л.А. и др.
 Archive of the State Security Committee of the Republic of Belarus. Criminal case against N. Kalko, L. Senkevich and etc.

to the place of execution and shot them there myself. And I did it on Nork's orders. Now I can't tell you the total number of those who were shot, but there were many. The deep and long trench was filled with corpses. The guards then covered the trench with earth. To that I would like to add, that the whole area of the camp was heavily guarded at the time of the mass execution of prisoners. The available незамысливо constantly patrolled around the camp in order to prevent a possible attack by partisans. If we talk about the overall picture of this mass execution, then it was terrible. The overall picture of the mass shooting was horrific. The moaning, shouting and heart-rending cries of women and children were frightening.

Signature / Kalko

that unreasonable sense of cruelty guided me at the time. Until the last days, I felt guilty about it. Some invisible shadow of the dead haunted me all the time. Figuratively speaking, during the arrest in 1947, "the blood of a hare" affected me - I was afraid to tell for what reasons I had fallen and committed grave crimes.

The interrogation was carried out from 10:00 to 14:00.
 Recorded from my words correctly, read by me. Signature / Kalko
 Interrogated: Head of the investigation department of the he Central Committee of the State Police under (illegible) in Brest region.
 Lieutenant Colonel

«АКЦИЯ 1005»

После победы Красной Армии в Сталинградской битве в феврале 1943 года нацисты приступили к осуществлению «Акции 1005» (нем. Sonderaktion-1005). Она представляла собой широкомасштабную долговременную программу по сокрытию следов нацистских преступлений в отношении граждан. Акция носила гриф «Совершенно секретно», а все ее участники давали подписку о неразглашении.

В августе 1943 года для реализации намеченной операции в Беларуси создана «зондеркоманда 1005-Центр».

«Специальное мероприятие» осуществлялось по единому приказу нацистского руководства, с общим центром управления, использованием единых приемов сокрытия следов преступлений. Основным методом в ликвидации следов массовых убийств являлось сожжение трупов. Для этих целей создавались «команды смертников» из числа военнопленных, заключенных лагерей смерти, местных жителей. «Команды смертников» раскапывали ямы-могилы, где массово были похоронены в том числе узники лагерей смерти, извлекали оттуда трупы, укладывали их штабелями между дровами, поливали горючей смесью и сжигали. Несгоревшие кости размалывали специальными машинами. Землю на ямах-могилах выравнивали гусеничными тракторами, затем места массовых казней маскировали дерном и зелеными насаждениями.

Согласно содержанию стенограммы судебного процесса по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими преступниками в Белорусской ССР, обвиняемый обер-лейтенант СС, криминал-комиссар гестапо, бывший начальник полиции безопасности в Орше, Борисове и Слониме Ганс Герман Кох показал: «...По заявлению полковника Эрлингера приказ был получен из Берлина, в котором предлагалось, чтобы на всей оккупированной территории Советской России органы гестапо немедленно приступили к раскопке массовых могил и к сожжению трупов, ранее расстрелянных советских граждан...» [18].

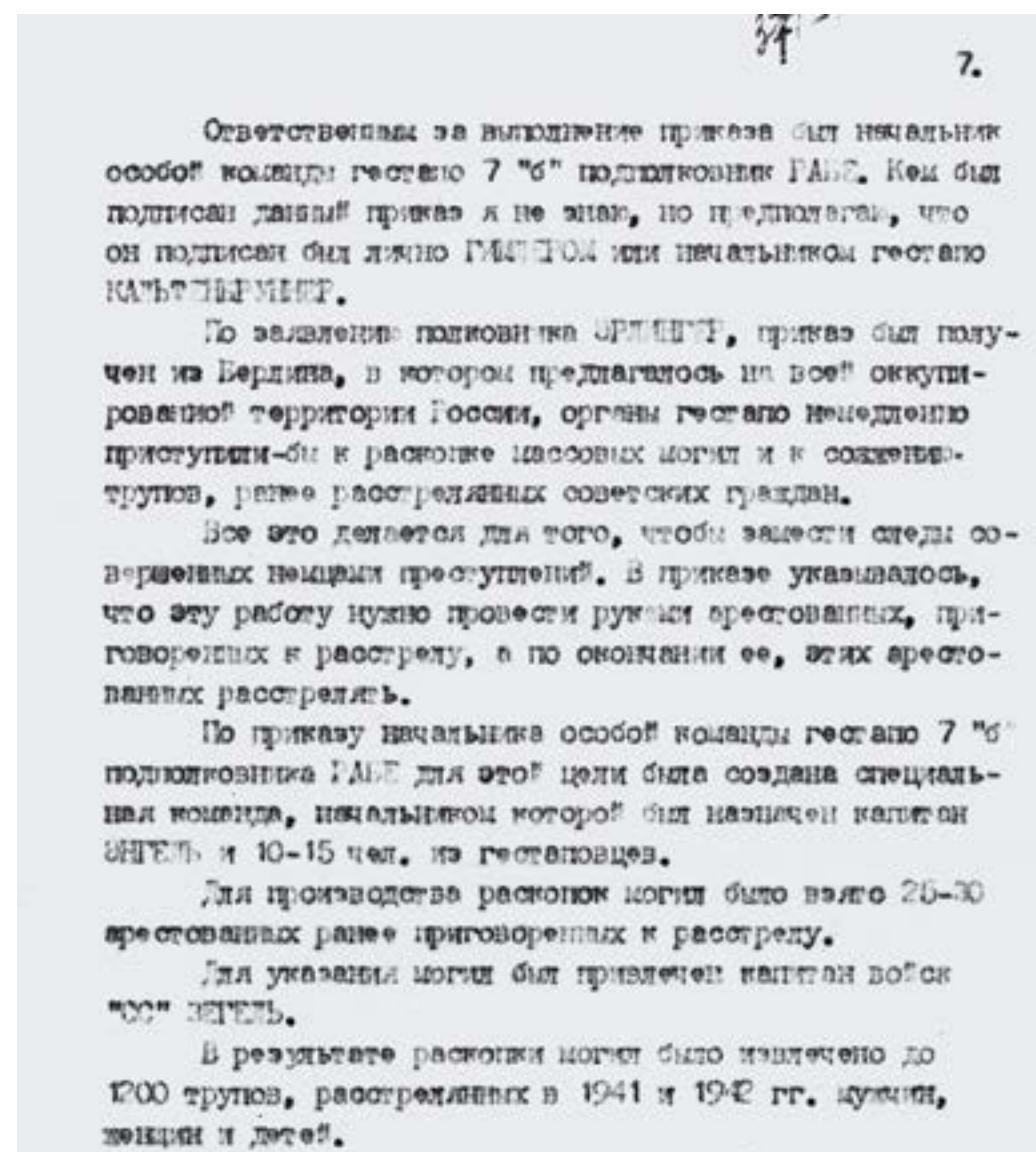
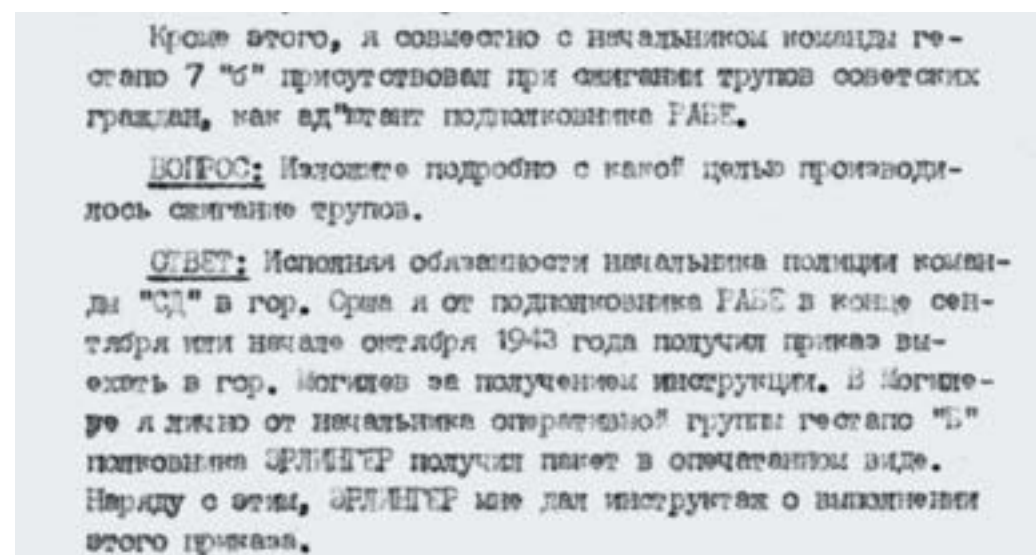
"CAMPAIGN 1005"

After the victory of the Red Army in the Battle of Stalingrad in February 1943, the Nazis began to carry out "Campaign 1005" (German: Sonderaktion-1005). It was a large-scale long-term program to cover up the traces of Nazi crimes against citizens. The action was labeled "Top Secret", and all its participants signed a non-disclosure agreement.

In August 1943, the "Sonderkommando 1005-Center" was established to implement the planned operation in Belarus.

The "special event" was carried out on a single order of the Nazi leadership, with a common control center, using unified methods of concealment of the traces of crimes. The chief method of elimination of traces of massacres was the burning of corpses. For these purposes, "teams of condemned men" were created from among prisoners of war, prisoners of death camps, and local residents. "Teams of suicide bombers" dug up pits-graves, where en masse were buried, including prisoners of the death camps, they removed corpses from pit-graved, stacked them in piles between firewood, placed them in piles between firewood, poured with combustible mixture and burned them. Unburned bones were grinded by special machines. The ground at the grave-pits was leveled with special machines, then the places of mass executions were masked with tar and green spaces.

According to the contents of the transcript of the trial on the case on the atrocities, committed by Nazi criminals in the Byelorussian SSR, the accused Ober-Lieutenant of the SS, crime-commissar of the Gestapo, former head of the security police in Orsha, Borisov and Slonim Hans German Koch testified: "...According to the statement of Colonel Erlinger, the order was received from Berlin, which suggested that throughout the entire occupied territory of Soviet Russia, the Gestapo would immediately begin to excavate mass graves and burn the corpses of previously executed Soviet citizens ..." [18].

In addition, together with the head of the Gestapo team 7 "B", I was present at the burning of the corpses of Soviet citizens, as adjutant of Lieutenant-Colonel RABE.

QUESTION: Describe in detail for what purpose the burning of corpses was carried out.

ANSWER: While performing the duties of the Chief of Police of the "SD" team in Orsha, I received orders from Lieutenant-Colonel RABE to go to Mogilev in late September or early October 1943 to receive instructions. In Mogilev I personally received a sealed package from Colonel ERLINGER, head of the Gestapo Task Force B. Along with this, ERLINGER instructed me to carry out this order.

7.

Lieutenant Colonel RABE, head of the special Gestapo 7B team, was responsible for carrying out the order. I do not know who signed this order, but I assume that it was personally signed by HITLER or by the chief of the Gestapo KALTENBRUNNER.

According to Colonel ERLINGER, the order was received from Berlin, which envisaged that throughout the occupied territory of Russia, the Gestapo authorities would immediately begin excavating mass graves and incinerating the corpses of Soviet citizens who had previously been shot.

All this was done in order to cover up the traces of the crimes committed by the Germans. The order stated that this work should be carried out by the hands of those arrested who had been sentenced to be executed, and that when it was completed, these arrestees were to be shot.

On the orders of Lieutenant Colonel RABE, head of the Gestapo 7B Special Command, a special team was created for this purpose, the head of which was Captain ENGEL and 10-15 people from the Gestapo.

25-30 arrested people who had previously been sentenced to execution were taken to excavate the graves.

To indicate the graves, the captain of the "SS" troops SEGEL was involved.

As a result of the excavation of the graves, up to 1200 corpses of men, women and children were recovered, shot in 1941 and 1942.

С.И. Пилунов – один из чудом выживших участников «команды смертников», производивших уничтожение трупов на территории Могилевской и Гомельской областей, в своем заявлении сообщил об обстоятельствах сокрытия нацистами следов своих злодеяний вблизи Ивановского леса, у зарытого противотанкового рва. Тех, кто из-за физического отвращения не мог дотрагиваться до разложившихся трупов, заставляли ложиться лицом вниз на трупы и лежать так несколько минут, вдыхая трупный запах.

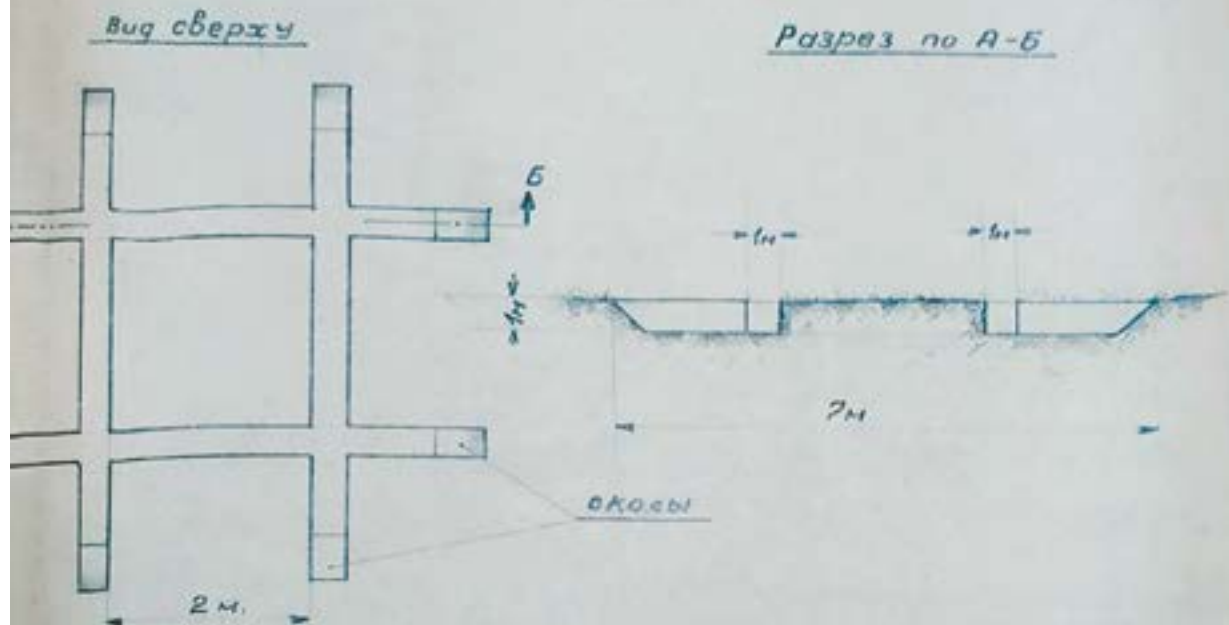
S. Pilunov – one of the miraculously surviving members of the condemned man who destroyed corpses in the Mogilev and Gomel regions, in his statement, he informed on the circumstances of the Nazis concealing the traces of their atrocities near the Ivanovo forest, near the buried anti-tank ditch. Those who, due to physical disgust, could not touch the decomposed corpses, were forced to lie face down on the corpses and lie there for several minutes, inhaling the putrid smell.

В 6 часов 4.10.43 оставшихся после "разгрузки" 280 человек разместили на 4 трехтонных автомашинах, предварительно снабдив, неполностью, инструментами: лопатами, топорами, пилами, и повезли в район с. Цыганово, Могилевского района. Остановились мы на поляне, вблизи Цыгановского леса, у зарытого противотанкового рва, берущего свое начало в 200 метрах на север от шоссе Милос-Могилев и проходящего между Стерня и Колки Цыганов, до болота, что севернее двух последних пунктов.

В 8 часов, после завтрака /хлеб и чашка черного травяного кофе/, часть из нас – около 40 чел. – подвели в противотанковый ров. Переводчик /из немцев Поволжья, имя – Васильев, фамилии не помню, в возрасте около 30 лет, среднего роста, худощавый, приземистое лицо, длинный нос, голубые глаза, русые волосы/ обвинил, не вдаваясь в детали, что нам предстоит раскопывать противотанковый ров. Вторая группа – около 20 человек – приступила к рытью котлованов, предназначенных, как потом выяснилось, для сжигания трупов.

Каждый из котлованов имел в длину 7-8 метров, в ширину и глубину – по 1 метру. Два котлована, вырытых параллельно, на расстоянии 2 метров, пересекались, под прямым углом, второй стороной так же параллельно расположенных котлованов. Получался квадрат с отходящими от его углов четырьмя парами перпендикулярных осей и другому отрезкам /продолжениями котлованов после их взаимного пересечения/. Концы последних имели осыпи, дно которых на протяжении полуметра постепенно и правильно понижалось от уровня грунта до уровня дна котлована.

Схематически это можно изобразить следующим образом:

На эту систему котлованов являлись в один ряд бревна или мерды, а поверх их - колотые дрова. Далее шла прослойка из кусковой смолы, смешанной с каменным углем, на которую в один ряд складывались извлекаемые первой партией рабочих трупы. Поверх последних кладлись, в правильной последовательности, мерды, колотые дрова, смола и каменный уголь, а на них - второй ряд трупов. Штабель под конец достигал 3-10 метров высоты, имея до 20 рядов трупов, и работа наверху требовала устройства специальных приспособлений, напоминавших primitivные "лесы", применяемые при постройке зданий. Некоторые из рабочих падали с "лесов", калечили себя и, под видом неисправных в госпиталь, увозились на расстрел. Печь поджигалась с трех сторон, а горючий материал в местах поджога предварительно поливался обильными порциями бензина. Доступ достаточного количества воздуха в котлован, под нижним слоем горючего материала, обеспечивался указанными на схеме способами.

Третья партия - около 35 человек - резала дрова, предназначенные для сжигания трупов. Остальные заняты были возкой бревен, мерды, каменного угля, смолы и круглого горючего материала, доставлявшегося из Иоганнеса и соседних от мест

нашей работы сел.

Приступив к работе по отрывке рва, на глубине полуметра мы обнаружили зарытые трупы, настолько разложившиеся, что у многих из нас появилась рвота. Трупы во рву были сложены в 6-8, а в некоторых местах в 12 рядов, один труп впереди ногам, следующий - впереди головой и т.д., в том же порядке. В первый день мы, работая до наступления темноты, извлекли не менее 4000 трупов. Из мест, занятых водой, трупы извлекались или крючками из полудюймовых железных двухметровой длины прутьев, имевшими рукоять в форме вольца, или обычными крестьянскими железными вилами с деревянными рукоятками. В сухих местах работа по извлечению трупов производилась без инструментов, голыми руками. Первое время тех, кто не решался брать в руки труп или отдельный кусок полуразложившегося мяса, немцы заставляли ложиться лицом вниз, на труп и вдыхать его запах в течение 5-10 минут. В частности, так немцы 4 раза поступили с десантником - капитаном Вондаревым /о нем упомяну ниже/, у которого трупный запах долгое время вызывал сильную рвоту и полную потерю аппетита.

Несколько можно судить по уцелевшим предметам, умершим и зарыты во рву были военнослужащие и, в большем числе, гражданские лица, много грудных детей, стариков, покровство, женщины.

Переводчик Василий объявил нам, что найденные на трупах ценности: часы, золото, в том числе и золотые зубы, деньги и пр. требуется собирать и передавать ему. Наблюдая за выполнением этого приказания полицейский Ляхов /впоследствии расстрелянный и сожженный немцами/, житель г. Брянска, заставлявший извлекать из трупов не только золотые, но и белого металла искусственные зубы. Передавая найденное переводчику, Ляхов получал каждый раз "награду": кусок хлеба, сигаретку, кружечку пива, в обед - увеличенную порцию супа. Попав, в свое время в тыл за кражу, он там использовался в качестве охранника при погрузках заключенных в "душегубки".

Кроме переводчика Василия, был переводчик - немец Омельхольд /которого Ляхов называл "яшмой"/, имевший свою долю в добывавшихся ценностях. Приметы Омельхольда: возраст - около 30 лет, рост средний, лицо худощавое, тонкий нос, правильной формы, глаза карие, светло-рыжего цвета волос.

В этом районе я, работая с рассвета до темноты, находясь до 19.10.43 г. выключительно. К тому времени было извлечено и сожжено в четырех печах свыше 25.000 трупов. Каждая печь горела 3-4 суток. Как говорил переводчик Василий Ляхову, в

211

в этом районе зарито около 35.000 трупов.

19.10.43 была устроена и загружалась трупами пятая печь. четыре из них были устроены на запад от рва, а одна, самая большая по высоте, оборудована непосредственно во рву. Когда очередная печь догорала окончательно, выкапывалась специальная команда в 15-20 заключенных, состав которой собирал уцелевшие от огня части костей и специальными трамбовками /по типу употреблявшихся при ремонте шоссе дорог/ размазывал их на деревянном помосте, а затем смешивал с грунтовой землей. Охраня состояла из 38 немцев, вооруженных автоматами и 4 станковыми пулеметами. Имелось 8 розенных и сторожевых собак, из которых 4 применялось для оцепления района работ и 4 - для нашего непосредственного охранения. Из состава нашей группы для оцепления нас не было выделено 12 полицейских. По шоссе, вблизи места работ, могли проезжать только немцы, а остальные, случайно попавшие в оцепленную зону, расстреливались и сжигались вместе с выкопавшимися нами трупами.

Таких случаев было два. В одно из воскресений к месту работы приближались мужчина и женщина, ехавшие на подводе, сзади которой была на привязи корова. Люди были застрелены в сонном, лошадь отогнана в произвольном направлении, а корова использована на мясо. Несколько позднее таким же образом и по аналогичному поводу была лишена жизни девушка 18-19 лет.

Кормили команду 3 раза в сутки: на завтрак и ужин - суррогатное черное кофе, на обед - консервная банка супа из неочищенного картофеля, на сутки - до 200 грамм хлеба. Питались на месте работы, в 5-10 шагах от трупов. Руки перед едой не мыли. Многие в такой обстановке не могли кушать. Начались массовые желудочные заболевания. Больных увозили, якобы, но в госпиталь, но на другой день мы замечали в верхних штабелях печей свежие трупы своих товарищей. При мне было отмечено 2 таких случая: первый раз немцы уничтожили 9 а вторично - 6 заболевших.

20.10.43 меня в числе 35 человек, наиболее физически крепких, направили в какой-то артгородок, находящийся приблизительно в 12 км на северо-запад от гор.Гомеля /точно названия этого пункта не знаю/, а остальной состав рабочей команды продолжал работать на прежнем месте.

Там, в районе Панковск-ого леса, судя по сообщению переводчика Василия полицейскому Ляхову, всего было зарито

212

около 35.000 расстрелянных. Следовательно, оставшимся заключенными предстояло извлечь еще до 10.000 трупов,

Каждому из отправленных на новое место было выдано, на дорогу, по 1 хлебку весом в пядьграмм, а в пути один раз понки - непосредственно из речки. По прибытии на место один из заключенных 7 учитель из Чаусского района, наевшись, после голодовки, хлеба, умер от заворота кишок. Одного из заключенных - еврея немцы заставили сделать крест для умершего, а после похорон /в деревне, где мы располагались, на огороде/ ми, по приказанию немцев не, пели молитвы.

В районе на юг от артгородка, приблизительно в километре, ми в течение 5 дней извлекли из 4 могил более 3 тысяч трупов /всего со слов переводчика Василия, там должно было находиться до 8 тысяч/. В первой могиле находилось 1500-1600 трупов, главным образом, военных, во второй - около 800 трупов - военных и гражданских, в третьей более 1 тысячи, преимущественно евреев - женщин и детей и в меньшей числе - мужчин. О четвертой могиле сведений не имею. Ввиду того, что грунт в том месте сухой, песчаный, трупы были менее разложившимися, чем в районе Панковского леса.

Все извлеченные трупы были сожжены в двух штабелях, причем по мере сгорания в эти же штабеля закидывались все вновь извлеченные из могил. Размеры печей и характер устройства таковы же, как и в районе Панковского леса.

Охраняло нас 20 немцев, при которых находилось 4 собаки. На ночлег отвозили, в "дупегубье", в ближайшую деревню, названная которой не угадали, там-там гражданского населения в ней не было. "Дупегубку" охраняли две бронемашины - спереди и сзади.

На второй день, после работы, приехал начальник Гомельского гестапо /фамилия начинается с буквы "Б"/, давний нам по куску хлеба, после чего мы, по приказанию этого немца, один вблизи горевшего штабеля с трупами, пели песни "Стенька Разин", "Катюша" и др. Немец, расчувствовавшись, заглянул через переводчика сказал нам, что очень любит русские песни, поблагодарил, подарил по сигаретке каждому курящему и уехал.

26.10.43 г. нас, 34 человека, в той же "дупегубье" направили в м.Сзаричи, где мы в течение 3-5 суток извлекли из 3 могил, находившихся в полукилометре от еврейского кладбища /точно по сторонам света ориентировать не могу/, около 4000 трупов. Всего же, по немецким данным, в этом районе похоронено до 4000 расстрелянных.

213

Первая и вторая могилы были устроены в противотанковом рву, а 3-я - в большой воронке, образовавшейся от разрыва авиабомбы. Трупы евреев в этой могиле были сложены в беспорядке, а в первых двух - рядами, в которых голова второго трупа находилась у ног первого и третьего. Вследствие сухости грунта трупы разложившись незначительно, на многих уцелела одежда и обувь.

Работу мы производили тем же, что и на старом месте, способом. Все трупы были сожжены в течение 2 суток, в одной печи, основание которой имело форму яруса, поскольку было образовано не четырьмя, как раньше, а только двумя котлованами прежних габаритов.

3. или 4.11.43 г. мы прибыли в район с.р.Полковичи, Могилевского района, остановившись в 1 км на восток от нее, у опушки леса. Там уже работала часть левой партии заключенных, прибывших по окончании работы из района Навковского леса. По словам

214

немцев, мы должны были извлечь из 8 могил в противотанковом рву 11.000 трупов, а фактически извлекли около 8.000, в большинстве военных. Среди гражданских лиц было несколько немцев.

Могилы немцами отсыкивались во всех случаях, о которых мне известно, следующим образом:

После определения по карте примерное место массового погребения команда в 5-6 человек, во главе с немцем, рыла, на площади 1000 x 250 м, контрольные ямки диаметром около четверти метра, глубиной 1-0,5 метра и на расстоянии 5-10 м, одна от другой - в зависимости от обстоятельств. На рывке контрольных ямок - поскольку немцы знали места погребений лишь приблизительно, малой точностью - затрачивалось 2-3 часа в каждом случае.

Всего мы там работали один сутки. Во время работы, днем, вблизи проходила девушка 16-18 лет, жительница д.Полковичи. Переводчик Василий подозревал ее, под предлогом проверки документов. Присутствовавший здесь немец - со слов переводчика, начальник смоленского гестапо - пристрелил девушку, а труп приказал сжечь. Приметы девушки: ниже среднего роста, круглое лицо, темно-русые волосы, одежда была в темно-синие осенние пальто и черные туфли.

После работы переводчик заставил нас петь песни: "Широна страна моя родная" и др. Вечером этого дня нас разбили на две группы. Одну из них на 2 трехтонных автомашинах увезли, в сопровождении бронемашин и мотоциклов, якобы, в район Панковского леса. Не мы видели, что группу везли лишь ко опушке леса, где моторы машин были заглушены, а люди замаскированы. Из оставшихся на месте отобрали 6 человек - в том числе и меня - в остальных, более 100 человек /среди которых был работник Могилевского РО НКВД Кабанов Борис/, силой загнали в "душегубку", заперли наглухо. Намеру последней и выключили мотор. Мы, находясь метрах в 20 от "душегубки", слышали как запертые в ней стучали в стены и дверь, кричали, плакали. Минут через 40 машину подогнали к печи, еще не потухшей, отырили двери "душегубки", и оттуда стали падать на землю трупы. У многих из них глаза, обычно покрытые влагой, вылезли из орбит, большая часть замученных была с открытым ртом, некоторые - со следами как бы ушибов. Кожа на трупах имела ярко вишневатый красный цвет, как бывает после долгого пребывания в бане.

Преждевальный Винновский Павел, его сын Андрей и дочь Анна, проживавшие в г.Могилеве, на Нижней Миняновке, д.М 24 /не точно/, арестованные за участие во взрыве на Могилевской фабрике искусственного шелка, - умерли, крепко обнявшись.

Там же погибли: 1. Именной список с партизанами 121 партизанского отряда шофер Фабрики искусственного меха Ческо Алексей; 2. Преданная его немцам украинка Ольга /фамилия не помню/, работавшая на той же, что и Ческо, фабрике; 3. Арестованный по одному делу с Ческо секретарь Могилевского областного Комком Иван; 4. Арестованный за связь с партизанами бухгалтер Учгора Соц. Грыманов Михаил Алексеевич; 5. Арестованный за то же секретарь Тимовского о/совета, Могилевского района, Шваков Георгий Иванович; 6. Казитая Вендерева, родившаяся 1914 г., уроженка Оренбургской области, десантница, захваченная немцами в Велижском районе в мае 1942 г. и в тюрьме, от побоев, доведенная до неистового расстройств; 7. Янубов Иван Афанасьевич - обвиненный в связи с партизанами командир введённого 121 партизанского отряда Трубова Александра Ильича /документы, найденные полицией при последнем, послужили, как я указал выше, причиной моего ареста/.

Нас заставили вынести трупы из "душегубки" и сложить в горнищу печь. Тура же были заброшены и личные вещи заключенных. Я с одним из заключенных /фамилия не помню/ укладывал на верх печи труп Комкова, а в это время немцы дали команду остальным четверем заключенным также забираться наверх. Все поняли, для чего это делается, и я крикнул "Смерть немецким оккупантам!". Переводчик выстрелил в меня, но попал в моего соседа. Я, притворившись мертвым, ушел вместе с соседом. Немцы открыли огонь из автоматов по остальным четверем заключенным, к я получил при этом также ранение в голову, но не потерял сознания. Вслед за этим по голосам понял, что со стороны леса, где немцы замаскировали первую партию, подошли еще 6 человек. Судя по разговорам, это были "добровольцы" из "РОА", привалившиеся перед немцами. Один какой-то украинец умолял пощадить его, указывая на свои услуги перед немцами, вызываясь ехать на работу в Германию; второй говорил, что осужден не за борьбу против немцев, а за правду; третий твердил о своей медали, полученной от немцев. Переводчик всем обещал отправку в Германию - при условии хорошего выполнения работы на сжигание трупов.

Эти 6 человек разгрузили вновь прибывшую из лесов "душегубку" и стали укладывать трупы на верх печи. Предварительно на тот ряд трупов, в котором лежал я, были полжжены доски от разрушенных построек, а на них вкось, в беспорядке, стали складываться трупы. Гвоздь, вбитый в поперечную на меня доску, проткнул мне в правую руку. По мне несколько раз проходили люди, тащившие трупы, отягощенные мне на спину.

216

Когда 6 человек "добровольцев" закончили укладку трупов и подготовку и поджогу печи, их уносили на землю и расстреляли из автоматов, оставив трупы на земле. Штабель был облит бензином и при помощи термитных палок подожжен, в трех местах, снизу. Уже темнело. Все немцы, кроме шофера "душегубки" и одного часового, уехали. Я чувствовал, что огонь приближается ко мне. Немцы, как можно было понять по стуку дверей "душегубки", оба вошли в нее и меня увидать не могли, поскольку я находился ближе и противоположной от машины сторона штабеля. Я с трудом, оторвав рукав рубашки, освободил руки, затем - ноги, выбрался из-под трупов и, свалившись на землю, пополз в мусть - метрах в 8-10 от печи - не будучи замечен немцами. Пройдя, после короткого отдыха, метров до 700, вынужден был, из-за раздававшихся с направления, куда я скрывался, для соблава и стрельбы, вернуться. В трехстах метрах от себя я вновь увидел печь, стоя около которой два немца бросили в огонь трупы расстрелянных последних 6 человек, поднимая каждый из них за руки и ноги и черед броском распахивая.

Ночью я успел добраться до дер. Малые Полыковичи, где едва не попал в руки немецкого часового, в отступе ухватил обходя немцы патрули и вынужденно меня направлением, попал в деревню /название не помню/, где мне один из жителей дал покурить, рассказал про дорогу, снабдил занесом продовольствия, фуфайкой и галосками. Дном, добравшись до дер. Старый Полыков, остановился у связанного с партизанами Полыкова Ивана Павловича. Нок-полком, в хате у последнего, сидел до вечера, когда к Полыкову заехали 2 партизана-разведчика из 121 партизанского отряда. Через местных жителей обо мне сообщили в отряд, а оттуда в 20 часов за мной прибыла подвода.

При медицинском осмотре в отряде было установлено, что при ранении меня в голову лишь слегка задета теменная кость черепа. В настоящее время чувствую себя вполне здоровым.

/Пилунов/

20. Мая 1944 г. Пилунов

At 06 a. m. on 4.10.43 280 persons remained after "unloading" were placed on 4 three-ton vehicles, having previously provided, not completely, with tools: shovels, axes, saws, and were taken to the area of the village of Pashkovo, Mogilev region. We stopped in a clearing, near the Pashkovsky forest, at a buried anti-tank ditch, originating 200 meters north of the Minsk – Mogilev highway and passing between Stary Pashkov and Novy Pashkov to the swamp north of the last two points.

At 8 o'clock, after breakfast (bread and a cup of black ersatz coffee), some of us – about 40 people – were led to the anti-tank ditch. The interpreter (from the Volga Germans, first name Vasily, cannot remember his surname, aged about 30, average height, thin, pimply face, long nose, blue eyes, blond hair) announced, without going into details, that we had to dig out an anti-tank ditch. The second group (about 20 people) began to dig pits, which, as it turned out later, were intended for burning corpses.

Each of the pits was 7-8 m long, 1 m wide and 1 m deep. Two pits dug in parallel, at a distance of 2 m, were intersected at a right angle by a second pair of the same parallel pits. The result was a square with four pairs of processes perpendicular to one another (continuations of pits after their mutual intersection) extending from its corners. The ends of the latter had bevels, the bottom of which, over half a meter, gradually and correctly lowered from the ground level to the level of the bottom of the pit.

Logs or poles were laid in one row on this system of pits, and chopped firewood was placed on top of them. Next came a layer of lumpy resin mixed with coal, on which the corpses extracted by the first group of workers were stacked in one row. On top of the latter, poles, chopped firewood, tar and coal were placed in the same sequence, and a new row of corpses was placed on top of them. In the end, the pile reached 8–10 m in height, having up to 20 rows of corpses, and work at the top required the construction of special devices that resembled primitive "scaffolding" used in the construction of buildings. Some of the workers fell from the "scaffolding", maimed themselves and, under the guise of being sent to the hospital, were taken away to be shot. The furnace was set on fire from 3 sides and the combustible material in the places of arson was preliminarily doused with copious amounts of petrol. The access of a sufficient amount of air to the pits under the lower layers of combustible material was provided by the bevels indicated in the scheme.

The third party – about 35 people – cut firewood intended for burning corpses. The rest were busy hauling logs, poles, coal, tar and other combustible material delivered from Mogilev and neighboring villages from our place of work.

When we set about the work of excavating the ditch, at a depth of half a metre we found buried corpses so decomposed that many of us began to vomit. The corpses in the ditch were stacked in 6–8, and in some places in 12 rows, one corpse feet first, the next head first, etc. in the same order. On the first day, we, working until dark, removed no less than 4,000 corpses. From places flooded with water the corpses were extracted either with hooks from half-inch iron two-metre-long rods with a ring-shaped handle, or with the usual peasant's iron pitchforks with wooden handles. In dry places, work on the extraction of corpses was carried out without tools, with bare hands. At first, those who did not dare to pick up a corpse or a separate piece of half-decomposed meat, the Germans were forced to lie face down on the corpse and inhale its smell for 5–10 minutes. In particular, the Germans did this 4 times with the paratrooper – Captain Bondarev (I will mention him below) in whom the cadaverous smell for a long time caused severe vomiting and complete loss of appetite.

As far as can be judged from the surviving objects, military personnel and a large number of civilians, many infants, old people, teenagers, women were killed and buried in the ditch.

The interpreter, Vasily, announced to us that the valuables found on the corpses: watches, gold, including gold teeth, money, and so on, must be collected and handed over to him. The execution of this order was monitored by policeman Lyakhov (later shot and burned by the Germans), a resident of Bryansk, who forced the extraction of not only gold but also white metal artificial teeth from the corpses. Every time he handed something over to the interpreter, Lyakhov received a "reward": a piece

of bread, a cigarette, a mug of kvass and an increased portion of soup for lunch. Having once been imprisoned for theft, he was used there as a guard when prisoners were loaded into "gas chambers".

In addition to the interpreter Vasily there was a German interpreter, Omelhold (whom Lyakhov called "Yashka") who had his share in the extracted values. Omelhold's signs: age – about 30 years old, medium height, thin face, thin nose of the correct shape, brown eyes, light red hair.

I was in this area, working from dawn to dusk, till 19.10.43 inclusive. By that time, more than 25,000 corpses had been removed and burned in four furnaces. Each furnace burned for 3–4 days. As the interpreter Vasily told to Lyakhov, about 35,000 corpses were buried in that area.

On 19.10.1943 the fifth furnace was arranged and loaded with corpses. Four of them were arranged to the west of the moat and one, the biggest in height, was set up directly in the ditch. When another furnace was completely burnt out, a special team of 15–20 prisoners was assigned, the composition of which collected the parts of the bones that had survived from the fire and with special rammers (like those used in the repair of highways) ground them on a wooden platform, and then mixed them with soil. The guards consisted of 68 Germans armed with submachine guns and 4 machine guns. There were 8 search and guard dogs, of which 4 were used to cordon off the work area and 4 – for our direct guarding. The group had 12 police officers assigned to cordon us off. Only Germans could drive along the road near the work site, while others who accidentally fell into the cordoned-off area were shot and burned with the corpses we dug up.

There were two such cases. On one Sunday, a man and a woman approached the place of work, riding in a cart with a cow tied up at the back. People were shot and burned, the horse was driven off in an arbitrary direction, and the cow was used for meat. Somewhat later, in the same way and for a similar reason, a girl of 18-19 years old deprived of her life.

The team was fed 3 times a day: for breakfast and dinner – surrogate black coffee, for lunch – a can of soup from unpeeled potatoes, for a day – up to 200 grams of bread. We ate at the workplace, 5–10 paces from the corpses. Hands were not washed before eating. Many people could not eat in such an environment. Masses of stomach ailments began. The sick were taken away, ostensibly to hospital, but the next day we noticed fresh corpses of our comrades in the upper stacks of the ovens. In my presence there were 2 such cases: first time the Germans killed 9 and the second time 6 of them.

On 20.10.43 among 35 people, the most physically strong, I was sent to some art town, located approximately 12 km to the north-west of Gomel (I don't know the exact name of this point), and the rest of the working team continued to work in the same place.

Each of those sent to a new place was given 1 loaf of bread weighing per kilogram for the journey, and on the way they were given one drink directly from the river. Upon arrival at the place one of the prisoners, a teacher from Chausky district, had eaten too much bread after the hunger strike and died of volvulus. One of the prisoners, a Jew, was forced by the Germans to make a cross for the deceased, and after the funeral (in the village where we were located, in the garden), we, on the orders of the Germans, sang prayers.

In the area to the south of the art town, about a kilometer away, within 5 days we removed more than 6 thousand corpses from 4 graves (and in total, according to interpreter Vasiliy, there should have been up to 8,000 corpses). In the first grave there were 1500–1600 corpses, mostly military, in the second – about 800 corpses of military and civilians, in the third – more than 1 thousand, mostly Jews – women and children, and men in smaller number. I have no information about the fourth grave. Since the ground in that place is dry and sandy, the corpses were less decomposed than in the Pashkovsky forest area.

All the recovered corpses were burned in two piles, and as they burned, all those newly removed from the graves were thrown into the same piles. The size of the furnaces and the nature of the device are the same as in the Pashkovsky Forest area.

We were guarded by 20 Germans with 4 dogs. They were taken to the nearest village for the night in a "gas chamber", the name of which was not established, since there were no civilians in it. The "gas chamber" was accompanied by 2 armored vehicles – in front and behind.

On the second day after work, the chief of the Gomel Gestapo (the surname begins with the letter B) came and gave us a piece of bread, after which we, on the orders of this German, sitting near the burning pile of corpses, sang the songs "Stenka Razin", "Katyusha" and others. The German, having become emotional, began to cry and through an interpreter told us that he loved Russian songs very much, thanked us, gave a cigarette to each smoker and left.

On 26.10.43, we, 34 people, were sent in the same "gas chamber" to Ozarichi, where within 5-6 days we removed about 4,000 bodies from three graves, half a kilometre away from the Jewish cemetery (I can't orient exactly to the cardinal points). In total, according to German data, up to 6,000 executed were buried in this area.

The first and second graves were arranged in an anti-tank ditch, and the 3rd – in a large crater formed from a blast of an air bomb. The corpses of the Jews in this grave were stacked in disorder, and in the first two – in rows, in which the head of the second corpse was at the feet of the first and third. Due to the dryness of the ground, the corpses decomposed slightly, many of them survived clothes and shoes.

We carried out the work in the same way as in the old place. All the corpses were burned for 2 days in one furnace, the base of which was in the shape of a cross, as it was formed by only two pits of the previous size, rather than four, as before.

On November 3 or 4, 1943, we arrived in the area of vil. Polykovichi, Mogilev region, stopping 1 km east of it, at the edge of the forest. Some of our party of prisoners, who had arrived at the end of their work from the Pashkovsky Forest area, were already working there.

According to the Germans, we had to retrieve 11,000 corpses from 6 graves in the anti-tank ditch, but in fact we retrieved about 8,000, most of them military. There were several gypsies among the civilians.

The graves were found by the Germans in all cases of which I know, in the following way. After determining the approximate place of mass burial on the map, a team of 5-6 people headed by a German dug control pits of about quarter of a meter in diameter, 1-0.5 meters deep and at a distance of 5-10 m from one another, depending on the circumstances. The digging of control pits, since the Germans knew the burial places only approximately, with little precision, took 2-3 hours in each case.

We worked there for one day in total. While we were working during the day, a girl of 16-18, a resident of the village of Polikovichi, was passing close by. The interpreter, Vasiliy, called her under the pretext of checking documents. The German who was present there (according to the interpreter – the head of the Smolensk Gestapo) shot the girl and the corpse was ordered to be burned. The girl's features: below average height, round face, dark blond hair, dressed in a dark blue autumn coat and black shoes.

After work, the interpreter made us sing the songs "Broad is my native country and other songs. In the evening of that day, we were divided into 2 groups. One of them in two three-tonne cars was taken away, accompanied by an armoured car and motorcyclists, allegedly to the Pashkovsky forest area. But we saw that the group was taken only to the edge of the forest, where the engines of the cars were turned off and the people were disguised. Of those who remained on the spot, 6 people were selected, including me, and the rest were more than 100 people (among whom was an employee of the Mogilev RO of the NKVD Boris Kabanov) were driven by force into the "gas chamber", the last chamber was closed tightly and the engine was turned on. We, being about 20 meters from the "gas chamber", heard how those locked in it knocked on the walls and the door, shouted, cried. After

about 40 minutes the car was driven up to the furnace, which was still burning, the doors of the "gas chamber" were opened, and from there corpses began to fall to the ground. Many of them had eyes that were profusely moistened and popped out of their sockets, most of the tortured had their mouths open, some with traces of what seemed to be a smile. The skin on the corpses had a pronounced red tint, as one gets after a long stay in a bathhouse.

The elderly Vishnevetsky Pavel, his son Andrey and daughter Nina, who lived in Mogilev, Nyzhnia Myshakivka street 24 (not exact), arrested for their participation in an explosion at the Mogilev Artificial Silk Factory, died in a tight embrace.

The following were also killed: 1. Aleksey Cheshko, driver of the factory of the artificial regiment, who was in contact with the partisans of the 121st partisan detachment; 2. Ukrainian Olga who betrayed him to the Germans (I do not remember her surname but worked in the same factory as Cheshko); 3. The secretary of Mogilev Regional Court, Ivan Komkov, who was arrested on the same case as Cheshko; 4. Mikhail Alekseevich Grishanov, an accountant of constituency 804, arrested for contacts with partisans; 5. Georgy Ivanovich Shpakov, secretary of the Titov village council of Mogilev region, arrested for the same reasons; 6. Captain Bondarev, born in 1914, a native of the Orenbursk region, paratrooper, arrested by the Germans in Belynichi region in May 1942 and in prison, brought to mental disorder by beating; 7. Ivan Afanasyevich Yakubov – accused in connection with the partisans of the uncle of the slain platoon commander of the 121st partisan detachment Alexander Ilyich Yakubov /the documents found by the police in the latter's possession were, as I indicated above, the reason for my arrest/.

We were forced to take the corpses out of the gas chambers and put them into the burning furnace. The personal belongings of the tortured were also thrown in there. I and one of the prisoners (I do not remember the last name) were laying Komkov's corpse on top of the furnace, and at that time the Germans gave the command to the other four prisoners to also climb up. Everyone understood what it was for and I shouted: "Death to the German occupiers!" The interpreter shot at me, but hit my neighbor. I, pretending to be dead, fell down with my neighbor. The Germans opened fire from machine guns on the other four prisoners, and I was also wounded in the head, but did not lose consciousness. Following this, I realised from the voices that six more people were coming from the forest, where the Germans had camouflaged the first batch. Judging by the conversations, these were "volunteers" from the "ROA" who had guilty before the Germans. One Ukrainian pleaded for mercy, pointed out his services to the Germans and volunteered to go to work in Germany; the second said that he was convicted not for fighting against the Germans, but for theft; the third kept talking about his medal received from the Germans. The interpreter promised everyone to go to Germany on condition that they did a good job of burning corpses.

These 6 people unloaded the "gas chamber" that had just arrived from the forest and began to lay the corpses on top of the furnace. Previously, boards from the destroyed buildings were laid on the row of corpses in which I was lying, and the corpses were again piled on top of them, in disarray. A nail that had been driven into the board that had been placed on top of me hit me in my right arm. Several times the men who had dragged the corpses passed over me, stood on my back

When the six "volunteers" had finished stacking the corpses and preparing to set them on fire, they were placed on the ground and shot with machine guns, leaving the corpses on the ground. The pile was doused with gasoline and set on fire in 3 places from below with the help of thermite checkers. It was getting dark. All the Germans, except for the driver of the "gas chamber" and one sentry, left, I felt that the fire was approaching me. The Germans, as could be understood from the knock on the door of the gas chamber, both entered it and could not see me, since I was closer to the opposite side of the pile from the car. With difficulty, tearing off the sleeve of my shirt, I freed my arms, then my legs, got out from under the corpses and, falling to the ground, crawled into the bushes, 8-10 meters from the stove, without being noticed by the Germans. Having passed after a short rest

up to 700 meters, I was forced to go back due to resounding in the direction where I was following, the barking of a dog and shooting. Three hundred meters from me, I again saw a oven standing near which two Germans were throwing the corpses of the last six men they had shot into the fire, lifting each of them by the arms and legs and swinging them before throwing them.

At night I managed to get to the Malye Polikovichy village, where I almost got into hands of German sentry, and from there, successfully bypassing German patrols and being forced to change direction, I ended up in a village (I don't remember the name), where one of the residents gave me some food, told about the way, providing a supply of food, a jersey and galoshes. In the afternoon, having reached the Staroe Pashkovo village, I stopped at the house of Nikolai Pavlovich Polyakov, who was connected with the partisans. I was sitting under the floor in his house until the evening, when two partisan spies from the 121st partisan detachment came to Poliakov's house. Through local residents, I was reported to the detachment, and from there at 20 o'clock a cart arrived for me.

During a medical examination in the detachment, it was established that when I was wounded in the head, the parietal bone of the skull was only slightly injured. At present I feel quite healthy.

/Pilunov/

May 20, 1944

Signature

В лагерях смерти на территории БССР нацисты повсеместно пытались скрыть следы совершенных ими преступлений. Организацией устранения следов преступлений занимались специальные карательные отряды – айзатц-группы. По указанию руководства вермахта они формировали «команды смертников», которых по окончании ликвидации останков трупов также уничтожали.

Так, например, осенью 1943 года нацисты предпринимали попытку скрыть следы злодеяний, совершенных на территории лагеря смерти «Трошенец». Для этих целей раскапывались могилы, из которых извлекались трупы ранее убитых узников и сжигались. Пепел и мелкие кости зарывали в могилы, которые маскировались хворостом и еловыми ветвями. Кроме того, для уничтожения трупов замученных узников нацисты построили в урочище Шашковка в 0,5 км от лагеря смерти специальную печь, в которую ежедневно привозили людей, а также трупы из душегубок. Расстрелы производились как у входа в печь, так и в самой печи. Людей взрывали и убивали гранатами. Трупы укладывали на рельсы над топками, поливали смолой, перекладывали дровами и зажигали. Уцелевшие крупные кости утрамбовывались. После освобождения территории лагеря смерти от нацистов у входа в печь были обнаружены остатки одежды и мелких вещей погибших: женские кофточки, детские носки, пуговицы, гребенки и т. д., что свидетельствует о том, что перед сожжением нацисты раздевали своих жертв [10].

In the death camps on the territory of the BSSR, the Nazis universally tried to conceal the traces of their crimes. The organization of the elimination of traces of crimes was carried out by special punitive detachments – the Einsatzgruppen. At the direction of the leadership of the Wehrmacht, they formed "teams of condemned men", who, after elimination of the remains of corpses, were also destroyed.

So, for example, in the autumn of 1943, the Nazis attempted to conceal the traces of the atrocities committed on the territory of the Trostenets death camp. For these purposes, graves were dug up, from which the corpses of previously killed prisoners were removed, and burned. Ashes and small bones were buried in graves, which were masked with brushwood and spruce branches. Besides, for destruction of the corpses of the tortured, the Nazis built a special oven in the Shashkovka natural boundary, located half a kilometer from the death camp, into which people were brought daily, as well as corpses from gas chambers. Executions were carried out both at the entrance to the gas chambers and in the gas chamber itself. People were blown up and killed with grenades. The corpses were laid on rails above the fire furnaces, poured with resin, covered with firewood and set afire. The remained large bones were tampered. After the territory of the death camp was liberated from the Nazis, at the entrance to the furnace, the remains of clothes and small-sized belongings of the victims were discovered: women's blouses, children's socks, buttons, combs, etc., which indicates that the Nazis undressed the victims before burning [10].

Кремационная печь для сжигания останков узников в Трошенецком лагере смерти.
Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов. А36-008
Cremation oven for burning the remains of prisoners in the Trostenets death camp.
Belarusian State Archive of Film and Photo Documents. А36-008

Кремационная печь для сжигания останков узников в Трошенецком лагере смерти.
Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов. А36-010
Cremation oven for burning the remains of prisoners in the Trostenets death camp.
Belarusian State Archive of Film and Photo Documents. А36-008

В целях сокрытия следов геноцида в урочище Бронная Гора нацисты расстреляли все гражданское население, проживавшее на территории бывших военных складов. В марте 1944 года гитлеровцы согнали в лагерь смерти свыше 100 человек, которые проводили раскопку могил и сжигание трупов. Трупы сжигались на протяжении 15 суток. По окончании «работ» нацисты расстреляли всех рабочих, которые принимали в этом участие.

На поверхности могил и площадках, где происходило сожжение трупов, нацисты посадили деревья. После освобождения территории БССР от немецко-фашистских захватчиков на поверхности могил и площадках, где происходило сожжение трупов, были обнаружены останки негоревших костей, женские заколки, детская обувь, кость длиной 18 см руки ребенка [10].

Об уничтожении следов массовых убийств мирного населения в г. Борисове, где во время оккупации нацисты организовали лагерь смерти в местной тюрьме, рассказал в протоколе допроса от 6 августа 1945 года Антон Людвигович Декстеймар, уроженец Одесской области, служивший в немецкой полиции СД в качестве переводчика. За свою службу он получал зарплату и в интересах нацистов был неоднократно им награжден.

«В конце августа или в начале сентября мы приехали из г. Почеп в Борисов и стояли там до конца июня 1944 года, т. е. до отступления немецких войск из Белоруссии. Производились ли там расстрелы арестованных, мне не известно, но отравления «душегубкой» были неоднократны при моем участии и во время моего пребывания в отпуске. Например, об одном таком случае я узнал из рассказов сослуживцев...

Мне почему-то бросилась в глаза забинтованная правая рука сотрудника зондеркоманды 7 «б» Граупнер Фрица. Когда я спросил, что с его рукой, мне ответили, что Граупнер сожег (орфография сохранена) ее термитной гранатой во время сжигания трупов отравленных граждан.

В мае 1944 года в г. Борисове я уже был сам участником истребления арестованных советских граждан машиной «душегубкой». Я тогда был в охране места, где сжигались трупы отравленных на северной окраине г. Борисова. «Душегубка» ходила за арестованными в тюрьму два раза, забирая каждый

In order to conceal the traces of the genocide committed in the Bronnaya Gora natural boundary, the Nazis shot the entire civilian population, residing on the territory of the former military warehouses. In March 1944, the Nazis rounded up over 100 people to these death camps, who excavated graves and burned corpses. The bodies were burned for 15 days. At the end of the "works" the Nazis shot all the workers who took part in it.

On the surface of the graves and the sites, on the place the burning of corpses took place, the Nazis planted trees. After the liberation of the territory of the BSSR from the Nazi invaders, on the surface of the graves and the sites where the corpses were burned, the remains of unburned bones, women's hairpins, children's shoes, and a child's arm bone 18 centimeters long were found [10].

About the destruction of traces of massacres of civilians in the city of Borisov, where during the occupation the Nazis organized a death camp in a local prison, informed in the protocol of interrogation of August 6, 1945 Deksgeimar Anton, a native of the Odessa region, who was in the service of the German Security Service police as an interpreter. He received a salary and was repeatedly awarded for his service in the interests of the Nazis.

"At the end of August or at the beginning of September, we arrived from the city of Pochep to Borisov and stationed there until the end of June 1944, in other words before the retreat of German troops from Belarus. I don't know whether the arrests were executed there, but there were repeated poisonings in "gas chamber" with my participation and during my stay on vacation. For example, I learned about one such case from the stories of colleagues...

For some reason, I paid attention to the bandaged right hand of an employee of the Sonderkommando 7 "b" Graupner Fritz. When I asked what happened to his hand, I was told that Graupner burned (note the spelling is retained) it with a thermite grenade during the burning of the corpses of poisoned citizens.

In May 1944, in the city of Borisov, I was already a participant of the extermination of arrested Soviet citizens in a "gas chamber" machine. At that time, I was part of the guard of place, where the corpses of the poisoned were burned on the northern outskirts of the city of Borisov. The "gas chamber" followed the arrested to the prison twice,

рейс примерно по 50 человек. Отравленных складывали на заранее подготовленное место, выложенное камнем и рельсами, затем обливали бензином, нефтью и поджигали термитными гранатами, температура пламени которых, как говорили, достигает трех тысяч градусов. Трупы горели целый день, охрана стояла в две смены...

Второй раз при моем участии было отравлено машиной «душегубкой» и на южной окраине г. Борисова сожжено в середине июня 1944 года более 100 человек, которых брали не только из тюрьмы, но и из лагеря, где работал переводчиком Панкрац Иван. Процесс сжигания был таким же, как и в мае месяце. Машина «душегубка» к месту сжигания приходила три раза. Лично я тогда нес службу по охране того места сжигания трупов от проникновения к нему посторонних лиц».

every time taking about 50 people. The poisoned were piled on a pre-arranged place, lined with stone and rails, then poured with gasoline, oil and set on fire with thermite grenades, the flame temperature of which, as they said, reaches three thousand degrees. The corpses burned all day, the guards worked in two shifts...

The second time, with my participation, more than 100 people were poisoned by a gas chamber and on the southern outskirts of Borisov, in mid-June 1944, who were taken not only from prison, but also from the camp where Pankrats Ivan worked as a translator. The burning process was the same as in the month of May. The "gas chamber" vans came to the place of burning three times. Personally, I then served to protect that place of burning of corpses from the penetration of unauthorized persons to it".

В конце августа или в начале сентября мы приехали из г. Почеп в Борисов и стояли там до конца июня 1944 года, т. е. до отступления немецких войск из Белоруссии. Производились ли там расстрелы арестованных, мне не известно, но отравления «душегубкой» были неоднократны при моем участии и во время моего пребывания в отпуске. Например, об одном таком случае я узнал из рассказов сослуживцев...

Мне почему-то бросилась в глаза забинтованная правая рука сотрудника зондеркоманды 7 «б» Граупнер Фрица. Когда я спросил, что с его рукой, мне ответили, что Граупнер сожег (орфография сохранена) ее термитной гранатой во время сжигания трупов отравленных граждан.

В мае 1944 года в г. Борисове я уже был сам участником истребления арестованных советских граждан машиной «душегубкой». Я тогда был в охране места, где сжигались трупы отравленных на северной окраине г. Борисова. «Душегубка» ходила за арестованными в тюрьму два раза, забирая каждый

А. Декстеймар

-4-

шешубской. Я тогда был в охране ⁵²
 лагеря, где специализировались турки армян.
 нах на северной окраине г. Борисова.
 6. Душубская казнила во арестованных
 6. в тюрьму два раза, забирал канцелярий
 6. рие примерно по 50 человек. Отравлен-
 ных складывали на заране подготовлен-
 ное место, амплотили камнями и ружья-
 ми, затем обливали бензином, поджигали
 и поджигали термитными гранатами,
 температура толпы которой, как
 говорили, достигала трех тысяч градусов.
 Трупы горели целый день, охрана сидела
 на в две смены. Я находилась в штраф
 зоне и отсиживала блат.

Второй раз при массовых расстрелах было
 отправлено машиной „душубской“ и на
 южной окраине г. Борисова примерно
 в среднем около 100
 человек, которые были не только
 из тюрьмы, но и из лагеря, где работали
 штрафники Памкрау Иван. Процесс
 отправки был таким же, как и в
 мае месяце. Машина „душубская“ к
 месту специализации привадила три раза.
 Лично в то время мне случило по охране
 того места отправки трупов от краших-
 новелиш к месту похоронения их.
 В. Дзешчир.

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 917. Л. 49-54
 National archive of the Republic of Belarus. F. 1363. Op. 1. D. 917. L. 49-54

At the end of August or at the beginning of September, we moved from Pocep to Borisov and stood there until the end of June 1944, i.e. until the retreat of German troops from Belarus. I don't know whether the executions of those arrested were carried out there, but there were several poisonings with the "gas chamber" with my participation and during my stay on vacation. For example, I heard about one such incident from the stories of my colleagues, returning from vacation in the second half of April 1944. For some reason, the bandaged right hand of an employee of the deputy commando 7 "b" Graupner Fritz, caught my eye. When I asked what happened to his hand, I was told that Graupner had burned it with a thermite grenade while burning the corpses of poisoned Soviet citizens.

In May 1944 in Borisov I was already a participant in the extermination of arrested Soviet citizens by a "gas chamber" machine. I was then guarding the place where the corpses of the poisoned were burned on the northern outskirts of Borisov. The "gas chamber" followed the arrested to the prison twice, picking up about 50 people each journey. The poisoned were deposited in a prearranged place, lined with stone and rails, then doused with petrol, oil and set on fire with thermite grenades, the flame temperature of which, as they said, reached three thousand degrees. The corpses burned all day, the guards stood in two shifts. I was on the first shift and stood for 6 hours.

For the second time, with my participation, more than 100 people were poisoned by a gas chamber and on the southern outskirts of Borisov in mid-June 1944, taken not only from prison, but also from the camp where Ivan Pankratz worked as an interpreter. The burning process was the same as in May. The "gas chamber" car came to the place of burning three times. I personally was on duty of protecting that place of burning corpses from the penetration of unauthorized persons to it.

Такие «акции» проводились на всей террито-
 рии БССР в местах содержания и истребления
 людей.
 Из акта ЧГК следует:

Such "actions" were carried out throughout the
 territory of the BSSR in places of detention and ex-
 termination of people.
 From Extraordinary State Committee it follows:

-2-

26 3

личных.

Немецкими властями гор. Вооружена путем обдари на территории
 Города и насильственным путем вывезено в немецкое рабство 1.000 Со-
 ветских граждан.

В целях окрещения следов своих злодеяний немецко-фашистские
 войска осенью 1943 года и в начале 1944 года в дер. дер. Каменка,
 деревни и возле еврейского кладбища производили массовое сожжение
 заключенных из могил трупов убитых-топанных ими Советских граждан. Оста-
 вшие могилы с незахороненными для сожжения трупами оккупанты тщатель-
 но замазали путем проведения по могилам проезжих дорог, посеков
 на них зерновых культур и пр.

Акт ЧГК. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 11. Л. 26
 Act of Extraordinary State Commission. National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 11. L. 26

By the German authorities of Bobruisk, 1,000 Soviet citizens were taken into German slavery by means of a raid on the territory of the city and by force.

In order to hide their atrocities, the Nazi invaders in the autumn of 1943 and at the beginning of 1944 carried out a mass burning of the corpses of Soviet citizens killed by them in the villages of Kamenka and Jeloviki and near the Jewish cemetery. The remaining graves with corpses that had not been removed for burning were carefully disguised by the occupiers by building roads, planting crops on the graves and etc.

люб. Расспросил преступников в воскресенье в
улице и в вечернее время на территории
1941-1942 и 1943 года. Дни. могилы расположены
в одном километре от Сер. Гобруйска
на шоссе Гобруиск-Минск в 50-100 метрах
справа от шоссе. размеры этих фи-могил
длина до 30 метров ширины 5-6 метров
глубины и 3 метров глубины, число фи-
могил мне не известно, а так-же и число
расстрелянных не знаю. В этих расстрелян-
ных были старики, женщины, дети и солдаты
в Осень 1943 года чтобы скрыть следы
своего преступления сожгли извлеченные
трупы из этих фи-могил.
Более подробно этого не могу
рассказать мне записал записано с моего
слов правильно Комму

Допрошен свидетель № 44180
мст. ст. ст. М. М. М. М. М.

Протокол допроса Н.И. Кошелевской. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 11. Л. 10 об
Protocol of interrogation of N. Koshelevskaya. National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 11. L. 10 об

The execution was carried out daily in the morning and evening during 1941–1942 and 1943. The pit-graves are located one kilometre from Bobruisk on the Bobruisk – Minsk highway, 50–100 meters to the right of the highway. The dimensions of these pit-graves reached 30 meters long, 5–6 meters wide and 3 meters deep, I do not know the number of pit-graves, and also the number of those who were shot. Among those shot were old men, women, children and soldiers. And in the autumn of 1943, in order to hide the traces of their crime, they burned the recovered corpses from these pit-graves.

I can't add anything more. The protocol was read to me, written down from my words correctly.
Signature

Interrogated by the investigator of the OBB UNKVD junior lieutenant
Signature

В ходе расследования уголовного дела о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период получены многочисленные подтверждения проведения немецко-фашистскими оккупантами и их пособниками мероприятий по сокрытию следов преступлений. Так, например, помимо архивных документов, данный факт подтверждается результатами осмотра места массового истребления мирных жителей г. п. Новоельня Дятловского района Гродненской области.

Согласно полученной в ходе расследования уголовного дела о геноциде информации в г. п. Новоельня по ул. Железнодорожная в годы оккупации находился песчаный карьер, где проводилось массовое истребление мирных жителей, в основном лиц еврейской национальности. По разным данным в указанном месте было убито от 50 до 800 человек. Периодически тела расстрелянных засыпали гашеной известью. Расстрел производили как немцы, так и полицаи.

Сведения о данном факте также были обнаружены в материалах уголовного дела в отношении коменданта полиции г.п. Новоельня В.Ф. Бортника. Из свидетельских показаний того времени следует, что на протяжении 1942–1943 годов подразделениями СС городов Лида, Новогрудок, Дятлово, а также полицейскими комендатурами г. Дятлово и г. п. Новоельня в указанном месте произведены расстрелы около 500 граждан преимущественно еврейской национальности. По свидетельствам очевидцев, в этом преступлении также принимали участие коллаборационистские формирования Литвы.

Допрошенная в ходе расследования уголовного дела о геноциде свидетель Г. показала, что после войны вместе с отцом ходила на место массового расстрела. При этом указала предположительное место массового истребления и захоронения мирных жителей.

В ходе проведенных с участием 52-го специализированного поискового батальона Вооруженных Сил Республики Беларусь в указанном свидетелем Г. месте поисковых мероприятий и осмотров извлечены многочисленные фрагментированные костные останки.

В результате проведенных экспертных исследований установлено, что костные объекты являются человеческими костными останками не менее чем 62 человек. Биологический возраст погибших 6–15, 18–20 и 30–60 лет. Исследованные объекты существенно видоизменены под воздействием факторов внешней среды.

In the course of the investigation of the criminal case on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period, numerous confirmations were obtained of the measures taken by the Nazi invaders and their accomplices to conceal the traces of crimes. So, for example, in addition to archival documents, this fact is confirmed by results of the examination a places of mass extermination of civilians in the town of Novoelnya of Dyatlovo district of Grodno region.

According to the information obtained during the investigation of the criminal case on the genocide in the town of Novoelnya on Zheleznodorozhnaya street during the years of occupation sand pit was located, where the mass extermination of civilians, mainly of Jewish nationality, was carried out. According to various sources, from 50 to 800 people were killed in the indicated place. Periodically, the bodies of the executed were covered with slaked lime. The execution was carried out by either the Germans or the police.

Information on this fact was also found in the materials of the criminal case against the commandant of the police of the town of Novoelnya V. Bortnik. From the testimonies of that time it follows that during 1942–1943, the SS units of the cities of Lida, Novogrudok, Dyatlovo, as well as the police commandant's offices of the town of Dyatlovo and the town of Novoelnya, conducted shooting of about 500 citizens of predominantly Jewish nationality in the indicated place. According to eyewitnesses, Lithuanian collaborationist formations also participated in commission of the present crime.

Interrogated during the investigation of the criminal case on the genocide, witness G. testified that after the war, together with her father, she went to the place of mass execution. Moreover, she indicated the alleged place of mass extermination and burial of civilians.

In the course of search activities and inspections, carried out with the participation of the 52nd specialized search battalion of the Armed Forces of the Republic of Belarus, numerous fragmented bone remains were recovered at the place, indicated by witness G.

As a result of the conducted expert examinations, it was established that the bone objects are human bone remains of at least 62 people. The biological age of the deceased is 6–15, 18–20 and 30–60 years. The studied objects are significantly modified under the influence of environmental factors.

Кроме этого, при проведении осмотров обнаружены многочисленные фрагменты пуль и гильз, а также фрагменты закаменелой извести. Обнаружение в ходе осмотра извести согласуется с показаниями свидетелей. Необнаружение в ходе поисковых мероприятий и осмотров цельных человеческих скелетов также может свидетельствовать о принятии немецко-фашистскими оккупантами и их пособниками мер по сокрытию следов своих преступлений.

In addition, during the inspections, numerous fragments of bullets and cartridge cases, as well as fragments of hardened lime were found. The discovery during the examination of the lime is consistent with the testimony of witnesses. The non-detection of whole human skeletons during search activities and examinations may also indicate that the German fascist invaders and their accomplices have taken measures to conceal the traces of their crimes.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Костные останки, обнаруженные в ходе проведения поисковых работ на месте массового истребления мирных жителей г. п. Новоелья Дятловского района
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. Bone remains discovered during the conduction of search activities at the site of the mass extermination of civilians in the town of Novoelnya of Dyatlovo district

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Костные останки, обнаруженные в ходе проведения поисковых работ на месте массового истребления мирных жителей г. п. Новоелья Дятловского района
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. Bone remains discovered during the conduction of search activities at the site of the mass extermination of civilians in the town of Novoelnya of Dyatlovo district

ЛАГЕРЯ СМЕРТИ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БССР

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ ЛАГЕРЯ, ЛАГЕРЯ УНИЧТОЖЕНИЯ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БССР

Организация внутреннего устройства концентрационных лагерей и лагерей уничтожения, в том числе на территории БССР, преследовала своей целью тотальный контроль за жизнью узников, подавление и разрушение их личностей.

Для достижения данной цели нацисты содержали заключенных в условиях перенаселенности бараков, постоянного контроля со стороны администрации и охранников лагерей смерти.

Как один из способов разрушения ценностных ориентиров и связей с обществом узников нацистские преступники ввели специальные знаки, которые закреплялись на одежде заключенных. В Колдычевском лагере смерти такие знаки нашивались на груди и спине. Евреи носили по две желтые полоски 80×20 мм, партизаны – красный круг с черной точкой, «опасные партизаны» – красный круг с черной обводкой. Помимо этого, на одежду узников нашивался черный 10-сантиметровый тряпичный квадрат. На него наносились светлые полоски. Их число означало уровень опасности заключенного. Наличие трех полос означало верную смерть.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Костные останки, обнаруженные в ходе проведения поисковых работ на месте массового истребления мирных жителей г. п. Новоельня Дятловского района
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. Bone remains discovered during the conduction of search activities at the site of the mass extermination of civilians in the town of Novoelnya of Dyatlovo district

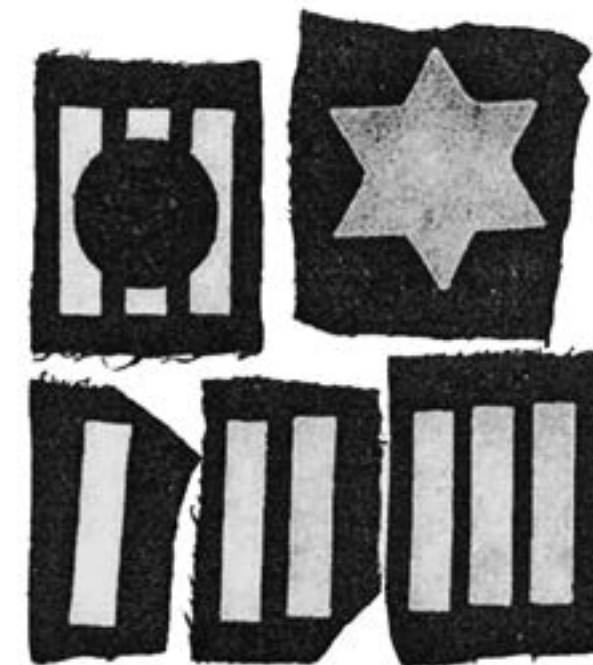
DEATH CAMPS IN THE OCCUPIED TERRITORY OF THE BSSR

CONCENTRATION AND EXTERMINATION CAMPS IN THE OCCUPIED TERRITORY OF THE BSSR

The organization of the internal composition of concentration camps and extermination camps, including those on the territory of the BSSR, pursued the goal of total control over the lives of prisoners, the suppression and destruction of their personalities.

To achieve this goal, the Nazis kept prisoners in overcrowded barracks, constant monitoring by administration of death camps and their guards.

As one of the ways of destruction of values and ties with the society of prisoners, the Nazi criminals introduced special signs, which were attached to the clothes of prisoners. In the Koldychevo death camp, such signs were sewn on the chest and back. Jews wore two yellow stripes 80×20 mm, partisans – a red circle with a black dot, "dangerous partisans" – a red circle with a black outline. In addition, a black ten-centimeter rag square was sewn onto the clothes of the prisoners. Light stripes were applied to it. Their number signified the prisoner's level of danger. The presence of three stripes meant certain death.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Образцы нашивок на одежде заключенных Колдычевского лагеря смерти
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. Samples of ribbons on the clothes of prisoners of the Koldychevo death camp

Такое разделение преследовало и другую цель. Заключенные в концлагерях становились объектами реализации нацистской концепции тотального уничтожения. Идеологи нацизма считали узников «вредными для народного сообщества элементами» или «недочеловеками», любые действия в отношении которых оправданы. Таким образом, концлагеря становились местами, где заключенные содержались в условиях, несовместимых с обеспечением нормальной жизнедеятельности как в физиологическом отношении, так и в отношении жесткого негативного воздействия на их психику.

Узники должны были лишиться любых проявлений индивидуальности, дегуманизоваться и превратиться в управляемую массу. С этой же целью на территории Третьего рейха заключенным вместо имен присваивались номера и приказывалось называть себя только в соответствии с личным номером. Принудительный отказ от имени означал превращение в обезличенного индивида. Имя – константа, определявшая человека как отдельную личность, в условиях нацистских концлагерей переставала иметь какое-либо значение.

Иногда номера татуировались на кожу заключенных. Причина этого факта, как и всегда в немецкой машине террора, лежала в утилитарной плоскости – так нацистам проще было идентифицировать трупы умерших или убитых узников [6, с. 206–208].

С аналогичной целью использовалась и униформа. Она выполняла роль деморализации узников и перманентно воздействовала на их психику с целью моделирования поведенческих и психологических реакций.

В условиях заключения долагерная идентичность узников подвергалась тотальной деформации. Они переживали постоянное пренебрежение к человеческому достоинству, сложившейся ранее системе ценностей. В результате возникала деперсонализация, или диффузия идентичности, – физическое и психологическое насилие со стороны представителей администрации и охраны разрушало представление узников о себе. Подобные процессы происходили в экстремальных условиях нацистского концентрационного лагеря и с групповой идентичностью [6, с. 254].

This division also served another purpose. Prisoners in concentration camps became objects of the Nazi concept of total destruction. The ideologists of Nazism considered the prisoners "elements harmful to the people's community" or "subhuman", any actions in their regard are justified. Thus, concentration camps became places where prisoners were kept in conditions incompatible with ensuring of normal life, both physiologically and with regard to the cruel negative impact on their psyche.

The prisoners had to lose any manifestations of individuality, should be dehumanized and become a controlled mass. For this purpose, on the territory of the Third Reich, prisoners were assigned numbers instead of names and were ordered to call themselves only in accordance with their personal number. The forced renunciation of the name meant the transformation into an impersonal individual. The name – a constant that defined a person as a separate individual, in the conditions of Nazi concentration camps ceased to have any meaning.

Sometimes the numbers were tattooed on the skin of prisoners. The reason for this fact, as always in the German machine of terror, lay in the utilitarian sphere – it was easier for the Nazis to identify the corpses of dead or murdered prisoners [6, p. 206–208].

Uniforms were also used for a similar purpose. It played the role of demoralization of prisoners and permanently influenced their psyche in order to model behavioral and psychological reactions.

Under the conditions of imprisonment, the pre-camp identity of the prisoners was subjected to total deformation. The prisoners experienced constant disregard for human dignity, the previously established system of values. As a result, there was depersonalization, or diffusion of identity – physical and psychological abuse by representatives of the administration and guards destroyed the prisoners' self-image. Similar processes took place in the extreme conditions of the Nazi concentration camp and with group identity [6, p. 254].

Из опросного листа А.Ф. Якубовской, вернувшейся на родину из германской неволи:

From the questionnaire of A. Yakubovskaya, who returned to her homeland from German captivity:

Вопрос: Что вы можете добавить
 к тому, что вы уже рассказали
 при приеме нас в немецкий лагерь, когда
 всем нам дали свой номер у меня
 было имя Наталья, фамилия
 была Шендерова, а номером
 и фамилией, а назвали нас только
 по номерам у каждого на груди
 была доска с номером.

Вырашила
 Якубовская /А.Ф. Якубовская/

Опросный лист А.Ф. Якубовской. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 845. Оп. 1. Д. 206. Л. 217–218
 Questionnaire of A. Yakubovskaya. National archive of the Republic of Belarus. F. 845. Op. 1. D. 206. L. 217–218

Question: What can you add

I want to add that when we were herded into a German camp we were all given a number – I personally had the number 9969, so we were deprived of our names, patronymics and surnames, and we were only called by our numbers – everyone had a badge with a number on his chest.

Asked: /Yakubovskaya/
 Yakubovskaya

Одним из важнейших элементов нормирования поведения узников являлись так называемые «аппели» – переключки заключенных. Первая проверка начиналась после подъема узников: 4:00 – летом и весной или в 5:00 – зимой. Заключенных заставляли выстраиваться в несколько шеренг у своих барачков. Затем начиналась процедура утреннего подсчета и ее результаты сообщались в канцелярию. Полученные данные перепроверялись гестаповцами, для этого они так же, как и другие представители администрации, могли присутствовать на переключке. Чтобы не ошибиться в подсчетах, эсэсовцы заставляли узников выносить на переключку трупы умерших за ночь. Это было проявлением «немецкой педантичности», а также пренебрежения к погибшим, которые, с точки зрения нацистов, не имели права на достойную смерть.

One of the most important elements of normalization of the behavior of prisoners was the so-called "appels" – the roll call of prisoners. The first check began after the rise of the prisoners: 4:00 – in summer and spring, or at 5:00 – in winter. The prisoners were forced to line up in several lines at their barracks. Then the procedure for the morning count began and its results were reported to the office. The received data were rechecked by the Gestapo, for this purpose they, like other representatives of the administration, could be present at the roll call. In order not to be mistaken in the calculations, the SS men forced the prisoners to bring the corpses of the dead during the night for roll call. This was a manifestation of "German pedantry", as well as disregard for the dead, who, from the point of view of the Nazis, did not have the right to a dignified death.

Самой длительной была вечерняя «апель», которая проходила после возвращения узников с работы, – в 17:00–18:00 часов. Так как нацистам незачем было подгонять узников ввиду окончания рабочего дня, они проводили последние переключки в течение нескольких часов. Любое движение узника или взгляд на эсэсовца строго регламентировались. Например, прямой взгляд, характерный для свободного человека, немедленно карался жестоким избиением или даже убийством. Иногда в концентрационных лагерях проходили «генеральные апеллы». Их цель – массовая селекция нетрудоспособных узников. Только после окончания вечерней переключки узники могли идти в свои бараки. После 21:00 заключенным запрещалось покидать барак без особого разрешения. Тот, кто нарушал это правило, должен был быть убит дежурными на вышках охранниками [6, с. 210–212].

КОЛДЫЧЕВСКИЙ ЛАГЕРЬ СМЕРТИ

В марте 1942 года в д. Колдычево в 18–20 км к северу от г. Барановичи немецкими оккупантами был создан лагерь для гражданского населения. Строительство велось группой советских военнопленных, которых по окончании строительства расстреляли. Территория была обнесена колючей проволокой, установлена усиленная охрана с использованием дзотов и прожекторов [10].

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Обзорный снимок развалин на территории Колдычевского лагеря смерти, вид спереди
 Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. Panoramic photo of the ruins on the territory of the Koldychevo death camp, front view

The longest was the evening "appel", which took place after the return of the prisoners from work, around 17:00–18:00. Since the Nazis had no reason to hurry the prisoners due to the end of the working day, they held the last roll calls for several hours. Any movement of a prisoner or a glance at an SS man was strictly regulated. For example, a direct look, characteristic of a free person, was immediately punished by a severe beating or even murder. Sometimes "general appels" were held in the concentration camps. Their goal is the mass selection of disabled prisoners. Only after the end of the evening roll call could the prisoners go to their barracks. After 21:00 the prisoners were forbidden to leave the barracks without special permission. Anyone who violated this rule should to be killed by the guards on duty at the towers. [6, p. 210–212].

KOLDYCHEVO DEATH CAMP

In March 1942, in the village of Koldychevo, 18–20 km north of the city of Baranovichi, the German invaders set up a camp for the civilian population. The construction was carried out by a group of Soviet prisoners of war, who were shot at the end of construction. The territory was surrounded by barbed wire, reinforced security was assigned with application of earth-and-timber emplacement and searchlights [10].

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Детальный снимок развалин на территории Колдычевского лагеря смерти, вид мемориальной таблички
 Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. A detailed photograph of the ruins on the territory of the Koldychevo death camp, a view of the memorial plaque

Охрану лагеря осуществляла 7-я рота 13-го батальона СД. Вместе с белорусскими коллаборационистами в охране участвовали латыши и поляки. Комендантами Колдычевского лагеря смерти в разные периоды его существования были белорусские коллаборационисты Сергей Бобко и Николай Калько [10].

Первые партии узников доставили уже в марте 1942 года из Барановичской тюрьмы. В Колдычевском лагере смерти постоянно находилось до 10 тысяч человек из числа военнопленных и мирного населения, включая врачей, инженеров, юристов, бывших советских служащих и активистов, священников. Доставляли также подозреваемых в связи с партизанами и осуществлении подпольной деятельности, их семьи.

Заключенные работали на торфоразработках, а также в сапожном, столярном, портняж-

The camp was guarded by the 7th company of the 13th Security Service battalion. Together with Belarusian collaborators, Latvians and Poles participated in the protection of camp. The commandants of the Koldychevo death camp in different periods of its existence were Belarusian collaborators Sergei Bobko and Nikolai Kalko [10].

The first gang of prisoners were transported already in March 1942 from the Baranovichi prison. Up to 10,000 prisoners of war and civilians, including doctors, engineers, lawyers, former Soviet employees and activists, and priests, were constantly held in the Koldychevo death camp. Whose, who were suspected in connection with the partisans and carrying out underground activities, their families have also been brought.

The prisoners worked at peat mining, as well as in shoemaking, carpentry, tailoring, soap making shops. For them, difficult of accomplishment pro-

ном, мыловаренном цехах. Для них устанавливались трудновыполнимые нормы выработки. Так, мужчина должен был выкопать за день 1550 плиток торфа, а женщина – 1150.

При непосильном изнурительном труде в Колдычевском лагере смерти действовал голодный режим. Дневной рацион питания состоял из 140 грамм хлеба с примесью опилок. Три раза в день узники получали «баланду» – заваренную в воде ржаную муку, ботву, картофельные очистки, лебеду. Изнеможенные голодом узники вынуждены были есть траву» [19, с. 21–22].

Больные, изможденные люди содержались в условиях крайней антисанитарии в неотапливаемых и непригодных для проживания помещениях: бараках, конюшнях, гумнах. Такие условия содержания неизбежно приводили к массовым эпидемиям инфекционных заболеваний (сыпной тиф, дизентерия).

В Колдычевском лагере смерти проводилось множество проверок и построений: при подъеме, приеме пищи, перед отбоем. Это еще больше угнетало измученных людей. Те, кто не мог работать в результате истощения и болезни, в первую очередь обрекались на смерть.

Заключенные подвергались пыткам со стороны «развлекающей» охраны. Из каждой вновь прибывшей партии узников несколько человек избивались и расстреливались для устрашения остальных.

«Заключенных избивали дубинками, прикладами винтовок, растягивали на «дыбе», травили собаками, пытали – загоняли под ногти иглы, лили в нос воду, зажав колодками голову, жгли каленым железом. Садистские развлечения лагерного начальства были обычным явлением. Для пыток действовала специальная камера.

Зимой 1942–1943 годов группу пытавшихся бежать узников раздели догола, травили собаками, а после расстреляли. Трупы не убрали более трех суток.

У 20 женщин перед расстрелом отобрали детей, многие из которых были в грудном возрасте. Женщин расстреляли, их детей вывезли в лес, убили, их трупы облили бензином и сожгли» [19, с. 23–25].

Массовое истребление узников было поставлено на поток. Только за три дня ликвидации Колдычевского лагеря смерти в июне 1944 года было расстреляно свыше 2000 человек.

В ноябре 1942 года в урочище Лозы была построена кремационная печь. В ней было сожже-

duction standards were established. So, a man had to dig 1550 peat tiles per day, and a woman – 1150.

With back-breaking exhausting labor, a starvation regime has been established in the Koldychevo death camp. The daily diet consisted of 140 grams of bread mixed with sawdust. Three times a day, the prisoners received "balanda" – rye flour brewed in water, beet tops, potato peelings, and fathen. Exhausted by hunger, the prisoners were forced to eat grass [19, p. 21–22].

Sick, exhausted people were kept in extreme unsanitary conditions in unheated and uninhabitable premises: barracks, stables, threshing floors. Such conditions of detention inevitably led to massive epidemics of infectious diseases (camp fever, dysentery).

In the Koldychevo death camp, many checks and formations were carried out: when waking up, eating, before lights out. This further oppressed the exhausted people. Those who could not work as a result of exhaustion and illness were doomed to death in the first place.

Prisoners were tortured by "entertaining" guards. From each newly arrived gang of prisoners, several people were beaten and shot to intimidate the rest.

"Prisoners were beaten with batons, butts of rifles, stretched on the "rack", hounded, tortured – they drove needles under their nails, poured water into their noses, holding their heads with suspension devices, burned them with a red-hot iron. The sadistic entertainments of the camp authorities were endemic. There was a special chamber for torture.

In the winter of 1942–1943, a group of prisoners who tried to escape were stripped naked, hounded, and then shot. The bodies haven't been removed for more than three days.

Children were taken away from 20 women before being shot, many of whom were infants. Women were shot, their children were taken to the forest, killed, their corpses were doused with gasoline and burned" [19, p. 23–25].

The mass extermination of prisoners was industrialized. In just 3 days of the liquidation of the Koldychevo death camp in June 1944, more than 2,000 people were shot.

In November 1942, a cremation oven was built in the Lozy natural boundary. About 600 corpses from the Baranovichi and Stolbtsy prisons were burned in it, but subsequently the furnace was blown up due to malfunctions. A second attempt to build furnaces was made in the spring of 1944, but ended in failure due to air strikes by the Red Army. In this regard,

но около 600 трупов из Барановичской и Столбцовской тюрем, но впоследствии печь была взорвана в связи с неисправностями. Повторная попытка строительства печей была предпринята весной 1944 года, однако завершилась неудачей в связи с нанесением авиационных ударов Красной Армии. В связи с этим нацисты не смогли скрыть следы своих преступлений и предприняли меры маскировки могил-рвов – высадили кустарники и деревья. Как следствие, после освобождения Колдычево обнаружено 14 ям-могил с массовыми захоронениями. Всего за период существования Колдычевского лагеря смерти истреблено не менее 22 тысяч человек.

Согласно показаниям бывшего узника Колдычевского лагеря смерти И., 1935 г.р., в этом лагере смерти применялся способ умерщвления заключенных в «душегубках». Узников лагеря в количестве 15–20 человек помещали в закрытый кунг грузового автомобиля, в который от выхлопной трубы подводился шланг. Во время движения автомобиля выхлопные газы концентрировались в кунге и через полчаса все находившиеся там люди погибали от удушья. По возвращении автомобиля тела выгружались и сваливались в ямы. Такой способ истребления применялся минимум один раз в месяц [10].

Допрошенная по уголовному делу в отношении Николая Калько в качестве свидетеля В.А. Извекова сообщила о фактах зверств в Колдычевском лагере смерти, в совершении которых участвовали белорусские коллаборационисты из 13-го белорусского полицейского батальона СД. В частности, она сообщила о нечеловеческих условиях содержания узников: кормили два раза в сутки — по 0,5 литра супа-баланды, хлеба не более 100 грамм, содержали в непригодных для проживания бараках. При этом заключенные использовались на тяжелых физических работах. Узники лагеря, в том числе женщины, подвергались пыткам и истязаниям со стороны надзирателей. За несколько дней до освобождения Колдычевского лагеря смерти во время массового расстрела узников к яме подвели женщину, у которой на руках был двухмесячный ребенок. Один из карателей вырвал ребенка, взял за ножки и с размаху ударил головой о ствол березы. Среди женщин, которых подводили к яме, оказалась одна беременная. Ей один из охранников штыком винтовки распорол живот.

the Nazis could not hide the traces of their crimes and took measures to disguise the graves-pits – they planted shrubs and trees. As a result, after the liberation of Koldychevo, 14 pit-graves with mass graves were discovered. In total, at least 22 thousand people were exterminated during the existence of the Koldychevo death camp.

According to the testimony of a former prisoner of the Koldychevo death camp I., born in 1935, in this death camp, the method of killing prisoners in "gas chambers" was used. The prisoners of the camp in the amount of 15–20 people were placed in a closed canopy of a truck, into which a hose was connected from the exhaust pipe. During the movement of the car, the exhaust gases were concentrated in the canopy and after half an hour all the people who were inside died of suffocation. Upon the return of the truck, the bodies were unloaded and dumped into the pits. This method of extermination was used at least once a month [10].

Interrogated in a criminal case against Nikolai Kalko as a witness V. Izvekov reported on the facts of atrocities in the Koldychevo death camp, in which Belarusian collaborators from the 13th Belarusian police battalion of the Security Service participated. In particular, she reported on the inhuman conditions in which the prisoners were kept: they fed twice a day with 0.5 liters of gruel soup, no more than 100 grams of bread, and kept them in uninhabitable barracks. At the same time, the prisoners were used for hard physical work. Prisoners of the camp, including women, were tortured and tortured by guards. A few days before the liberation of the Koldychevo death camp, during the mass execution of prisoners, a woman was brought to the pit with a two-month-old baby in her arms. One of the punishers snatched the child, took him by the legs and hit his head on a birch trunk with a swing. Among the women who were brought to the pit, there was one pregnant woman. One of the guards ripped open her stomach with a rifle bayonet.

Трупы зверски убитых узников Колдычевского лагеря смерти. Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов. № 1-004497
 Corpses of brutally murdered prisoners of the Koldychevo death camp. Belarusian State Archive of Film and Photo Documents. No. 1-004497

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
свидетеля

24- марта 1961 года. гор. Барановичи

г. Следователь Следственный Управления КГБ при Совете
 Министров Белорусской ССР по Гродненской области капитан Асеев

_____ допросил в качестве свидетеля:

фамилия, имя и отчество Изверкову Валентину
Антоновну

д. рождения 1923 3. Место рождения д.р. Колошка, Баранович-
ского района, Брестской области.

национальность и гражданство Белорусцу, гражданку СССР

фактическое происхождение из крестьян 6. Партийность беспартийную

образование 7 классов

сведения о судимости не судимую.

местожительство гор. Барановичи, ул. Центральная 22 Б

место работы и должность временно не работавшую

Допрос начал в . 14. час. . 30. мин.

Допрос окончен в . 18. час. . 00. мин.

Об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний по ст. 134
 УК БССР и за дачу заведомо ложных показаний по ст. 136 УК БССР
 предупрежден (Изверкова)
 (подпись)

На поставленные мне вопросы
попытки смутиться. Вель период времени
ной немецкой оккупации Брестской области
я проживала вместе со своими родствен-
никами в деревне Томонка. Прямая дама,
я поддерживала связь с советскими на-
ционалами, действовавшими на террито-
рии Брестской области, в частности я
поддерживала связь с партизанским
отрядом Зайцева. Связь я осуществляла
через Степунину Скаверину, отсюда не
знаю, в каком количестве, ухоро
Томонка. Степунину поимели в
апреле 1944 года арестовали и расстрели-
вали. На второй день после ее расстрела
была арестована и я. Меня арестова-
вал командир поманковской немецкой
полицейской Дурмо и поимели бокал.
Должна сказать, что еще в 1942 году
немецкие расстреливали людей, мать
и семью Зайцеву, как советских акти-
вистов. После ареста меня направили
в город Барановичи в здание "СД" и помели
ли в камеру. Там меня допрашивали
в отношении связи с советскими парти-
занами. Один раз кто-то из караемых
ударил мне в лицо, сейчас я узнаю не
имя. Караемый ударил меня ногой.
В Барановичи я под стражей находи-
лась дней шесть, а затем была отпра-
влена в Кондошевский лагерь смерти и

Подпись

Львова

банот деревянные колоды постробки
для ежика. Вся территория концлагеря
была обнесена цепью колючей про-
волочной в несколько рядов, имелись
смотровые вышки, а также наемные
охранники. Совершить побег было труд-
но. Над узниками издевались, их зверски
избивали, расстреливали. В концлагере
был немец шеф, фамилию которого не
знаю. Его заместителем был коман-
дир охраны концлагеря, однако его
фамилию я его также не помню.
Это объясняется возможно потому,
что я содержалась в штабеле, а не
в барачке. Однако за время моего на-
хождения в Кондошевском концлагере
я была очевидцем ряда зверских из-
девательств, а также расстрелов, чи-
стных караемых из числа ох-
раны концлагеря над заключенными.
Вечер после моего пребывания в кон-
цлагере из нашей камеры была вызва-
на на допрос женщина в прошлом но-
тариуса Зер. Ковальева, Горадишн-
ского работа по имени Милля, фами-
лию ее не знаю. Примерно через три
часа ее привели при караемых
и бросили к нам в камеру поимели
вру. Милля была в возрасте 20 лет.
Караемый, открыв дверь камеры, бро-
сил ее на пол. Кланье на этот же

Подпись

Львова

мне было все порвано и мажор.
 но ее было черное от кровоподтеков
 и синки. Ее до самой головы была
 презанна похвостом кони, волосы выдра-
 ны, пальцы ее рук были вкружены и
 уродовосной. На обеих руках были места
 там ранот. Мимия несколько часов была
 бессознательна, валила на спину и на
 ее было антрапомно эмторить. Когда Мизя
 пришла провладать приваки и шопи-
 том проинкостить слова ее решила ей
 казанть пошлуб. В качестве бинта я
 использовала от нее рубашки и юбок
 мадерманна и перевязала ей ранот.
 В время перевязки Мимия чинила мне
 реанозанть, что ее на допросе эмлето
 надвергали извлекли и невазосили.
 Волосы ее рук заглаживали к приотки
 прилимали дверь, в результате кони
 пальцы рук были перемаланы. После того
 как она потеряла сознание, ее одливали
 холодной водой. Мимия не могла много
 говорить кто именно из каратель
 над ней издвали она не говорила.
 Из сутки ее из камеры взяли и били
 на к там не вернула, ее видимо кар-
 тили расстрелили, так как в кондомеде
 ее больше не встречали.

Вскоре после издвалений над
 женщиной Мимей как-то дня, пошлю
 право это было в воспреленой нас чиниу
 Губекова

вывели из камер погнали и направили
 их к зданию конулярки, где разне-
 изали каратель и где производились
 допросы. На выходе отоме одли из окон
 было открыто и я, а также другие узники
 хорошо видели стоявшую около входа
 женщину по имени Мария, которая во
 Отечественной войны, точнее в период
 кампания оккупации, работала учитель-
 ницей первоначально в деревне Полонна,
 а затем в деревне Свруки, Баранови-
 чского района. Марию я знала еще до
 Отечественной войны, правда драматично
 я не знаю. Мария после Отечественной
 войны уехала на пенсию в Поль-
 ску Народную Республику. Когда нас
 вывели к зданию конулярки, то Мария
 стояла около окна, волосы ее были
 в беспорядке. Один из карателей сказа-
 нам: "Эмторить, если будете ток, то
 не буди говорить правду" Вскоре мы
 чинили спотала анта, а затем
 дичеродиранили голос Марии. Ее
 видимо картели били. Мария плака-
 ла и просила пощадить ее. О том, что
 над ней картели издвали мне
 емало известно от самой Марии,
 когда я ее встретилась в дер. Полонна
 после изгнания немцами оккупантов
 с территории Брестской области.

Припоминается и поток слухов:
 Губекова

Примерно в конце мая или же в начале июня один из узников концлагеря в возрасте примерно 23 лет во время работы на парфорозработках, точнее на картодрезных участках поименно застрелил, но был поиман. Его привели к караулу на территории концлагеря и вали на плечах у заключенных повесили. Я была очевидцем этой расправы, держа в руках караулы из числа охранников, а нас заключенных воткнули недалеко от выемки для утилизации. Выемка была сделана недалеко от территории, где работало комендантское хозяйство. В этом поиманном мне известно только то, что он лежал был в плену в лагере советской армии и отамел в плену, фамилию его, имя и отчество не знаю. Во время повешения он был связан в штыкостерну защитной цепи, а дротик был самодельное калибра германского цвета. На плечах обули на него. Один из караулов махнул ему на шее платом, а затем ударил ногой выйдя из-под ног узника табуретку. Когда заключенный повис в петле этот же караулы подошел и еще потянул повешенного за ноги вниз. Фамилию караула я не знаю и в лицо их не помню.

За несколько дней до весны поиманного
Губкова

еще надвину женщину, у которой на руках была примерно двухмесячный ребенок, который был завернут в какую-то порянку. Один из караулов, кто именно не помню, выхватил этого ребенка из рук женщины, взял его на руки и сразу ударил головой об стену перез. Ребенок был убит и брошен в яму. Мать этого ребенка тут же разстреляли. Это такой факт. В числе жертв, которых караулы повели к яме, оказалась одна беременная женщина. Один из караулов, фамилию его не знаю, с небольшой поташел к этой беременной женщине, которая была раздета ногою и штыком винтовки распорол ей живот. Мать же эта женщина без выстрела в нее была брошена в яму, точнее кто-то туда сама упала, после того как ее распорол живот караулы.

Так караулы на плечах у меня привели расстрелял. Я вспоминаю одну и когда пришла очередь до меня, караулы плел Виктор каменарический завел штык концлагеря между, что и, яма, я вспоминаю его двукратной сестрой и что если меня будут расстреливать, то пусть и его вместе со мной расстреляют. Жене приоткрыл оставшаяся жизнь. В этот же день караулы бросили комендантский концлагеря

Губкова

- 6 -

судя по показаниям потерпевших 261
 свидетели поспешно. Каравки и мекки
 были с собой для того чтобы в пути
 зашивать за скотом и доила коров.
 пути следования в районе ш.ко. Гродно,
 районный власти я вместе с двоюродным
 братом Иваном Владимировичем Комаровичем
 совершили побег и возвратились
 домой. В пути следования на запад
 встретил некая Виктор Фролович мекки
 там же вместе с ним и родственником,
 так как из-за уважения к семье атак ме-
 я она смерти.
 из семьи Каравки, участвовавшие
 в партизанских отрядах и в издании листовок
 из них я знаю Головно, Боломолова,
 Дроника, Витина, Демчука, Шиня и
 кто не знаю. Сложная работа с
 партизанских командиров, что среди кара-
 вки был Сенкевич, но откуда он работ
 не знаю. Мне было известно, что Сенкевич
 бывший офицером, но в мекки не при-
 коммю. Кто я видел командантом
 партизанского отряда в тот период, когда
 там содержался, не знаю. Каравки
 по показаниям Каравки не помню.
 Больше дознания к своим показаниям
 ничего не имеют, протокол мне прочитан,
 занесено в мои ^{дело} правильно

Вопросы: Сп. Сидор. Сидор. Кто
 командант Галы (Голов)

Архив Комитета государственной безопасности Республики Беларусь.
 Уголовное дело в отношении Н.А. Калько, Л.А. Сенкевича и др.
 Archive of the State Security Committee of the Republic of Belarus.
 Criminal case against N. Kalko, L. Senkevich and etc.

RECORD OF INTERROGATION

of witness

March 24, 1961

Baranovichi

Senior Investigator of the Investigation Department of the KGB under the Council of Ministers
 of the Belarusian SSR in Grodno Region captain Aseev,

interrogated as a witness:

1. Surname, name, patronymic Izvekova Valentina Antonovna.
2. Year of birth 1922. 3. Place of birth Polonka village, Baranovichi district, Brest re-
 gion.
4. Nationality and citizenship Belarusian, citizen of the USSR
5. Social origin from the peasants. 6. Party affiliation: non-par-
 ty
7. Education: 7 classes
8. Information concerning criminal convictions: Not convicted
9. Place of residence: Baranovichi, Central st. 22 b
10. Place of work and position: Temporarily unemployed

The interrogation started at 2.30 p.m.

The interrogation ended at 6 p.m.

On criminal liability for refusing to testify under Article 134
 of the BSSR Criminal Code and for giving knowingly false testimony under Article 136
 of the BSSR Criminal Code

Warned (Izvekova)

(signature)

Testimony of a witness. To the questions put to me I explain the following: During the entire period
 of the temporary German occupation of the Brest region I lived with my parents in the village of Polon-
 ka. Living at home, I kept in touch with the Soviet partisans acting on the territory of the Brest region,
 in particular, I kept in touch with Zaitsev's partisan detachment. I communicated through Ekaterina
 Stepulina, I don't know her patronymic, formerly a teacher at Polonka Farm. Stepulina was arrested
 and shot by the police in April 1944. On the second day after her execution, I was also arrested. I was
 arrested by the commandant of the Polonkova German police Durilo and policeman Bokach. I must
 say that back in 1942 the Germans shot my father, mother and sister Zinaida as Soviet activists. After
 my arrest, I was sent to the "SD" building in Baranovichi and placed in a cell. There I was interrogated

about my connection with the Soviet partisans. Once one of the punishers hit me in the face, from which I fell to the floor. The Punisher kicked me. In Baranovichi I was in custody for six days and then I was sent to the Koldychevo death camp, located in the Gorodishchensky district on the territory of the former landowner's estate near the village of Koldychevo. By the time I arrived at the Koldychevo concentration camp, a brick prison had already been built there, with very cramped cells. I was placed in one of these cells. In addition, there were seventeen female prisoners, i.e. female inmates, in this cell. It was stuffy in the cell, so the window leaf was always open, or more accurately, the window непонятно was open. There were bars on the windows made of thick iron bars. Three-tiered wooden bunks were made for the prisoners, there was no bed, the prisoners slept on bare planks. The food was disgusting: twice a day they gave half a liter of balanda soup, cooked with rutabaga and rotten beetroot, and the meat was horse meat. No more than a hundred grams of bread was given. Bread was given no more than a hundred grams. Prisoners were used in peat extraction, harvesting firewood and vegetables in the gardens. There were no sanitary conditions in the prison, prisoners were dying of typhus and the cells were full of lice. In addition to the prison, there were barracks on the territory of the concentration camp, in which prisoners were also kept. Under the barracks, wooden cold buildings for livestock were used. The entire territory of the concentration camp was surrounded by thick barbed wire in several rows, there were observation towers, as well as guard posts. Prisoners were abused, they were brutally beaten and shot. There was a German chief in the concentration camp, whose surname I do not know. His deputy was the commandant of the concentration camp guard, but I don't remember his surname either. This is probably because I was held in a prison and not in a barracks. However, during my imprisonment in the Koldychevo concentration camp I witnessed a number of brutal abuses, as well as executions carried out by punishers from among the concentration camp guards over prisoners. Shortly after my arrival at the concentration camp, a woman, in the past a resident of the village of Koldychevo, Gorodishchensky district, named Milya, I don't know her surname, was summoned from our cell for interrogation. About three hours later, she was dragged by three punishers and thrown into our cell half-dead. Milya was 25 years old.

The punishers opened the cell door and threw her to the floor. The woman's dress was all torn and wet. Her body was black with bruises on her back. A strip of skin had been cut out to the head her hair was torn out, her fingers were twisted and mutilated. There were wounds on both arms above the hands. Milya had been unconscious for several hours and it was frightening to look at her. When Milya began to show signs of life and whispered words, I decided to help her. As a bandage, I ripped a piece of material from her undershirt and bandaged her wounds. While bandaging, Milya managed to tell me that during interrogation she was severely beaten and tortured. The fingers of her hands were laid against the lintels and pressed against the door, as a result, the bones of the fingers were fractured. After she lost consciousness, they poured cold water over her. Milya could not talk much and she did not tell me which of the punishers was abusing her. A day later she was taken out of the cell and never returned to us; apparently the punishers shot her, as I never met her again in the concentration camp.

Shortly after the torture of Milya one afternoon, I remember well it was on Sunday, we prisoners were taken out of the prison cells and directed to the chancellery building, where the punishers were stationed and where interrogations were carried out. On the second floor, one of the windows was open, and I, as well as other prisoners, clearly saw a woman named Maria standing near the window, who before the Patriotic War, more precisely during the German occupation, had worked as a teacher, first in the village of Polonka and then in the village of Sevruki, Baranovichi district. I knew Maria before the Patriotic War, although I don't know her surname. Maria went to live in the Polish People's Republic after the Patriotic War. When we were led to the chancellery building, Maria was standing near the window, her hair was in disarray. One of the punishers told us: «Look, it will be like this for everyone who won't tell the truth». Soon we heard first the moans and then Maria's heartbreaking voice. Apparently the punishers beat her. Maria wept and begged for mercy. The fact that the punishers mocked her

became known to me from Maria herself, when I met her in the village of Polonka, after the the German occupants had been expelled from the territory of the Brest region.

The following case also comes to mind: Around the end of May or at the beginning of June, one of the prisoners of the concentration camp at the age of about 23 years old, while working in peat extraction, or more precisely on a potato patch, tried to escape, but was caught. He was brought by punishers to the territory of the concentration camp and hanged there in front of the prisoners. I was an eyewitness to this massacre, his punishers from among the guards hung him, and we prisoners were lined up not far from the gallows for intimidation. The gallows was made near the chancellery, where the punishers were based. The only thing I know about this victim is that he was allegedly a member of the Soviet army and remained surrounded; I do not know his surname, first name and patronymic. At the time of the hanging he was dressed in a tunic of a khaki color, and the trousers were self-woven breeches of a grayish color. There were no shoes on his feet. One of the punishers put a noose around his neck, and then with a kick knocked out a stool from under the prisoner's feet. When the prisoner hung in the noose, the same punisher came up and pulled the hanged man down by the legs. I do not know the names of the punishers and I do not remember their faces.

A few days before the flight from the Nazis, a woman was brought to the pit with a two-month-old child in her arms, who was wrapped in some kind of rag. One of the punishers, I don't remember who exactly, snatched the child from the woman's hands, took him by the legs and with a swing hit his head on a birch trunk. The child was killed and thrown into the pit. The child's mother was immediately shot. Or such a fact. Among the victims whom the punishers led to the pit was a pregnant woman. One of the punishers, I don't know his surname, mockingly approached this pregnant woman, who was stripped naked, and ripped her belly open with a rifle bayonet. The woman was immediately thrown into the pit without a shot being fired at her, or rather she fell in herself after the punisher had ripped her abdomen open. So the punishers carried out the executions in front of me. I was left alone and when it was my turn, the punisher Zhdan Viktor categorically told the German concentration camp chief that I was his cousin and that if I was to be shot, then let him be shot along with me. The German ordered to leave me. On the same day, the punishers abandoned the Koldychevo concentration camp, previously, the prison was blown up, the buildings were burned. The punishers took me with them so that I could look after the cattle and milk the cows on the way. On the way, I escaped with my cousin, Vladimir Konstantinovich Shavko, near Indura, Grodno region, and returned home. On my way to the West, the punisher Zhdan Viktor persuaded me to cohabit with him and told me that he had saved me from death out of respect for me.

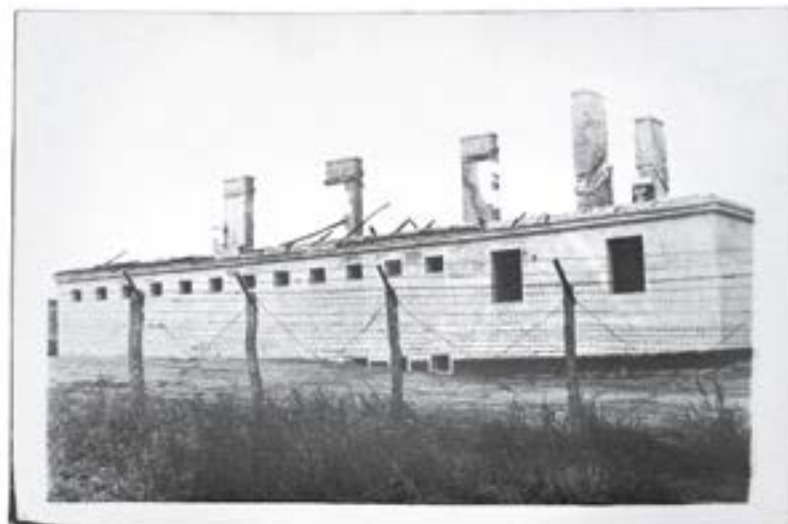
Among the punishers who participated in the executions of prisoners and in mockery of them, I know Golovko, Bogomolov, Veronik, Vitip, Demchuk, I do not know their name and patronymic. I also heard from the prisoners of the concentration camp that Senkevich was among the punishers, but I don't know where he came from. I knew that Senkevich was an officer, but I don't remember him by sight. I do not know who the commandant of the concentration camp in Koldychevo was at the time when I was detained there. I don't remember the punisher named Kalko.

I have nothing more to add to my testimony, the protocol was read to me, written down from my words correctly

Izvekova

Interrogated: Senior Investigator of the Investigation Department of the KGB
Captain Asev. Signature Assev

КОЛДЫЧЕВСКИЙ ЛАГЕРЬ СМЕРТИ

*Колдычевский концлагер
фото VI-1944г.*

*Колдычевская тюрьма
фото VII-1944г.*

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 2. Л. 13-20
National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 2. L. 13-20

*Раскопка могил массового расстрела
в Колдычевском концлагере
фото VI-1944г.*

*Раскопка могил массового расстрела
в Колдычевском концлагере
фото VI-1944г.*

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 2. Л. 13-20
National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 2. L. 13-20

Раскопка могил массового расстрела в
Колдычевском концлагере. фото VI-1944г.

Инвалид [группы заведующий Проммастерской Городищенского р-на
расстрелян в Колдычевском концлагере. фото VII-1944г.

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 2. Л. 13-20
National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 2. L. 13-20

Опознавание трупов сраскрытой могилы массового расстрела
в Колдычевском концлагере. фото VI-1944г.

Опознанные трупы граждан м-ка Снов расстреленных в
Колдычевском концлагере. фото VII-1944г.

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 2. Л. 13-20
National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 2. L. 13-20

*Раскопка могилы массового расстрела в Колдычевском концлагере
опознание трупов родными.
фото VI-1944г.*

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 2. Л. 13-20
National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 2. L. 13-20

*Труп гражданки м-ка Городище Яворской Ядвиги Иосифовны
опознанной родными в Колдычевском концлагере фото VI-1944г.*

Колдычевский концлагер. фото VI-1944г.

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 2. Л. 13-20
National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 2. L. 13-20

*Гражданин Малишевский Гродищенского р-на
оплакивает свою дочь в могиле массового расстрела в Колдычевском концлагере. фото VI-1945г.*

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 2. Л. 13-20
National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 2. L. 13-20

*Опознанные трупы граждан Гродищенского р-на
расстреленные в Колдычевском концлагере
фото VI-1945г.*

*Опознанные трупы граждан Гродищенского р-на
расстреленные в Колдычевском концлагере.
фото VI-1945г.*

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 2. Л. 13-20
National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 2. L. 13-20

*Опознанные трупы в могилах массового расстрела в Колдычевском концлагере, родственниками вывозятся на родину
фото VI-1944г.*

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–20
National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 2. L. 13–20

Допрошенный по уголовному делу о геноциде потерпевший И.М. Исайкин – бывший узник Колдычевского лагеря смерти – сообщил известные ему факты истребления мирных граждан: «...После чего нас забрали в Колдычевский лагерь смерти, расположенный около Городища (лагерь размещался возле дороги между населенными пунктами Колдычево и Городище). Начальником лагеря был Калько. При поступлении в лагерь всех избивали резиновыми дубинами... Когда в лагере отбиралось 25 человек на убийство, их заводили в «душегубку», то есть автомашину типа «воронок», без окон, только с одной входной дверью. Когда шофер выезжал, он подключал к выхлопной трубе шланг, который также выводился в «душегубку», в которой находились люди, где они все задыхались от выхлопного газа... Кто отказывался заходить в «душегубку», того расстреливали на месте. Людей везли в лес, где были выкопаны траншеи, туда из «душегубки» выбрасывали людей и закапывали их. Никаких опознавательных знаков на могилах не ставили... В лагере смерти утром заставляли узников плясать с пустыми консервными банками для увеселения... Людей расстреливали, когда из них выжимали все соки...» [10].

Interrogated on a criminal case on genocide, the victim I. Isaykin – a former prisoner of the Koldychevo death camp, reported the facts of the extermination of civilians known to him: "...After that, we were taken to the Koldychevo death camp, located near Gorodishche (the camp was located near the road between the settlements of Koldychevo and Gorodishche). The head of the camp was Kalko. Upon entering the camp, everyone was beaten with rubber clubs... When 25 people were selected for murder in the camp, they were taken to a "gas chamber", in other words, a truck of a type "prison van", without windows, with entrance door from one side. When the driver drove out, he connected a hose to the exhaust pipe, which also led into the "gas chamber", in which there were people, where they all suffocated from the exhaust gas... Those who refused to enter the "gas chamber" were shot on the spot. People were taken to the forest, where trenches were dug, people were thrown out of the "gas chamber" there and buried. No identifying marks were put on the graves... In the death camp in the morning they forced the prisoners to dance with empty tin cans for amusement... People were shot when they were harassed with exactions..." [10].

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Кадр из видеозаписи допроса потерпевшего И.М. Исайкина
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. A frame from the video of the interrogation of the victim I. Isaykin

Об известных фактах издевательств над узниками рассказала еще одна бывшая узница – потерпевшая Р.П. Кривулько.

Потерпевшая Р.П. Кривулько является бывшей узницей Колдычевского лагеря смерти. Она содержалась совместно с матерью, куда была помещена за участие отца в партизанском отряде имени Суворова, находилась там в течение марта – апреля 1944 года. На период пребывания в лагере ей было около 7-8 месяцев, поэтому лично о нахождении в лагере смерти она ничего не помнит. Все, что изложила в своих показаниях, ей стало известно от ныне покойной матери.

О пребывании в Колдычевском лагере смерти пояснила: «...Окружили дом, сказали: «Собирайтесь!», схватили и ввели. На улице стояла машина, бросили в машину и повезли в Колдычево. В Колдычево, там был концлагерь... Условия содержания, конечно, были тяжелыми. Не топились здание, цементный пол без соломы, потом немножко подослали ту солому. Питание – баланды, ребенка не накормили. Не разрешали родным передавать ни молока, ни одежды. Их расстреливали, не пропускали через пропускные, надо было пройти, пункты. Били, избивали, если ребенок плакал, плетью из какой-то жесткой проволоки... Били плеткой, а я плакала, потому что молока не давали. У мамы в грудях молока не было. Баланды тоже мама не давала, чтобы кишки не склеились, так вот и плакала целыми днями от голода, но как-то выжила...» [10].

Another former prisoner, the victim R. Krivulko, told about the well-known facts of torture.

The victim R. Krivulko is a former prisoner of the Koldychevo death camp. She was kept together with her mother, where she was detained for her father's participation in the partisan detachment named after Suvorov, she was located there during March – April 1944. During her stay in the camp, she was about 7-8 months old, so she personally does not remember anything about being in the death camp. Everything she stated in her testimony became known to her from her now-deceased mother.

She clarified on her stay in the Koldychevo death camp: "...They surrounded the house, said: "Get ready!", grabbed them and took. There was a car on the street, threw them into the car and drove to Koldychevo. In Koldychevo, there was a concentration camp... The conditions of detention, of course, were harsh. The building was not heated, the cement floor was without straw, then that a little straw was provided. Food – balance, you can't feed a child. They did not allow relatives to give milk or clothes. They were shot, they were not allowed through checkpoints, they had to go through checkpoints. They beat, if the child was crying, they beat him with a whip made of some kind of hard wire... They beat me with a whip, and I cried, because they did not give milk. Mother didn't have milk in her breasts. Mother also didn't give gruel so that the intestines would not glued together, and so she cried all day from hunger, but somehow survived..." [10].

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Кадр из видеозаписи допроса потерпевшей Р.П. Кривулько
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. A frame from the video of the interrogation of the victim R. Krivulko

КОНЦЛАГЕРЬ «ДРОЗДЫ»

Концентрационный лагерь «Дрозды» создан немецко-фашистскими захватчиками на основании распоряжения командующего 4-й полевой армии генерал-фельдмаршала Клюге от 29 июня 1941 года и носил название «Дулаг № 127».

Концлагерь располагался на открытой площадке, в поле, в северной части г. Минска в районе совхоза имени Крупской на левом берегу р. Свислочь (в настоящее время с западной стороны от Долгиновского тракта и на восток от ул. Нововиленской).

По периметру концлагерь был огражден веревочной изгородью с проволокой, какие-либо строения в нем отсутствовали. Имелись внутренние проходы для охраны и вышки с часовыми по периметру. С северо-восточной стороны располагался вход и площадка для проверки перед отправкой на расстрел. Охрана осуществлялась кадровыми солдатами численностью около одной роты, в связи со своей малочисленностью она активно применяла огнестрельное оружие.

Сам концлагерь площадью 9,3 га разделялся на 6 зон: «высший комсостав», «пленные офицеры», «пленные солдаты», «гражданское население Минска и пригорода», «евреи», «лица с высшим образованием».

Людей первоначально собирали из числа гражданского населения г. Минска на следующий день после оккупации. После создания лагеря смерти под угрозой расстрела нацисты собрали и заключили в нем большое количество населения в возрасте от 16 до 50 лет. На третий день поступили военнопленные Красной Армии, и тогда же территорию наспех огородили проволочным заграждением, поставили вышки. Людям в концлагере немцы не давали пищи несколько дней, затем родственникам разрешили приносить передачи для родных, при этом пища передавалась случайным людям и в недостаточном количестве. Заключенные содержались под открытым небом, в жару, им запрещалось подходить к воде, вставать без команды. По нарушителям открывали огонь из автоматов. Несколько раз немцы кидали в толпу сухари, соленую рыбу, при этом по бегущим за едой также стреляли. Раненым и больным помощь не оказывалась.

Оперативная команда совместно с тайной полевой полицией проводила «филтрацию» заключенных с целью выявления и истребления бывших партийных работников, коммунистов,

CONCENTRATION CAMP "DROZDY"

The concentration camp "Drozdy" was created by the Nazi invaders on the basis of the order of the commander of the 4th field army, General-Field Marshal Kluge from June 29, 1941 and was named "Dulag No. 127".

The concentration camp was located in an open area, in a field, in the northern part of the city of Minsk in the area of the state farm named Krupskaya on the left bank of the Svisloch River (currently on the western side of the Dolginovsky tract and east of Novovilenskaya Street).

Along the perimeter, the concentration camp is fenced with a rope hege with wire; there were no buildings in it. There were internal passages for guards and towers with sentries around the perimeter. From the northeast side there was an entrance and a platform for checking before being sent for execution. The security was carried out by regular soldiers numbering about one company, due to their small number, the guards actively used firearms.

The concentration camp itself with an area of 9.3 hectares was divided into 6 zones: "higher command staff", "captured officers", "captured soldiers", "civilian population of Minsk and suburbs", "Jews", "persons with higher education".

People were initially taken from among the civilian population of Minsk on the next day after the occupation. After the creation of the death camp under the threat of execution, the Nazis rounded up and imprisoned in camp a large number of the population aged 16 to 50 years.. On the third day, prisoners of war of the Red Army arrived, and at the same time the territory was hastily fenced off with a barbed wire entanglement, and towers were set up. The Germans did not give food to people in the concentration camp for several days, then relatives were allowed to bring packages for relatives, while the food was given to random people and in insufficient quantities. The prisoners were kept in the open air, in the heat, they were forbidden to approach the water, to get up without a command. The violators were executed from machine guns. Several times the Germans threw crackers, salted fish into the crowd, while they also shot those running for food. No help was provided to the wounded and sick.

The operational team, together with the secret field gendarmerie, conducted a "filtration" of prisoners in order to identify and exterminate former

лиц еврейской национальности, «уголовных элементов и азиатов».

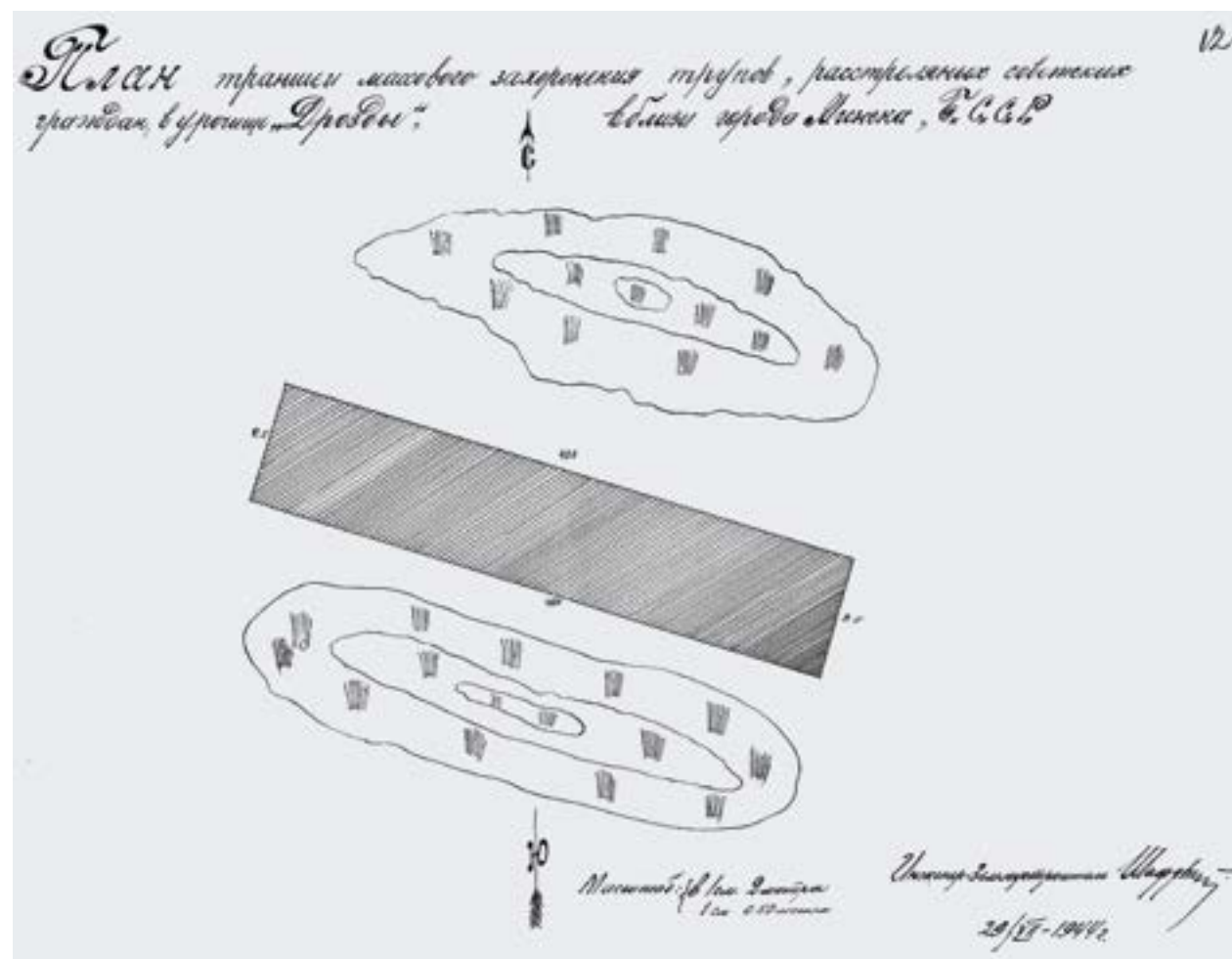
По сведениям архивных документов немецкого командования, по состоянию на 10 июля 1941 года в концлагере находилось около 100 тысяч военнопленных и 40 тысяч гражданских лиц. При этом в докладной записке отмечено, что пленные стоят, скучившись, справляют естественные потребности там, где стоят, живут по 6–8 дней без пищи, а охрана беспощадно применяет огнестрельное оружие.

В 600–700 метрах от концлагеря осуществлялись массовые расстрелы узников, которых затем захоронили в 500 метрах к северо-востоку в траншее-канаве. Данную траншею вырыли до начала войны для укладки водопроводных труб к водозабору возле Долгиновского тракта [10].

party workers, communists, persons of Jewish nationality, "criminal elements and Asians."

According to archival documents of the German command, as of July 10, 1941, there were about 100 thousand prisoners of war and 40 thousand civilians in the concentration camp. At the same time, the internal memorandum noted that the prisoners stand, crowded, answered the call of nature where they stand, live for 6–8 days without food, and the guards mercilessly use firearms.

At 600–700 meters from the concentration camp, mass executions of prisoners were carried out, who were then buried within 500 meters to the northeast in a trench-ditch. This trench was dug before the start of the war to lay water pipes to the water intake near the Dolginovsky tract [10].

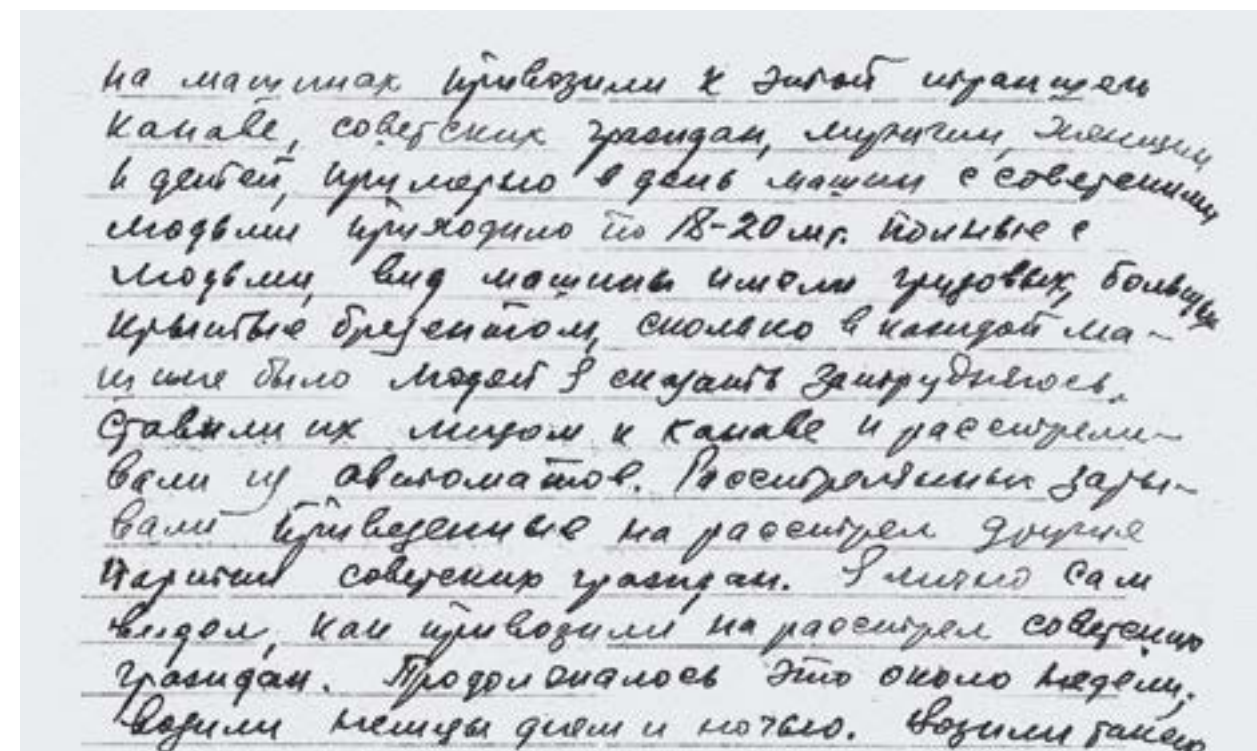
План траншей массового захоронения расстрелянных советских граждан в урочище Дрозды вблизи г. Минска.
 Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 105. Л. 12
 Plan of the trenches of the mass grave of the executed Soviet citizens in the Drozdy natural boundary near Minsk.
 National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 105. L. 12

В ней немцы расстреляли и закопали часть узников из числа евреев, представителей интеллигенции, командного и политического состава военнопленных, а также больных. В сентябре 1941 года там же закопали часть из 400 душевнобольных пациентов психиатрической больницы, некоторых предварительно умертвили газом в бане, оставшихся расстреляли.

После войны при обследовании данной траншеи-канавы найдены останки расстрелянных немцами советских граждан в количестве **около 10 тысяч человек** [10].

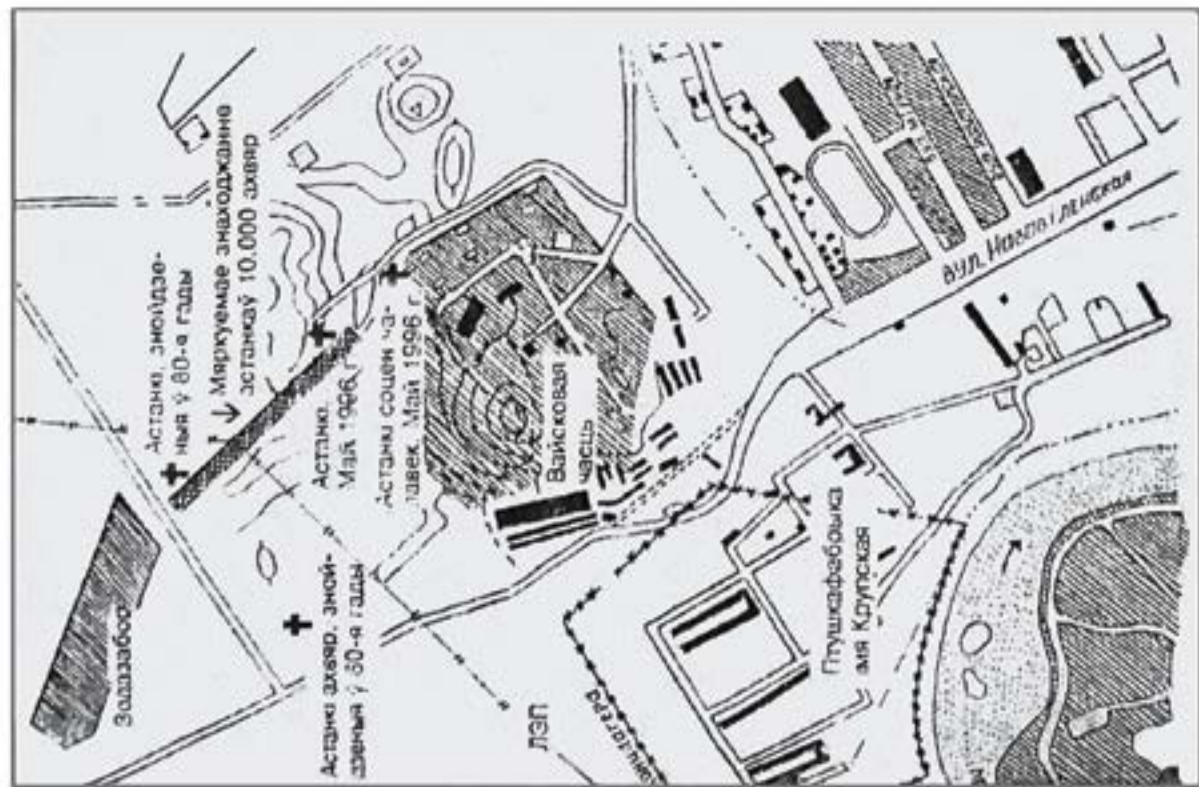
In the trench, the Germans shot and buried some of the prisoners among the Jews, representatives of the intelligentsia, command and political staff of prisoners of war, as well as sick people. In the same place, in September 1941, part of the 400 mentally ill patients of a psychiatric hospital were buried, some were previously gassed in a bathhouse, and the rest were shot.

After the war, during the examination of this trench-ditch, the remains of Soviet citizens shot by the Germans were found in the amount of **about 10 thousand people** [10].

Протокол допроса свидетеля И.М. Милашевского.
 Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 116. Л. 166 об
 The protocol of interrogation of witness I. Milashevsky
 National Archives of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 116. L. 166 ob

Soviet citizens, men, women and children, were brought to this trench-ditch by cars, about 18–20 cars with Soviet people came in about a day. Full of people, the cars looked like trucks, big ones covered with tarpaulins, how many people were in each car I find it difficult to say. They put them facing the ditch and shot them with machine guns. The executed were buried by other parties of Soviet citizens brought to the execution. I saw for myself how Soviet citizens were brought in to be shot. This went on for about a week, the Germans drove day and night.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.
Копия схемы места захоронения в концлагере «Дрозды»
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period.
A copy of the scheme of the burial place in the Drozdy concentration camp

КОНЦЛАГЕРЬ ПО УЛ. ШИРОКОЙ В Г. МИНСКЕ

Концентрационный лагерь, площадью 60 500 м², располагался в юго-западной части г. Минска по ул. Широкой (в настоящее время ул. Куйбышева) в 300 метрах от Московского шоссе.

Он существовал с 5 июля 1941 по 30 июня 1944 года. В нем не только истязали узников, но и отправляли их на истребление в д. Малый Тростенец, в концлагеря Германии и стран Европы.

В концлагерь привозили также жителей г. Минска за уклонение от трудовой повинности, за неподчинение оккупационным властям, а впоследствии и заключенных из Бобруйска, Вилейки, Борисова.

Здесь постоянно находилось около 2,5 тысячи человек, значительная часть из них женщины, старики, дети. Трудоспособные направлялись на строительные работы, на промышленные объекты, а также на принудительные работы в Германию, работали в подсобном хозяйстве и в мастерских. Нетрудоспособные, а также активные подпольщики и партизаны подлежали истреблению, при этом на место расстрелянных ежедневно привозили новых заключенных, военнопленных, захваченных во время облав жителей города и партизан.

Заключенных нацисты убивали в ответ на свои военные неудачи и успехи партизанского движения. С августа 1943 года из концлагеря ежедневно ходили 4 специально оборудованных автофургона – «душегубки», в которых плотно погружали по 100–200 узников в каждый и везли в д. Малый Тростенец. По дороге они умирали от поступавшего в салон фургона газа, а затем трупы сжигали в лагере смерти «Тростенец». Комендант концлагеря Вакс цинично утверждал, что «этот способ истребления был более гуманным, чем расстрел». С 15 июня по 1 июля 1944 года проходила «разгрузка» концлагеря, когда все оставшиеся заключенные были уничтожены в Малом Тростенце. Сами автомобили после работы промывались в концлагере специальным раствором. Привлеченные для этой работы заключенные лишались рук, так как раствором тело разъедало до костей, а лечения никакого не применялось. Перед освобождением г. Минска практически все узники были вывезены в

CONCENTRATION CAMP ON SHIROKAYA STREET IN CITY OF MINSK

Concentration camp, with the area of 60,500 sq. m, located in the southwestern part of city of Minsk on Shirokaya str. (currently Kuibysheva Str.), in 300 m from the Moscow highway.

It existed from July 5, 1941 to June 30, 1944. In the camp prisoners were not only tortured, but also sent them for extermination in the village of Maly Trostenets, in concentration camps of Germany and European countries.

Also, residents of Minsk were brought to the specified concentration camp for evasion of labour service, for insubordination to the occupational authorities, and later prisoners from Bobruisk, Vileyka, Borisov.

About 2.5 thousand people were constantly held in the concentration camp, a significant part of which were women, the elderly, and children. Able-bodied people were sent to construction work, to industrial facilities, as well as to forced labor in Germany, they worked on farms and in workshops. Disabled, as well as active underground workers and partisans, were subject to extermination, while new prisoners, prisoners of war, captured during raids of city residents and partisans, were brought to the camp daily.

The Nazis also killed prisoners in response to their military failures and the successes of the partisan movement. Since August 1943, 4 specially equipped vans – "gas chambers" – went daily from the concentration camp, in which 100–200 prisoners were compactly placed in each van and taken to the village of Maly Trostenets. On the way, they died from gas, entering the passenger compartment of the van, the corpses were burned in the village of Maly Trostenets. The commandant of the concentration camp, Vaks, cynically asserted that "this method of extermination was more humane than execution." From June 15 to July 1, 1944, the "unloading" of the concentration camp took place, when all the remaining prisoners were destroyed in Maly Trostenets. After work, the cars were washed in a concentration camp with a special solution. The prisoners brought in for washing lost their hands, since the solution corroded the body to the bones, and no measures were taken for treatment. Before the liberation of Minsk, almost all the prisoners were taken to the

лагерь смерти «Тростенец», где расстреляны и сожжены в одном сарае.

Всего с августа 1943 по июль 1944 года таким образом в лагере смерти «Тростенец» сожжены тела **около 20 тысяч человек**, являвшихся заключенными концлагеря по ул. Широкой [1, с. 48–49].

Территория концлагеря была обнесена забором, сверху которого закреплялась колючая проволока. Внутри концлагеря имелись два барака, в которых размещались 4 тысячи заключенных, карцер, контора немецкой комендатуры, мастерская (обслуживала немцев из минского гарнизона), баня, амбулатория и погреб, наверху которого впоследствии обнаружили большое количество мужской, женской и детской обуви, которая снималась после расстрела заключенных в д. Малый Тростенец.

Комендантом концлагеря был Вакс, его заместителем по хозяйственной части – немец Штирмус (по иным данным – Кирмус). Концлагерь находился в ведении СС, в его администрации служили немцы.

Условия содержания: подъем в четыре часа утра, работа под открытым небом независимо от погодных условий (дождь, снег, жара или метель), в сутки 200–250 грамм черствого овсяного хлеба с древесными опилками (зачастую заплесневевшего), кружка жидкой и грязной баланды. В еде периодически встречались песок, земля, осколки кирпичей, иной мусор. Заключенные страдали от голода, умирали, их часто избивали, в том числе поясами, ремнями, палками, досками, нагайками, резиновыми шлангами. Имеются свидетельства повешения и расстрелов. Существовала практика нанесения ударов по голове узников при раздаче им хлеба. Большинство заключенных были старики, женщины с грудными детьми, девушки, дети в возрасте 6–10 лет, среди них было много евреев.

Со слов свидетелей, комендант и его заместитель часто вешали и расстреливали заключенных женщин и детей в самом концлагере – слышались плач и крики с просьбами не убивать, затем выстрелы. Имеются сведения, что непосредственно перед приходом частей Красной Армии около 30–40 узников были расстреляны непосредственно на территории концлагеря. О месте их захоронения каких-либо сведений не имеется [10].

Trostenets death camp, where they have been shot and burned in one shed.

In total, from August 1943 to July 1944, the bodies of **about 20 thousand people** were burned in the Trostenets death camp, who were prisoners of the concentration camp on Shirokaya str [1, p. 48–49].

The territory of the concentration camp was surrounded by a fence, on top of which there was barbed wire. Inside the concentration camp there were two barracks, which housed 4,000 prisoners, a punishment cell, the office of the German commandant's office, a workshop (which served for the Germans from the Minsk garrison), a bathhouse, an outpatient clinic and a cellar, at the top of which later a large number of men's, women's and children's shoes have been found, which have been taken after execution of prisoners in the village of Maly Trostenets.

The commandant of the concentration camp was Vaks, his deputy of economic section was the German Stirmus (according to other sources, Kirmus). The concentration camp was controlled by the SS, and the Germans served in its administration.

Conditions of detention: waking up at four in the morning, work outdoors regardless of weather conditions (rain, snow, heat or blizzard), 200–250 grams of stale oatmeal bread with sawdust (often moulded) per day, a mug of liquid and dirty gruel. Sand, earth, fragments of bricks, and other garbage were periodically found in food. The prisoners suffered from hunger, died, they were often beaten, incl. with belts, sticks, planks, whips, rubber hoses. There is evidence of hangings and executions. There was a practice of striking the head of prisoners when bread was distributed to them. Most of the prisoners were old men, women with babies, girls, children aged 6–10, many Jews.

According to witnesses, the commandant and his deputy often hanged and shot imprisoned women and children in the concentration camp – crying and screaming with requests not to kill were heard, then shots were heard. There is evidence that immediately before the arrival of the Red Army, about 30–40 prisoners were shot directly on the territory of the concentration camp. There is no information on the place of their burial [10].

Тростенец Освистра

гор. Минск 1944 года Малый Двд.

Я с. лейтенант гооциии Тилтов в присутствии моеи
неуслед: Белеса Григориз Иваново, Вхула Вери Иваново
всю мою провела освистр концлагерь, где содержал
моя мират: советские зрители с помощью оккупации гор.
Минска т. с 5/II-41 по 30/II 1944 года.

Освистром по моему данному горю Удбановичо, что
лагерь, который завлаживали бы агитацией в школе
1941 года, с того западной части пр. Минск, по Широкой
улице, с 300 м. метра т. Московского шоссе, площадью
оо 500 квадратных метров, обнесенный деревянный забором,
поверх которого имелась колючая проволока.
Внутри лагерь имелась: 2 барака, в которых размеща-
лось 4000 заключенных, карцер, контора немецкой коман-
датуры, мастерская, баня и амбулатория, и погреб, на
верху которого обнаружили большое количество мужской
дамской и детской обуви. Совет освистра Белеса Л. И.
Удбановичо, что данная обувь принадлежала заключенным
лагерь, с которой вывозилась после их расстрела
в д. Малый Тростенец и привозилась обратно в
лагерь где и зрители в ушедшем море.
Тростенец освистра надписали:
С. лейтенант гооциии Тилтов
моеи неуслед: Белеса О. В. Удбанович

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 115. Л. 1
National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 115. L. 1

Inspection Protocol

Minsk, 1944, July 21

On this date, I, senior lieutenant of justice Pikhtov, in the presence of local residents Grigory Ivanovich Belyaev, Vera Ivanovna Akula, inspected the SS concentration camp where peaceful Soviet citizens were held from the time of the occupation of Minsk, i.e. from 5.7.1941 to 30.6.1944.

Inspection at the site of this camp established that the camp was organized by the German invaders in July 1941, in the south-western part of Minsk, on Shirokaya Street, 300 meters from the Moscow highway with an area of up to 500 square meters, surrounded by a wooden fence, on top of which there is a barbed wire.

Inside the camp there are: 2 barracks that housed 4,000 prisoners, a punishment cell, the office of the German commandant, a workshop, a bathhouse and an ambulatory, and a cellar on top of which a large number of men's, women's and children's shoes were found. According to an eyewitness, G.I. Belyaev, it was established that these shoes belonged to the prisoners of the camp, from which they were removed after their execution in the village of Maly Trostinets and brought back to the camp where they were unloaded to the indicated place.

The inspection protocol was signed by:

Senior lieutenant of justice   Signature

Local residents   Signature

Стенограмма:

Из воспоминаний Е.А. Гусева – узника нацистского лагеря по ул. Широкой в г. Минске (фонды Белгосмузея истории Великой Отечественной войны).

В Минском концлагере по улице Широкой (апрель – июнь 1944 года)

«В этом концлагере в последний раз наша семья оказалась вместе: отец, мать, я и бабушка.

Концлагерь размещался в постройках бывших кавалерийских конюшен, где сейчас располагается вокзал на площади Веры Хоружей.

В одном стойле для лошади на двухэтажных нарах размещалось 12 человек. В помещении не было перегородок, мужчины, женщины не разделялись. Один туалет был общим для всех, как, впрочем, и душевая, куда женщин и мужчин загоняли всех вместе.

При переводе в лагерь меня ожидала новая беда. У целой группы заключенных из 40 человек, у меня тоже полностью сгорела вся одежда в примитивной дезинфекционной камере. Остались все голые, но с ремнями и обувью. Немцы одежды не выдавали и по всему лагерю начался сбор разного тряпья среди заключенных. Ясно,

Verbatim record:

From the memoirs of E. Gusev – a prisoner of the Nazi camp on the str. Shirokaya in the city of Minsk (Funds of the Belarusian State Museum of the History of the Great Patriotic War).

In the Minsk concentration camp on the street Shirokaya (April – June 1944)

"In this concentration camp for the last time our family was together: father, mother, grandmother and I.

The concentration camp was located in the buildings of the former cavalry stables, where the station is now located on Vera Khoruzhey Square.

In one stable box on double-tier bunks 12 people were accommodated. There were no partitions in the room, men and women were not separated. One toilet was shared by everyone, as was the shower room, where women and men were herded all together.

When I was transferred to the camp, a new trouble awaited me. A whole group of prisoners of 40 people, including me, had all their clothes completely burned in a primitive disinfection chamber. Everyone was naked, but with belts and shoes. The Germans did not give out clothes, and the collection of various rags among the prisoners began throughout the camp. It

что и у остальных гардероб не был парадным и в достатке, ведь людей хватало в чем были и смену белья брать с собой не предлагали. С большим трудом родители собрали некоторое тряпье и матери пришлось вручную сделать из этого некоторое подобие на одежду. Вряд ли меня в ней признали мои бывшие товарищи по школе.

Заключенным в лагере нашивались номера, при построениях каждый должен был стоять по порядку номеров и это повторялось по десятку раз в день. Невыполнение этого правила каралось очень жестоко. Комендант лагеря и его помощники лично обходили строй заключенных, если не совпадал порядок номеров, наступала жестокая расправа. Комендант сам бил виновного тяжелой дубовой палкой прямо по голой голове, ведь перед каждым немцем, независимо от чина, положено было снимать шапку. Иногда заключенный падал замертво, а часто мучительно корчился и, если не смог опять подняться, охранники тащили его в яму с известкой, куда сбрасывали трупы умерших, и бросали умирать. В других случаях соседей, перепутавших номера, комендант хватал за уши и бил голову об голову другу друга до тех пор, пока они оба не упадут.

Трудно перечислить все зверства, которым подвергались заключенные лагеря. Здесь и публичная порка резиновыми дубинками за мелкие провинности, например, если не снял шапку перед проходящим охранником или не дослышал команду и т. д. За попытку к бегству или даже подозрение к попытке человека немедленно отправляли на виселицу и приговор приводили в исполнение публично на глазах у всего лагеря.

В лагере заключенных с утра до вечера заставляли работать под наблюдением охраны. В основном перетаскивали с места на место большую грудку кирпича и потом опять ее разбирали и переносили на новое место по несколько раз в день. Часть заключенных, которых очевидно считали не особенно опасными, водили под охраной на разборку руин в город. Жители города умудрялись передавать им кое-что из еды, а в лагере находились и их родные и знакомые. Иногда до нас доходили передачи от друзей, оставшихся на воле, иначе можно было погибнуть и от голода, настолько скудно нас кормили.

В конце мая 1944 года в лагерь приехало несколько крытых грузовиков, построили заключенных, вызвали по номерам из строя отдельную группу, погрузили в машины и увезли. Куда везут, никто не знал. И среди них был и я.

is clear that clothes of others haven't been dressy and in abundance, because people were grabbed in what clothes they were at the moment and haven't been allowed take a shift of clothes with them. With great difficulty, the parents collected some rags and the mother had to manually make some kind of clothes out of this. It is unlikely that my former schoolmates recognized me in such clothes.

Numbers were sewn on the prisoners in the camp, during the formations everyone had to stand in the order of the numbers, and this was repeated ten times a day. Failure to comply with this rule was punished very severely. The camp commandant and his assistants personally checked the line of prisoners, if the order of the numbers did not match, a brutal reprisal followed. The commandant himself beat the culprit with a heavy oak stick right on his bare head, because before every German, regardless of rank, it was supposed to take off his hat. Sometimes the prisoner fell dead, and often writhed painfully, and if he could not get up again, the guards dragged him into a pit: with lime, where they dumped the corpses of the dead and left him to die. In other cases, the neighbors who confused the numbers were grabbed by the ears by the commandant and hit head against the head until they both fell.

It is difficult to enumerate all the atrocities to which the prisoners of the camp were subjected. Public flogging with rubber hoses for minor offenses, for example, if you did not take off your hat in front of a passing guard or did not hear the command, etc. for an attempt to escape or even suspicion of a person's attempt to escape, prisoners were immediately sent to the gallows and the sentence was carried out publicly in front of the entire camp.

The prisoners of camps were forced to work from morning to evening under the supervision of guards. Basically, they dragged a large pile of bricks from place to place and then again dismantled it and transferred it to a new place several times a day. Some of the prisoners, who apparently were not considered particularly dangerous, were taken under guard to dismantle the ruins in the city. The inhabitants of the city managed to give them some of the food, and their relatives and friends were in the camp. Sometimes we received messages from friends who were free, otherwise we could die from hunger, we received very little food.

At the end of May 1944, several covered trucks arrived at the camp, lined up the prisoners, called a separate group by numbers, loaded them into cars and took them away. No one knew where they were being taken, and I was among them.

*Из воспоминаний Е. А. Гусева - узника
нацистского лагеря по ул. Широкой в Минске
фонды Белгосмузея истории
Великой Отеч. войны*

8

В МИНСКОМ КОНЦЛАГЕРЕ НА УЛИЦЕ ШИРОКОЙ

11.07.44 - 09.08.1944

В ЭТОМ КОНЦЛАГЕРЕ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ НАВА СЕМЬЯ ОКАЗАЛАСЬ ВМЕСТЕ: ОТЕЦ, МАТЬ,
И БАБУШКА.

КОНЦЛАГЕРЬ РАЗМЕЩАЛСЯ В ПОСТРОЙКАХ БЫВШИХ КАВАЛЕРИЙСКИХ КОНЬЕВ . ГДЕ
СЕЙЧАС РАСПОЛАГАЕТСЯ АВТОВОКЗАЛ НА ПЛОЩАДИ ВЕРЫ ХОРУХИЯ.

В ОДНОМ СТОЯЛЕ ДЛЯ ЛОВАДИ НА ДВУХЭТАЖНЫХ НАРАХ РАЗМЕЩАЛОСЬ 12 ЧЕЛОВЕК.
В ПОМЕЩЕНИИ НЕ БЫЛО ПЕРЕГОРОДОК, МУЖЧИНЫ, ЖЕНЩИНЫ И ДЕТИ НЕ РАЗДЕЛЯЛИСЬ, ОДИН
ТУАЛЕТ БЫЛ ОБЩИМ ДЛЯ ВСЕХ, КАК ВПРОЧЕМ И ДУШЕВАЯ, КУДА ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ ЗАГО-
НЯЛИ ВСЕХ ВМЕСТЕ.

ПРИ ПЕРЕХОДЕ В ЛАГЕРЬ МЕНЯ ОЖИДАЛА НОВАЯ БЕДА. У ЦЕЛОЙ ГРУППЫ ЗАКЛЮЧЕН-
НЫХ ИЗ 40 ЧЕЛОВЕК, У МЕНЯ ТОЖЕ , ПОЛНОСТЬЮ СГОРЕЛА ВСЯ ОДЕЖДА В ПРИМТИВ -
НОЙ ДЕЗИНФЕКЦИОННОЙ КАМЕРЕ. ОСТАЛИСЬ ВСЕ ГОЛОВЕ, НО С РЕМНЯМИ И ОБУВЬЮ. МЕНЕШЬ
ОДЕЖДЫ НЕ ВЫДАВАЛИ И ПО ВСЕМУ ЛАГЕРЮ НАЧАЛСЯ СБОР РАЗНОГО ТРЯПЬЯ СРЕДИ ЗАК-
ЛЮЧЕННЫХ, ЯСНО, ЧТО И У ОСТАЛЬНЫХ ГАРДЕРОВ НЕ БЫЛ ПАРАДНЫЙ И В ДОСТАТКЕ, ВЕДЬ
ЛЮДИ ХВАТАЛИ В ЧЕМ БЫЛИ И СМЕНУ БЕЛЬЯ БРАТЬ С СОБОЙ НЕ ПРЕДЛАГАЛИ. С БОЛЬШИМ
ТРУДОМ РОДИТЕЛЯМ СОБРАЛИ НЕКОТОРОЕ ТРЯПЬЕ И МАТЕРИ ПРИШЛОСЬ ВРУЧНУЮ СДЕЛАТЬ
ИЗ ЭТОГО НЕКОТОРОЕ ПОДОБИЕ НА ОДЕЖДУ. ВРЯДЛИ МЕНЯ В НЕЕ ПРИЗНАЛИ МОИ БЫВШИЕ
ТОВАРИЩИ ПО ШКОЛЕ.

ЗАКЛЮЧЕННЫМ В ЛАГЕРЕ НАЗЫВАЛИСЬ НОМЕРА, ПРИ ПОСТРОЕНКИХ КАЖДЫЙ ДОЛЖЕН
БЫЛ СТОЯТЬ ПО ПОРЯДКУ НОМЕРОВ И ЭТО ПОВТОРЯЛОСЬ ПО ДЕСЯТКУ РАЗ В ДЕНЬ. НЕВЫ-
ПОЛНЕНИЕ ЭТОГО ПРАВИЛА КАРАЛОСЬ ОЧЕНЬ ЖЕСТОКО. КОМЕНДАНТ ЛАГЕРЯ И ЕГО ПОМОЩ-
НИКИ ЛИЧНО ОБХОДИЛИ СТРОИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ И В СЛУЧАЯХ, ЕСЛИ НЕ СОВПАДАЛ ПОРЯДОК
НОМЕРОВ, НАСТУПАЛА ЖЕСТОКАЯ РАСПРАВА. КОМЕНДАНТ САМ БЫЛ ВИНОВНОГО ТЯЖЕЛОЙ ДУ-
БОВОЙ ПАЛКОЙ ПРЯМО ПО ГОЛОВЕ ГОЛОВЕ, ВЕДЬ ПЕРЕД КАЖДЫМ НЕМЦЕМ, НЕЗАВИСИМО ОТ
ЧИНА, ПОЛОЖЕНО БЫЛО СНИМАТЬ ВАПКУ. ИНОГДА ЗАКЛЮЧЕННЫМ ПАДАЛ ЗАМЕРТВО, А ЧАСТО

9

ЧЕТЕЛЬНО КОРМИЛИ И , ЕСЛИ НЕ СМОГ СЛЫТЬ ПОДНЯТЬСЯ, ОХРАННИКИ ТАКИМ ЕГО В
ИМ) : ИЗВЕСТКОМ, КУДА СБРАСЫВАЛИ ТРУПЫ УМЕРШИХ, И БРОСАЛИ УМИРАТЬ. В ДРУГИХ
СЛУЧАЯХ, СОСЕДЕМ, ПЕРЕПУТАВШИХ НОМЕРА, КОМЕНДАНТ ХВАТАЛ ЗА УШИ И БИЛ ГОЛОВОЮ ОБ
ГОЛОВОЮ ДРУГ ДРУГА ДО ТЕХ ПОР, ПОКА ОБА ОНИ НЕ УПАДУТ.

ТРУДНО ПЕРЕЧИСЛИТЬ ВСЕ ЗВЕРСТВА, КОТОРЫМ ПОДВЕРГАЛИСЬ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ ЛАГЕРЯ
ЗДЕСЬ И ПУБЛИЧНАЯ ПОРКА РЕЗИНОВЫМИ ДУБИНАМИ ЗА НЕБЛАЖЕ ПРОВИННОСТИ, НАПРИМЕР ,
ЕСЛИ НЕ СНИЛ ВАПКУ ПЕРЕД ПРОХОЖДЕНИЕМ ОХРАННИКОМ ИЛИ НЕДОСЛУШАВ КОМАНДУ И Т.Д.
ЗА ПОПЫТКУ К БЕГСТВУ ИЛИ ДАЖЕ ПОДОЗРЕНИЕ К ПОПЫТКЕ ЧЕЛОВЕКА НЕМЕДЛЕННО ОТ -
ПРАВЛЯЛИ НА ВИСЕЛЦУ И ПРИГОВОР ПРИВОДИЛИ В ИСПОЛНЕНИЕ ПУБЛИЧНО НА ГЛАЗАХ У
ВСЕГО ЛАГЕРЯ.

В ЛАГЕРЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ С УТРА ДО ВЕЧЕРА ЗАСТАВЛЯЛИ РАБОТАТЬ ПОД НАБЛЮДЕ -
НИЕМ ОХРАНЫ. В ОСНОВНОМ ПЕРЕТАСКИВАЛИ С МЕСТА НА МЕСТО БОЛЬШУЮ ГРУДУ КИРПИЧА
И ПОТОМ ОПЯТЬ ЕЕ РАЗБИРАЛИ И ПЕРЕНОСИЛИ НА НОВОЕ МЕСТО ПО НЕСКОЛЬКО РАЗ В
ДЕНЬ. ЧАСТЬ ЗАКЛЮЧЕННЫХ , КОТОРЫХ ОЧЕВИДНО СЧИТАЛИ НЕ ОСОБЕННО СПАСИМЫМИ, ВОДИЛИ
ПОД ОХРАНУ НА РАЗБОРКУ РУИН В ГОРОД. ЖИТЕЛИ ГОРОДА УМУДРЯЛИСЬ ПЕРЕДАВАТЬ ИМ
КОС-ЧТО ИЗ ЕДЫ, А В ЛАГЕРЕ НАХОДИЛИСЬ И ИЗ РОДИНЫ И ЗНАКОМЦЕ. ИНОГДА ДО НАС
ДОХОДИЛИ ПЕРЕДАЧИ ОТ ДРУЗЕЙ, ОСТАВШИХСЯ НА ВОЛЕ. ИНАЧЕ ПОЗНО БЫЛО ПОГИБНУТЬ И
ОТ ГОЛОДА, НАСТОЛЬКО СКУДНО НАС КОРМИЛИ.

В КОНЦЕ МАЯ 1944 ГОДА В ЛАГЕРЬ ПРИЕХАЛО НЕСКОЛЬКО КРЫТЫХ ГРУЗОВИКОВ, ПО-
СТРОИЛИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ, ВМАЗАЛИ ПО НОМЕРАМ ИЗ СТРОИ ОТДЕЛЬНУЮ ГРУППУ, ПОГРУЗИЛИ
В МАШИНЫ И УВЕЗЛИ, КУДА ВЕДУТ НИКТО НЕ ЗНАЛ. В СРЕДИ НИХ БЫЛ И Я.

Я ТОГДА ЕЩЕ НЕ ЗНАЛ, ЧТО ИЗ ГРУЗОВИКА ВЫХУ РОДИТЕЛЕЙ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ .
ТОЛЬКО ПОСЛЕ ВОЙНЫ НЕКОТОРЫЕ ПОДРОБНОСТИ МНЕ РАССКАЗАЛА БАБУШКА. ДО ОСВОБОЖ -
ДЕНИЯ МИНСКА ОСТАВАЛОСЬ ЧУТЬ БОЛЬШЕ НЕДЕЛИ. В КОНЦЕ МЕНЯ, ЧИСЛА 29 ИЛИ 30, В
ЛАГЕРЬ ПРИЕШЛИ ГРУЗОВИКИ , ПОГРУЗИЛИ ВСЕХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ , УВЕЗЛИ В ЛАГЕРЬ СМЕР-

10

НАМЫ ТРОСТЯНЦЕ И РАССТРЕЛЯЛИ. ДО ОСВОБОЖДЕНИЯ МИНСКА ОСТАВАЛОСЬ НЕСКОЛЬКО
ДНЕЙ. НЕБОЛЬШУЮ ГРУППУ СТАРИКОВ, В ТОМ ЧИСЛЕ И 65-ЛЕТНЕЮ БАБУШКУ, ПРОСТО РАС-
ПУСТИЛИ . ФАШИСТАМ БЫЛО УЖЕ НЕ ДО НИХ.

ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ МИНСКА БАБУШКА СХОДИЛА В МАМЫ ТРОСТЯНЦЕ. МЕНЕШЬ ПЫТА-
ЛИСЬ ЗАПЕСТИ СЛЕДЫ СВОИХ ЗЛОДЕЯНИИ И ПЫТАЛИСЬ СВЕЧЬ ТРУПЫ РАССТРЕЛЯННЫХ, НО
ПОЛНОСТЬЮ ЭТОГО СДЕЛАТЬ НЕ СМОГЛИ . ЭТА ХУТКАЯ КАРТИНА НАСТОЛЬКО ПОТРЕСА
БАБУШКУ, ЧТО ОНА, ОБЛАДАЯ КРЕПКИМ ЗДОРОВЬЕМ, СИЛЬНО ПОСТАРЕЛА, СГОРЕИЛАСЬ И ЧЕ-
РЕЗ ГОД СКОНЧАЛАСЬ.

В МАМЫ ТРОСТЯНЦЕ СТОИТ МОНУМЕНТ В ЧЕСТЬ ПОГИБШИХ 200500 ГРАЖДАН В ЭТОМ
ЛАГЕРЕ СМЕРТИ. СРЕДИ ПОГИБШИХ МОИ ОТЕЦ И МАТЬ .

From the memoirs of E. Gusev – a prisoner of the Nazi camp on the str. Shirokaya in the city of Minsk (Funds of the Belarusian State Museum of the History of the Great Patriotic War).

In the Minsk concentration camp on the street Shirokaya (April – June 1944)

"In this concentration camp for the last time our family was together: father, mother, grandmother and I.

The concentration camp was located in the buildings of the former cavalry stables, where the station is now located on Vera Khoruzhey Square.

In one stable box on double-tier bunks 12 people were accommodated. There were no partitions in the room, men and women were not separated. One toilet was shared by everyone, as was the shower room, where women and men were herded all together.

When I was transferred to the camp, a new trouble awaited me. A whole group of prisoners of 40 people, including me, had all their clothes completely burned in a primitive disinfection chamber. Everyone was naked, but with belts and shoes. The Germans did not give out clothes, and the collection of various rags among the prisoners began throughout the camp. It is clear that clothes of others haven't been dressy and in abundance, because people were grabbed in what clothes they were at the moment and haven't been allowed take a shift of clothes with them. With great difficulty, the parents collected some rags and the mother had to manually make some kind of clothes out of this. It is unlikely that my former schoolmates recognized me in such clothes.

Numbers were sewn on the prisoners in the camp, during the formations everyone had to stand in the order of the numbers, and this was repeated ten times a day. Failure to comply with this rule was punished very severely. The camp commandant and his assistants personally checked the line of prisoners, if the order of the numbers did not match, a brutal reprisal followed. The commandant himself beat the culprit with a heavy oak stick right on his bare head, because before every German, regardless of rank, it was supposed to take off his hat. Sometimes the prisoner fell dead, and often writhed painfully, and if he could not get up again, the guards dragged him into a pit: with lime, where they dumped the corpses of the dead and left him to die. In other cases, the neighbors who confused the numbers were grabbed by the ears by the commandant and hit head against the head until they both fell.

It is difficult to enumerate all the atrocities to which the prisoners of the camp were subjected. Public flogging with rubber hoses for minor offenses, for example, if you did not take off your hat in front of a passing guard or did not hear the command, etc. for an attempt to escape or even suspicion of a person's attempt to escape, prisoners were immediately sent to the gallows and the sentence was carried out publicly in front of the entire camp.

The prisoners of camps were forced to work from morning to evening under the supervision of guards. Basically, they dragged a large pile of bricks from place to place and then again dismantled it and transferred it to a new place several times a day. Some of the prisoners, who apparently were not considered particularly dangerous, were taken under guard to dismantle the ruins in the city. The inhabitants of the city managed to give them some of the food, and their relatives and friends were in the camp. Sometimes we received messages from friends who were free, otherwise we could die from hunger, we received very little food.

At the end of May 1944, several covered trucks arrived at the camp, lined up the prisoners, called a separate group by numbers, loaded them into cars and took them away. No one knew where they were being taken, and I was among them.

I did not know then that I was seeing my parents from the truck for the last time. Only after the war, some details were told by my grandmother. A little more than a month remained before the liberation of Minsk. At the end of June, on the 29 or 30 of June, trucks arrived at the camp, loaded all the prisoners, took them to the Maly Trostenets extermination camp and shot them. A few days remained before the liberation of Minsk. A small group of old people, including a 65-year-old grandmother, were just left, the Nazis lost their interest in them.

After the liberation of Minsk, my grandmother went to Maly Trostenets. The Germans tried to cover up the traces of their atrocities and tried to burn the corpses of the executed, but they could not do this completely. This terrible picture shocked my grandmother so much that she, having good health, aged a lot, humped and died a year later.

In Maly Trostenets, there is a monument in honor of the 200,500 citizens who died in this death camp, among the dead are my father and mother".

Я тогда еще не знал, что из грузовика вижу родителей в последний раз. Только после войны некоторые подробности рассказала бабушка. До освобождения Минска оставалось чуть больше месяца. В конце июня, числа 29 или 30, в лагерь прибыли грузовики, погрузили всех заключенных, увезли в лагерь смерти Мальный Тростенец и расстреляли. До освобождения Минска оставалось несколько дней. Небольшую группу стариков, в том числе 65-летнюю бабушку, просто отпустили, фашистам было уже не до них.

После освобождения Минска бабушка сходила в Мальный Тростенец. Немцы пытались замести следы своих злодеяний и пытались сжечь трупы расстрелянных, но полностью этого сделать не смогли. Эта жуткая картина настолько потрясла бабушку, что она, обладая крепким здоровьем, сильно постарела, сгорбилась и через год скончалась.

В Малом Тростенце стоит монумент в честь погибших 200 500 граждан в этом лагере смерти, среди погибших мои отец и мать».

I did not know then that I was seeing my parents from the truck for the last time. Only after the war, some details were told by my grandmother. A little more than a month remained before the liberation of Minsk. At the end of June, on the 29 or 30 of June, trucks arrived at the camp, loaded all the prisoners, took them to the Maly Trostenets extermination camp and shot them. A few days remained before the liberation of Minsk. A small group of old people, including a 65-year-old grandmother, were just left, the Nazis lost their interest in them.

After the liberation of Minsk, my grandmother went to Maly Trostenets. The Germans tried to cover up the traces of their atrocities and tried to burn the corpses of the executed, but they could not do this completely. This terrible picture shocked my grandmother so much that she, having good health, aged a lot, humped and died a year later.

In Maly Trostenets, there is a monument in honor of the 200,500 citizens who died in this death camp, among the dead are my father and mother".

Допрошенный по уголовному делу в качестве потерпевшего Н.А. Хейфец показал, что являлся узником концлагеря по ул. Широкой в г. Минске. В концентрационный лагерь он попал в августе 1941 года. С его слов, одним из палачей был Городецкий – сын белогвардейца, закончивший в Германии школу СС. Городецкий демонстрировал свое искусство издеваться над людьми, беспричинно убил пять человек. Он мог «выбрать первого попавшегося рабочего и подзвать к себе, избивал его до полусмерти и отпускал, потом выбирал следующего и также избивал его до полусмерти и так многих. Видел, что кто-то не побит, то избивал его за то, что его еще не били, если уже избитый человек, то делал вывод, что человек плохо работал, и избивал этого человека еще раз» [10].

Interrogated on a criminal case as a victim N. Kheyfets testified that he was a prisoner of a concentration camp on Shirokaya Street in Minsk. He was taken to a concentration camp in August 1941. According to him, one of the executioners was Gorodetsky, the son of a White Russian, who graduated from an SS school in Germany. Gorodetsky showed his ability to torture people, killing five people for no reason. He could "choose the first worker he came across and call him, beat him to a pulp and let him go, then choose the next one and also beat him to a pulp and so many others. If he saw that someone had not been beaten, then he beat him because he had not yet been beaten, if a person was already beaten, then he concluded that the person did not work well, and beat this person again" [10].

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.
Кадр из видеозаписи допроса потерпевшего Н.А. Хейфеца
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period.
A frame from the video of the interrogation of the victim N. Kheyfets

В первый день в данном лагере потерпевший видел, как Городецкий ради забавы убил пять человек. В какой-то момент Городецкой подзвал к себе потерпевшего, избил его, потом сказал ему бежать, потерпевший побежал и думал, что Городецкий выстрелит ему в спину, но выстрел не последовал, впереди стоял немецкий солдат, у него были кирки и лопаты. Немецкой солдат повел потерпевшего в овраг рядом с лагерем, в данном овраге лежало два трупа, потерпевшему необходимо было выкопать ямы для этих трупов. На помощь потерпевшему привели ещё два человека, и они втроём копали ямы. Когда они копали ямы, то им сказали, что ямы копать и для себя самих, то есть выкопавши яму и тебя пристрелят в этой же яме. Но когда выкопали ямы до половины, то привели ещё одного человека, всего израненного, у него из рта текла пена и кровь. Немец, который стоял рядом с потерпевшим, выстрелил почти в упор разрывной пулей в голову израненного человека из-за чего ему оторвало пол череп и теплые брызги крови с мозгами попали потерпевшему на лицо, а этот же день немец застрелил ещё двоих. Как-то был жаркий день, и от пыли и жары аж губы растрескались, а воды не было, поэтому единственное чем можно было смочить, это собственная моча. В один из дней вечером привели шпенную кашу, но не чашенную. И всех рабочих и узников лагеря накормили. И кто-то один съел свою порцию и встал и хотел ещё, Городецкий это увидел, отвел этого человека в сторону и побил его. У Городецкого с собой был резиновый шланг. Городецкий выбрал четырех сильных узников лагеря, сказал двоим взять избитого человека за руки, а двоим за ноги. Городецкий задрал рубашку избитому человеку до шеи, спустил штаны ниже колен. В лагере было две группы военнопленных по 301 человек, Городецкой выдал каждому по резиновому шлангу, и каждый военнопленный должен был нанести по 25 ударов шлангом по избитому человеку, которого держали за руки и ноги, при этом жертва должна была считать все удары в слух. Городецкий стоял у головы жертвы и слыту бил шлангом в лицо. Жертва сбивалась со счета, потому что трудно считать, когда тебя избивают. После того как 60 человек нанесли по 25 ударов, то жертва уже была не в состоянии считать. После этого Городецкий приказал, раскатать жертву и бросить на землю. На счёт три жертву раскатывали и бросили, но Городецкому показалось, что бросили недостаточно далеко, из-за чего он начал избивать четверых людей, которые до этого держали жертву и сказал, чтобы жертву поджали и кинули ещё раз, но после того, как это сделали уже было видно, что там

труп. После этого Городецкий всех построил и один человек замешкался и Городецкой начал избивать этого человека, у человека были очки, они упали в лужу, человек начал пнуть землю, чтобы найти очки, так как без очков он ничего не видел, но Городецкой схватил его за чужирку и начал тыкать лицом в лужу. Далее он приказал всем петь сингапосскую песню, кто не знает слов и не будет петь, тот будет расстрелян. Потерпевший этой песни не знал, и думал, что будет расстрелян, но вдруг начали петь другую песню, которую знали все, один куплет пели несколько раз. После того как спели, Городецкой объявил, что так как работа на сегодня не выполнена, то остаются все ночевать на работе. В последующие дни начали обносить территорию лагеря СС двумя рядами колючей проволоки и ставить смотровые вышки.
О том, что людей и в том числе потерпевшего забрали в лагерь СС, всем остальным стало известно только спустя 4 дня. Когда мать потерпевшего узнала об этом, то она пошла искать его. И в какой-то момент потерпевший увидел через ограждение из колючей проволоки свою маму и начал ей кричать, чтобы она его заметила, но он не могга понять откуда он её зовёт, а потом сказала ему, что она его голос узнаёт, но он настолько глушечен за эти 4 дня, что она не смогла его узнать.
Спустя примерно 10 дней как потерпевший находился в лагере, у него поднялась температура. На тот момент как раз в лагере появился медик, потерпевший обратился к медику, который направил его домой в гетто. Потерпевший пояснил, что он был последний, кого отпустили из лагеря домой, больше никого не выпускали. У мамы потерпевшего была знакомая главврач, поэтому, когда потерпевший пришел домой, то она ему предоставила врача, которая сказала, что у него болезнь рожа, воспалилась кожа на лице и руке и высокая температура. На следующий день немцы устраивали очередную облаву на мужчин, но по какой-то случайности в квартиру потерпевшего не зашли.
За те десять дней, что потерпевший находился в лагере СС, прошла очередная перепись трудоспособного населения, так как было расстреляно много людей, но так как потерпевший был в это время в лагере, то он в переписи не попал. Мать потерпевшего искала связи, чтобы как-то направить его в партизаны, но так как партизанскую семью расстреливали, то потерпевший просто пошёл жить к знакомой матери главврачу.
06 ноября 1941 года в Гетто было неспокойно, гетто за колючей проволокой окружили немецкие солдаты и полиция. На улице Островская находилась детская поликлиника и на чердак данной поликлиники пошли сотрудники поликлиники с семьями, в том числе и потерпевший, там все находилась около пяти дней, примерно до 12 ноября. 07 ноября 1941 года в гетто были слышны крики и стрельба, все думали, что гетто уже больше не существует. Но как оказалось часть гетто была отрезана, много людей было убито немцами. У мамы потерпевшего была знакомая, которая работала в школе №17. Данная

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.
Протокол допроса потерпевшего Н.А. Хейфеца
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period.
Protocol of the interrogation of the victim N. Kheyfets

On the first day in this camp, the victim saw how Gorodetsky killed five people for fun. On the first day at the camp, the victim saw Gorodetsky kill five people for fun. At one point Gorodetsky called the victim to him, beat him up, then told him to run, the victim ran and thought that Gorodetsky would shoot him in the back, but the shot did not follow, a German soldier was standing in front, carrying pickaxes and shovels. The German soldier led the victim to a ravine near the camp, in the ravine there were two corpses and the victim had to dig holes for these corpses. Two more men were brought to help the victim, and the three of them were digging holes. When they were digging the holes, they were told that we are digging holes for ourselves, as well, that is, you dig a hole and you will be shot in the same hole. But when they had dug the holes halfway, they brought another man, all wounded, foam and blood flowed from his mouth. The German, who was standing next to the victim, fired a bursting bullet almost at point-blank range into the head of the wounded man, because of which half of his skull was torn off and warm splashes of blood with brains hit the victim on the face, on the same day the German shot two more. It was a hot day once, and the dust and heat already cracked the lips, and there was no water, so the only thing that could be moistened was my own urine. One day in the evening they brought millet porridge, but not peeled. And all the workers and prisoners of the camp were fed. And someone had eaten his portion and wanted more, Gorodetsky saw this, took this man aside and beat him up. Gorodetsky had a rubber hose with him. Gorodetsky chose four strong prisoners of the camp, told two of them to take the beaten man by the arms and two by the legs. Gorodetsky pulled the shirt of the beaten man up to his neck and pulled down his trousers below the knees. There were two groups of 301 prisoners of war in the camp, Gorodetsky gave each one a rubber hose, and each prisoner of war had to give 25 blows with the hose to the beaten man, who was held by the arms and legs, while the victim had to count all the blows out loud. Gorodetsky stood at the victim's head and hit him in the face with a hose from below. The victim lost count because it is difficult to count when you are being beaten. After 60 people had been hit 25 times each, the victim was no longer able to count. After that, Gorodetsky ordered to shake the victim and throw it to the ground. On the count of three, the victim was rocked and thrown, but it seemed to Gorodetsky that they were not thrown far enough, because of which he began to beat four people who had previously held the victim and said that the victim should be picked up and thrown again, but after they did it it was already clear that here was corpse.

After that, Gorodetsky lined everyone up and one man hesitated and Gorodetsky began to beat this man, the man had glasses, they fell into a puddle, the man began to feel the ground to find glasses, because without glasses he could not see anything, but Gorodetsky grabbed him by the forelock and started poking his face into the puddle. Then he ordered everyone to sing a synagogue song; whoever did not know the words and would not sing would be shot. The victim did not know this song, and thought that he would be shot, but suddenly they began to sing another song that everyone knew, one verse was sung several times. After they sang, Gorodetsky announced that since the work was not done for the day, everyone would stay at work overnight. In the following days, they began to enclose the territory of the SS camp with two rows of barbed wire and put up observation towers.

The fact that people, including the victim, were taken to the SS camp, became known to everyone else only after 4 days. When the victim's mother found out about this, she went to look for him. And at some point the victim saw his mother through the barbed wire fence and started shouting for her to notice him, but she could not understand where he was calling her from, and then told him that she recognised his voice, but he was so mutilated in those four days that she could not recognize him.

After about 10 days, as the victim was in the camp, he had a fever. At that time a medic arrived at the camp, and the victim went to the medic, who sent him home to the ghetto. The victim explained that he was the last person to be released from the camp home, no one else was released. The

victim's mother had an acquaintance who was a head physician, so when the victim came home she provided him with a doctor, who told him he had an erysipelas, the skin on his face and arm was inflamed, and he had a high temperature. The next day the Germans were conducting another raid on the men, but by some coincidence the victim's flat was not entered.

During the ten days that the victim was in the SS, another census of the working population took place, as many people were shot, but as the victim was in the camp at the time, he was not included in the census. The victim's mother was looking for connections to somehow send him to the partisans, but as the partisan family was being shot, the victim simply went to live with a head doctor acquaintance of his mother.

On November 6, 1941 the ghetto was in turmoil, the ghetto was surrounded by German soldiers and policemen behind barbed wire. There was a children's polyclinic on Ostrovsкая Street, and the staff of the polyclinic and their families, including the victim, went to the attic of that polyclinic, where they stayed for about five days, until about November 12. On November 7, 1941, screams and shooting were heard in the ghetto, everyone thought that the ghetto no longer existed. But as it turned out part of the ghetto had been cut off, many people had been killed by the Germans. The victim's mother had an acquaintance who worked in school No. 17.

Signature

**КОНЦЛАГЕРЬ (ЛАГЕРЬ УНИЧТОЖЕНИЯ)
В УРОЧИЩЕ БРОННАЯ ГОРА
БЕРЕЗОВСКОГО РАЙОНА
БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ**

Весной 1942 года поляна в лесном массиве в 400 метрах северо-западнее железнодорожной станции Бронная Гора возле деревни с одноименным названием со всех сторон стала огораживаться колючей проволокой.

Площадь огороженной территории составляла около 16 800 м². По периметру огороженной территории оккупантами были выставлены многочисленные плакаты на русском и немецком языках с предупреждениями о запрете прохода и незамедлительном расстреле при его нарушении. На протяжении мая-июня 1942 года на огороженном участке местности производилась копка могил, на которой задействовались по 600–800 человек в день жителей близлежащих деревень. С середины июня 1942 года к месту расстрела направляли эшелоны с мирными жителями из различных населенных пунктов Брестской, Пинской и Барановичской областей [20, с. 166–167].

К месту истребления на станцию Бронная Гора, как и в Тростенец, людей доставляли под предлогом отправки на работу. От станции Бронная Гора к месту казни была проложена

**CONCENTRATION CAMP
(EXTERMINATION CAMP)
IN THE BRONNAYA GORA NATURAL BOUNDARY
OF BERYOZA DISTRICT OF BREST REGION**

In the spring of 1942, a natural clearing in a forest area in 400 meters northwest to the Bronnaya Gora railway station near the village of the same name was fenced with barbed wire on all sides.

The space of the fenced area was about 16,800 square meters. Along the perimeter of the fenced area, the invaders installed numerous posters in Russian and German with warnings about the prohibition of passage, and immediate execution if in case of violation. During May-June 1942, graves were dug in a fenced area, which involved 600–800 people per day of residents of nearby villages. Since mid-June 1942, trains with civilians from various settlements of the Brest, Pinsk and Baranovichi regions were sent to the place of execution [20, p. 166–167].

To the place of extermination at the Bronnaya Gora station, as well as to Trostenets, people were brought under the pretext of sending them to work. From the station Bronnaya Gora to the place of execution, a special railway line was laid, which led to the old military warehouses. The echelons stopped at a distance of 250 meters from the central railway station Bronnaya Gora, where

специальная железнодорожная ветка, которая подходила к старым военным складам. Эшелоны останавливались на расстоянии 250 метров от центральной железнодорожной станции Бронная Гора, где производилась разгрузка вагонов на заранее подготовленной площадке, обнесенной колючей проволокой, в непосредственной близости от подготовленных могил.

При разгрузке вагонов привезенных жертв заставляли раздеваться, отнимали ценные вещи, после чего по узкому коридору по одному человеку отводили к ямам-могилам, где по лестнице опускали в яму. Людей заставляли ложиться лицом вниз вплотную друг к другу. После заполнения дна каратели из СС и СД расстреливали людей. Далее, на тела расстрелянных укладывался второй, третий и последующие ряды. Людей укладывали слой за слоем до полного заполнения ямы, после чего поверхность присыпалась хлорной известью и сверху – землей [10].

Из содержания архивного документа, показаний Р.С. Новиса от 12 сентября 1944 года: «...в период оккупации работал в должности стрелочника железнодорожной станции Бронная Гора до освобождения Красной Армией. В июне 1942 года на железнодорожную станцию Бронная Гора было доставлено 5 эшелонов с советскими гражданами. Первый эшелон из 16 вагонов, в каждом из которых находилось около 200 человек, состоял из евреев, содержавшихся в гетто «Б» местечка Береза-Картузская (в настоящее время – г. Береза). Вторым эшелон в составе 46 вагонов, в каждом из которых также находилось не менее чем по 200 человек, были доставлены в абсолютном большинстве евреи со станций Дрогичин, Яново и Городец. Третий эшелон в составе 40 вагонов, с примерно таким же количеством людей в каждом, прибыл с железнодорожной станции Брест-Литовск (в настоящее время – г. Брест). Четвертый эшелон (сборный) прибыл со станций Пинск и Кобрин, в котором находилось 18 вагонов с мирными жителями еврейской национальности (с таким же количеством в каждом вагоне). Пятый эшелон из 13 вагонов прибыл со станции Брест-Литовск, которые были переполнены советскими гражданами (ана-

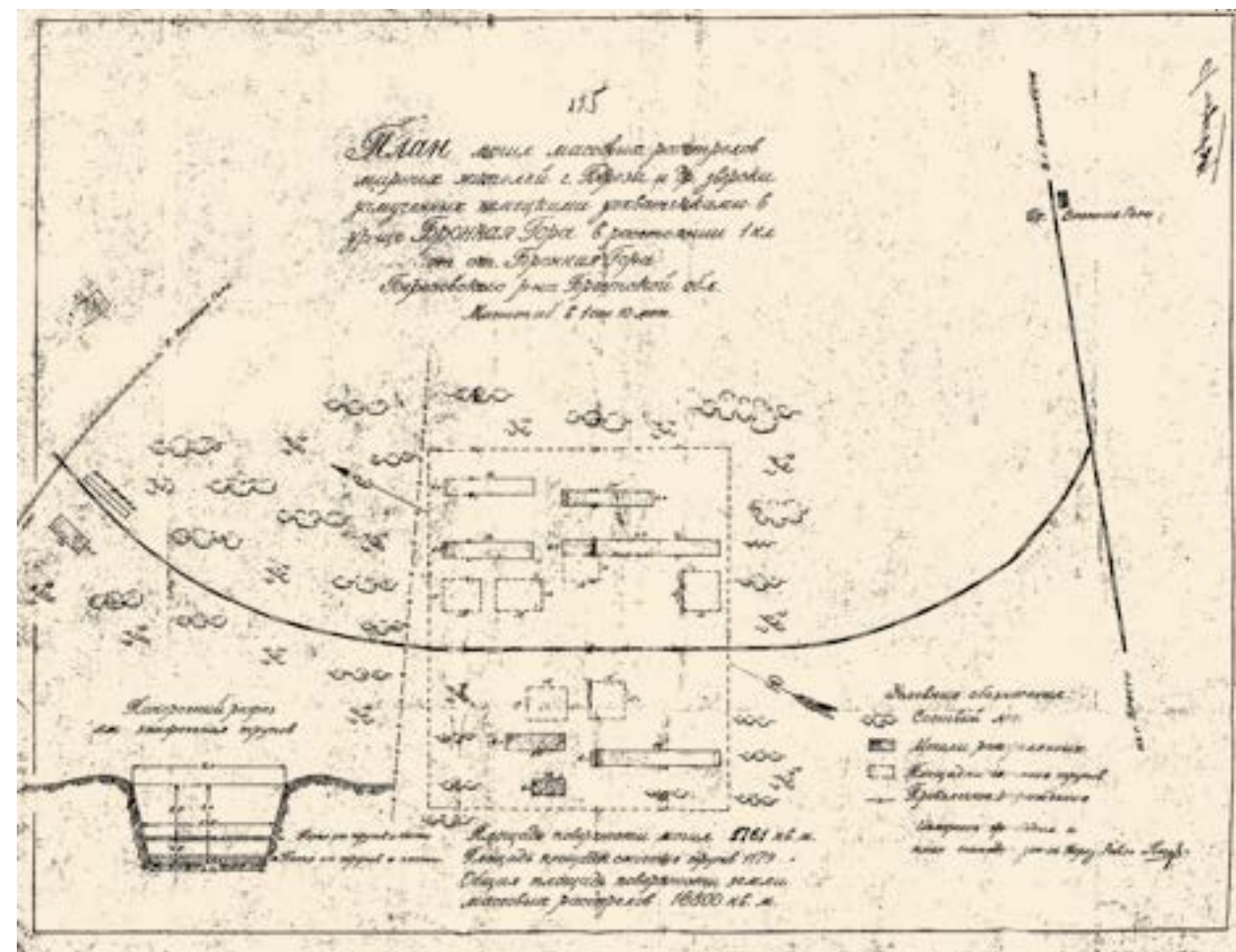
the wagons were unloaded on a pre-arranged site, under wire, in the immediate vicinity of the arranged graves.

When unloading the wagons, the brought victims were forced to undress, valuables were taken from them, after which they were taken one person at a time through a narrow corridor to the pit – graves, where they went down the stairs into the pit. People were forced to lie face down close to each other. After filling the bottom, the punishers from SS and Security service shot people. Further, the second, third and subsequent rows were laid on the bodies of the executed. People were laid layer by layer until the pit was completely filled, after which the surface was sprinkled with bleaching powder and on top – with earth [10].

From the content of the archival document, the testimony of Novis R.S. from September 12, 1944: "... during the period of occupation, he worked as a switchman at the Bronnaya Gora railway station until the liberation by the Red Army. In June 1942, 5 echelons with Soviet citizens were brought to the Bronnaya Gora railway station. The first echelon of 16 wagons, each of which contained about 200 people, consisted of Jews kept in the ghetto "B" of the town of Beryoza-Kartuzskaya (currently – the city of Beryoza). The second echelon, consisting of 46 wagons, each of which also contained at least 200 people, brought in the vast majority Jews from the Drogichin, Yanovo and Gorodets stations. The third echelon, consisting of 40 wagons, with approximately the same number of people in each, arrived from the Brest-Litovsk railway station (currently – the city of Brest). The fourth echelon (combined) arrived from the Pinsk and Kobrin stations, in which there were 18 wagons with civilians of Jewish nationality (with the same number in each wagon). The fifth echelon of 13 cars arrived from the Brest-Litovsk station, which was crowded with Soviet citizens (a similar number) from the Brest prison, by nationality, Belarusians, Poles, Jews. All those people, brought to the Bronnaya Gora station, were shot.

In September 1942, an echelon of 25 wagons from the Beryoza-Kartuzskaya station with Soviet citizens arrived at the Bronnaya Gora station, and in early October another echelon, consisting of 28 wagons. All the Soviet citizens, which have been brought, were shot...

...In March 1944, the Germans drove about 100 free citizens to the station, who were

План могилы в урочище Бронная Гора. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 21. Л. 125
Plan of the grave in the Bronnaya Gora natural boundary. National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 21. L. 125

логичное количество) из брестской тюрьмы по национальности белорусы, поляки, евреи. Все привезенные на станцию Бронная Гора были расстреляны.

В сентябре 1942 года на станцию Бронная Гора прибыл эшелон из 25 вагонов со станции Береза-Картузская с советскими гражданами, а в начале октября – еще один эшелон, состоящий из 28 вагонов. Все привезенные советские граждане были расстреляны...

...В марте 1944 года немцы пригнали к станции около 100 человек вольных граждан, которых разместили в лагере на станции Бронная Гора (помещения старых армейских складов). В начале мая 1944 года этими людьми производились раскопки ям, где были захоронены расстрелянные. Тела в могилах сжигались на месте. Сжигание трупов продолжалось на протяжении 13–14 дней, жгли беспрерывно днем и ночью...

placed at a camp at the Bronnaya Gora station (premises of old army warehouses). At the beginning of May 1944, these people excavated the pits where the executed were buried. The bodies in the graves were burned on the spot. The burning of corpses continued for 13–14 days, they burned the corpses continuously day and night ...

... In total, 186 wagons with Soviet citizens arrived at the Bronnaya Gora railway station, all of whom were shot ... " [10].

The leadership was carried out by the head of the Brest Regional Police Bureau, Rode, his deputies and assistants, the head of the Bronnaya Gora railway station Hail, and the station duty officers Pike and Schmidt.

According to generalized information, at least 50 thousand people were shot in the Bronnaya Gora natural boundary [1, p. 11–12].

...Всего на железнодорожную станцию Бронная Гора прибыло 186 вагонов с советскими гражданами, которые все были расстреляны...» [10].

Осуществление руководства производилось начальником Брестского областного бюро полиции Роде, его заместителями и помощниками, начальником железнодорожной станции Бронная Гора Хайлем, дежурными по станции Пике и Шмидтом.

По обобщенным сведениям, в урочище Бронная Гора расстреляно не менее 50 тысяч человек [1, с. 11–12].

В мае 1944 года в рамках «Акции 1005» гитлеровцы предприняли меры по ликвидации следов массовых казней советских людей на станции Бронная Гора. Для этого на станцию пригнали около 100 заключенных, которые в течение двух недель раскапывали ямы и сжигали трупы.

Массовое истребление людей и в лагере смерти «Тростенец», и на станции Бронная Гора производилось одними и теми же методами, что еще раз доказывает преднамеренность, планомерность, обдуманность преступлений фашистских захватчиков. В выступлении помощника Главного обвинителя от СССР Л.Н. Смирнова на Нюрнбергском процессе было подчеркнуто, что «единство злой воли проявлялось не только там,

166
Железнодорожная станция
Бронная Гора Березовского
района Крестинской области
БССР разрушена немцами
в июле месяце 1944 года
Фото от 16 сентября 1944

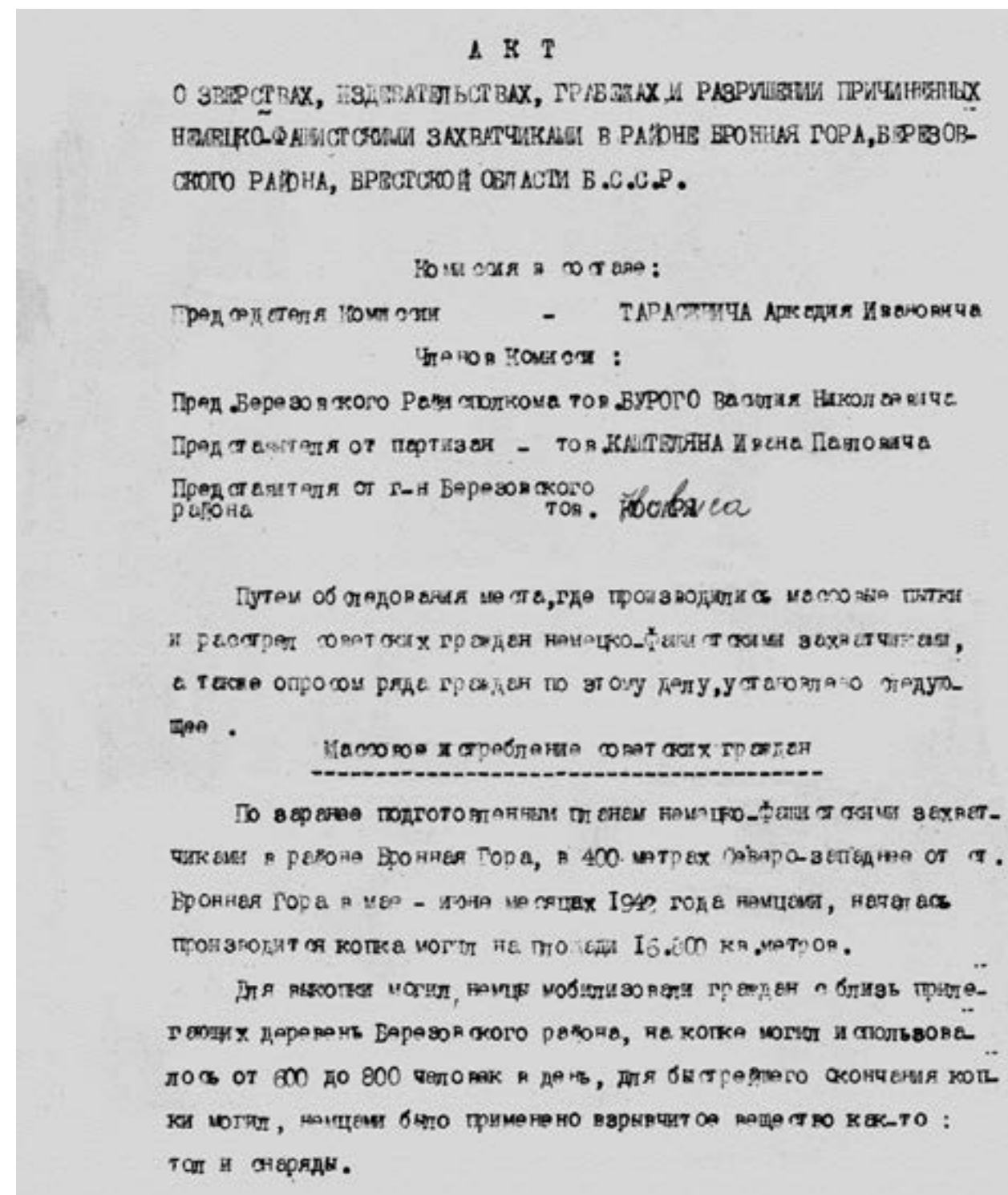
Фотография железнодорожной станции Бронная Гора Березовского района. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 21. Л. 166–166 об
Photo of the railway station Bronnaya Gora of Beryoza district. National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 21. L. 166–166 об

In May 1944, as part of the "Campaign 1005", the Nazis took measures to eliminate the traces of mass executions of Soviet people at the Bronnaya Gora station. For this purpose, about 100 prisoners were driven to the station, who dug up pits and burned corpses for two weeks.

The mass extermination of people either in the Trostenets death camp or at the Bronnaya Gora station was carried out by the same methods, which once again proves the premeditation, planning, deliberateness of the crimes of the fascist invaders. In the speech of L. Smirnov, Assistant to the Chief Prosecutor from the USSR, at the Nuremberg Trials,

где целям злодейского умерщвления людей служила специальная техника. Это единство злой воли проявлялось также в единстве приемов исполнителей злодеяний, однотипности техники умерщвления людей и там, где для убийств использовались не специальные технические устройства, а применялись обычные образцы оружия, принятого на вооружение германской армией» [5].

it was emphasized that "the unity of evil manifested itself not only where special equipment served the purposes of villainous killing of people. This unity of evil was also manifested in the unity of methods of perpetrators of atrocities, the uniformity of the technique of killing people, and where special technical devices haven't been used for the murders, ordinary types of weapons adopted by the German army were used" [5].

По окончании работы могил в середине июня месяца 1942 года немцы начали доставку эшелонами по жел. дороге на ст. Бронная Гора советских граждан различных национальностей: русских, белорусов, евреев, поляков мужчин и женщин от грудных детей до глубоких стариков.

Вагоны прибывающих эшелонов охранялись специальным конвоем немцев, в форме "СД" и "СС". Вагоны прибывали из различных мест Белоруссии, а именно: со ст. ст. Вереза, Врест, Дрогичино, Янов, Городец и др.

Доставка советских граждан в район Бронной Горы производилась также тем же порядком.

Вагоны с людьми, прибывающих эшелонов были крайне переполнены, в результате чего в вагонах среди измученных живых граждан находились и мертвые.

Прибывающие эшелоны подавались на ответвление жел. дор., которая подходила к военным складам и расстоянием 250 метров от центральной жел. дор. ст. Бронная Гора, эшелоны останавливали куда заранее подготовленных могил, то же чего производили разгрузку вагонов, на заранее подготовленной площадке, обнесенной колючей проволокой.

Вагоны с людьми разгружались по одиночке, при разгрузке вагонов, граждан заставляли раздеваться до гола и бросать одежду в кучу, после чего по узкому коридору, устроенному из колючей проволоки отводили к ямам и первыми по лестнице опускали в яму, где заставляли ложиться лицом вниз друг к другу вплотную.

При заполнении первого ряда, немцами в форме "СС" и "СД" производилась расстрел из автоматов. Таким же образом помещались второй, третий ряд и т.д. т.е. до заполнения могилы.

Все эти мучительные действия сопровождалось душе-раздирающими криками мужчин, женщин и детей.

При полной разгрузке эшелона и расстрела граждан, одежда и другие вещи по следних загружались в вагоны и отправлялись в неизвестном направлении.

Подача эшелонов на площадку, где производился массовый расстрел граждан и обратно, производилась и строго контролировалась нем. ст. Бронная Гора ХАЙНЬ и дежурными по станциям ШИШЕ и ШВЕДТОМ, вне зависимости национальности немцы.

В целях скрывать следов преступления, совершенных в районе ст. Бронная Гора, немцы расстреляли все гражданское население, более 1000 человек, проживающее на территории бывших военных складов.

Всех могил на площадке, где производились массовые расстрелы имело 8, из коих по объему:

- первая могила длиной 68 метра, шириной 6,5 метра
- вторая - длиной 36 метров, шириной 6,5 метра
- третья - длиной 36 метров, шириной 6 метров
- четвертая - длиной 37 метров, шириной 6 метров
- пятая - длиной 52 метра, шириной 6 метров
- шестая - длиной 24 метра, шириной 6 метров
- седьмая - длиной 12 метров, шириной 6 метров
- восьмая - длиной 16 метров, шириной 4,5 метра.

Все могилы имеют глубину 3,5 - 4 метра.

На протяжении, начиная с июня по ноябрь месяц 1942 года немцами в районе Бронной Горы было расстреляно более 50 тысяч мирных советских граждан.

Для того, чтобы скрыть следы своих зверских действий немцам, в марте и апреле 1944 года в лагерь, который размещался на ст. Бронная Гора, было пригнано более 100 человек граждан, из различных местностей Восточной области, которыми производилась раскопка могил и сжигание трупов.

Сжигание трупов производилось на площадке, где расположены были могилы с расстрелянными гражданами в этих местах.

Трупы сжигались днем и ночью на протяжении 15 суток, для сжигания трупов, немцами было разобрано и использовано 48 военных складов и баряков, которые были расположены по близости от площадки, где производилось сжигание, а также для сжигания употреблялась горючая жидкость, при горении которой, пламя огня было окрашено синим цветом.

После окончания работ по сжиганию трупов, немцами также были расстреляны и сожжены все рабочие в количестве более 100 человек, которые производили раскопку и сжигание трупов.

На поверхности могил и площадках, где производилось сжигание трупов, немцы находили молодые деревья. На площадках сжигания обнаружены остатки наперсочных костей, привокли от женских подошв, детские ботиночки, деньги советских знаков, когти от плечевого сустава, руку ребенка длиной 18 сантиметров.

О всех зверствах и сжигании трупов, подтверждают граждане очевидцы: ^{Судя по} **НОВИС Роман Степанович, ГОВИН Иван Васильевич, ШТИНСКИЙ Витольд Михайлович, ЯЦЕВИЧ Григорий Григорьевич** и другие.

Комиссия также устанавливает факт массового расстрела советских граждан немцами на возвышенности, возле деревни

Смолярка, Березовского района, в 6-ти километрах от ст. Бронная Гора, 500 метрах от дер. Смолярка и 70 метрах от шоссеной дороги Москва - Варшава.

В могилах указанного места немцами доставляли с советские граждане из г. Березы и деревень Березовского района на автомашинах.

Питки, издевательства и расстрел мирных советских граждан в районе дер. Смолярка производился тем же методом как и массовые расстрелы на Бронной Горе.

Здесь обнаружено 5 могил с трупами советских граждан, все могилы одинакового размера, длина которых составляет 10 метров, ширина 7 метров и глубина 2,5 метра.

Массовый расстрел граждан в урочище Смолярка производился в октябре месяце 1942 года, где было расстреляно по показаниям очевидцев более 1000 человек, о чем подтверждают свидетели очевидцы: **ГЕЙЦ Иван Иванович, Гейц Иван Степанович, ЛЕВОНЕЦ Андрей Иванович, КУТЫН Иосиф Яковлевич** и другие.

В районе ст. Бронная Гора немцами произведены также разрушения железнодорожных путей и всех станционных и пристанционных сооружений.

Здания, при отступлении немцев подрывались и сжигались, а железнодорожное полотно разрушалось специальной машиной предостерегающей мощный крик на прицепе двух паровозов. В результате действия машины ломались шпалы и рельсы.

Команда по разрушению железнодорожного полотна называлась "Димонциг" "Димонский машинный поезд".

Командир бригады был капитан СЮРВЕРТ, по национальности немец.

Ущерб нанесенный ст. Бронная Гора составляет 1.132.000 рублей.

Путем опроса свидетелей и установленным данным по Брестской области, комиссия установила, что массовый расстрел советских граждан в районе Бронная Гора и урочище Смолярка, Верезовского района, производится немцами в составе спецкоманды из "СД" и "СС" под руководством:

1. Начальник Брестского Областного Бюро полиции майор РОДВ /до начала 1944 г./
2. Начальник Брестского Областного Бюро полиции капитан БИНАР /с начала 1944 г. до изгнания немцев из гор Бреста/
3. Начальник 1-го участка полиции г. Бреста лейтенант ГОДМАН
4. Зам. начальника 1-го участка полиции г. Бреста мастер ГОБЕТЕР, мастер ГРИВЕР и мастер БОС.
5. Начальник 2-го участка полиции г. Бреста лейтенант ПРИБИНИКЕР /до начала 1944 года/
6. Начальник Криминальной полиции "СД" обершарфюрер ЗАВАДСКИЙ немец по национальности.
7. Командант Криминальной полиции ИБАНОВСКИЙ по национальности поляк.
8. Заместитель начальника "СД" оберштурмфюрер - ЦИВЕТЬ.
9. Начальник жандармерии при Губитском старате капитан ДАУБЕРТЭН
10. Руководящий расстрелами сотрудник "СД" ГЕРИК
11. Начальник жандармерии в г. Карты-Верева оберлейтенант ГАРДЛОС
12. Офицеры "СД" ГРИВЕР и ВАНЦАН, принадлежали кно предственое в участие в расстрелах.

Приложение к акту:

1. Протоколы опросов и заглавия граждан на 19 листах.
2. План расположения могил в районе Бронная Гора и урочище Смолярка.
3. Акт о разрушениях и нанесенных ущербах немцами по ж/д дор. ст. Бронная Гора.
4. Заключение врача при медицинском осмотре трупов и остатков от трупов в районе Бронной Горы и урочище Смолярка.
5. Фотографии.

Акт составлен 15 сентября 1944 года.

Подписали составившие акт:

Председатель Комиссии *Александр Тарасевич* ТАРАСЕВИЧ/

Члены Комиссии:

Председатель Верезовского Райисполкома *Григорий Зурин* ЗУРИН/

Представитель от партизан *Иван Милославский* МИЛОСЛАВСКИЙ/

Предст. от гр. Верезовского р-на *Михаил Мотыль* МОТЫЛЬ/

Акт составлен и подписан в доме актиов по урочищу Смолярка 15 9 октября 1944 года.
Иван Милославский

A C T
ON THE ATROCITIES, ABUSES, ROBBERIES
AND DESTRUCTION CAUSED BY THE NAZI INVADERS IN THE AREA
OF BRONNAYA GORA, BERYOZA DISTRICT, BREST REGION OF THE BSSR.

The commission consisting of:

Chairman of the Commission – TARASEVICH Arkady Ivanovich

Members of the Commission:

Chairman of the Beryoza District Executive Committee comrade BURY Vasily Nikolaevich

Representative of the partisans – comrade Kashtelyan Ivan Pavlovich

Representative from citizens of Beryoza district comrade (illegible).

By examining the place where the mass torture and execution of Soviet citizens by the Nazi invaders was carried out, and by interviewing a number of citizens in this case, the following was established.

Mass extermination of Soviet citizens

According to plans prepared in advance by the Nazi invaders in the area of Bronnaya Gora, 400 meters North-West of the Bronnaya Gora station, in May-June 1942, the Germans began digging graves on an area of 16,800 square metres.

For digging graves, the Germans mobilized citizens from the adjacent villages of the Beryoza district, from 600 to 800 people a day were used to dig graves, for the fastest completion of digging graves, the Germans used some kind of explosive: tol and shells.

When the digging of the graves was completed in mid-June 1942, the Germans began to deliver echelons by rail to the Bronnaya Gora station Soviet citizens of different nationalities: Russians, Belarusians, Jews, Poles, men and women, from infants to very old people.

The cars of the arriving echelons were guarded by a special convoy of Germans, in the form of SD and SS. The cars arrived from various places in Belarus, namely: from the station Beryoza, Brest, Drogichin, Yanovo, Gorodets, etc.

The delivery of Soviet citizens to the area of Bronnaya Gora was also carried out on foot.

The cars with people of the arriving echelons were extremely overcrowded, as a result of which, there were dead people in the cars among the exhausted living citizens.

Arriving echelons were fed to a branch of the railway, which approached military warehouses and at a distance of 250 meters from the central railway of Bronnaya Gora station, the echelons were stopped at a previously prepared grave site, after which the cars were unloaded at a previously prepared site surrounded by barbed wire.

The cars with people were unloaded one by one; when the car was unloaded, citizens were forced to undress naked and dump their clothes in a pile, after which they were led down a narrow corridor of barbed wire to the pits and the first ones were lowered down the stairs into the pit, where they were forced to lie down face down next to each other.

When filling the first row, the Germans in the form of SS and SD were shot from machine guns. In the same way, the second, third row, etc. were placed, i.e. until the graves are filled.

All these painful actions were accompanied by heartbreaking cries of men, women and children.

With the complete unloading of the echelon and the execution of citizens, the clothes and other things of the latter were loaded into the cars and sent to an unknown destination.

The supply of echelons to the site where the mass execution of citizens was carried out and back was carried out and strictly controlled by the head of the Bronnaya Gora station HAIL and the station attendants PIKE and SCHMIDT, all three Germans by nationality.

In order to hide the traces of the crimes committed in the area of the Bronnaya Gora station, the Germans shot all the civilians living in the area of the former military warehouses, more than 1,000 of them.

There were 8 graves on the site where mass executions were carried out, of which by volume:

The first grave is 63 metres long and 6.5 metres wide.

The second – 36 metres long, 6.5 metres wide.

The third – 36 metres long and 6 metres wide.

The fourth – 37 metres long, 6 metres wide.

The fifth – 52 metres long and 6 metres wide.

The sixth – 24 metres long and 6 metres wide.

The seventh – 12 metres long, 6 metres wide.

The eighth – 16 metres long and 4.5 metres wide.

All the graves are 3.5 to 4 metres deep.

During the period from June to November 1942, the Germans shot more than 50,000 peaceful Soviet citizens in the area of Bronnaya Gora.

In March 1944, in order to conceal the traces of their atrocities by the Germans, more than 100 citizens from various localities of the Brest region, were brought to the camp, which was located at the Bronnaya Gora station, to dig graves and burn corpses.

The burning of corpses was carried out on the site where the graves with the executed citizens are located in six places.

The corpses were burned day and night for 15 days. To burn the corpses the Germans dismantled and used 48 military warehouses and barracks, which were located in the vicinity of the site where the burning was carried out, and also used for burning combustible liquid, the flame of which was coloured blue.

After the burning of the corpses was completed, the Germans also shot and burned all the workers, in the amount of more than 100 people who excavated and burned corpses.

The Germans planted young trees on the surface of the graves and the areas where the corpses were burned.

On the surface of the graves and the sites where the corpses were burned, the Germans planted young trees. The remains of unburnt bones, hair clips from women's hair, children's shoes, money of Soviet signs, a bone from the shoulder joint of a child's hand, 18 centimeters long, were found at the burning site.

All the atrocities, executions and burnings of corpses are confirmed by eyewitness citizens: NOVIS Roman Stanislavovich, GOVIN Ivan Vasilyevich, SHCHETINSKY Boleslav Mikhailovich, YATSKEVICH Grigory Grigoryevich and others.

The commission also established the facts of the mass execution of Soviet citizens by the Germans on a hill near the village of Smolyarka, Beryoza district, 6 kilometers from the Bronnaya Gora station, 500 meters from the village of Smolyarka and 70 meters from the Moscow-Warsaw highway.

Soviet citizens from Beryoza and the villages of the Beryoza district were delivered to the graves of the indicated place by the Germans by car.

Torture, bullying and execution of peaceful Soviet citizens in the area of the village of Smolyarka was carried out in the same way as the mass shootings on Bronnaya Gora.

In total, 5 graves with the corpses of Soviet citizens were found, all graves of the same size, which are 10 metres long, 7 metres wide and 2.5 metres deep.

The mass execution of citizens in the Smolyanka tract was carried out in October 1942, where, according to witnesses, more than 1000 people were executed, as witnesses confirm it: GAETS Ivan Ivanovich, GAETS Ivan Stepanovich, LEVKOVETS Andrey Ivanovich, KUTNIK Joseph Yakovlevich and others.

In the area of the Bronnaya Gora station, the Germans also destroyed the railway tracks and all station and near-station buildings.

Buildings were blown up and burnt down as the Germans retreated, and the railway track was destroyed by a special machine, which was a powerful hook on the trailer of two steam locomotives. As a result of the action of the machine, sleepers and rails broke.

The railway wrecking teams were called "Pimashczug" ("Pioneer Engine Train").

The brigade commander was Captain SPORBERG, a German by nationality.

The damage caused to the Bronnaya Gora station is 1,152,000 rubles.

By interviewing witnesses and established data for the Brest region, the commission established that the mass execution of Soviet citizens in the area of Bronnaya Gora and the Smolyarka tract, Beryoza district, was carried out by the Germans as part of the special SD and SS command troops under the leadership of:

1. Head of the Brest Regional Police Bureau, Major RODE
/until the beginning of 1944/
2. Head of the Brest Regional Police Bureau, Captain BINAR
/ From the beginning of 1944 to the expulsion of the Germans from Brest/
3. Head of the 1st Brest Police Station, Lieutenant HOFFMANN
4. Deputy Head of the 1st Brest Police Station, master GOLTER, master GRIBER and master BOS.
5. Head of the 2nd Brest Police Station, Lieutenant PREISNIGER
/until the beginning of 1944/
6. Chief of the SD Criminal Police, Oberscharführer ZAVADSKY, German by nationality.
7. Commandant of the Criminal Police IVANOVSKY, Pole by nationality.
8. Deputy Chief of the SD Obersturmführer – ZIBEL.
9. Chief of the Gendarmerie at the Gebitskommissariat, Captain DAUERLEIN
10. The shootings were led by officer SD HERIK
11. Chief of the gendarmerie in Kartuz-Beryoza Ober leutnant GARDESS
12. Officers SD GRIBER and VANTSMAN, were directly involved in the executions.

Annex to the act:

1. Minutes of surveys and statements of citizens on 19 sheets.
2. Graves' location plans in the area of Bronnaya Gora and the Smolyarka tract.
3. Act on the destruction and damage caused by the Germans on the railway station Bronnaya Gora.
4. Doctor's conclusion during medical examination of corpses and remains of corpses in the area of Bronnaya Gora and the Smolyarka tract.
5. Photos.

The act was drawn up on September 15, 1944

Signatures of the persons who drew up the act:

Chairman of the Commission   Signature   /TARASEVICH/

Members of the Commission:

Chairman of the Beryoza District Executive Committee comrade   Signature   /BURY/

Representative of the partisans   Signature   /KASHTELYAN/

Representative from citizens of Beryoza district comrade   Signature   /illegibly/

The act is registered in the of acts on accounting for damage No. 11 dated October 8, 1944

Secretary of the Executive Committee   Signature

Official seal

ЛАГЕРЬ СМЕРТИ «ТРОСТЕНЕЦ»

Лагерь смерти «Тростенец» создан нацистами в сентябре 1941 года в 10 км к юго-востоку от г. Минска по Могилевскому шоссе (около д. Малый Тростенец) и ликвидирован 3 июля 1944 года при освобождении г. Минска.

Название «Тростенец» объединяет несколько мест массового истребления людей. В урочище Благовщина, на 11-м километре Могилевского шоссе, до осени 1943 года производились массовые расстрелы. Собственно, сам лагерь смерти находился рядом с д. Малый Тростенец, в 10 км от Минска по Могилевскому шоссе. В урочище Шашковка с 1943 года действовала кремационная яма-печь для сжигания трупов. Пепел из кремационной печи разбрасывался в качестве удобрения на полях расположенного в районе лагеря смерти подсобного хозяйства, принадлежащего управлению полиции безопасности и СД.

Управление осуществлялось аппаратом коменданта полиции и СД г. Минска, в ведении которого находились и места экзекуций. Комендантами в разное время были унтерштурмфюрер СС Герхард Майвальд, штурмфюрер СС Айхе/Эйхе (его заместитель шарфюрер Тош), гауптштурмфюрер СС Македер, Вильгельм Кальмейер. Последним комендантом был немец Йозеф Фабер, его заместитель Вензель, полковник – украинский немец Ганц.

Согласно акту ЧГК от 25 июля 1944 года в лагере смерти убито не менее 546 тысяч человек, останки которых сожжены.

Лагерь смерти «Тростенец» являлся комбинированным вариантом **трудового лагеря** и **лагеря для массового уничтожения** гражданского населения и советских военнопленных [10].

Объекты **трудового лагеря** возводились с весны 1942 года трудом военнопленных, данная часть лагеря (хозяйство) использовалась для обслуживания подсобного хозяйства по производству продуктов питания для нужд минской СД, частично вермахта, расположенного на территории довоенного колхоза имени Карла Маркса. На территории трудового лагеря имелись: дом коменданта, двухэтажный дом для охраны, гараж, склад, лесопилка, мельница, разнообразные мастерские (швейная, столярная, слесарная, сапожная и др.), прачечная. Для работы в мастерских привлекались преимущественно евреи из Минского гетто и депортированные из Евро-

DEATH CAMP "TROSTENETS"

The Trostenets death camp was created by the Nazis in September 1941, 10 km southeast of Minsk along the Mogilev highway (near the village of Maly Trostenets) and liquidated on July 3, 1944, during the liberation of city of Minsk

The name "Trostenets" combines several places of mass extermination of people. In the natural boundary Blagovshchina, on the 11th kilometer of the Mogilev highway, mass executions were carried out until the autumn of 1943. Actually, the death camp itself was located near the village of Maly Trostenets, 10 km from Minsk along the Mogilev highway. Since 1943, a cremation pit-furnace for burning corpses has been operating in the natural boundary Shashkovka. The ashes from the crematory were scattered as fertilizer on the fields of the household plot, located in the area of the death camp, belonging to the Security Police and Security Service Directorate.

The administration was carried out by the apparatus of the commander of the police and Security Service of Minsk, which was also in charge of the places of executions. The commandants at various times were SS Unter-Sturmführer Gerhard Maywald, SS Sturmführer Aiche / Eihe (his deputy Scharführer Tosh), SS Haupt-Sturmführer Makeder, Wilhelm Kalmeyer. The last commandant was a German Josef Faber, his deputy Wenzel, a agriculturist – ukrainian german Ganz.

According to the act of the State Extraordinary Commission from July 25, 1944, at least 546 thousand people were killed in the death camp, whose remains were burned.

The Trostenets death camp was a combined variant of **labor camp and camp for the mass extermination of civilians** and Soviet prisoners of war [10].

The objects of the **labor camp** were erected from the spring of 1942 by the labor of prisoners of war, this part of the camp (household) was used.

For maintenance of a household plot for the production of food for the needs of the Minsk Security Service, partly the Wehrmacht, located on the territory of the pre-war collective farm named after Karl Marx. On the territory of the labor camp there were located: the commandant's house, a two-story house for guards, a garage, a warehouse, a sawmill, a grinding mill, various workshops (sewing, carpentry, plumbing, shoemaking and others), laundry. For work in the workshops, mainly Jews from the Minsk ghetto and those deported from Europe,

пы, имеющие рабочую квалификацию, остальные узники работали на полях. Проживали заключенные сначала в хлеву, затем в собственноручно построенных бараках, не отапливаемых в зимнее время. Точное количество бараков неизвестно, примерно от 10 до 15. Узники работали по 12–15 часов в день, их кормили отходами с кухни подсобного хозяйства. За малейшую провинность наказывали минимум 20 ударами палкой по телу.

Территория лагеря была обнесена колючей проволокой под электрическим током, разделялся на отдельные зоны для рабочих и для **приговоренных к расстрелу**. Последние проживали в бараках несколько дней перед тем, как их отправляли на расстрел, так как расстрельная команда не справлялась с поставленными задачами. Охрану осуществляли немецкая охранная полиция и жандармерия, а также румынские, латышские, украинские и белорусские вооруженные формирования. В 1942 году численность охраны составляла 250 человек. Осенью 1943 года в д. Малый Тростенец размещалось подразделение зондеркоманды 1005, занимавшейся ликвидацией следов массового истребления людей. В последние дни существования оставшиеся в лагере смерти узники были расстреляны, в том числе непосредственно в бараках.

Массовые расстрелы проводились в урочище Благовщина в 1,5 км от деревни. С осени 1943 года немцы с целью скрытия следов своих преступлений произвели раскопки могил и сожжение трупов. В ходе расследования ЧГК в 1944 году в урочище обнаружены 34 ямы-могилы до 50 метров длиной, в среднем 5 метров шириной и от 4,5 до 5 метров глубиной, при частичном вскрытии которых найдены перегоревшие и обугленные человеческие кости, слой пепла толщиной от 0,5 и 1 метра с остатками негоревших человеческих костей, личных вещей (кошелек, гребенка, вилка и т. д.). В некоторых ямах на дне находились обугленные бревна с лежащими под ними костями трупов и рельсы.

Экзекуции нацисты проводили также в урочище Шашковка в 0,5 км от д. Малый Тростенец. С целью сожжения трупов трудом заключенных была построена **кремационная печь** в виде вырытой ямы с пологим подходом к ней, огороженной колючей проволокой и плотным дощатым забором. На дне ямы были уложены параллельно 6 рельсов, над ними железная решетка. Данная яма использовалась как для уничтожения тру-

with working qualifications, were recruited, the rest of the prisoners worked in the fields. The prisoners lived first in a barn, then in barracks built with their own hands, which were not heated in winter. The exact number of barracks is unknown, approximately from 10 to 15. The prisoners worked 12–15 hours a day, they were fed with waste from the kitchen of the household plot. For the slightest offense the prisoners were inflicted a minimum of 20 blows with a stick on the body.

The territory was surrounded by barbed wire under electric current, divided into separate zones for workers and for **those sentenced for execution**. The latter lived in the barracks for several days before they were sent for execution, because the firing squad failed to execute assigned tasks. The protection was carried out by the German security police and gendarmerie, as well as Romanian, Latvian, Ukrainian and Belarusian armed formations. In 1942, the number of guards was 250 people. In the autumn of 1943, a unit of the Sonderkommando 1005 was stationed in the village of Maly Trostenets, which was engaged in the elimination of traces of the mass extermination of people. In the last days of existence, the prisoners who remained in the death camp were shot, incl. right in the barracks.

Mass executions were carried out in the natural boundary Blagovshchina in 1.5 km from the village. Since the autumn of 1943, the Germans, in order to hide the traces of their crimes, have excavated graves and burned corpses. During the investigation of the State Extraordinary Commission in 1944, 34 grave pits up to 50 meters long, on average 5 meters wide and from 4.5 to 5 meters deep were found in the natural boundary, during a partial opening of which burnt and blackened human bones were found, a layer of ash in thickness from 0.5 and 1 meter with the remains of unburned human bones, personal items (purse, comb, fork, etc.). In some pits at the bottom there were charred logs with the bones of corpses and rails lying underneath.

The Nazis also carried out executions in the natural boundary Shashkovka, in 0.5 km from the village of Maly Trostenets. In order to burn the corpses using the labor of prisoners, a **cremator** was built in the form of a dug pit with a sloping entry to it, fenced with barbed wire and a dense board fence. At the bottom of the pit, 6 rails were laid parallelly, with an iron grit above them. The present pit was used either for the destruction of the corpses of people who were previously shot in

пов ранее расстрелянных в урочище Благовщина людей (сокрытие следов преступлений), так и для истребления иных казненных людей [10].

Расстрелы производились непосредственно у входа в печь и в самой печи, что подтверждено проведенным в 1944 году осмотром. Остатки ручных гранат указывали на то, что в отдельных случаях группы людей взрывали гранатами. Затем трупы укладывали на рельсы, перекладывали дровами, поливали специальной горючей смесью и сжигали. Для повышения температуры подкладывали кассеты зажигательных бомб, коробки с запалами от гранат и т. п. У входа в печь и у ворот стен обнаружены обгоревшие остатки одежды и мелких вещей погибших, свидетельствующие о том, что обреченных в этом месте предварительно раздевали. Пепел из кремационной печи разбрасывался в качестве удобрения на полях подсобного хозяйства. Согласно показаниям свидетелей, в 1944 году установлено, что массовые расстрелы и сжигание трупов в печи в урочище Шашковка производились помощником коменданта унтершарфюрером Ридером, что отражено в акте от 25 июля 1944 года.

Из Минска регулярно совершали рейсы 4 машины-«душегубки» (специально оборудованные для умерщвления людей газом крытые грузовики) по 100–120 человек в каждой и грузовики с живыми смертниками. По словам местных жителей, среди них было много женщин в белых платках, по виду из сельской местности, и детей. Имели место факты сожжения в печи живых людей.

Еще одним местом истребления людей в период с 28 по 30 июня 1944 года (незадолго до прихода Красной Армии) стал бывший колхозный сарай д. Малый Тростенец размерами 17×88×3 метра, в котором по приказу помощника коменданта лагеря смерти Ридера расстреляно, а затем сожжено 6500 заключенных из тюрьмы по ул. Володарского, концлагеря по ул. Широкой, а также оставшихся узников лагеря «Тростенец». Людей расстреливали в сарае, укладывали сверху бревна, затем загоняли на бревна следующую группу узников и повторяли. В дальнейшем расстреливали у сарая, а трупы складывали в штабель размером 13×10 метров. Штабель и сарай 1 июля 1944 года облили бензином и сожгли. При осмотре на месте найдено большое количество пепла, сожженных и обугленных костей, а также частично сохранившихся обугленных трупов. Рядом с сожженным сараем находилось 127 не

the natural boundary Blagovshchina (concealment of the traces of crimes), or for the extermination of other executed people [10].

Executions were carried out directly at the entrance to the crematorium and in the crematorium itself, which was confirmed by an inspection carried out in 1944, the remains of hand grenades indicated that in some cases groups of people were blown up by grenades. Then the corpses were laid on the rails, arranged with firewood, poured with a special combustible mixture and burned. Clusters of incendiary bombs, boxes with fuses from grenades, etc. were placed to raise the temperature. At the entrance to the furnace and at the gates of the walls, charred remains of clothes and small belongings of the dead were found, indicating that the doomed people were previously undressed in this place. The ashes from the crematorium furnace was scattered as fertilizer on the household plots. According to the testimonies of witnesses, in 1944 it was established that mass executions and burning of corpses in the furnace in the natural boundary Shashkovka were carried out by the assistant commandant, UnterSharführer Ryder, which is reflected in the act from July, 25 1944.

From Minsk, 4 vans-gas chambers (closed trucks, specially equipped for killing people with gas) with 100–120 people in each and trucks with live doomed people regularly drove. According to local residents, among them were many women in white headscarves, apparently from the countryside, and children. There were facts of burning people in the furnace.

Another place of extermination of people in the period from June 28 to June 30, 1944 (shortly before the arrival of the Red Army) was the former collective farm barn of the village of Maly Trostenets, measuring 17×88×3 meters, in which, by order of the assistant commandant of the death camp, Ryder, 6,500 prisoners from the prison on the Volodarskaya street, concentration camp on the Shirokaya street, as well as the remaining prisoners of Trostenets death camp have been shot and then burned. People were shot in the shed, logs were placed on top, then the next group of prisoners was driven on the logs and execution has been repeated. Later, they were shot at the barn, and the corpses were stacked in a pile measuring 13×10 meters. On July 1, 1944, the pile and the barn were doused with gasoline and burned. On examination, a large amount of ashes, burned and charred bones, as well as partially preserved charred corpses were found at the site. Next

полностью сгоревших трупов мужчин, женщин и детей в различных степенях обугления. Среди трупов найдены в большом количестве остатки немецких зажигательных бомб, которые применялись немцами для усиления температуры. Судебно-медицинской экспертизой установлено наличие огнестрельных ранений на трупах в области головы и шеи, что свидетельствовало о факте расстрела погибших. Характер некоторых ранений указывал на то, что в отдельных случаях смерть наступала не моментально, а еще живые люди подвергались сожжению вместе с трупами [10].

Согласно сведениям, полученным из архивных документов, в Малом Тростенце убивали мирных жителей, военнопленных, а также евреев – выходцев из Беларуси и западноевропейских государств. Здесь содержались участники Минского подполья, члены их семей, партизанские связные, захваченные в ходе облав заложники, несколько семей из самой д. Малый Тростенец (36 человек, в том числе 10 детей).

С ноября 1941 года в лагерь смерти доставлено 23 состава (более 22 000–23 000 человек) иностранных депортированных граждан из Германии, Австрии, Чехии, Польши, Франции, Голландии, Венгрии). У приговоренных к смерти людей отбирались ценные вещи [10].

to the burned barn there were 127 incompletely burned corpses of men, women and children in various degrees of charring. Among the corpses were found in large quantities the remains of German incendiary bombs, which were used by the Germans to increase the temperature. A forensic medical examination established the presence of gunshot wounds on the corpses in the head and neck area, which testified to the fact that the dead had been shot. The nature of some of the wounds indicated that in some cases death did not occur immediately, and even living people were burned along with the corpses [10].

According to information, obtained from archival documents, civilians, prisoners of war were killed in Maly Trostenets, as well as Jews – from Belarus and Western European states. Members of the Minsk underground, members of their families, partisan liaisons, hostages captured during raids, several families from the village of Maly Trostenets (36 people, including 10 children) were kept in the death camp. Since November 1941, 23 rail transport have been delivered to the death camp (more than 22,000–23,000 people) foreign deported citizens from Germany, Austria, Czech Republic, Poland, France, Holland, Hungary). Valuable things were confiscated from people sentenced to death [10].

Лагерь смерти «Тростенец». Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов. А36-007
Death camp "Trostenets". Belarusian State Archive of Film and Photo Documents. A36-007

Лагерь смерти «Тростенец». Трупы сожженных в сарае граждан.
Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов. А36-003
Death camp "Trostenets". The corpses of citizens burned in a barn.
Belarusian State Archive of Film and Photo Documents. A36-003

Лагерь смерти «Тростенец». Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 845. Оп. 1. Д. 234. Л. 1а
Death camp "Trostenets". National archive of the Republic of Belarus. F. 845. Op. 1. D. 234. L. 1a

Лагерь смерти «Троштенец». Трупы убитых граждан.
Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов. 0-133934
Death camp "Trostenets". The bodies of the killed citizens.
Belarusian State Archive of Film and Photo Documents. 0-133934

Останки узника лагеря смерти «Троштенец». Кадры из к/ф «Люди с черными душами»,
режиссер П.П. Шапиур. Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов. № 35_01133
The remains of a prisoner of the Trostenets death camp. Images from the movie "People with Black Souls"
movie director P. Shamshur. Belarusian State Archive of Film and Photo Documents No. 35_01133

Лагерь смерти «Троштенец». Трупы сожженных в сарае граждан.
Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов. 0-133948
Death camp "Trostenets". The corpses of citizens burned in a barn.
Belarusian State Archive of Film and Photo Documents. 0-133948

Лагерь смерти «Троштенец». Трупы сожженных в сарае граждан.
Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов. 0-149029
Death camp "Trostenets". The corpses of citizens burned in a barn.
Belarusian State Archive of Film and Photo Documents. 0-149029

В лагере смерти «Тростенец» в полной мере проявилась деятельность фашистов как по массовому, системному и планомерному истреблению мирного населения БССР, так и сокрытию следов совершенных преступлений, подтверждение чему – нижеприведенный акт ЧГК.

In the death camp of "Trostenets", the activity of the Nazis was fully manifested either in the mass, systematic and planned extermination of the civilian population of the BSSR, or in concealment of traces of crimes committed, which is confirmed by the act of the Extraordinary State Commission below.

А К Т.

16

Комиссия в составе: Героя Советского Союза – генерал – майора т.Ковлова В.И., кандидата медицинских наук т.Стельмашенок И.М., военного следователя – капитана Семенова, белорусского писателя – депутата Верховного Совета БССР М.Лынькова, кандидата медицинских наук т. Таранович Л.Б., доктора Наумович Е.М., топографа Володько и жителей деревни М.Тростинец – Бошко и Барлани М.В., составили 25 июля 1944 года настоящий акт о немецко-фашистских зверствах, имевших место на территории концентрационного лагеря в районе деревни М.Тростинец.

Путем осмотра самого лагеря, 34 ям – могил на месте массовых расстрелов мирных жителей, сожженных сараев с сожженными трупами расстрелянных, штабелей бревен с недогоревшими трупами и специальной печи, в которой расстреливались и сжигались мирные советские граждане, а также путем опроса свидетелей, комиссия установила:

1. В концентрационном лагере Тростинец немецко-фашистскими захватчиками производилось систематически физическое истребление советских граждан. Это зверское истребление советских людей по своей массовости превосходит все злодеяния фашистских людоедов, которые были известны до сего времени через комиссию и о которых сообщалось в нашей советской печати.

Среди сотен тысяч советских людей, замученных в Тростинце, были военнопленные, политические заключенные немецких тюрем, еврейское население из города Минска и других городов Белоруссии, партизанские семьи, семьи заложников

- 2 -

20

из города Минска и другие люди, захваченные немецкими людоедами. Среди погибших людей много женщин, стариков и детей.

Здесь же в лагере Тростинец уничтожалось еврейское население из городов Чехословакии, Австрии, Германии и Польши.

В начале 1941 года немцы производили массовые расстрелы в месте Благовщина – вырубленный лес недалеко от самого лагеря на 11-м километре от Минска по Могилевскому шоссе.

Свои жертвы немцы подвозили специальными эшелонами к дорожно-строительному участку, находящемуся на 9 километре шоссе Минск – Могилев.

Здесь ото всех обреченных отбирались ценные вещи, людей грузили в большие крытые автомашины с прицепами и увозили на место расстрела в Благовщину, где изготовлялись заранее огромные могилы до 60 метров в длину. Людей раздевали, оставляли в одном белье и расстреливали у края могилы.

По показаниям свидетелей сюда привозили и людей замученных в душегубках. Сложенные в могилу трупы засыпали землей и утрамбовывали гусеничными тракторами.

С осени 1943 года расстрелы людей в Благовщине прекратились, чтобы скрыть следы неслыханных злодеяний. Немцы начали раскапывать могилы, извлекать трупы и сжигать их. Для подвоза дров на место сжигания были мобилизованы все подводы Тростинецкой волости и в течение двух месяцев каждая подвода ежедневно должна была доставить дорожно-строительному участку 2 кубометра дров, оттуда немцы машинами увозили дрова непосредственно к месту сжигания. Пепел и мелкие кости зарывали

в могилы, которые потом были замаскированы сверху хворостом, еловыми и сосновыми ветвями.

2. С осени 1943 года немцы не зарывали трупы расстрелянных. Для уничтожения трупов замученных ими была построена специальная печь в укрытом лесом месте в урочище Шашковка 0,5 километров от лагеря/. Сюда ежедневно привозили в открытых и закрытых автомашинах живых людей, а также трупы из душегубок. Расстрелы производились, судя по огромному количеству стреляных гильз, у входа в печь и в самой печи. Отдельные партии обреченных зарывали и убивали гранатами /остатки разорвавшихся гранат, находящиеся в изобилии как около печи, так и внутри ее/. Трупы укладывались на рельсах над топками, поливались горячим - смолой, перекладывались дровами и зажигались. Для повышения температуры подкладывались целые косеты зажигательных бомб, коробки с запалами от гранат и т.п. Уцелевшие крупные кости трамбовали специальными трамбовками. В печи найдены остатки обуглившихся трупов, масса пепла и мелких перегоревших костей. Тут же находилось большое корыто - ящик, куда специальными лопатами выгребался пепел.

У входа в печь и у ворот стен, окружавших печь имеется много обгоревших остатков одежды и мелких вещей погибших: женские кофточки, детские носки, пуговицы, гребенки, пудриницы, перочинные ножи, зажималки, кружки, котелки, мешочки с картофелем и т.д. По всей видимости немцы радевали в этом месте своих обреченных.

Пепел и кости из печи немцы рассыпали по окрестным полям.

3. К концу июня 1944 года, когда к Минску подходила Красная Армия, немцы не успевали сжигать трупы замученных в Шашковке.

29 июня немцы начали открыто расстреливать привозимые на специальных машинах жертвы возле бывшего колхозного сарая в деревне М.Тростинец. Трупы расстрелянных и удушенных они складывали 29, 30 июня и 1 ~~августа~~ в сарай, а также на штабель бревен, а потом поджигали их. Полуобгоревшие трупы так и остались лежать на бревнах. Среди трупов есть женщины и дети.

У сжигавшихся сараев с трупами обнаружены остатки личных вещей погибших: кошелки, шапки, платки, перочинные ножи, котелки, фляжки. На некоторых котелках и фляжках комиссией обнаружены надписи, свидетельствующие о личности погибшего. Некоторые надписи имели даты, когда они были сделаны. Так одна надпись была сделана 26 июня сего года.

4. Показаниями свидетелей установлено: что в районе лагеря было замучено и несолько семей из самой деревни М.Тростинец.

У арестованного немцами ГАНИЧ Адами расстреляны жена, 2 дочери, 2 сына, младшему из которых было 2 года от рождения. Жена и четверо детей были расстреляны у ГАНИЧА Франка. Расстреляны семьи Вовко Александра и Шиманского Александра. Расстреляны и сожжены в колхозном сарае Журавский Витор.

Расстреляны и сожжены в своих домах Колосковская Мария - 72 лет и Пеценко Роза - 48 лет.

5. Свидетель Савинская Степанида Ивановна, случайно спавшая при расстреле 30 июня сего года, производившемся в колхозном сарае деревни М.Тростинец, рассказывает "30 июня 1944 года нас 50 женщин, заключенных в концентрационном лагере "СС" по Широкой улице в городе Минске, погрузили в автомашину и повезли в неизвестном направлении. Отъехав, примерно, 10 километров от города Минска автомашина остановилась у одного из сараев возле деревни М.Тростинец. Здесь мы все узнали, что нас привезли на расстрел. Мы слышали как у передней автомашины, где находились арестованные мужчины раздавалась команда "выходи по два", после чего слышались выстрелы из автомата и револьверов. Когда все заключенные из этой машины были введены и расстреляны к этому же сараю подогнали немцу автомашину и заключенные женщины по команде немецких палачей выходили по 4 человека из машины, ложились поверх уложенных трупов и расстреливались. Почти весь сарай был уже заполнен трупами, так - как перед нами сюда были привезены 2 машины заключенных, которые были расстреляны. Вскоре очередь дошла и до меня. Я с ГОЛУБЕВОЙ Анной и СЕМАШКО Галиной и еще одной женщиной, фамилию которой не знаю, по команде немцев вышли из машины и вошли на штабель трупов. Когда послышались выстрелы я упала и была ранена легко в голову. Я лежала на трупах до позднего вечера. Немецкие палачи привозили в этот день еще 2 машины с женщинами,

которые были расстреляны на моих глазах. Среди них были и дети в возрасте от 3-х до 10-ти лет. После каждого расстрела немцы ложили поверх трупов дрова и обливали их бензином и бросив в сарай гранаты поджигали сарай.

Я решила бежать из сарая, чтобы не погибнуть мучительной смертью. Я выбралась из под трупов, увидела двух мужчин раненых и все втроем мы побежали. Немецкий конвой открыл по нас огонь. Бежавшие со мной мужчины были убиты, а я все же убежала в болото и скрывалась там 15 дней, так как не знала, что Минск уже освобожден за эти дни от немецких захватчиков."

6. При осмотре барака, находящегося в самом лагере и окруженного тремя рядами проволочного ограждения /средний из них с электрическими проводами/ установлено, что все заключенные, находившиеся в бараке, последние дни существования лагеря были расстреляны. Это свидетельствует окровавленные стены, одежда, тифяки, нары. Луки крови в проходах барака и кучи стреляных гильз у входа в барак.

7. Из показаний отдельных свидетелей (Будай Валентина Васильевна) видно, что в непосредственном сжигании трупов в печи принимали участие и Румыны.

8. Комиссия учитывая показания свидетелей, количество и размеры могил, количество трупов и объем пепла и костей в могилах считает, что по самым минимальным подсчетам в районе лагеря Тростинец фашистскими людоедами уничтожено 546 тысяч человек, из них в 34 могилах захоронены остатки (пепел и кости) 476 человек, в печи сожжено 68 тысяч человек и в сараях и на бревнах сожжено - 2000 человек.

9. Свидетельскими показаниями установлено, что массовые расстрелы и сжигание трупов в печи в Ешкковке производи

25

лодь помощником коменданта лагеря унтер-шеф фюрером Ридером.

- Герой Советского Союза
Генера-Майор (Козлов)
- Кандидат медицинских наук *И. Стельмашонок* (Стельмашонок)
- Военный следователь-капитан *А. Семенов* (Семенов)
- Белорусский писатель
Депутат Верховного Совета БССР *Л. Лыньков* (Лыньков)
- Кандидат медицинских наук (Таранович)
- Доктор *Наумович* (Наумович)
- Топограф (Володько)
- и жители д.М.Тростенец: (Божко)
- (Барлани М.В.)

ACT

The commission consists of Hero of the Soviet Union – General-Major, Comrade Kozlov V.I., Candidate of Medical Sciences, comrade Stelmashonok I. M. , military Investigator – Captain Semenov, Belarusian writer – Deputy of the Supreme Council of the BSSR Lynkov M. , Candidate of Medical Sciences comrade Taranovich L.E. , Dr. Naumovich E.M., topographer Volodko and residents of the village of Maly Trostenets – Boshko and Barlani M.V.; On July 25, 1944 they executed the present Act of Nazi German atrocities in the territory of the concentration camp near the village of Maly Trostenets.

By inspecting the camp itself, the 34 pits and graves at the site of the mass executions of civilians, the burned sheds with the burnt corpses of the executed, the stacks of logs with unburned corpses and the special furnace in which peaceful Soviet citizens were shot and burned, as well as by interviewing witnesses, the commission established:

1. In the Trostenets concentration camp, the German-Fascist invaders carried out systematic physical extermination of Soviet citizens. This brutal extermination of the Soviet people in its mass exceeds all the atrocities of the fascist cannibals, which were known until now through the commission and which were reported in our Soviet press.

Among the hundreds of thousands of Soviet people tortured in Trostenets were prisoners of war, political prisoners of German prisons, Jewish population from Minsk and other cities of Belarus, partisan families, hostage families from Minsk and other people captured by the German cannibals. There were many women, old people, and children among the dead.

Here, in the Trostenets camp, the Jewish population from the cities of Czechoslovakia, Austria, Germany and Poland was exterminated.

In 1941, the Germans carried out mass executions in Blagovshchina, a felled forest near the camp on the 11th kilometre from Minsk on the Mogilev highway.

The Germans brought their victims in special echelons to the road construction site located on the 9th kilometre of the Minsk – Mogilev highway.

Here all the doomed men were stripped of their valuables, people were loaded into large covered cars with trailers and taken to the place of execution in Blagovshchina, where huge graves up to 60 meters long were prepared in advance. People were undressed, left in only their underwear and shot at the edge of the grave.

According to the testimonies of witnesses, people tortured in gas chambers were also brought here. The corpses piled in the grave were covered with earth and rammed with caterpillar tractors.

Since the autumn of 1943, executions of people in Blagovshchina have ceased. To hide the traces of unheard of atrocities, the Germans began to dig up graves, remove corpses and burn them. To transport firewood to the burning place, all the carts of the Trostenets volost were mobilized, and for two months each cart had to deliver 2 cubic meters of firewood to the road construction site daily, from there the Germans took away the firewood directly to the burning place. Ashes and small bones were buried in graves, which were then disguised from above with brushwood, spruce and pine branches.

2. Since the autumn of 1943, the Germans did not bury the corpses of the executed. To dispose of the corpses of the tortured, they built a special furnace in a forested place in the Shashkovka tract (0.5 km from the camp). Living people were brought here daily in open and closed cars, as well as corpses from gas chambers. The executions were carried out, Judging by the huge number of shotgun shells, at the entrance to the furnace and in the furnace itself. A number of doomed individuals were blown up and killed with grenades (remnants of exploded grenades found in abundance near and inside the furnace). The corpses were laid on rails above the fur-

nace, poured over with fuel – tar, shifted with firewood and lit. To raise the temperature, whole cassettes of incendiary bombs, boxes with fuses from grenades, etc. were placed. The remains of charred corpses, a mass of ash and small burnt claws were found in the furnace. There was also a large trough, a box, where ashes had been scooped out with special shovels.

At the entrance to the furnace and at the gate of the walls surrounding the furnace, there are many burnt remnants of clothing and small things of the dead: women's blouses, children's socks, buttons, combs, powder boxes, penknives, lighters, mugs, bowlers, potato sacks, etc. Apparently the Germans used this place to undress their doomed men.

The ashes and bones from the furnace were scattered across the surrounding fields by the Germans.

3. By the end of June 1944, when the Red Army was approaching Minsk, the Germans did not have time to burn the corpses of the tortured in Shashkovka.

On June 29, the Germans began to openly shoot the victims that had been brought in in special cars near a former collective farm barn in the village of Maly Trostenets. On 29, 30 June and 1 July they stacked the corpses of those shot and strangled in the barn and on a stack of logs, and then set them on fire. The half-burned corpses were left lying on the logs. Among the corpses were women and children.

The remains of personal belongings of the dead were found near the burning sheds with corpses: purses, hats, shawls, penknives, bowlers and flasks. On some bowlers and flasks, the commission found inscriptions testifying to the identity of the deceased. Thus, one inscription was made on the 26th of June this year.

4. The testimonies of witnesses established that several families from the village of Maly Trostenets were also tortured to death in the camp area.

Ganich Adam, who was arrested by the Germans, the wife, 2 daughters and 2 sons, the youngest of whom was 2 years old, were shot. Ganic Frank's wife and four children were shot. The families of Boshko Alexander and Shimansky Alexander were shot. Zhuravsky Viktor was shot and burnt in the collective farm barn.

Koloskovskaya Maria, 72 years old and Peshchenko Roza, 48 years old, were shot and burnt in their houses.

5. Witness Savinskaya Stepanida Ivanovna, who accidentally escaped during the execution on June 30 of this year, which was carried out in the collective farm barn of the village of Maly Trostenets, recounts: "On June 30, 1944, we were 50 women prisoners of the SS concentration camp on Shirokaya Street in Minsk, loaded into a car and taken in an unknown direction. Having driven about 10 kilometers from Minsk, the car stopped at one of the sheds near the village of Maly Trostenets. Here we all found out that we were brought to be shot. We heard how the command "get out but two" was heard at the front vehicle, where the arrested men were, after which shots from a machine gun and revolvers were heard. When all the prisoners were taken out of this car and shot, our car was driven to the same barn and the women prisoners, on the command of the German executioners, got out of the car four by four, lay down on top of the dead bodies and were shot. Almost the entire barn was already filled with corpses, as two cars of prisoners were brought here in front of us, and they were shot. Soon it was my turn. With Golubeva Anna and Semashko Galina and another woman, whose surname I do not know, at the command of the Germans, I got out of the car and climbed onto the pile of corpses. When shots were heard, I fell down and was lightly wounded in the head. I lay on the corpses until late in the evening. On that day, German executioners brought 2 more cars with women, who were shot before my eyes. Among them were children aged 3 to 10 years. After each execution, the Germans placed firewood on top of the corpses and poured petrol over them, and after throwing grenades into the barn, set fire to the barn.

I decided to escape from the barn so as not to die a painful death. I got out from under the corpses, saw two wounded men and all three of us ran. The German convoy opened fire on us. The men who fled with me were killed, but I still ran into the swamp and hid there for 15 days, because I did not know that Minsk had already been liberated from the German invaders during these days.

6. During the examination of the barracks in the camp itself, surrounded by three rows of wire fences (the middle one with electric wires), it was established that all the prisoners in the barracks had been shot in the last days of the camp. The blood-stained walls, clothes, mattresses and bunk beds testify to this. There were pools of blood in the aisles and piles of bullet shells at the entrance to the barracks.

7. From the testimony of individual witnesses (Budai Valentina Vasilievna) it is clear that the Romanians were also involved in the direct burning of the corpses in the furnace.

8. The Commission, taking into account the testimony of witnesses, the number and size of the graves, the number of corpses and the volume of ashes and bones in the graves, considers that, according to the most minimal estimates, 546 thousand people were killed by fascist cannibals in the Trostenets camp area, of which 34 were buried in graves the remains (ashes and bones) of 476 thousand people, 68 thousand people were burned in the oven and 2,000 people were burned in sheds and on logs.

9. Witness testimony established that the mass shootings and the burning of corpses in the furnace in Shashkovka had been carried out by the assistant commandant of the camp Unter-Chief Fuhrer Rieder.

Hero of the Soviet Union		
General-Major		(Kozlov)
Candidate of Medical Sciences	Signature	(Stelmashonok)
Military Investigator – Captain	Signature	(Semenov)
Belarusian writer		
Deputy of the Supreme Council of the BSSR	Signature	(Lynkov)
Candidate of Medical Sciences		(Taranovich)
Doctor	Signature	(Naumovich)
Topographer		(Volodko)
Residents of the village of Maly Trostenets		(Boshko)
		(Barlani M.V.)

**ГЕТТО
на оккупированной территории БССР**

Фашистские захватчики, осуществляя преступную политику геноцида, с первых дней оккупации Беларуси развернули массовую кампанию по истреблению белорусского еврейского населения. Экспроприация, грабеж, издевательства и избиения, расстрелы представителей еврейского населения были неотъемлемыми чертами установленного фашистами «нового порядка».

В захваченных городах и населенных пунктах Беларуси военные власти в первые же дни оккупации издавали приказы, согласно которым на евреев возлагалась обязанность регистрироваться по месту жительства, «в целях обозначения расовой принадлежности» носить отличительные знаки – белые повязки со звездой Давида или желтые нашивки. Запрещалось свободное передвижение таких лиц, вводились обязательные принудительные работы для евреев в возрасте от 14 до 60 лет.

Заключение в гетто было этапом, который предшествовал массовому окончательному истреблению. Граждан еврейской национальности принудительно переселяли в специально отведенные районы города, которые занимали, как правило, очень малое пространство, размещали в условиях чрезмерной скученности и лишали свободы [3].

Территория гетто была огорожена колючей проволокой, изолирована от внешнего мира, охранялась войсками СС и полиции. Все трудоспособные евреи были заняты на военных предприятиях, выполняли различные работы для нужд военного хозяйства и оккупационных властей. Гетто являлись не только местом жительства, но и работы евреев. В гетто создавались портняжные, столярные, слесарные, обувные и другие мастерские, выполнявшие преимущественно заказы гражданских властей и вермахта. Гетто запрещалось покидать без специально установленных пропусков либо вне рабочих команд в сопровождении охраны. Попытки бегства из гетто карались смертью. В гетто умышленно создавались жизненные условия, рассчитанные на постепенное физическое истребление людей.

Население гетто содержалось в условиях голода. Одним из примеров указанного факта служит продуктовая карточка.

**GHETTO
in the occupied territory of the BSSR**

The fascist invaders, carrying out the criminal policy of genocide, launched a massive campaign to exterminate the Belarusian Jewish population from the first days of the occupation of Belarus. Expropriation, robbery, bullying and beatings, executions of representatives of the Jewish population were integral features of the "new order" established by the Nazis.

In the occupied cities and towns of Belarus, in the very first days of the occupation, the military authorities issued orders according to which the Jews were obliged to register at their place of residence, "in order to indicate racial affiliation" to wear distinctive signs – white armbands with a Star of David or yellow stripes. The free movement of such persons was prohibited, compulsory forced labor was introduced for Jews aged 14 to 60 years.

Confinement in the ghetto was the stage that preceded the mass final extermination. Citizens of Jewish nationality were forcibly relocated to specially designated areas of the city, which, as a rule, occupied a very small space, were placed in conditions of excessive overcrowding, and were deprived of their liberty [3].

The territory of the ghetto was fenced with barbed wire, isolated from the outside world, guarded by the SS troops and the police. All able-bodied Jews were employed in military enterprises, performed various jobs for the needs of the military economy and the occupation authorities. Ghettos were not only a place of residence, but also a place of work for Jews. Tailoring, carpentry, locksmith, shoe and other workshops were created in the ghetto, mainly fulfilling orders from civil authorities and Wehrmacht. It was forbidden to leave the ghetto without specially established passes or without work teams, accompanied by guards. Attempts to escape from the ghetto were punishable by death. Living conditions, designed for the gradual physical extermination of people, were deliberately created in the ghetto.

The population of the ghetto was kept in conditions of starvation. One examples of the indicated fact is a grocery card.

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 40. с/р-409. Оп. 1. Д. 6. Л. 15
National archive of the Republic of Belarus. F. 40. s/r-409. Op. 1. D. 6. L. 15

Минское гетто

Одним из самых крупных гетто на территории СССР было Минское гетто, в котором содержалось более 120 тысяч человек, 105 тысяч евреев были убиты. Приказ о его создании был отдан 19 июля 1941 года. В нем указывались улицы, входящие в гетто, его границы, сроки и условия переселения.

Территория Минского гетто, согласно распоряжению полевого коменданта о создании гетто в г. Минске, ограничивалась следующими улицами, существовавшими на тот период: пер. Колхозный, ул. Колхозная, проходящая вдоль реки, ул. Немигская, за исключением православной церкви, ул. Республиканская, ул. Шорная, ул. Коллекторная, пер. Мебельный, ул. Перекопская, ул. Низовая, стена еврейского кладбища, ул. Обувная, 2-й Опанский пер., ул. Заславская до угла пер. Колхозного.

Истребление евреев планировалось провести в первые месяцы оккупации – до конца 1941 года. Так, например, в Могилеве в тече-

Minsk ghetto

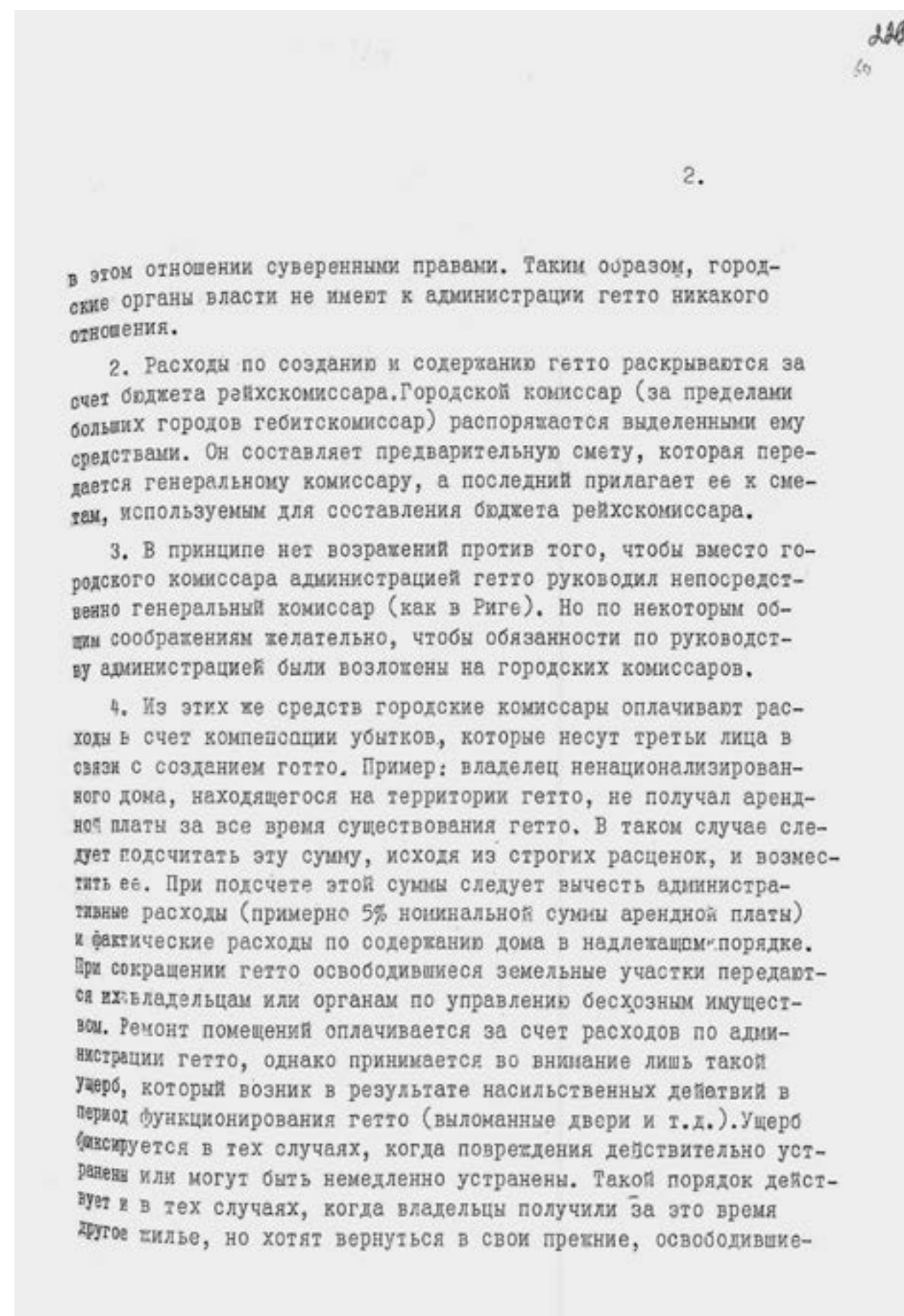
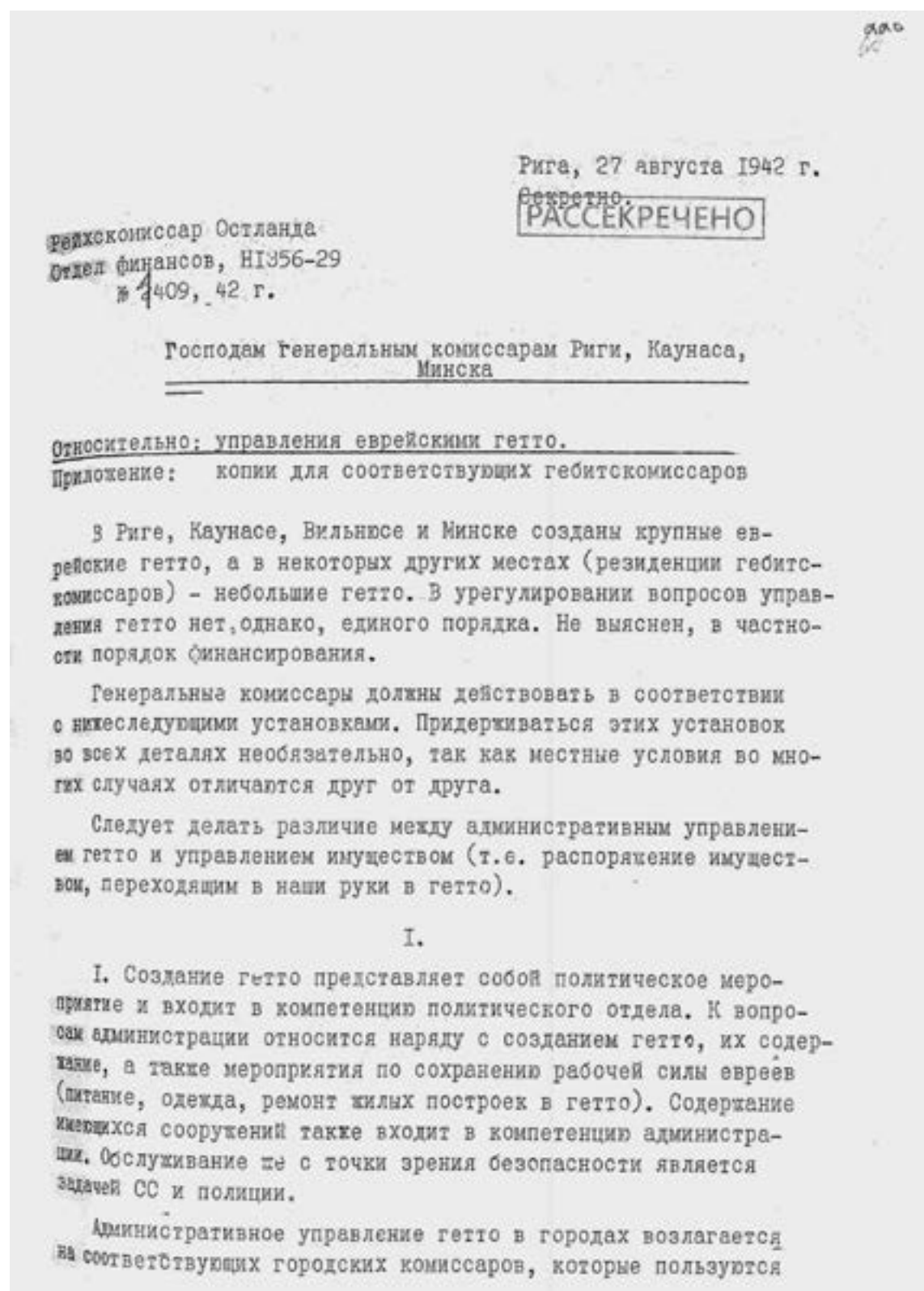
One of the largest ghettos in the USSR was the Minsk ghetto, which contained more than 120 thousand people, 105 thousand Jews were killed. The order of its establishment was issued on July 19, 1941. The order indicated the streets, included in the ghetto, its boundaries, terms and conditions of resettlement.

The territory of the Minsk ghetto, according to the order of the field commander on the creation of a ghetto in Minsk, was limited to the following streets that existed at that time: Kolkhozny lane, Kolkhoznaya street, passing along the river, Nemigskaya street, with the exception of the Orthodox Church, Republicanskaya street, Shornaya street, Kollektornaya street, Mebelny lane, Perekopskaya street, Nizovaya street, Jewish cemetery wall, Obuvnaya street, 2nd Opansky lane, Zaslavskaya street to the corner of Kolkhozny lane.

The extermination of the Jews was planned to be carried out in the first months of the occupation, until the end of 1941. So, for example, in Mogilev

ние сентября-октября 1941 года убито не менее 10 тысяч евреев, в Витебске с октября по декабрь 1941 года – 20 тысяч евреев; 7 ноября 1941 года под д. Киселевичи было убито 8 тысяч евреев Бобруйска.

during September-October 1941, at least 10 thousand Jews were killed, in Vitebsk, from October to December 1941 20,000 Jews were killed; on November 7, 1941 8 thousand Jews of Bobruisk were killed near the village of Kiselevichi.

3.

ся из-под гетто дома.

5. Хотя вопросами создания и установления размеров гетто ведают политические отделы, генеральным комиссарам рекомендуется передать финансовое обслуживание гетто в ведение своих финансовых отделов.

II.

I. Управление имеющимся в гетто недвижимым имуществом должно осуществляться администрацией гетто, а не местными организациями по распродвижению земельных участков или по управлению бесхозяйным имуществом. В случае полной или частичной ликвидации гетто дома и участки передаются компетентным службам или владельцам.

2. Объектом управления имуществом в соответствии с этим является в первую очередь наличное движимое имущество. Сюда же входит и использование рабочей силы евреев, которая в этом смысле рассматривается как поступающее имущество.

Управление имуществом передано рейхсминистром по делам оккупированных восточных областей в ведение финансовых отделов, которые выполняют эту задачу либо непосредственно, либо же через городских комиссаров и гебитскомиссаров. Здесь также по некоторым общим соображениям желательно, чтобы вопросами управления имуществом занимался не генеральный комиссар, а городские комиссары и гебитскомиссары, а генеральный комиссар ограничивался лишь общим руководством.

Поступающее движимое имущество следует немедленно брать на учет и предохранять от разбазаривания. Предметы, могущие быть использованными для оборудования служебных помещений, следует предлагать хозяйственным отделам. По поводу других случаев использования поступающих вещей рейхсминистром по делам оккупированных восточных областей будут сданы соответствующие директивы. Против продажи предметов, в которых испытывается острая потребность какие-либо службы, нет никаких возражений. Полная стоимость предметов взимается сразу же. В распродажу продажу не производить.

Все золотые и серебряные вещи точно подсчитывать, описывать и пересылать в мое распоряжение через имперскую кредитную кассу в Риге. Копии описей представлять мне. Сдача ценностей в контору в Берлине производится в централизованном порядке из Риги. Собираемые текстильные изделия, если они не передаются хозяйственным отделам, подлежат сдаче местным представительствам компании "Остландфазер ГмбХ".

3. При продаже предметов стоимость их следует вносить в соответственные кассы. Денежные поступления от этого поступают в бюджет финансового отдела рейхскомиссара. Заводить спецсчета не разрешается.

4. Использование рабочей силы евреев происходит в двух формах:

а) путем сдачи в наем организациям или частным хозяевам.
б) использование на производстве (подведомственные предприятия).

5. Сдача в наем еврейской рабочей силы осуществляется по поручению городских комиссаров и гебитскомиссаров местным биржам труда. Последние передают нанимателю требуемое количество евреев, о чем уведомляют администрацию по вопросам имущества гетто. Городской комиссар или гебитскомиссар после этого представляет заказчику счет и следит за его оплатой.

6. При условии, что все предоставленные еврейские полностью трудоспособны, за переданных квалифицированных специалистов взимается сумма, соответствующая установленной зарплате. Расценки зарплати специалистов и неквалифицированных рабочих устанавливаются генеральными комиссарами. Следует не допускать, чтобы предприниматели извлекали от использования еврейской рабочей силы дополнительные выгоды.

7. Администрация гетто устанавливает, какие подведомственные ей мастерские могут быть созданы на территории гетто и где это. Речь может идти о пошивочных, сапожных, столярных, слесарных, электроремонтных мастерских и пр. Они должны выполнять

в первую очередь заказы вермахта, а затем немецких учреждений и граждан рейха. Доходы от этого, аналогично доходам от сдачи евреев в наем частным предпринимателям поступают в бюджет рейхскомиссара. Уже существующие мастерские должны быть переданы в неизменном виде администрациям гетто. Этот порядок не распространяется на предприятия, входящие в ведение учреждений по управлению бесхозяйным имуществом, где используются евреи.

По поручению
подлинник подписал д-р Виналон

Верно: Штифферн,
регирунгинспектор.

Riga, August 27, 1942
Secret

Reichskommissar Ostland
FINANCE Department, HI356-29
№ 1409, 42

To the General Commissioners of Riga, Kaunas, Minsk

Regarding: Jewish ghetto management

Annex: copies for the relevant Gebitskommissars

Large Jewish ghettos were established in Riga, Kaunas, Vilnius and Minsk, and small ghettos in some other places (the residences of the Gebitskommissars). There is, however, no uniform order in the regulation of ghetto management. The funding arrangements, in particular, have not been clarified.

The General Commissioners shall act in accordance with the following guidelines. It is not necessary to adhere to these guidelines in every detail, as local conditions vary in many cases.

A distinction should be made between ghetto administrative management and property management (i.e., the disposal of property that passes into our hands in the ghetto).

I

1. The creation of a ghetto is a political measure and falls within the competence of the political department. In addition to the creation of the ghetto, the administration is responsible for maintaining the ghetto and the workforce of the Jews (food, clothing, repairs to the ghetto buildings). The maintenance of the existing buildings also falls within the competence of the administration. The SS and police are responsible for the maintenance of the ghetto in terms of security.

The administrative management of the ghetto in the cities is entrusted to the respective city commissars, who enjoy sovereign rights in this regard. Thus, the city authorities have nothing to do with the ghetto administration.

2. The costs of establishing and maintaining the ghetto are disclosed from the budget of the Reichskommissar. The city commissar (outside the large cities, the Gebietskommissar). He draws up a preliminary estimate, which is transmitted to the General Commissioner, and the latter attaches it to the estimates used to draw up the budget of the Reichskommissar.

3. In principle, there are no objections to the fact that, instead of the city commissar, the ghetto administration should be led directly by the general commissar (as in Riga). But for some general reasons, it is desirable that the responsibility for the management of the administration be assigned to the city commissars.

4. From the same funds, city commissars pay expenses to compensate for losses incurred by third parties in connection with the creation of the ghetto. Example: the owner of a non-nationalized house located on the territory of the ghetto did not receive rent for the entire existence of the ghetto. In this case, this amount should be calculated based on the strict rates and reimbursed. When calculating this amount, administrative expenses (example 5% of the nominal rent) and the actual costs of maintaining the house in good order should be deducted. When the ghetto is reduced, the vacated land plots are transferred to the owners or to the management bodies of ownerless property. Repairs to the premises are paid for at the expense of the ghetto administration, but only such damage that occurred as a result of violent actions during the functioning of the ghetto (broken down doors, etc.) is taken into account. Damage is recorded in cases where the damage has actually been repaired or can be repaired immediately. This procedure also applies in cases where the owners have received other housing during this time, but want to return to their former houses vacated from under the ghetto.

5. Although political departments are responsible for establishing and sizing ghettos, it is recommended that the general commissars transfer the financial services of the ghetto to their financial departments.

II

1. The management of real estate in the ghetto should be carried out by the ghetto administration, and not by local organizations for the distribution of land plots or for the management of ownerless property. In case of complete or partial liquidation of the ghetto, the houses and plots will be handed over to the competent services or owners.

2. In accordance with this, the object of property management is primarily cash movable property. This also includes the use of the labor force of the Jews, which in this sense is considered as incoming property.

The management of property has been transferred by the Reich Minister for the Occupied Eastern Regions to the financial departments, which carry out this task either directly or through the City Commissioners and Gebietskommissars. Here too, for some general considerations, it is desirable that the City Commissioners and Gebietskommissars, rather than the Commissioner-General, should deal with property management, with the Commissioner-General confined to general management only.

Incoming movable property should be immediately registered and protected from squandering. Items that can be used for office equipment should be offered to housekeeping departments. With regard to other cases of the use of incoming things, the Reich Minister for the Occupied Eastern Regions will issue appropriate directives. There is no objection to the sale of items in urgent need of any services. The full value of the items shall be charged immediately. The sale shall not be made in instalments.

All gold and silver items to be accurately counted, described and sent to my disposal through the Imperial Credit Office in Riga. The copies of the inventories shall be submitted to me. Delivery of valuables to the office in Berlin is carried out centrally from Riga. Collected textiles, if they are not handed over to the general service departments, are subject to delivery to the local representatives of Ostlandfaser GmbH.

3. When selling items, the cost of them should be paid to the appropriate cash desks. The proceeds from this will go to the budget of the Reichskommissar's Finance Department. Special accounts are not allowed.

4. The use of the labor force of the Jews takes place in two forms:

- a) through hiring out to organizations or private owners;
- b) by use in production (subordinate enterprises).

5. The hiring out of Jewish labour is carried out on the behalf of the city commissioners and the Gebitskommissars to the local labour exchanges. The latter transfer the required number of Jews to the employer, about which they notify the ghetto property administration. The city commissioner or Gebitskommissar then submits an invoice to the customer and monitors its payment.

6. On the condition that all Jews provided are fully able to work, an amount corresponding to the set wage rate shall be charged for the qualified specialists handed over. The rates of wages for specialists and unskilled workers shall be fixed by the Commissioners-General. The entrepreneurs must not be allowed to derive further benefits from the use of Jewish labour.

7. The ghetto administration determines which workshops under its jurisdiction can be created on the territory of the ghetto and outside it. These can be sewing, shoemaking, carpentry, plumbing, electrical repair and other workshops. They must fulfill first of all, orders from the Wehrmacht, and then from German institutions and citizens of the Reich. The revenues from this, similar to those from renting out Jews to private entrepreneurs, go into the Reichskommissar's budget. The already existing workshops must be handed over to the ghetto administration unchanged. This procedure does not apply to enterprises that are under the jurisdiction of institutions for the management of ownerless property, where Jews are used.

On behalf of
the original was signed by Dr Vialon

Correct: Stiffern,
Regierungsinspector

Вот как описывает расстрел еврейского населения г. Борисова фельдфебель Карл Рингельбергер (штаб минометного полка П/53).

That's how the execution of the jewish population of the city of Borisov is described by Sergeant major Karl Ringelberger (headquarters mortar regiment P/53).

там до самого конца рассказывал мне потом, что примерно 20 мин. расстрела рвы стали засыпать землей, не обращая при этом внимания на то, что большинство людей в них были живы. даже, когда был насыпан слой почти в полметра, земля дала трещину.

Российский государственный военный архив. Ф. 47 п. Оп. 7. Д. 1. Л. 55-55 об
Russian State Military Archive. F. 47 p. Op. 7. D. 1. L. 55-55 ob

55
НАЧАЛ ВЕРИТЬ ЯНГЕРИ №108.
ЗАЯВЛЕНИЕ
и вверстных немецких войсках
В октябре 1941 г. я приехал по командировке в г. Борисов. Целью моей поездки была доставка срочных запасных частей для автомашин. В течение нескольких дней я узнал, что здесь происходят пожары на складах для запасных частей. И так как виновников не могли найти, то, не долго думая, всю вину ввели на местных евреев.
Мне рассказывали, по этому поводу были расстреляны свыше 500 евреев, не смотря на возраст и пол. Женщины были расстреляны там, где были убиты, что в подобных случаях будут приняты более строгие меры. И вот однажды утром слышу, что на складе! Это известие сильно возмущало мое сердце. В тот же вечер я поинтересовался в солдатском клубе с одним человеком и он пригласил меня на следующее утро на вечер, по моему мнению, интересное зрелище - массовый расстрел евреев. Это здание должно было находиться в 3 км. от восточной окраины города у противотанковых рвов, которые пересекала шоссе Минск-Мозырь. Меня поджидала любопытная и назначенная группа солдат посмотреть на так называемое "зрелище". Если бы я знал, какую ужасную картину мне предстояло увидеть, я бы, конечно, отказался, когда я пришел на вышеуказанное место, там было уже собрано более 6 тыс. евреев, там были не только мужчины, но и женщины и дети. Там были старики, женщины, старики и дети, среди которых были и грудные. На мой испуганный вопрос: "ужели будут расстреляны и эти невинные люди?" мне со смехом ответили: "да чего же вы невинны, разве бы стали понапрасну стараться спасти этот народ". Отряд, проводивший эту казнь, состоял примерно из 30 литовцев во главе с немецким фельдфебелем и группой русских добровольных помощников, так называемых "украинских добровольцев". Началось с того, что всех евреев бескомпромиссными ударами и ударами прикладами заставляли раздеться догола. В это время помощники-добровольцы и фельдфебель искали в их одежде спрятанные ценные вещи и большинство из них брали себе. Эти вещи моментально исчезали в их карманах. После этой процедуры все евреи должны были прыгнуть в противотанковые рвы. Кто делал это недостаточно быстро, был просто сорван туда. При этом разрывались спины, неслыханной жестокости. Матери, которые умоляли пощадить их детей, получали удары ногами и прикладами, при этом раздавался невообразимый смех и слышались вульгарные выражения. И примеру: одна женщина с грудным ребенком на руках просила пощадить ребенка. Фельдфебель, производивший истребление самого жестокого из этих падальщиков, прикладом раздробил череп малютке, а женщину столкнул в ров. Потом литовцы встали на некоем расстоянии от рвов и стали дышать, как на литовском стрелять в людей, находящихся в ямах. Крики раненых и ужасные сцены, которые разворачивались, и всего нельзя описать словами. Особенно противна мне была группа немецких офицеров, присутствующих при этом убийстве, в качестве зрителей и распускавших на этом поводу шуточки.
Короче сделала меня жестоким, но видеть все это было не в моих силах. Мне стало до того противно, что я вынужден был бежать с места еврейского расстрела, один солдат, который оставался

Head of Camp No. 108
STATEMENT
On the atrocities of the Nazi troops.

In October 1941 I returned from a business trip to the city of Borisov. The purpose of my trip was to deliver spare parts from cars here. For several days I heard that there were fires in warehouses for spare parts, and since the culprits could not be found, then, without hesitation, all the blame was placed on local Jews. As I was told on this occasion, over 500 Jews were shot, regardless of age and gender. Posters were pasted everywhere, where was a threat that in such cases more stringent measures would be taken. And then one morning again there was news about "fire in the warehouse!". This news greatly disturbed the local population. That same evening, I met a man in a soldiers' club, and he invited me to a very, in his opinion, interesting spectacle - the mass execution of Jews. This execution should be taken place 3 km from the eastern outskirts of the city near the anti-tank ditches that crossed the Minsk - Moscow highway. I was curious and decide to come at the appointed time to go and see the so-called "spectacle". If I had known what a terrible picture I was about to see, I wouldn't certainly go there. When I arrived at the abovementioned place, more than 6,000 Jews had already been rounded up there. There were not only men there, who, in my opinion, should have been convicted of arson, but the majority of the crowd consisted of women, old people and children, there were also infants. To my frightened question: "Are these innocent people going to be shot too?" they answered me with a laugh: "How naive you are, for any other reason you think we would round up this mob in vain". The detachment that carried out this execution consisted of approximately 35 Lithuanians, led by a German sergeant major and a group of Russian voluntary assistants, the so-called "Ukrainian volunteers". Firstly, the Jews were forced to undress to the naked with usage of multiple kicks and blows from rifle butts. At the same, volunteer assistants and sergeant majors looked for hidden valuables in their clothes and took most of them for themselves. These things instantly disappeared in their pockets. After this procedure, all Jews had to jump into anti-tank ditches. Those who did not do it fast enough were simply thrown there. At the same time, scenes of unheard-of cruelty were occurred, mothers who begged for mercy for their children received kicks and butts, while caustic laughter and vulgar expressions were heard. For example: one woman with a baby in her arms asked to spare the child. The sergeant-major, who gave the impression of the most cruel person in these executioners, crushed the baby's skull with his butt, and pushed the woman into the ditch. Then the Lithuanians lined up at some distance from the ditches and began to shoot indiscriminately at all people in the pits. The screams of the wounded and the horrific scenes that took place simply cannot be put into words.

I was especially disgusted by the group of German officers who were present at this murder, and as spectators and made jokes about this.

The war made me cruel, but it was not in my power to see all this. I became so disgusted that I was forced to flee from the place of the brutal massacre. One soldier who remained there until the very end told me later that about... 20 minutes. they began to cover the corpses with earth, not paying any attention to the fact that most of the people in them were still alive, even when a layer of almost half a meter was poured, the earth stirred.

Стенограмма:

Начальнику лагеря №108
ЗАЯВЛЕНИЕ

О зверствах немецко-фашистских войск

В октябре 1941 г. я приехал из командировки в г. Борисов. Целью моей поездки была доставка сюда запасных частей от автомашин. В течение нескольких дней я слышал, что здесь происходят пожары на складах для запасных частей, и так как виновников не могли найти, то, не долго думая, всю вину взвалили на местных евреев. Как мне рассказывали по этому поводу, расстреляно свыше 500 евреев, невзирая на возраст и пол. Везде были расклеены афиши, где была угроза, что в подобных случаях будут приниматься более строгие меры. И вот однажды утром снова «пожар на складе!». Это известие сильно взволновало местное население. В тот же вечер я познакомился в солдатском клубе с одним человеком, и он пригласил меня на весьма, по его мнению, интересное зрелище – массовый расстрел евреев. Эта казнь должна была состояться в 3 км от восточной окраины города у противотанковых рвов, которые пересекали шоссе Минск – Москва. Меня поджигало любопытство к назначенному времени пойти посмотреть на так называемое «зрелище». Если бы я знал, какую ужасную картину мне предстояло увидеть, я бы, конечно, остался. Когда я пришел на вышеуказанное место, туда было уже согнано более 6 тыс. евреев. Там были не только мужчины, которые, по моему мнению, и должны были быть осуждены за поджог, но в большинстве своем толпа состояла из женщин, стариков и детей, среди которых были и грудные. На мой испуганный вопрос: «Неужели будут расстреляны и эти невинные люди?» мне со смехом ответили: «До чего же Вы наивны, разве бы стали понапрасну сгонять этот сброд». Отряд, проводивший эту казнь, состоял приблизительно из 35 литовцев во главе с немецким фельдфебелем и группы русских добровольных помощников, так называемых «украинских добровольцев». Началось с того, что всех евреев бесконечными пинками и ударами прикладов заставили раздеться до гола. В это время помощники-добровольцы и фельдфебель искали в их одежде спрятанные ценные вещи и большинство из

Verbatim record:

Head of Camp No. 108
STATEMENT

On the atrocities of the Nazi troops.

In October 1941 I returned from a business trip to the city of Borisov. The purpose of my trip was to deliver spare parts from cars here. For several days I heard that there were fires in warehouses for spare parts, and since the culprits could not be found, then, without hesitation, all the blame was placed on local Jews. As I was told on this occasion, over 500 Jews were shot, regardless of age and gender. Posters were pasted everywhere, where was a threat that in such cases more stringent measures would be taken. And then one morning again there was news about "fire in the warehouse!". This news greatly disturbed the local population. That same evening, I met a man in a soldiers' club, and he invited me to a very, in his opinion, interesting spectacle – the mass execution of Jews. This execution should be taken place 3 km from the eastern outskirts of the city near the anti-tank ditches that crossed the Minsk – Moscow highway. I was curious and decide to come at the appointed time to go and see the so-called "spectacle". If I had known what a terrible picture I was about to see, I wouldn't certainly go there. When I arrived at the abovementioned place, more than 6,000 Jews had already been rounded up there. There were not only men there, who, in my opinion, should have been convicted of arson, but the majority of the crowd consisted of women, old people and children, there were also infants. To my frightened question: "Are these innocent people going to be shot too?" they answered me with a laugh: "How naive you are, for any other reason you think we would round up this mob in vain". The detachment that carried out this execution consisted of approximately 35 Lithuanians, led by a German sergeant major and a group of Russian voluntary assistants, the so-called "Ukrainian volunteers". Firstly, the Jews were forced to undress to the naked with usage of multiple kicks and blows from rifle butts. At the same, volunteer assistants and sergeant majors looked for hidden valuables in their clothes and took most of them for themselves. These things instantly disappeared in their pockets. After this procedure, all Jews had to jump into anti-tank ditches. Those who did not do it

них брали себе. Эти вещи моментально исчезали в их карманах. После этой процедуры все евреи должны были прыгать в противотанковые рвы. Кто делал это недостаточно быстро, был просто сброшен туда. При этом разыгрывались сцены неслыханной жестокости. Матери, которые умоляли пощадить их детей, получали удары ногами и прикладами, при этом раздавался язвительный смех и сыпались вульгарные выражения. К примеру: одна женщина с грудным ребенком на руках просила пощадить ребенка. Фельдфебель, производивший впечатление самого жестокого из этих палачей, прикладом раздробил череп малютки, а женщину толкнул в ров. Потом литовцы выстроились на некотором расстоянии от рвов и стали дико как ни попало стрелять в людей, находящихся в ямах. Крики раненых и ужасные сцены, которые разыгрывались, просто нельзя передать словами.

Особенно противна мне была группа немецких офицеров, присутствующих при этом убийстве в качестве зрителей и отпускаявших по этому поводу шуточки.

Война сделала меня жестоким, но видеть все это было не в моих силах. Мне стало до того противно, что я вынужден был бежать с места зверской расправы. Один солдат, который оставался там до самого конца, рассказывал мне потом, что примерно... 20 мин. расстрела стали засыпать землей, не обращая никакого внимания на то, что большинство людей в них были еще живы. Даже когда был насыпан слой почти в полметра, земля шевелилась.

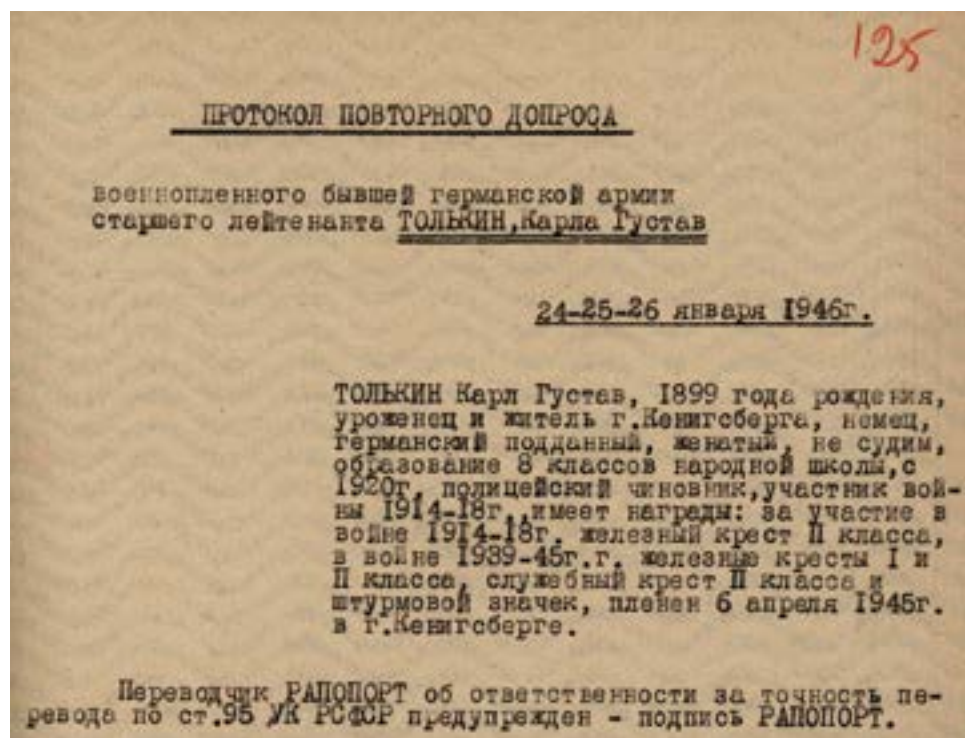
fast enough were simply thrown there. At the same time, scenes of unheard-of cruelty were occurred, mothers who begged for mercy for their children received kicks and butts, while caustic laughter and vulgar expressions were heard. For example: one woman with a baby in her arms asked to spare the child. The sergeant-major, who gave the impression of the most cruel person in these executioners, crushed the baby's skull with his butt, and pushed the woman into the ditch. Then the Lithuanians lined up at some distance from the ditches and began to shoot indiscriminately at all people in the pits. The screams of the wounded and the horrific scenes that took place simply cannot be put into words.

I was especially disgusted by the group of German officers who were present at this murder, and as spectators and made jokes about this.

The war made me cruel, but it was not in my power to see all this. I became so disgusted that I was forced to flee from the place of the brutal massacre. One soldier who remained there until the very end told me later that about... 20 minutes. they began to cover the corpses with earth, not paying any attention to the fact that most of the people in them were still alive, even when a layer of almost half a meter was poured, the earth stirred.

А вот как описывает истребление евреев в г. Слуцке бывший командир взвода гранатометной батареи старший лейтенант Карл Густав Толькин.

Description of extermination of Jews in the city of Slutsk by the former commander of a platoon of a grenade launcher squadron, Senior Lieutenant Karl Gustav Tolkin.

Российский государственный военный архив.
Ф. 451. Оп. 5. Д. 150. Л. 125
Russian State Military
Archive. F. 451. Op. 5.
D. 150. L. 125

ROTOCOL OF THE RE-INTERROGATION
of a prisoner of war of the former German army
senior Lieutenant TOLKIN, Carl Gustav

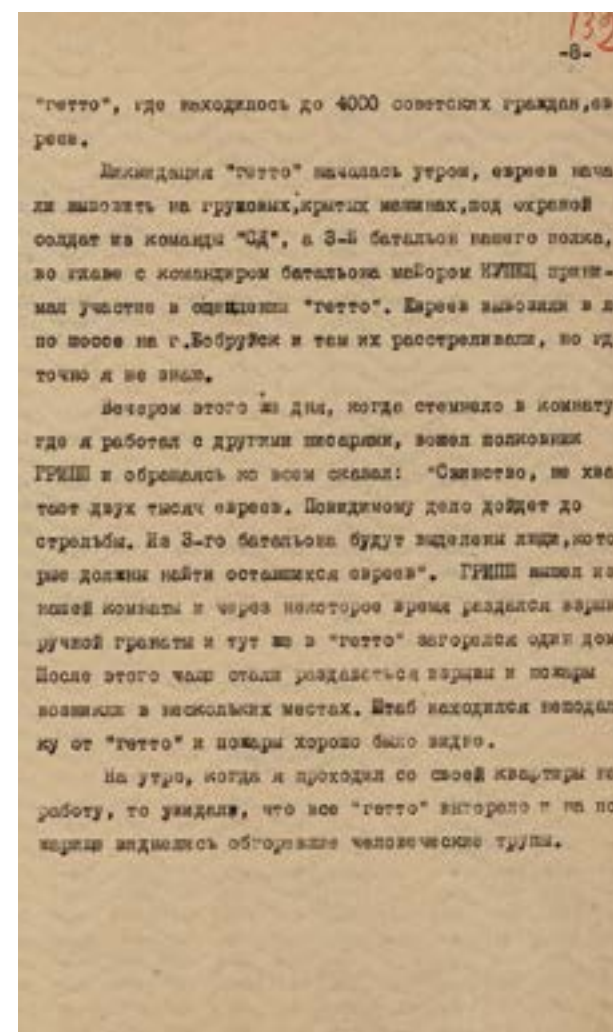
January 24-25-26, 1946.

Tolkin Karl Gustav, born in 1899, a native and resident of Königsberg, German, German subject, married, without judgment, education of the 8th grade of the public school, since 1920 Police officer, participant in the war 1914-18, has awards: for participation in the war 1914-18 iron cross 2nd class, in the war 1939-1945 iron crosses 1st and 2nd class, service cross 2 class and assault badge, captured April 6, 1945 in Königsberg.

The interpreter RAPOPORT was warned of his responsibility for the accuracy of the translation under Article 95 of the Criminal Code of the RSFSR - signed by RAPOPORT.

Российский государственный военный архив. Ф. 451. Оп. 5. Д. 150. Л. 131
Russian State Military Archive. F.451. Op. 5. D. 150. L. 131

At the end of March or at the beginning of April 1943, by order of the local authority "SD" in the city of Slutsk, the "ghetto" was liquidated,

Российский государственный военный архив.
Ф. 451. Оп. 5. Д. 150. Л. 132
Russian State Military Archive.
F. 451. Op. 5. D. 150. L. 132

where there were up to 4,000 Soviet citizens, Jews.

The liquidation of the "ghetto" began in the morning, Jews were taken out in covered trucks, guarded by soldiers from the "SD" team, and the 3rd Battalion of our regiment, led by Battalion Commander Major KUPETS, took part in the cordon of the "ghetto". The Jews were taken to the forest along the highway to Bobruisk and shot there, but I don't know exactly where.

On the evening of the same day, when it got dark, Colonel GRIPP came into the room where I was working with the other clerks and addressing everyone, said: "Swine, two thousand Jews are missing. Apparently it will come to a shooting. People from the 3rd battalion will be assigned to find the remaining Jews". GRIPP came out of our room and after a while there was an explosion of a hand grenade and immediately a house in the "ghetto" caught fire. After that, explosions began to be heard more frequently and fires broke out in several places. The headquarters was located not far from the "ghetto" and the fires were clearly visible.

In the morning, when I was walking from my apartment to work, I saw that the whole "ghetto" was burnt out and charred human corpses could be seen on the conflagration.

**Гетто (г. Витебск, ул. Энгельса, 2),
бывший клуб «Металлистов»
(Витебское гетто)**

После захвата г. Витебска для работы с населением города 22 июля 1941 года оккупанты создали коллаборационистскую административную структуру – городскую управу во главе с бургомистром В. Родько и заместителем Л.Г. Брандтом [21, с. 426–427]. Для еврейского населения функционировали отдельный орган самоуправления «юденрат» и «служба порядка».

Место изоляции евреев гитлеровцы нашли не сразу. Вначале оккупанты стали сгонять всех евреев в бывшие овощные склады [22]. Затем 25 июля 1941 года, согласно распоряжению о переселении еврейского населения, евреи были переселены на правый берег р. Западная Двина к зданию бывшего клуба «Металлистов».

В течение трех дней евреев выгнали из собственных жилищ и переселили в район, примыкающий к клубу «Металлистов». Оставленное при переселении еврейское имущество, включая недвижимое, нацисты присваивали себе и распоряжались им по своему усмотрению.

К месту гетто многие евреи переправлялись на плотках, поскольку мост через Западную Двину был разрушен. Военнослужащие вермахта намеренно переворачивали плоты и лодки с людьми. Евреи, не умеющие плавать, тонули (особенно пожилые и маленькие дети). Тех, кто пытался спастись вплавь, гитлеровцы расстреливали или добивали веслами [21, с. 440]. Во время этих событий по разным данным погибло от 300 до 2 тысяч человек.

Участок гетто был обнесен дощатым забором, колючей проволокой и круглосуточно охранялся полицией. Всего в гетто согнали около 13 тысяч евреев.

Территория гетто представляла собой каменное пожарище. Узники располагались под открытым небом на берегу реки и в развалинах строений. Те, кому не хватило места в зданиях, строили себе шалаши и конуры из кирпичей, жести и разных обломков. Обитателям гетто приходилось спать на лестничных клетках, в подвалах, на чердаках. Узников не снабжали продовольствием. Вначале евреи обменивали вещи на продукты питания через проволоку. Выходить из гетто запрещалось. Первоначально узники могли пить только речную воду. Впоследствии в гетто провели водопровод, откуда тонкой струйкой лилась вода.

**Ghetto (city of Vitebsk, Engelsa street, 2),
former club of Metallists
(Vitebsk Ghetto)**

After the capture of city of Vitebsk for work with the population of the city on July 22, 1941, the invaders created a collaborative administrative structure – the city government, headed by Mayor V. Rodko and deputy L.G.Brandt [21, p. 426–427]. For the Jewish population, a separate self-government body "Judenrat" and "order service" have been functioning.

The Nazis did not immediately find a place for the isolation of the Jews. At first, the occupiers began to round up all the Jews into the former vegetable warehouses [22]. Then, on July 25, 1941, according to the order on the resettlement of the Jewish population, the Jews were resettled on the right bank of the Western Dvina River to the building of the former Metallists club.

Within three days, the Jews were expelled from their homes and moved to the area adjacent to the Metallists club. The Jewish property left during the resettlement, including real estate, was appropriated by the Nazis and disposed of at their own discretion.

Many Jew went to the place of the ghetto on rafts, since the bridge over the Western Dvina River was destroyed. Wehrmacht soldiers intentionally turned over rafts and boats with people. Jews who could not swim, drowned (especially the elderly and small children). Those who tried to escape by swimming were shot by the Nazis or finished off with oars [21, p. 440]. During these events, according to various sources, from 300 to 2 thousand people died.

The area of the ghetto was surrounded by a wooden fence, barbed wire and guarded around the clock by the police. In total, about 13 thousand Jews were rounded up in the ghetto.

The territory of the ghetto was a stone scorched ruins. The prisoners were located in the open air on the banks of the river and in the ruins of buildings. Those who did not have enough space in the buildings built themselves huts and kennels from bricks, tin and various debris. The inhabitants of the ghetto had to sleep in stairwells, basements, and attics. The prisoners were not provided food. At first, Jews exchanged things for food through the wire. It was forbidden to leave the ghetto. Initially, prisoners could only drink river water. Subsequently, a water pipe was installed in the ghetto, from where water flowed in a thin stream.

Нацисты часто избивали узников. Мужчин выводили колоннами для разборки разрушенных зданий и обслуживания войсковых частей.

К октябрю 1941 года положение в гетто стало катастрофическим. У евреев закончились вещи для обмена на продукты, они голодали. От голода и болезней люди умирали. Трупы иногда вывозили за территорию, но чаще всего их складывали рядом с клубом в разрушенном здании. С конца июля по октябрь 1941 года погибло около 5 тысяч человек.

В октябре 1941 года Альфред Фильберт (командир айнзатцкоманды-9) издал указ о поэтапном истреблении евреев, которых группами вывозили к д. Себяхи, где в Туловском рву проводилась казнь. Расстрелы производились также и в иных местах г. Витебска. Таким образом было убито около 10 тысяч евреев.

Расстрелы производились при активном участии местной полиции, которую возглавлял П. Шосток и А.Туровский [10].

The Nazis often beat the prisoners. Men were taken out in columns to dismantle destroyed buildings and serve military units.

By October 1941, the situation in the ghetto became catastrophic. The Jews ran out of things to exchange for food, they were starving. Many people died from starvation and disease. The bodies were sometimes taken out of the territory, but most often they were piled near the club in a destroyed building. From the end of July to October 1941, about 5 thousand people died.

In October 1941, Alfred Filbert (commander of Einsatzkommando-9) issued a decree on the phased extermination of Jews, who were driven in groups to the village of Sebyakhi, where execution was carried out in the Tulovsky moat. Executions were also carried out in other places in city of Vitebsk. Therefore, about 10,000 Jews were killed.

The executions were carried out with the active participation of the local police, headed by P. Shostok and A. Turovsky [10].

*Архив Витебского областного краеведческого музея. Фото гетто в г. Витебске
Archive of the Vitebsk Regional Museum of Local History. Photo of the ghetto in the city of Vitebsk*

Фото гетто в г. Витебске. Личный архив В.Н. Борисенкова
Photo of the ghetto in the city of Vitebsk. Personal archive of V. Borisenkov

Фото гетто в г. Витебске. Личный архив В.Н. Борисенкова
Photo of the ghetto in the city of Vitebsk. Personal archive of V. Borisenkov

Фото гетто в г. Витебске. Личный архив В.Н. Борисенкова
Photo of the ghetto in the city of Vitebsk. Personal archive of V. Borisenkov

Фото гетто в г. Витебске. Личный архив В.Н. Борисенкова
Photo of the ghetto in the city of Vitebsk. Personal archive of V. Borisenkov

Фото гетто в г. Витебске. Личный архив В.Н. Борисенкова
Photo of the ghetto in the city of Vitebsk. Personal archive of V. Borisenkov

Фото гетто в г. Витебске. Личный архив В.Н. Борисенкова
Photo of the ghetto in the city of Vitebsk. Personal archive of V. Borisenkov

Гетто в Колбасино (Гродненское гетто)

Гетто в Колбасино стало местом истребления не только мирного еврейского населения Гродненщины, но и советских военнопленных.

Комендантом был назначен Ринцлер. Про него известно, что он злоупотреблял алкоголем и отличался склонностью к садизму. Один из выживших узников Гродненского гетто вспоминал Ринцлера как человека, «жаждущего убийства».

Строительство гетто осуществлялось на площади в 50 га с 25 июля до ноября 1941 года. К работам привлекли около 3 тысяч гражданского населения и почти 2 тысячи военнопленных. Территория гетто по периметру была обнесена колючей проволокой в два ряда. На ней находились караульные вышки на расстоянии 100 метров одна от другой. На каждой вышке стояли 3 вооруженных часовых.

Гетто представляло собой 96 землянок размерами 6×25 метров и высотой 3 метра. Внутри землянок были установлены двойные нары.

Узники питались отходами от продуктов. Раз в сутки им выдавался паек – два ломтика хлеба (150 грамм) и водянистый суп, в котором плавало несколько кусочков гнилой картошки. Из-за такого питания в гетто была высокая смертность от голода и болезней. Многие заканчивали жизнь самоубийством. Но на место умерших прибывали новые эшелоны военнопленных и мирного населения.

По свидетельствам Владимира Дюрбеико, жителя д. Колбасино, он лично видел, как из гетто вывозили по 60 и более трупов военнопленных и мирных граждан.

К осени 1942 года военнопленных в гетто не осталось.

С ноября 1942 года этот лагерь смерти стал функционировать как пересыльный лагерь СС, куда сгоняли еврейские семьи из близлежащих населенных пунктов. Затем в товарных составах евреев вывозили в Трешлинку, Освенцим, Майданек, Штуттгоф.

С указанного времени в нем стало сосредотачиваться гражданское население, в том числе женщины, старики и дети. Первоначально, когда смертность не была столь высокой, умерших хоронили по одному или по 5–10 человек в могилу. Когда от голода и эпидемий стали умирать по 200–300 человек в день, умерших стали хо-

Ghetto in Kolbasino (Grodno ghetto)

Ghetto in Kolbasino became the place of extermination not only of the peaceful Jewish population of the Grodno region, but also of Soviet prisoners of war.

Rinzler was appointed commandant. It is known about him, that he abused alcohol and had an inclination for sadism. One of the surviving prisoners of the Grodno ghetto remembered Rinzler as a man with "thirst for murder."

Construction was carried out at an area of 50 hectares from July 25 to November 1941. About 3 thousand civilians and almost 2 thousand prisoners of war were involved in these works. The territory of the ghetto along the perimeter was surrounded in two rows with barbed wire. There were guard towers on it at a distance of 100 meters one from another. There were 3 armed sentries on each tower.

The ghetto consisted of 96 dugouts measuring 6×25 meters and 3 meters high. Inside the dugouts double plank beds were installed.

The prisoners ate food scraps. Once a day they were given rations in the form of two slices of bread (150 grams) and watery soup, in which were several pieces of rotten potatoes. Because of this diet, the ghetto had a high death rate from starvation and disease. Many ended their lives by suicide. But new echelons of prisoners of war and civilians arrived to replace the dead.

According to Vladimir Dyrbeiko, a resident of the village of Kolbasino, he personally saw how 60 or more corpses of prisoners of war and civilians were taken out of the ghetto.

By the autumn of 1942, there were no prisoners of war left in the ghetto.

Since November 1942, this death camp began to function as an SS transit camp, where Jewish families were driven from nearby settlements. Then, in freight trains, the latter were taken to Treblinka, Auschwitz, Majdanek, and Stutthof.

From the indicated time, the civilian population began to concentrate in it, including women, the elderly and children. Initially, when the death rate was not so high, the dead were buried in one grave or 5–10 people per grave. When 200–300 people a day began to die from hunger and epidemics, the dead began to be buried in common graves measuring 33×6×5 meters each. More than 60 such burials have been found [23].

In the early days of November 1942, the Nazis drove Jews from most of the towns of the Bialys-

*Фото гетто в г. Витебске. Личный архив В.Н. Борисенкова
Photo of the ghetto in the city of Vitebsk. Personal archive of V. Borisenkov*

ронить в общих могилах размером 33×6×5 метров каждая. Таких захоронений обнаружено свыше 60 [23].

В первых числах ноября 1942 года нацисты вывезли евреев из большинства местечек Белостокского округа с целью истребления в лагерях смерти Трешлинка и Освенцим. Однако в связи с нехваткой транспорта немцы решили разместить узников в пяти транзитных лагерях, одним из которых стало Колбасино. К началу декабря 1942 года там были сконцентрированы евреи из Гродно и местечек Одельск, Озеры, Острино, Индура, Домброво, Друскининкай, Голынка, Яново, Лунно, Новый Двор, Суховоля, Сопоцкин, Сокулка, Индура, Поречье, Каменка, Кузница, Корицын, Крынки, Ротница. Таким образом, в лагере смерти находилось около 30 тысяч человек.

После прибытия узников по приказанию гестапо был образован «юденрат», в состав которого вошли узники вышеназванных местечек. Ринцлер пытался усыпить бдительность членов юденрата. Он убеждал, что зимовать в лагере будет невозможно из-за холода, для чего необходимо переехать туда, где будут созданы более комфортные условия жизни и труда. Это был план, рассчитанный на наивную веру людей в то, что они все же останутся в живых.

Порядок распределения пищи и организацию депортаций в лагерь смерти Ринцлер поручил юденрату, который он намеренно сформировал из выходцев из разных местечек. Во главе стоял еврей из Друскеник Лейб Френкель, его заместителем был Арик из Нового Двора. Остальные члены юденрата были из других местечек – Сокулки, Крынок, Домброво.

В день узники в Колбасино получали в среднем по 150 грамм хлеба и похлебку из остатков гнилой капусты. Начались эпидемии дизентерии и тифа и, как результат, смерти и самоубийства. Но, несмотря на высокую смертность, число узников не убавлялось, потому что гетто постоянно пополнялось новыми евреями из Гродно.

По распоряжению Ринцлера дважды в день проводилась проверка заключенных. Все узники обязаны были в назначенное время выходить из блоков и становиться возле стены. Здесь он заставлял свои жертвы танцевать и петь еврейские песни, при этом жестоко избивал их.

tok district with the aim of extermination in the death camps of Treblinka and Auschwitz. However, due to the lack of transport, the Germans decided to place the prisoners in five transit camps, one of which was Kolbasino. By the beginning of December 1942, Jews from Grodno and other places were concentrated there: Odelsk, Ozyory, Ostrino, Indura, Dombrovo, Druskininkai, Golyinka, Yanovo, Lunno, Novy Dvor, Sukhovo-lyya, Sopotskin, Sokulka, Indura, Porechye, Kamenska, Kuznitsa, Koritsyn, Krynki, Rotnitsa. Thus, there were about 30 thousand people in the death camp.

After the arrival of the prisoners, by the orders of the Gestapo, the «Judenrat» was formed, which included the prisoners of the above-mentioned towns. Rinzler tried to lull the vigilance of the members of the Judenrat. He convinced that it would be impossible to spend the winter in the camp because of the cold, for which it was necessary to move to a place where more comfortable living and working conditions would be created. It was a plan calculated on the naive belief of people that they would still survive.

Rinzler entrusted the distribution of food and the organization of deportations to the death camps to the Judenrat, which he deliberately formed from people from different places. Leib Frenkel, a Jew from Druskenik, was at the head, and Arik from Novy Dvor was his deputy. The remaining members of the Judenrat were from other towns – Sokulki, Krynki, Dombrovo.

On average, prisoners in Kolbasino received an average of 150 grams of bread and a stew made from the remains of rotten cabbage once a day. Epidemics of dysentery and typhoid began and, as a result, death and suicide. But, despite the high mortality rate, the number of prisoners did not decrease, because the ghetto was constantly replenished with new Jews from Grodno.

By order of Rinzler, the prisoners were checked twice a day. All prisoners were obliged to leave the blocks at the appointed time and stand near the wall. Here he forced his victims to dance and sing Jewish songs, while brutally beating them.

Anyone who violated the established order was subject to execution. So, an 18-year-old boy was late for inspection of the prisoners. The above-mentioned did not go unnoticed by Rinzler, who called the young man and, in the presence of all the Jews who were on the square, shot the young man.

Расстрелу подлежали все, кто нарушает установленный порядок. Так, 18-летний юноша опоздал на проверку узников. Это не осталось незамеченным Ринцлером, который подозвал юношу к себе и в присутствии всех находившихся на площади евреев застрелил молодого человека.

Один из еврейских узников попытался покинуть лагерь смерти, но по дороге был схвачен и возвращен обратно. Ринцлер связал ему руки и ноги, на шею затянул веревку и стал избивать его ногами. Оставив полуживого узника на 24 часа лежащим на земле, он на следующий день, когда тот не смог встать на ноги, приказал вырыть яму и бросил туда полуживого еврея. С циничным смехом он закурил сигарету и велел засыпать яму.

У вновь прибывших евреев отнимали ценные вещи, мужчин избивали гестаповцы во главе с Ринцлером и загоняли в бункера. Каждый бункер был огорожен, переход из одного в другой строго запрещен. Ринцлер ходил по территории, избивая каждого встречного нагайкой или резиновой палкой, а то и просто убивал.

Большое удовольствие Ринцлер получал от издевательств над женщинами. Как свидетельствуют оставшиеся в живых узники, комендант заставлял женщин руками собирать мусор на территории лагеря смерти, наполнять им бюстгальтеры и так относить в мусорную яму. Он бил их резиновой палкой по голове и лицу так долго, что женщин нельзя было узнать. Такие издеательства повторялись ежедневно.

Из свидетельских показаний С. Жуковского следует: «Однажды Ринцлер организовал в Колбасино попойку для своих друзей-гестаповцев. За столом прислуживала молодая красивая еврейка. Когда компания изрядно подвыпила, гости начали дразнить Ринцлера, что он влюбился в еврейку, живет с ней, а это строго воспрещалось по расовым законам. Недолго думая, Ринцлер заставил девушку полностью раздеться, велел привязать ее к креслу, а затем по его примеру каждый из гостей по очереди стрелял то в рот, то в грудь, то в живот, то в половой орган жертвы. Все это совершалось под общий хохот убийц. Замученную девушку Ринцлер велел выбросить на снег и похоронить не раньше, чем жители лагеря увидят, что он сделал с первой красавицей гетто» [24].

One of the Jewish prisoners left this death camp, but on the way, he was captured and brought back. Rinzler tied his hands and feet, tied a rope around his neck and started kicking him. Leaving the half-dead prisoner lying on the ground for 24 hours, the next day, when the prisoner could not stand up, he ordered a pit to be dug and threw the half-dead Jew into it. Cynically laughing, he lit a cigarette and ordered the pit to be filled up.

Valuables were taken away from the newly arrived Jews, the men were beaten by the Gestapo led by Rinzler and driven into bunkers. Each bunker was fenced, the transition from one to another is strictly prohibited. Rinzler walked around the territory, beating everyone he met with a whip or a rubber stick, or even killing a person.

Rinzler took great pleasure in bullying women. As the surviving prisoners testify, the commandant forced the women to collect garbage on the territory of the death camp with their hands, fill their bras with it and carry it to the garbage pit; beat them on the head and face with rubber sticks for so long that the women could not be recognized. Such bullying was repeated daily.

From the testimony of S. Zhukovsky it follows: "Once Rinzler organized a drinking party in Kolbasino for his Gestapo friends. A beautiful young Jewish woman served at the table. When the company got pretty tipsy, the guests began to tease Rinzler that he had fallen in love with a Jewish woman, was living with her, and this was strictly forbidden by racial laws. Without thinking twice, Rinzler forced the girl to completely undress, ordered her to be tied to a chair, and then, following his example, each of the guests in turn shot either in the mouth, or in the chest, or in the stomach, or in the victim's genitals. All this was done under the general laughter of the killers. Rinzler ordered the tortured girl to be thrown into the snow and buried no sooner than the camp residents would see what he had done to the first beauty of the ghetto" [24].

From the memoirs of Khasi Belitskaya: "The most beautiful Jewish girls were selected in the camp and brought to the parties of German officers. They were forced to wear evening dresses and dance in front of everyone with one of the men. Suddenly, Rinzler approached the dancers with a pistol and shot one of the girls in the head. Such killings were constant" [24].

In mid-December 1942, Kolbasino prisoners were sent to death camps. At night, in severe frost, the Nazis drove the Jews on foot to the Lososno rail-

Из воспоминаний Хаси Белицкой: «В лагере отбирали самых красивых еврейских девушек и приводили их на вечеринки немецких офицеров. Их заставляли надевать вечерние платья и танцевать перед всеми с одним из мужчин. Неожиданно к танцующим подходил Ринцлер с пистолетом и стрелял одной из девушек в голову. Такие убийства были постоянными» [24].

В середине декабря 1942 года заключенных Колбасино стали направлять в лагерь смерти. Ночью в сильный мороз гитлеровцы пешком гнали евреев на железнодорожную станцию Лососно. При этом Ринцлер заставлял их петь еврейские песни. Старых и больных, всех, кто отставал, расстреливали. На станции заключенных запикивали в битком набитые товарные вагоны. В Треблинку транспорт прибывал на следующий день, в Освенцим – через 2-3 дня, а там жертв сразу же отправляли в газовые камеры и крематорий.

Последний транспорт с узниками для истребления численностью 2500 человек был отправлен в Треблинку 14 февраля 1943 года в 3 часа утра. В пути многие узники, пытаясь спастись, прыгали из состава, но большинство из них было расстреляно гестаповцами или раздавлено колесами поезда.

Сохранились воспоминания двух уцелевших узников, которые рассказали, как все происходило после прибытия составов в Треблинку. «Перед входом в газовые камеры нацисты приказали всем раздеться. Однако гродненские евреи отказались выполнять данное требование. Многие из них бросились на убийц с ножами, и только после того, как немцы пустили в ход автоматы и гранаты, узники были усмирены, но никто не разделся. Оставшиеся в живых пошли в газовые камеры в своей одежде. Это был единственный случай подобного рода в Треблинке».

В течение недели лагерь смерти почти опустел. Из 30 тысяч узников осталось только 3 тысячи. Из 5 тысяч гродненцев, находившихся в лагере смерти, осталось только около 600 человек [24].

Об обстоятельствах зверств, совершенных в отношении узников гетто, сообщил на допросе свидетель Лейб Нотович Рейзер.

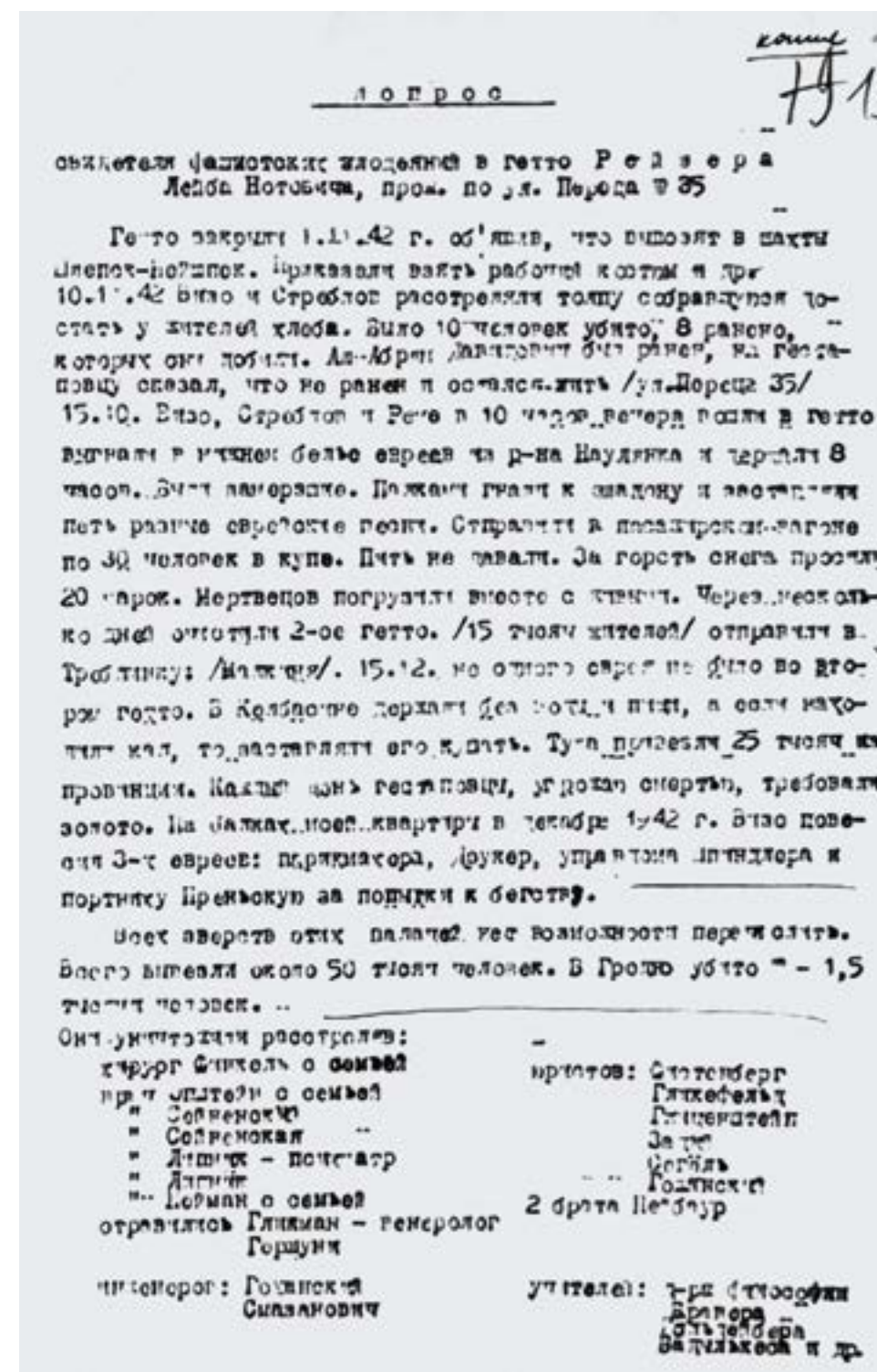
way station. At the same time, Rinzler forced them to sing Jewish songs. The old and the sick, everyone who lagged behind, were shot. At the station, prisoners were crowded in full up freight cars. Transport arrived at Treblinka the next day, at Auschwitz after 2–3 days, and there the victims were immediately sent to the gas chambers and crematorium.

The last transport of 2,500 prisoners for extermination was sent to Treblinka on February 14, 1943 at 3 o'clock in the morning. On the way, many prisoners, trying to escape, jumped from the train, but most of them were shot by the Gestapo or crushed by the wheels of the train.

The memoirs of two surviving prisoners have been preserved, who told how everything happened after the trains arrived at Treblinka. "Before entering the gas chambers, the Nazis ordered everyone to undress. However, the Grodno Jews refused to comply with this requirement. Many of them rushed at the murderers with knives, and only after the Germans used machine guns and grenades, the prisoners were pacified, but no one undressed. The survivors went to the gas chambers in their clothes. It was the only case of its kind in Treblinka".

Within a week, the death camp was nearly empty. From the 30,000 prisoners, only 3,000 remained. From 5,000 Grodno residents who were in the death camp, only about 600 people remained [24].

The circumstances of the atrocities, committed against the prisoners of the ghetto, were reported during interrogation by the witness Leib Reiser.

Протокол допроса свидетеля Л.Н. Рейзера.
Государственный архив Гродненской области.
Ф. 1029. Оп. 1. Д. 60. Л. 19
Protocol of the interrogation of the witness L. Reizer.
State archive of the Grodno region.
F. 1029. Op. 1. D. 60. L. 19

INTERROGATION

Reizer Leib Notobich, a witness of fascist atrocities in the ghetto, living at 35 Peretz Street

The ghetto was buried on November 1, 1942, announcing that they would be taken to the Schleppek-Nieszpek mines. They were ordered to take a work suit, etc. On November 10, 1942, Wizo and Streblov shot the crowd that had gathered to get bread from the inhabitants. 10 men were killed, 8 wounded, whom they finished off. Ash-Abram Davidovich was wounded, but he told the Gestapo officer that he was not wounded and stayed alive (35 Peretz Street).

On October 15, Wizo, Streblov and Reme went to the ghetto at 10 p.m., drove the Jews out of the Naulanka area in their underwear and kept them for 8 hours. Were frozen. They drove them to the train with sticks and forced them to sing various Jewish songs. They put 30 people in each compartment in the passenger car. They wouldn't give us anything to drink. They asked for 20 marks for a handful of snow. The dead were loaded together with the living. A few days later the 2nd ghetto was cleared. (15,000 inhabitants) were sent to Treblinka: (Malkinia). On December 15 not a single Jew was in the 2nd ghetto. In Kelbaschna, they were kept without water and food, and if they found feces they were forced to eat it. 25 thousand were brought there from the province. Every day the Gestapo officers demanded gold, threatening death. On the beams of my flat in December 1942 Wizo hanged 3 Jews: a hairdresser, Drucker, the house manager Spindler and a dressmaker Prenska for escape attempts.

It is impossible to list all the atrocities of these executioners. In total, about 50 thousand people were taken out. 1.5 thousand people were killed in Grodno.

They destroyed by shooting:

surgeon Finkel with his family

doctor Epstein with the family

Seinensky

Seinenskaya

Lipnik – psychiatrist

Lipnik

Neumann with family

Poisoned Glikman - venereologist

Gershuni

Engineers: Gokhansky, Smazanovich

Teachers: Doctor of Philosophy Bravera

lawyers: Fistenberg

Glickefeld

Glitzenshtein

(illegible)

Segel

Gozhansky

2 brothers Neibaur

Goldeiber

Badylkes and others

ТЮРЬМЫ

на оккупированной территории БССР

В системе нацистского террора тюрьмы являлись «центрами» чудовищных пыток, истязаний и убийств. Они стали «поставщиками» узников: из тюрем заключенных доставляли в лагеря уничтожения и трудовые лагеря. Указом рейхсминистра восточных оккупированных областей А. Розенберга от 23 августа 1941 года были введены чрезвычайные карательные меры в отношении гражданского населения оккупированных советских территорий. Указ устанавливал две меры наказания виновных, «осуществивших акт насилия против немецкой империи или против органов власти», – смертную казнь, а в менее тяжелых случаях – заключение в каторжную тюрьму [10].

PRISONS

on the occupied territory of the BSSR

In the system of Nazi terror, prisons were "centers" of atrocious tortures, torments and murders. They became "suppliers" of prisoners: prisoners were taken from prisons to extermination camps and labor camps. By decree of the Reich Minister of the Eastern Occupied Regions A. Rosenberg from August 23, 1941, extreme punitive measures were introduced against the civilian population of the occupied Soviet territories. The decree established two measures of punishment for the perpetrators who "carried out an act of violence against the German Empire or against the authorities" – the death penalty, and in less severe cases – imprisonment in prison for persons sentenced to penal servitude [10].

На оккупированной территории БССР местными и полевыми комендатурами, полицией безопасности и СД, тайной полевой полицией, военной разведкой и контрразведкой «абвер» была создана широкая сеть тюрем. В минской тюрьме постоянно находилось до 3 тысяч человек, из которых 40–50 заключенных ежедневно умирали от пыток, голода и болезней. В тюрьму помещали подозреваемых как коммунистов, партизан и подпольщиков, их агентов – всех тех, кто оказывал сопротивление или выступал против немецких органов власти.

Тюрьмы и «камеры предварительного заключения» были созданы во всех городах и населенных пунктах, где находились немецкие гарнизоны. Во время допросов люди подвергались жестоким пыткам и истязаниям. Рабочие команды из заключенных тюрем использовались на тяжелых работах. Систематически осуществлялись массовые расстрелы заключенных, которые нередко проводились прямо во дворе тюрьмы или в местах истребления за пределами города. Убийство узников тюрем Минска и других городов БССР осуществлялось в лагере смерти «Тростенец». Особенно массовые расстрелы заключенных тюрем производились при отступлении немецких войск [3].

Следственная тюрьма в г. Гомеле

После захвата г. Гомеля в августе 1941 года командование немецко-фашистских оккупационных войск создало областную следственную тюрьму.

В тюрьме располагалось 4 корпуса. Свои названия они получили вследствие того, что в них содержались заключенные, числящиеся за определенным карательным органом. В корпусе «ГМ» насчитывалось 9 камер, в корпусах «СД», жандармерии, «русской полиции» – по 8 камер в каждом. В тюрьму советские граждане попадали сразу же либо после содержания в местах предварительного заключения в «СД», «ГФП», «ГМ», полевой жандармерии, шуцполиции и гражданской полиции, а также из еврейских гетто, из концлагерей «СД» и лагерей военнопленных [25, с. 144].

Содержащиеся в тюрьме подвергались ужасным пыткам со стороны карателей. Во время так называемого «следствия» над людьми издевались, пытали до потери сознания, особенно,

In the occupied territory of the BSSR, local and field commandant's offices, the security police and the Security Service, the secret field police, military intelligence and counterintelligence "Abwehr" established a wide network of prisons. Up to 3 thousand people were constantly kept in the Minsk prison, of which 40–50 prisoners died daily from torture, hunger and disease. Suspects were placed in prison as communists, partisans and underground fighters, their agents – all those who resisted or opposed the German authorities.

Prisons and "pre-trial detention cells" were created in all cities and towns where German garrisons were located. During interrogations, people were subjected to severe torture and torment. Work teams from prison inmates were used for hard work. Mass executions of prisoners were systematically carried out, which were often carried out right in the courtyard of the prison, or in places of extermination outside the city. The murder of prisoners in the prisons of Minsk and other cities of the BSSR was carried out in the Trostenets death camp. Especially mass executions of prisoners were carried out during the retreat of the German troops [3].

Pre-trial detention in city of Gomel

After the capture of the city of Gomel in August 1941, the command of the Nazi occupation troops created a regional pre-trial detention.

There were 4 blocks in the prison. They were named due to the fact that they contained prisoners who were registered with a certain punitive body. There were 9 cells, in the "Security Service" blocks, gendarmerie, and Russian police corps – 8 cells in each. Soviet citizens went to prison immediately or after being held in places of pre-trial detention in the "Security Service", GFP, GM, Field Gendarmerie, Schutzpolizei and civilian police, as well as from Jewish ghettos, from Security Service concentration camps and prisoner of war camps [25, p. 144].

Those held in prison were subjected to gruesome torture by the punishers. During the so-called "investigation", people were tormented, tortured until they lost consciousness, especially if they did not give the "necessary" testimony to the punishers. After torture, the prisoners were placed in a punishment cell.

In prison, the inmates were subject to starvation. The daily food was half a liter or a liter of "gruel" with a tablespoon of off-corn and acorns, which were fed

если те не давали «нужных» карателям показаний. После пыток заключенные помещались в карцер.

В тюрьме заключенных морили голодом. Дневное питание составляло пол-литра или литр баланды со столовой ложкой отрубей и желудей, которыми кормили скот, а также 200 грамм хлеба из отрубей и гречневой шелухи. Суп-баланду заключенным подавали не в тарелках, а в банных тазах, которые никогда не мыли. Вследствие таких невыносимых условий многие заключенные умирали как от голода, так и от болезней.

Узники тюрьмы содержались в условиях антисанитарии. Камеры были настолько переполнены, что содержащиеся в них не имели возможности лежать, спали сидя или стоя. Заключенных не мыли, в камерах было грязно, по полу ползали вши, из-за чего распространялись тиф и дизентерия. Медицинская помощь узникам не оказывалась.

Всего через заключение в тюрьме прошли десятки тысяч советских граждан, большая часть из которых погибла, не выдержав пыток и избиений, многие были повешены и расстреляны.

Из тюрьмы людей вывозили на грузовых автомобилях в места истребления: на 9-й километр Черниговского шоссе, за Ново-Белицей, и 3-4-й километр Речицкого шоссе, в небольшом лесу возле д. Давыдовка Гомельского района, на расстоянии примерно 250-300 метров от правой стороны дороги. Захоронение располагалось на небольшой глубине, из-за чего в летнее время 1943 года в этой местности стоял сильный трупный запах.

Место захоронения на 9-м километре Черниговского шоссе оставалось неизвестным до возбуждения Генеральной прокуратурой уголовного дела о геноциде. В ходе расследования уголовного дела благодаря кропотливой работе следственной группы по анализу собранных материалов, допросов свидетелей было установлено место массового захоронения на территории Ченковского лесничества, из которого уже извлечены останки не менее 600 человек.

Перед отступлением немцев под ударами Красной Армии фашисты вымещали свое бессилие и ненависть на беззащитных советских гражданах, содержащихся в тюрьме. Заключенные знали о наступлении Красной Армии, а также о планах нацистов по массовому истреблению узников тюрьмы. В камерах незадолго

to livestock, as well as 200 grams of bread from off-corn and buckwheat husk. Soup-gruel was served to the prisoners not in plates, but in bath bowls that were never washed. As a result of such unbearable conditions, many prisoners died from both hunger and disease.

Prisoners of the prison were kept in unsanitary conditions. The cells were so overcrowded that the detainees could not lie down, slept and were detained sitting or standing. The prisoners haven't been washed, the cells were dirty, lice crawled on the floor, which spread typhus and dysentery. Medical care was not provided to the prisoners.

In total, tens of thousands of Soviet citizens went through imprisonment in prison, most of whom perished, unable to withstand torture and beatings, many were hanged and shot.

People were driven from the prison in trucks to the places of extermination: 9 km of Chernigov highway, after Novo-Belitsa, and 3-4 km of Rechitsa highway, in a small forest near the village of Davydovka of Gomel district, at a distance of about 250-300 meters from the right side of the road. The burial was located at a shallow depth, due to that fact in the summer of 1943 there was a strong smell of rotting flesh in this area.

Burial place at 9 km of Chernigov highway remained unknown until the Prosecutor General's Office initiated a criminal case on genocide. During the investigation of the criminal case, due to the meticulous work of the investigative team to analyze the collected materials and interrogate witnesses, a mass grave site was established on the territory of the Chenkovskoye forestry, from which the remains of at least 600 people have already been excavated.

Before the retreat of the Germans under the gun of the Red Army, the Nazis unleashed their powerlessness and hatred on the defenseless Soviet citizens held in prison. The prisoners knew about the offensive of the Red Army, as well as about the plans of the Nazis for the mass extermination of inmates of the prison. In the cells shortly before the massacres, the doomed people went crazy, screamed, tore their hair. From September 23, 1943, the mass extermination of prisoners began, reached a climax two weeks before the German retreat, with several hundred prisoners shot directly in the prison yard in two large pits: in cesspit and a pit near the fence and wall.

A. Lazbekin, who was interrogated as an accused, reported on the mass extermination of civilians in the Gomel prison. In his words, the prisoners, a few

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period

Для того, чтобы добиться от арестованных "правдивых показаний", гестаповцы не гнушались никакими методами: избиения, фальсификация обвинения, заключение на несколько суток в карцер. Избиение при допросах - это не исключение, а узаконенная система. Был такой случай, когда одного заключенного так сильно избили, что в течение месяца его пришлось держать в карцере только потому, что в теплом помещении у него начинало загнивать тело и в ранах появлялись черви.

Из акта ЧГК. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 60. Л. 206 об
From the act of Extraordinary State Commission. National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 60. L. 206 ob

In order to get "truthful testimony" from the arrested, the Gestapo did not disdain any methods: beatings, falsification of charges, imprisonment for several days in a punishment cell.

Beating during interrogations is not an exception, but a legalized system. There was such a case, when one prisoner was beaten so badly, that he had to be kept in a punishment cell for a month imply, because his body began to rot and worms appeared in his wounds in the warm room.

... "Немецкие следователи, работавшие в Гестапо, скорее напоминали мясников на бойне... Помню однажды меня вели на допрос. И когда я шла по коридору, то из следственной комнаты вышел следователь Отто. Он был в одном джемпере, рукава были по локоть засучены и обе руки у него были в крови. С окровавленными руками я видела и другого следователя по фамилии КАСТ. Заключенных избивали не только на допросах, но и в камерах. Избивали за малейшее нарушение "порядка" в камере"...

Из акта ЧГК. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 60. Л. 13
From the act of Extraordinary State Commission. National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 60. L. 13

... "The German investigators who worked in the Gestapo were more like butchers in a slaughterhouse... Remember one day they took me for interrogation. As I was walking down the corridor, the investigator Otto came out of the investigation room. He was wearing only a jumper, the sleeves were rolled up to the elbow, and both of his hands were covered in blood. I also saw another investigator, named KAST, with bloody hands. Prisoners were beaten not only during interrogations but also in their cells. They were beaten for the slightest violation of "order" in the cell"...

до массовых убийств обреченные люди сходили с ума, кричали, рвали на себе волосы. Начиная с 23 сентября 1943 года началось массовое уничтожение заключенных, достигшее своего пика за две недели до отступления немцев, причем несколько сотен узников расстреляли непосредственно во дворе тюрьмы в двух больших ямах: в помойной яме и яме около забора и стены.

О массовых истреблениях мирных граждан в гомельской тюрьме сообщил допрошенный в качестве обвиняемого А.И. Лазбекин. С его слов, заключенные за несколько дней до наступления Красной Армии понимали, что будут уничтожены нацистскими карателями. Из камер доносились крики людей, а некоторые узники вовсе лишились рассудка.

days before the advance of the Red Army, understood that they would be killed by Nazi punishers. From the cells the screams of people were heard, and some prisoners were completely driven mad.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Обвиняемого ЛАЗБЕКИНА Александра Ивановича.

От 10 января 1944 года.

Допрос начал в 0 ч. 15 мин.
Допрос окончен в 16 ч. 40 мин.
С перерывом от 6 до 9 часов.

ВОПРОС: Когда из гор. Гомеля эвакуировались работники Гомельской тюрьмы и немецких карательных органов?

ОТВЕТ: Работники немецких карательных органов "Сд", "ГМ", "ГП" и др., а вместе с ними и работники Гомельской тюрьмы эвакуировались из гор. Гомеля примерно 27 сентября 1943 года, т.е. в то время, когда части Красной Армии были уже под Ново-Велицей.

ВОПРОС: Когда перестала работать тюрьма и до какого времени Вы с ней находились?

ОТВЕТ: Я лично находился в тюрьме до 9 часов утра 26 сентября 1943 года. К 9 часам утра я сменился с дежурства и ушел домой. После этого я в тюрьму больше не приходил. На дежурство заступила смена во главе с начальником караула - ЛИТОВЧЕНКО. Лично я - ЛАЗБЕКИН совместно с надзирателем КАВЫНА дежурство по корпусу "Сд" сдали надзирателям КРАСНОДАРЦЕВУ и ЖАРЯКОВУ. Со слов надзирателя КАВЫНА мне известно, что к его приходу в тюрьму утром 27 сентября для заступления на дежурство, заключенных в тюрьме уже не было и часть работников тюрьмы грузила на подводы оставшееся имущество и продукты, готовясь к отъезду. Следовательно 26 сентября 1943 года было последним днем существования Гомельской тюрьмы.

ВОПРОС: Какое количество заключенных оставалось в тюрьме при сдаче Вами дежурства?

ОТВЕТ: К моменту сдачи дежурства по корпусу "Сд" - утром 27 сентября, заключенных в тюрьме оставалось не много. В корпусе "Сд" оставалось примерно человек 125, в корпусе русской полиции, примерно человек 60, в корпусе "ГМ" также были заключенные, но какое количество и сказать затрудняюсь. В корпусе жандармерии заключенных уже не было.

ВОПРОС: Расскажите подробно об истреблении советских граждан, содержащихся в тюрьме, в течение 3-4 дней до эвакуации карательных органов.

ОТВЕТ: Как я уже показывал на предыдущих допросах, массовое истребление заключенных советских граждан, карательные органы производили примерно в течение последних 2-3 недель до эвакуации из гор. Гомеля. Особенно последние 2-3 дня до эвакуации, работники карательных

органов спецслужб с расправой над арестованными, т.к. части Красной Армии находились в 6-7 км. от г. Гомеля и уже обстреливали окраины города.

Утром 25 сентября, после того, как я принял дежурство в корпусе "СД" в тюрьму пришло три грузовых автомашины, в которые было погружено человек 80 заключенных и увезено на расстрел.

Из корпуса "СД" было взято человек 55, а из корпуса "ГМ" человек 25.

Я лично совместно с надзирателем КАРЫШ пригнали участие в погрузке 55 заключенных в машины. Нам буквально приходилось выталкивать из камер заключенных обреченных на смерть и вталкивать их в кузовы машин.

Заключенные, предназначенные для расстрела при погрузке в автомашины с отчаянием сопротивлялись, т.к. знали о своей судьбе.

Сопротивлявшихся заключенных избивали прикладами и силой вталкивали в машины.

Последние дни в камерах, несомненно ужасные крики заключенных, ибо все уже знали о приближении Красной Армии и в связи с этим о массовом истреблении карателями арестованных ими советских граждан.

Некоторые заключенные, предчувствуя смерть становились сумасшедши, бились о стены, сбрасывали на сокамерников, рвали на себе волосы и одежду.

В те дни одному в камеру заходить было опасно, заключенные при входе в камеру работника тюрьмы в пресья набрасывались на него.

На расстрел этих 80 человек заключенных уходил работник "СД" - МАКС, ВИЛЛИ, АЛЬФРЕХТ, КУМАН, ЦИСМАН, ШИГЕР и пом. пефа "СД" фамилия которого не знаю, по национальности немец.

Из работников тюрьмы уходили пом. Начальника караула - СМЕРНОВ, надзиратели - Краснодарцев, Дамук и Мороз.

Примерно часа в 2 дня в тюрьму приехала еще одна грузовая автомашина, принадлежавшая "Гай" на которую было погружено 15 заключенных из корпуса "СД", а остальные человек 25 были погружены из корпусов "ГМ" и "ГМ". С этой машиной приехали только работники "Гай", фамилия которых я не знаю, они же и уехали с этой машиной, из работников тюрьмы никто не уехал на этот раз.

Таким образом в течение 25 сентября было расстреляно минимум 120 человек арестованных советских граждан. В этом числе расстрелянных были только мужчины, из них несколько драхмы стариков.

Больше по существу этого вопроса я сказать ничего не могу.

ВОПРОС:

Вы рассказывали не все по вопросу истребления арестованных Советских граждан. Следствие известно, что в течение последних дней расстрела оставшихся заключенных производилось непосредственно в расположенной тюрьме. Почему Вы эти моменты скрываете?

ОТВЕТ:

Да, я упустил из виду случай расстрела заключенных во дворе тюрьмы.

25 сентября, после того, как из тюрьмы уехали 3 машины с заключенными, о чем я показывал выше, я увидел, что в Юго-Восточном углу двора тюрьмы, рядом с корпусом "ГМ" два заключенных рвут яму.

INTERROGATION PROTOCOL

Defendant Lazbekin Alexander Ivanovich

From January 10, 1944

Interrogation Started at 0:15.

Interrogation ended at 4:40 p.m.

With a break from 6 to 9 hours.

QUESTION: When were the employees of the Gomel prison and the German punitive forces evacuated from Gomel?

ANSWER: Employees of the German punitive forces "SD", "GM", "GPF" and others, and together with them employees of the Gomel prison were evacuated from Gomel around 27 September 1943, i.e. at the time when the Red Army units were already near Novobelitsa.

QUESTION: When did the prison stop working and how long were you in it?

ANSWER: I was personally in prison until 9 a.m. on September 26, 1943. By 9 a.m. I was off duty and went home. After that I did not come back to the prison. The shift led by the head of the guard, LITOVCHENKO, took up duty. I personally, LAZBEKIN, together with warden KABYSH, handed over the duty in the "SD" building to wardens KRASNODARTSEV and ZHARIKOV. From the words of warden KABYSH, I know that by the time he arrived at the prison on the morning of September 27 to take up duty, there were no more prisoners in the prison and part of the prison staff was loading the remaining property and food onto carts in preparation for their departure. Consequently, September 26, 1943 was the last day of the existence of the Gomel prison.

QUESTION: How many prisoners remained in prison when you handed over your duty?

ANSWER: By the time of the surrender of duty in the "SD" corps - on the morning of September 27, there were not many prisoners left in the prison. About 125 people remained in the "SD" corps, about 60 people in the Russian police corps, there were also prisoners in the "GM" corps, but I find it difficult to say how many. There were no more prisoners in the Gendarmerie Corps.

QUESTION: Tell us in detail about the extermination of Soviet citizens held in prison within 3-4 days before the evacuation of the punitive forces.

ANSWER: As I have already shown in previous interrogations, the mass extermination of imprisoned Soviet citizens was carried out by the punitive authorities approximately during the last 2 weeks before the evacuation from Gomel.

Especially in the last 2-3 days before the evacuation, employees of the punitive organs were in a hurry to massacre the arrested, because the Red Army units were 6-7 km from Gomel and were already shelling the outskirts of the city.

On the morning of September 25, after I had taken duty in the "SD" corps, three trucks arrived at the prison, into which 80 prisoners were loaded and taken away to be shot.

55 people were taken from the "SD" corps, and 25 people from the "GM" corps.

I personally took part in the loading of 55 prisoners into cars together with warden KABYSH. We literally had to push prisoners doomed to death out of their cells and into the back of the cars.

The prisoners destined to be shot when loaded into the vehicles desperately resisted, as they knew their fate.

Prisoners who resisted were beaten with rifle butts and forced into cars.

For the last few days the terrible cries of the prisoners did not cease, for everyone already knew about the approach of the Red Army and, in connection with this, about the mass extermination of arrested or Soviet citizens by punishers.

Some prisoners, anticipating death, became mad, slamming into walls, rushed at their cellmates, tore their hair and clothes.

In those days it was dangerous to enter the cell alone, the prisoners, upon entering the cell of a prison worker, furiously attacked him.

The SD workers – MAX, WILLI, ALBRECHT, SCHUMAN, ZISMAN, SCHMIGER and the deputy chief of SD, whose surname I do not know, who is German by nationality, left for the execution of those 80 prisoners.

Of the prison staff, the Assistant Chief of Guard – SMIRNOV, the wardens – Krasnodartsev, Dashuk and Moroz were out.

At about 2 p.m., another truck belonging to the "GFN" arrived at the prison, on which 15 prisoners from the "SD" corps were loaded, and the remaining 25 people were loaded from the "GM" and "GFP" corps. Only an employee of the "GFP" came with this car, whose names I do not know, and they left with this car. None of the prison staff left this time.

Thus, during September 25, at least 120 arrested Soviet citizens were shot. In this number of those shot there were only men, among them several decrepit old men.

There is nothing more I can say on the subject matter.

QUESTION: You have not told everything about the extermination of arrested Soviet citizens. The investigation is aware that in recent days the executions of the remaining prisoners were carried out directly at the location of the prison. Why do you hide these moments?

ANSWER: Yes, I had overlooked that incident of the shooting of prisoners in the prison yard.

On September 25, after 3 cars with prisoners had left the prison, as I showed above, I saw that in the Southeast corner of the prison yard, with the "GM" corp, two prisoners were digging a hole.

Тюрьма на территории г. Борисова

С первых дней оккупации г. Борисова немецко-фашистские захватчики организовали место массового содержания и истребления людей – тюрьму.

Здесь находились заключенные из числа гражданского населения всех возрастов, а также военнопленные.

Заключенные в тюрьме содержались в условиях антисанитарии и тесноты. Камеры были переполнены.

Кормили узников тюрьмы в основном питьем: 1,5 литра воды или супа-баланды. Изредка давали по 100–150 грамм хлеба.

Пытки в тюрьме происходили круглосуточно. Заключенным предъявляли обвинения за связь с партизанами, организацию антифашистского сопротивления, коммунистическую деятельность. Тех, кто не признавался во вменяемых деяниях, избивали до потери сознания. По свидетельствам лиц, содержавшихся в тюрьме, после пыток на телах потерпевших не оставалось живого места [26].

Согласно акту ЧГК от 13 сентября 1944 года, в период с июня 1941 по 1944 год каждый день из данной тюрьмы вывозились на артополигон в районе бывшего военного городка Лядище и расстреливались советские граждане.

Prison on the territory of the city of Borisov

From the first days of occupation of the city of Borisov, the Nazi invaders organized a place of mass detention and extermination of people – prison.

The prison detained civilian prisoners of all ages, as well as prisoners of war.

The inmates in the prison were kept in insanitary conditions and overcrowding. The cells were overcrowded.

Inmates were fed of the prison mainly with a drink: 1.5 liters of water or soup-gruel. Occasionally inmates were given 100–150 grams of bread.

Torture in the prison took place around the clock. The prisoners were charged with connection with the partisans, organizing anti-fascist resistance, and communist activities. Those who did not confess to the imputed acts were beaten until they lost consciousness. According to the testimony of persons held in prison, after torture, victims have been beaten all over their bodies [26].

According to the Extraordinary State Commission act from September 13, 1944, in the period from June 1941 to 1944, every day Soviet citizens were taken from this prison to the artillery range in the area of the former military town of Lyadishche and shot by Soviet citizens.

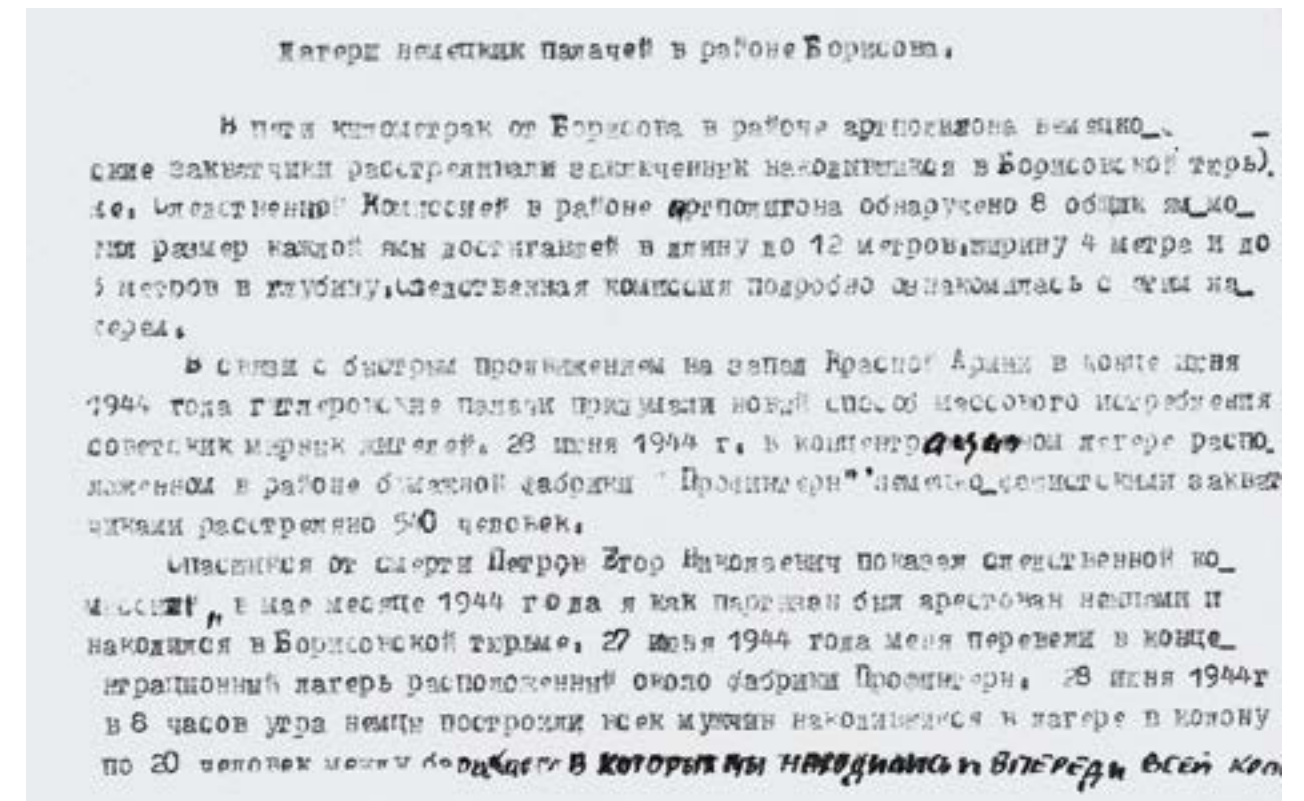
In total, more than 4.6 thousand people were exterminated, using these methods. After the liber-

ation of the BSSR from occupation, the committee of investigation discovered 8 common grave-pits in the area of the artillery range. The size of each pit had a length of 12 meters, 4 meters wide and up to 3 meters deep [27].

From the testimony of witness D. Miruk, given during the trial of the atrocities committed by Nazi criminals in the Byelorussian SSR, it follows that in 1943 he went to prison, where he spent 12 days and saw the bullying committed by the Germans and their accomplices against prisoners [27].

From the testimony of the victim Ch., it follows that in 1942 she and her father were sent to the prison in Borisov, which was located on the Gogol street. At the same time, there were about 40 people in one cell. Inmates in prison were involved in forced labor, boiled nettles for food. According to the recollections of the victim, one of the prisoners was beaten, because of which he screamed very loudly. Her father also saw these abuses [10].

Interrogated as a victim, M. testified that she had been in prison for about a month, while the prisoners were given cabbage in a tin can with worms in inside [10].

ны поставили 4 ручных пулемета, а позади колонны выстроились немецкие солдаты и офицеры с автоматами и одновременно открыли огонь с автоматов и пулеметов по колонне. После первых же выстрелов все упали на землю, многие притворились убитыми, после некоторой паузы мне удалось отползти к убежищу от немецких фашистских извергов?

При осмотре сарая в районе концентрационного лагеря Профинтерн следственной комиссией обнаружено огромное количество пепла костей, а также частично сохранившиеся трупы. Большинство из них были обгоревшие, кроме того следственной комиссией обнаружены на трупах огнестрельные ранения в области головы и шеи.

В концентрационном лагере названном немцами "Зеленый Лагерь"

в районе бывшего городка Желдорбата комиссией обнаружено 145 могил. В этих могилах обнаружено 812 военно служащих человек, потыбики от головы, эпидемии сыпного и брюшного тифа а также расстрелянных немецко фашистскими захватчиками.

Гитлеровские убийцы пытались скрыть следы своих преступлений. Следственной комиссией в районе массового убийства немецко фашистскими захватчиками еврейского населения обнаружено целый ряд материалов подтверждающих что гитлеровские убийцы пытались скрыть следы своих преступлений. В октябре месяце 1943 года немецко фашистские захватчики приступили к раскопке ям могил, извлекли из них трупы расстрелянных и стали их сжигать. Трупы жгли в ночное время, сжигание производилось 4-5 ночей, от места сжигания был виден огонь и слышен запах от горящих трупов, запах был слышен вблизи, заставил спать и по им проезжали машины с целью скрыть совершающееся злодеяние.

В районе Армпологона обнаружены 8 обгоревших могил почти не засыпанных песком и человеческие кости были видны на верку.

Следственной комиссией в Борисовском лагере военного городка по Пр. Революции обнаружено 315 ям могил. Чтобы скрыть следы своих преступлений немецко фашистские захватчики зарыли могилы и сверху устлали кирпичами.

Массовые могилы замученных немцами советских людей обнаружены возле реки Березины в районе Гаранского Переезда и во многих других местах. Исключительная Городская комиссия установила, что немецко фашистские мерзавцы истребили мирных жителей и советских военных пленников голодом, непосильным трудом и массовыми расстрелами.

Следствием установлено, что в Борисове и его окрестностях гитлеровцы истребили всего 22874 советских граждан.

Camps of German executioners in the district of Borisov

Five kilometers from Borisov, in the area of the artillery range, the Nazi invaders shot the prisoners who were in the Borisov prison. The Investigative Commission in the area of the artillery range found 8 common pits-graves, the size of each pit with a length of up to 12 meters, a width of 4 meters and up to 3 meters in depth. The Investigative Commission got familiarized with this camp in detail.

In connection with the rapid advance to the west of the Red Army at the end of June 1944, the Nazi executioners came up with a new method for the mass extermination of Soviet civilians. On June 28, 1944, in a concentration camp located in the area of the Profintern paper mill, German fascist invaders shot 540 people.

Petrov Egor Nikolaevich, who was saved from death, showed the Investigative Commission: "In May 1944, as a partisan, I was arrested by the Germans and held in the Borisov prison". On June 27, 1944, I was transferred to a concentration camp near the Profintern factory. On June 28, 1944, at 8 o'clock in the morning, the Germans lined up all the men who were in the camp in a column of 20 people between the barracks in which we were located and placed 4 light machine guns in front of the entire column, and German soldiers and officers with machine guns lined up behind the column and at the same time opened fire from machine guns and runaway gun at the column. After the first shots, everyone fell to the ground, many pretended to be killed. After a pause, I managed to crawl away and escape from the Nazi monsters".

During examination of barn in the area of the Profintern concentration camp, the Investigative Commission found a huge amount of ash of bones, as well as partially preserved corpses. Majority of them were burned, in addition, the Investigative Commission found gunshot wounds in the head and neck on the corpses.

In a concentration camp called the "Green Camp" by the Germans

In the area of the former town of Zhellorbat, the commission discovered 145 graves. In these graves, 812 militaries were found who died from starvation, epidemics of camp fever and typhoid fever, and also shot by the Nazi invaders. Hitler's murderers tried to conceal the traces of their crimes. In the area of the mass murder of the Jewish population by the Nazi invaders, the Investigative Commission discovered a number of materials confirming that the Nazi murderers tried to conceal the traces of their crimes. In October 1943, the Nazi invaders began to excavate the pits-graves, removed the corpses of the executed from them and began to burn them. The corpses were burned at night, the burning was carried out for 4-5 nights, fire was visible from the place of burning with the smell of burning corpses, then the pits were... filled up and cars drove over them in order to conceal the committed atrocity.

In the artillery range area, 8 common pits-graves were found, almost not covered with sand, and human bones were visible on top.

The Investigative Commission in the Borisov camp of garrison on Revolutsii avenue discovered 315 grave-pits. To conceal the traces of their crimes, the Nazi invaders buried the graves and covered them with bricks on top.

Mass graves of Soviet residents tortured by the Germans were discovered near the Berezina River in the area of Garansky passage and in many other places. The Extraordinary City Commission established that the Nazi scoundrels exterminated civilians and Soviet prisoners of war by starvation, overwork and mass executions.

The investigation established that a total of 22,874 Soviet citizens were exterminated in Borisov and its environs.

Стенограмма:

Лагеря немецких палачей в районе Борисова

В пяти километрах от Борисова в районе артополигона немецко-фашистские захватчики расстреливали заключенных, находившихся в борисовской тюрьме. Следственной комиссией в районе артополигона обнаружено 8 общих ям-могил, размер каждой ямы достигал в длину до 12 метров, в ширину 4 метра и до 3 метров в глубину. Следственная комиссия подробно ознакомилась с этим лагерем.

В связи с быстрым продвижением на запад Красной Армии в конце июня 1944 года гитлеровские палачи придумали новый способ массового истребления советских мирных жителей. 28 июня 1944 г. в концентрационном лагере, расположенном в районе бумажной фабрики «Профинтерн», немецко-фашистскими захватчиками расстреляно 540 человек.

Спасшийся от смерти Петров Егор Николаевич показал Следственной комиссии: «В мае месяце 1944 года я как партизан был арестован немцами и находился в борисовской тюрьме. 27 июня 1944 года меня перевели в концентрационный лагерь, расположенный около фабрики «Профинтерн». 28 июня 1944 года в 8 часов утра немцы построили всех мужчин, находившихся в лагере, в колонну по 20 человек между бараками, в которых мы находились, и впереди всей колонны поставили 4 ручных пулемета, а позади колонны выстроились немецкие солдаты и офицеры с автоматами и одновременно открыли огонь из автоматов и пулеметов по колонне. После первых же выстрелов все упали на землю, многие притворились убитыми. После некоторой паузы мне удалось отползти и убежать от немецко-фашистских извергов».

При осмотре сарая в районе концентрационного лагеря «Профинтерн» Следственной комиссией обнаружено огромное количество пепла костей, а также частично сохранившиеся трупы. Большинство из них были обгоревшие, кроме того, Следственной комиссией обнаружены на трупах огнестрельные ранения в области головы и шеи.

В концентрационном лагере, названном немцами «Зеленый лагерь»

В районе бывшего городка Желлорбата комиссией обнаружено 145 могил. В этих могилах обна-

Verbatim record:

Camps of German executioners in the district of Borisov

Five kilometers from Borisov, in the area of the artillery range, the Nazi invaders shot the prisoners who were in the Borisov prison. The Investigative Commission in the area of the artillery range found 8 common pits-graves, the size of each pit with a length of up to 12 meters, a width of 4 meters and up to 3 meters in depth. The Investigative Commission got familiarized with this camp in detail.

In connection with the rapid advance to the west of the Red Army at the end of June 1944, the Nazi executioners came up with a new method for the mass extermination of Soviet civilians. On June 28, 1944, in a concentration camp located in the area of the Profintern paper mill, German fascist invaders shot 540 people.

Petrov Egor Nikolaevich, who was saved from death, showed the Investigative Commission: "In May 1944, as a partisan, I was arrested by the Germans and held in the Borisov prison". On June 27, 1944, I was transferred to a concentration camp near the Profintern factory. On June 28, 1944, at 8 o'clock in the morning, the Germans lined up all the men who were in the camp in a column of 20 people between the barracks in which we were located and placed 4 light machine guns in front of the entire column, and German soldiers and officers with machine guns lined up behind the column and at the same time opened fire from machine guns and runaway gun at the column. After the first shots, everyone fell to the ground, many pretended to be killed. After a pause, I managed to crawl away and escape from the Nazi monsters".

During examination of barn in the area of the Profintern concentration camp, the Investigative Commission found a huge amount of ash of bones, as well as partially preserved corpses. Majority of them were burned, in addition, the Investigative Commission found gunshot wounds in the head and neck on the corpses.

In a concentration camp called the "Green Camp" by the Germans

In the area of the former town of Zhellorbat, the commission discovered 145 graves. In these graves, 812 militaries were found who died from starvation, epidemics of camp fever and typhoid fever, and also shot by the Nazi invaders. Hitler's murderers tried to conceal the traces of their crimes. In the area of the

ружено 812 человек военнослужащих, погибших от голода, эпидемий сыпного и брюшного тифа, а также расстрелянных немецко-фашистскими захватчиками. Гитлеровские убийцы пытались скрыть следы своих преступлений. Следственной комиссией в районе массового убийства немецко-фашистскими захватчиками еврейского населения обнаружен целый ряд материалов, подтверждающих, что гитлеровские убийцы пытались скрыть следы своих преступлений. В октябре месяце 1943 года немецко-фашистские захватчики приступили к раскопке ям-могил, извлекли из них трупы расстрелянных и стали их сжигать. Трупы жгли в ночное время, сожжение производилось 4-5 ночей, от места сжигания был виден огонь и слышен запах от горящих трупов, затем ямы были ...засыпаны и по ним проезжали машины с целью скрыть совершившееся злодеяние.

В районе артополигона обнаружены 8 общих ям-могил, почти не засыпанных песком, и человеческие кости были видны наверху.

Следственной комиссией в Борисовском лагере военного городка по пр. Революции обнаружено 315 ям-могил. Чтобы скрыть следы своих преступлений, немецко-фашистские захватчики зарывали могилы и сверху устилали кирпичами.

Массовые могилы замученных немцами советских жителей обнаружены возле реки Березины в районе Гаранского Переезда и во многих других местах. Чрезвычайная городская комиссия установила, что немецко-фашистские мерзавцы истребляли мирных жителей и советских военнопленных голодом, непосильным трудом и массовыми расстрелами.

Следствием установлено, что в Борисове и его окрестностях гитлеровцы истребили всего 22 874 советских гражданина.

Бобруйская тюрьма

В годы Великой Отечественной войны в г. Бобруйске на базе Бобруйской крепости в башне Оппермана базировалась городская тюрьма для временного содержания населения. Здесь содержались лица, которых подозревали в связи с партизанами, а также члены их семей.

Согласно показаниям потерпевшей С., 1939 г. р., заключенные спали в камерах на полу, из еды давали баланду, одеждой, едой и водой никого не обеспечивали [10].

mass murder of the Jewish population by the Nazi invaders, the Investigative Commission discovered a number of materials confirming that the Nazi murderers tried to conceal the traces of their crimes. In October 1943, the Nazi invaders began to excavate the pits-graves, removed the corpses of the executed from them and began to burn them. The corpses were burned at night, the burning was carried out for 4-5 nights, fire was visible from the place of burning with the smell of burning corpses, then the pits were... filled up and cars drove over them in order to conceal the committed atrocity.

In the artillery range area, 8 common pits-graves were found, almost not covered with sand, and human bones were visible on top.

The Investigative Commission in the Borisov camp of garrison on Revolutsii avenue discovered 315 grave-pits. To conceal the traces of their crimes, the Nazi invaders buried the graves and covered them with bricks on top.

Mass graves of Soviet residents tortured by the Germans were discovered near the Berezina River in the area of Garansky passage and in many other places. The Extraordinary City Commission established that the Nazi scoundrels exterminated civilians and Soviet prisoners of war by starvation, overwork and mass executions.

The investigation established that a total of 22,874 Soviet citizens were exterminated in Borisov and its environs.

Bobruisk prison

During the Great Patriotic War in the city of Bobruisk, on the basis of the Bobruisk fortress in the Opperman Tower, a city prison for the temporary detention of the population has been located. The prison held people who were suspected in having connections with the partisans, as well as members of their families.

According to the testimony of victim S., born in 1939, prison inmates slept in their cells on the floor, they were given gruel, clothes, food and water haven't been provided [10].

Из показаний потерпевшей Р., 1937 г. р., следует, что она содержалась в помещении башни, где в настоящее время находится следственный изолятор г. Бобруйска. Посреди помещения находилась яма, в которую содержащиеся под стражей ходили в туалет. Согласно показаниям потерпевшей Р., 1933 г. р., следует, что последняя содержалась в данном учреждении в кирпичном большом длинном бараке, внутри которого в три этажа располагались нары. Сама территория тюрьмы была огорожена металлическим забором с сеткой и колючей проволокой [10].

Из показаний потерпевшего С. следует, что его дедушку – старосту д. Турчилов Кличевского района Могилевской области – арестовали немцы за связь с партизанами. По приказу полицая Матвея Мелешко он, его дедушка, сестра, мать и отец были водворены в бобруйскую тюрьму. На тот момент Г.К. Соловьеву было 4 года. В тюрьме его дедушка был расстрелян. Немцы применяли насилие ко всей его семье. Лично ему «немецкая женщина в форме» нанесла удар ногой по голове, от чего разбила лоб. В тюрьме они содержались 3 месяца. За это время их кормили баландой, спать приходилось на полу [10].

Славгородская тюрьма

После оккупации немецко-фашистскими войсками территории г. п. Пропойска (ныне – г. Славгород) по ул. Калинина в здании больницы немецкими войсками и их пособниками была создана тюрьма.

Все население поселка от 13 до 65 лет немцы ежедневно выгоняли на работу. За опоздания и невыходы на работу граждане подвергались избиениям и аресту без получения еды [28].

Из протокола допроса Федора Владимировича Краснощечекова, 1890 г. р., следует, что он по доносу немецких пособников Ф.Г. Лободаева и П.И. Молчикова совместно с семьей был заключен в данную тюрьму сроком на 3 суток. По его словам, совместно с ним в камере находились 57 человек, в том числе 20 женщин и 7 детей. Все лица содержались по подозрению за связь с партизанами либо агитацию против немецкой власти. В период нахождения в тюрьме арестованных не кормили, два раза в сутки приносили в ржавых ведрах воду. Спали они на полу и нарах. Содержащиеся в тюрьме подвергались со стороны немецко-фашистских захватчиков избиениям и издевательствам [29].

From the testimony of the victim R., born in 1937, it follows that she was kept in the tower, where the pre-trial detention center in Bobruisk is currently located. There was a pit in the middle of the room where the detainees used to go to the toilet. According to the testimony of the victim R., born in 1933, it follows that the latter was kept in this institution in a large, long brick barracks, inside of which bunk beds were located on three rows. The very territory of the prison was fenced with a metal fence with grid and barbed wire [10].

From the testimony of the victim S., it follows that his grandfather, the elder of the village of Turchilov of Klichevsky district Mogilev region was arrested by the Germans for his connection with the partisans. By order of the policeman Matvey Meleshko, he, his grandfather, sister, mother and father were placed in the Bobruisk prison. At that time, G. Solovyov was 4 years old. In prison, his grandfather was shot. The Germans used violence against his entire family. "German woman in uniform" kicked him in the head, as a reason his forehead was broken. They were kept in prison for 3 months. During the detention they were fed with gruel, had to sleep on the floor [10].

Slavgorod prison

After the Nazi troops occupied the territory of Propoisk (and currently – the city of Slavgorod) on Kalinin street, a prison was created in the hospital building by the German troops and their accomplices.

The entire population of the village from 13 to 65 years old was driven to work by the Germans every day. For being late and absent from work, citizens were beaten and arrested without food [28].

From the protocol of interrogation of Fedor Krasnoshchekov, born in 1890, it follows that, he, in accordance with the denunciation of German accomplices F. Lobodaev and P. Molchikov together with his family was imprisoned in this prison for a period of 3 days. According to him, 57 people were in the cell with him, including 20 women and 7 children. All persons were kept on suspicion of being associated with the partisans or agitating against the German authorities. During their detention in prison, the arrested persons were not fed, twice a day they were provided water in rusty buckets. The detained slept on the floor and plant beds. Prisoners, detained in prison were subjected to beatings and abuse by the Nazi invaders [29].

По уголовному делу в качестве потерпевшей допрошена бывшая узница М.М. Карпова, которая находилась в тюрьме в Плещеницах, в тюрьме по ул. Володарского в г. Минске, а также в лагере в Западной Европе.

Об условиях нахождения в тюрьме и пытках М.М. Карпова рассказала следующее.

In the criminal case, former prisoner M. Karpova, who was in the prison in Pleschenitsy, in the prison on Volodarskogo street in the city of Minsk, as well as in a camp in Western Europe, was interrogated as a victim.

On the conditions of detention in prison and torture of M. Karpova told the following.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Кадры из видеозаписи допроса потерпевшей М.М. Карповой
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period.
A frame from the video of the interrogation of the victim M. Karpova

Потерпевшая: «Ага. Они нас посадили на воз и привезли в Плещеницы, где была тюрьма. В этой тюрьме мы узнали, по какой причине нас привезли сюда, что оказывается отец арестован. Отца очень били. В подтеках страшных, весь был избитый, глаза опухшие. Под ногти ему загоняли иголки. Маму вызывали при мне раза три, тоже приходила конечно избитая. Меня только издевались, могли дать по голове, хлопнуть по плечам очень сильно, а сестренку, тогда они сказали нам, что... У нас сложилось такое мнение, что тот, кто здесь работал в полиции, и был связан с партизанским отрядом, он передал бабушке, потому что бабушка говорит, пришел мальчик, лет четырнадцати и сказал: «Иди в тюрьму, твою дочку арестовали с зятем». И когда бабушка пришла к нам, то ей полицай сказал, что завтра их расстреляют, детей можешь забрать. Понимаете, ну бабушка уже пришла младшую сестру она забрала, ну а я, как мне родители рассказывали, что у меня в памяти осталось, что я в никакую не соглашалась до бабушки оставаться. И вот на завтра мы ожидали все, что расстреляют. Но, до сих пор мы не знаем, нам как-то потом говорили, как будто благодаря этому связанному партизанского отряда, нас погрузили, или немцы допрашивать дальше, вывезли в Минск, на Володарского. На Володарского держали в тюрьме нас две недели. Папа отдельно был в камере, мы не знали его судьбу, а мы с мамой были вдвоем, и вот я говорю, что в камере, с нами сидели все смертники, которых или вешали, или расстреливали, которые партизаны или связанные партизанских отрядов, которые были приговорены к смерти и среди них находилась жена, профессора, врача третьей клинической больницы – Клумова. Она, конечно, немцы сильно ее били и страшно. Во-первых, в этой камере, кормить нас не кормили, воды нам не давали, единственное, что нам приносили раз в неделю, там человек было тридцать, а когда уже убивали, двадцать человек, приносили ведро распаренного овса. Этот овес нам сыпали на пол и каждый старался взять по жменьке овса и жевать. И вот после этого нас снова забрали оттуда, эту жену

Victim: "Yeah. They put us on a cart and brought us to Pleschenitsy, where there was a prison. In this prison, we found out for what reason we were brought here, that it turned out my father had been arrested. Father was beaten very badly. In terrible smudges, he was all beaten up, his eyes were swollen. In terrible smudges, he was all beaten up, his eyes were swollen. They put needles under his fingernails. My mother was called three times in front of me, she also came, of course, beaten. I was only abused, they could hit me on the head and slap on the shoulders very hard, but my sister, then they told us that... We have such an opinion that the one who worked here in the police and was connected with the partisan unit, he passed it on to my grandmother, because the grandmother says a boy, about fourteen years old, came and said: "Go to prison, your daughter has been arrested with her son-in-law". And when my grandmother came to us, the policeman told her that tomorrow they would be shot, you could take the children away. You see, well, my grandmother had already come, she took my younger sister, as my parents told me, what remained in my memory was that I did not agree to stay with my grandmother at all. And so for tomorrow we were all expecting to be shot. But, until now, we don't know, we were somehow told later, as if thanks to this liaison of the partisan unit, we were loaded, or the Germans to interrogate further, taken to Minsk, to Volodarskogo. On Volodarskogo they kept us in prison for two weeks. Dad was separately in the cell, we did not know his fate, but my mother and I were alone, and here I say that in the cell, all the suicide bombers were sitting with us, who were either hanged or shot, who were partisans or liaisons of partisan units, who were sentenced to death and among them was the wife, a professor, a doctor from the third clinical hospital. She, of course, the Germans and scary. First of all, in this cell, we were not fed, we were not given water, the only thing they brought us once a week, there were thirty people, and when they were already killed, twenty people brought a bucket of steamed oats. This oats were poured on the floor and everyone tried to take handful of oats and chew. And after that we were taken from there again.

**ЛАГЕРЯ У ПЕРЕДНЕГО КРАЯ
НЕМЕЦКОЙ ОБОРОНЫ
на оккупированной территории БССР**

Создавая лагеря у переднего края немецкой обороны на оккупированной территории БССР, нацисты выбирали места, на которых не имели возможности длительно удерживать свои позиции. В такие лагеря смерти под видом эвакуации из прифронтовых районов заключали преимущественно детей, стариков и женщин. Одновременно в эти лагеря смерти нацистами намеренно помещались узники с тяжелыми инфекционными заболеваниями, что наряду с антисанитарными условиями способствовало ускоренному заражению других заключенных.

Лагеря у переднего края немецкой обороны на оккупированной территории БССР по замыслу нацистских преступников были призваны способствовать масштабному истреблению мирного населения, а также сдерживать освободительное движение Красной Армии. Для этих целей узников указанных лагерей смерти немецкие преступники фактически использова-

**CAMPS AT THE FRONT LINE
OF THE GERMAN DEFENSE
on the occupied territory of the BSSR**

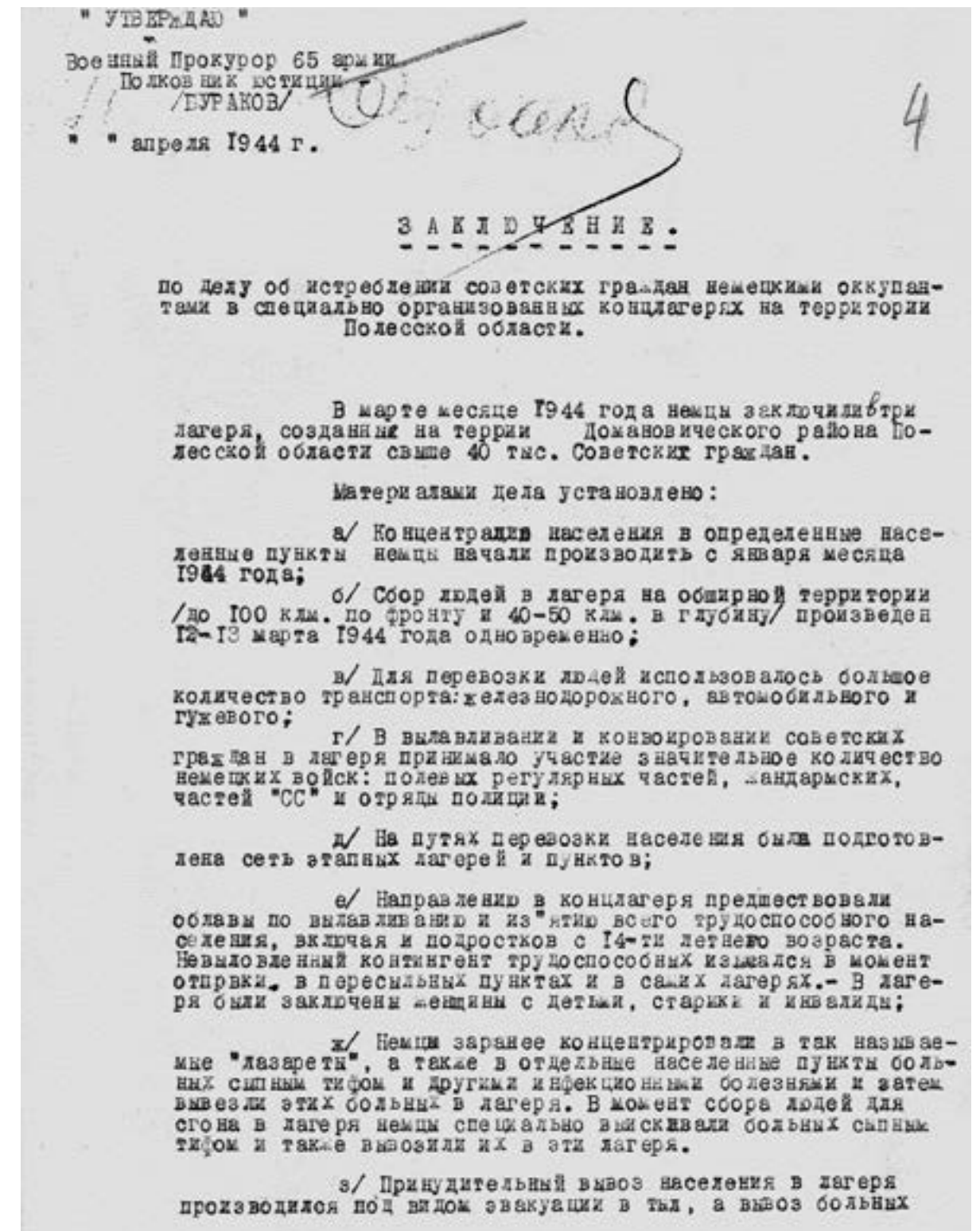
By creating camps at the front line of the German defense in the occupied territory of the BSSR, the Nazis chose places where they could not hold their positions for a long period of time. In such death camps, under the guise of evacuation from the frontline areas, mainly children, the elderly and women were detained. At the same time, prisoners with serious infectious diseases were deliberately placed in these death camps by the Nazis, which, along with unsanitary conditions, contributed to the accelerated infection of other prisoners.

The camps at the front line of the German defense in the occupied territory of the BSSR, according to the plan of the Nazi criminals, were intended to contribute to the large-scale extermination of the civilian population, as well as to hold the liberation movement of the Red Army. For these purposes, the prisoners of these death camps were actually used by German criminals as a "human shield" during the combat operation [10].

ли в качестве «живого щита» во время боевых действий [10].

Указанные факты подтверждаются заключением по делу об истреблении советских граждан немецкими оккупантами в специально организованных концлагерях на территории Полесской области.

The indicated facts are confirmed by the conclusion on the case on the extermination of Soviet citizens by German invaders in specially organized concentration camps on the territory of the Polesie region.

немцы производили под предлогом перевозки их в больницы;

и/ Водворя население в лагеря немцы изымали продукты и вещи, в том числе одежду, а также личные документы;

к/ Весь путь начиная от изъятия населения с мест жительства и кончая моментом заключения в концлагеря, а также содержание в этих лагерях сопровождалось расстрелами, избиениями, голодом и прочими дичайшими издевательствами.

Все это свидетельствует о том, что создание концлагерей и заключение в них советских граждан производилось по заранее разработанному Германским командованием плану.

Это свидетельствует также о том, что лагеря были избраны, как способ массового истребления советских граждан и распространения инфекционных заболеваний.

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 200. Л. 4-5
National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 200. L. 4-5

"APPROVE"
Military Prosecutor of the 65th Army
Colonel of Justice -
/BURAKOV/
APRIL, 1944.

CONCLUSION

on the case of the extermination of Soviet citizens by German invaders in specially organized concentration camps on the territory of the Polesie region

In March 1944, the Germans imprisoned over 40,000 Soviet citizens in three camps set up on the territory of the Domanovichi district of the Polesie region.

The case file established:

- a) The Germans began to concentrate the population in certain settlements from January 1944;
- b) The gathering of people in camps over a wide area (up to 100 km along the front and 40-50 km in depth) was carried out on March 12-13, 1944 at the same time;
- c) A large number of vehicles were used to transport people: rail, road and horse-drawn;
- d) A significant number of German troops took part in catching and conveying Soviet citizens to the camps: regular field units, gendarme units of the "SS" and police detachments;
- e) A network of transit camps and points was prepared along the routes of transportation of the population;
- f) The direction to the concentration camps were preceded by round-ups to catch and seize the entire working-age population, including adolescents from the age of 14. The uncollected working-age contingent was seized at the time of departure in the transit points and in the camps themselves. Women with children were imprisoned in the camps, the elderly and disabled;

g) The Germans concentrated in advance the patients with typhus and other infectious diseases into so-called "infirmaries" as well as in separate settlements, and then transported these patients to the camps. At the time of the gathering of people to be driven to the camps, the Germans specifically looked for patients with typhus and also took them to these camps;

h) The forcible transport of the population to camps was carried out under the guise of evacuation to the rear, and the Germans carried out the removal of the sick under the pretext of transporting them to hospitals; the Germans produced them under the pretext of transporting them to hospitals;

i) Placing the population in the camps, the Germans confiscated food and things, including clothes, as well as personal documents;

j) The entire path, from the removal of the population from their places of residence and ending with the moment of imprisonment in concentration camps, as well as detention in these camps, was accompanied by executions, beatings, hunger and other cynical abuse.

All this indicates that the creation of concentration camps and the imprisonment of Soviet citizens in them was carried out according to a plan previously developed by the German command.

This also indicates that the camps were chosen as a means of mass extermination of Soviet citizens and the spread of infectious diseases.

В своем докладе на Нюрнбергском процессе помощник Главного обвинителя от СССР Л.Н. Смирнов обратил особое внимание на цели создания нацистами лагерей у переднего края немецкой обороны:

«Но только победоносное наступление Красной Армии спасло человечество от еще более опасных для него человекоубийственных установлений немецкого фашизма.

Прежде чем предъявлять суду материалы, связанные с преступлениями фашистов в концентрационных лагерях, даже таких из них, как Майданек, Освенцим, Яновский лагерь и другие, я должен представить суду доказательства, что в ходе войны немецкий фашизм создал еще более чудовищные формы концентрационного лагеря.

Майданек и Освенцим приводили к умерщвлению тех людей, которые попадали туда. Они не представляли самим фактом своего существования прямую угрозу для тех людей, которые находились за стенами лагеря.

В ходе войны, уже понеся тяжкие поражения, германский фашизм начал практиковать новые зверские формы уничтожения мирного населения. Эти лагеря были также рассчитаны на ослабление военной мощи Красной Армии путем заражения военнослужащих опасными инфекционными заболеваниями и возбуждения эпидемий.

In his report at the Nuremberg trials, L. Smirnov, assistant to the Chief Prosecutor from the USSR, paid special attention to the goals of establishment of Nazi camps at the front line of German defense.

"Only the victorious offensive of the Red Army saved mankind from the even more dangerous homicidal facilities of German fascism.

Before presenting to the Court materials related to the crimes of the Nazis in concentration camps, even such as Majdanek, Auschwitz, Janowska camp and others, I must provide the Court with evidence that during the war German fascism created even more abominable forms of the concentration camp.

Majdanek and Auschwitz resulted the killing of those people who were taken to such camps. They did not pose a direct threat by the fact of their existence to those people who were outside the walls of the camp.

In the course of the war, having already suffered heavy defeats, German fascism began to practice new brutal forms of extermination of the civilian population. These camps were also designed to weaken the military power of the Red Army by infecting militaries with dangerous infectious diseases and stimulation of epidemics.

Thus, death camps were created in Belarus not only to kill people who were in the camp, but above all to spread the most serious infections among the

Так были созданы в Беларуси лагеря смерти не только для умерщвления людей, находившихся в лагере, но прежде всего для распространения среди мирного населения и в рядах Красной Армии тяжчайших инфекций. В этих лагерях не было крематориев и газовых камер. Но по справедливости они должны быть отнесены к числу самых жестоких концентрационных лагерей, созданных фашизмом в осуществление его планов истребления народов» [5].

Из стенограммы судебного процесса по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими преступниками в БССР. Обвиняемый генерал-майор германской армии Готфрид фон Эрдмансдорф – бывший комендант г. Могилева и Могилевского укрепленного района – сообщил: «Вывоз нетрудоспособного населения на восточный берег Днепра, т.е. в направлении наступления противника, кроме того, преследовал и военные цели: во-первых, сохранить нужное количество продовольствия для частей немецкой армии, так как предполагалась длительная осада города частями Красной Армии, и, во-вторых, создать живое препятствие в наступлении частей Красной Армии...

...При создании этого лагеря я исходил из проводимой политики гитлеровского правительства, как можно больше истребить советского населения, так как всем было ясно, в том числе и мне, что данное мероприятие безусловно приведет к физическому истреблению выселенного на восточный берег Днепра нетрудоспособного населения, ибо оно ставилось в нечеловеческие условия и должно подвергаться обстрелам как со стороны наступающей Красной Армии, так и отступающих немецких частей...» [30].

Озаричский лагерь смерти

Озаричский лагерь смерти был организован в марте 1944 года по приказу немецкого командования на территории Домановичского района Полесской области (в настоящее время – Калинковичский район Гомельской области). Он находился вблизи переднего края немецкой обороны и располагался в трех местах: на болоте у поселка Дерт, в 3 км северо-западнее Озаричей, а также на болоте в 3 км западнее деревни Подосинник.

На территорию лагеря смерти под усиленным конвоем нацисты согнали десятки тысяч

civilian population and in the ranks of the Red Army. There were no crematoria or gas chambers in these camps. But in all fairness, they must be ranked among the most cruel concentration camps, established by fascism in the implementation of its plans for the extermination of people" [5].

From the record verbatim of the trial on the case of atrocities, committed by Nazi criminals in the BSSR, the accused Major General of the German Army Gottfried von Ermannsdorf, the former commandant of the city of Mogilev and the Mogilev fortified region, informed: "The transportation of the incapacitated persons; to the eastern bank of the Dnieper, i.e., in the direction of the enemy's offensive, also pursued military goals: firstly, to preserve the necessary amount of food for units of German army, since a long siege of the city by units of the Red Army was assumed, and, secondly, to create a living block to the offensive of the Red Army units...

...When creating this camp, I acted according to the policy, pursued by the Hitler government, to exterminate the Soviet population as much as possible, since it was clear to everyone, including me, that this measure would certainly lead to the physical extermination of the incapacitated persons, ousted to the eastern bank of the Dnieper, because this population was subjected to inhuman conditions and should be subjected to shelling either from the side of the advancing Red Army, or the retreating German units..." [30].

Ozarichi death camp

The Ozarichi death camp was established in March 1944 by order of the German command on the territory of the Domanovichi district of the Polesie region (now the Kalinkovichi district of the Gomel region). It was located near the front line of the German defense and was arranged in three places: in a swamp near the village of Dert, 3 km northwest of Ozarichi, and also on a swamp in 3 km west of the village of Podosinnik.

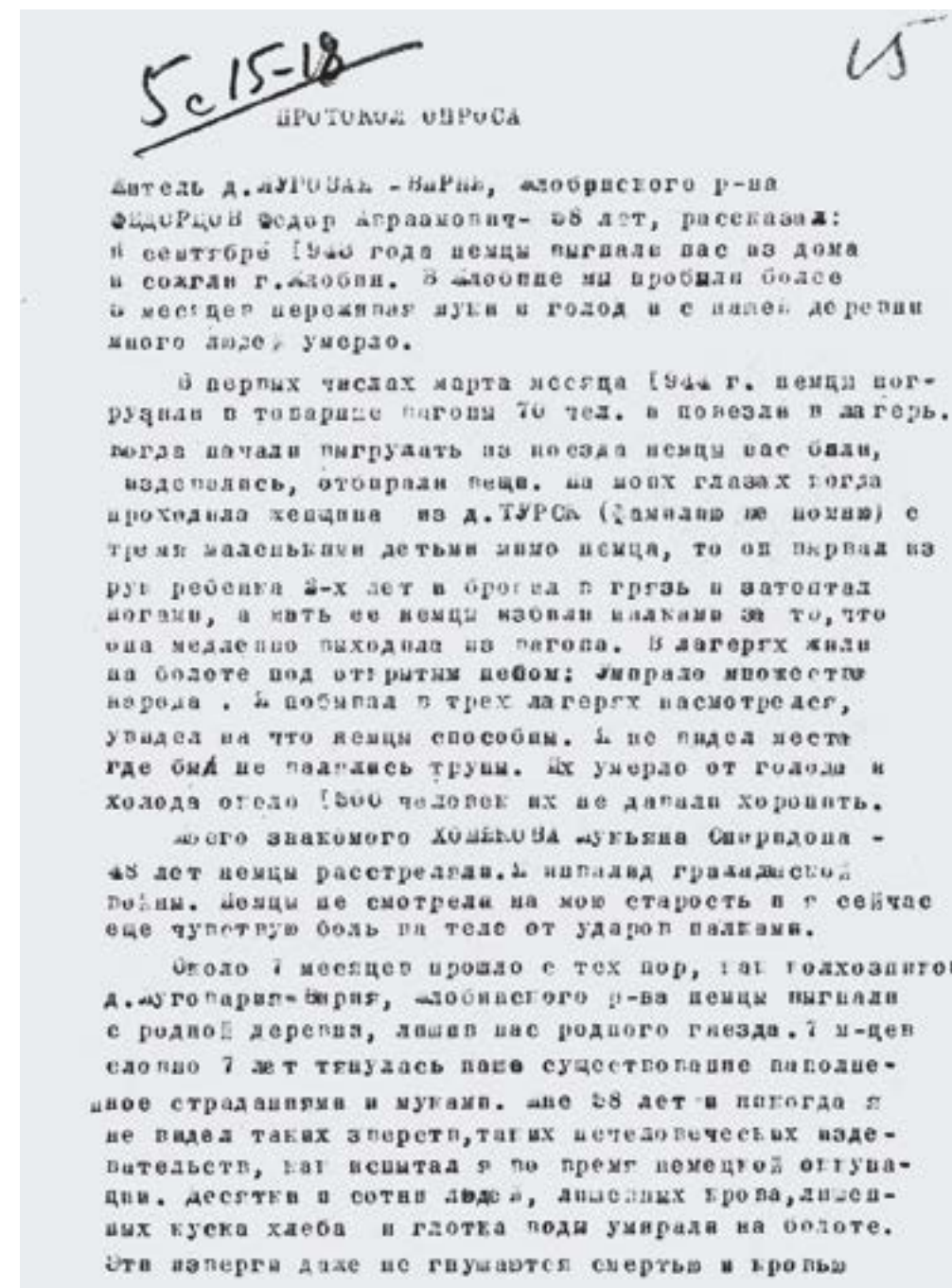
On the territory of the death camp under augmented escort, the Nazis drove tens of thousands

людей: стариков, женщин и детей из многих населенных пунктов Гомельской, Могилевской и бывшей Полесской областей.

Лагерь находился под открытым небом, был обнесен колючей проволокой, подступы к нему были заминированы. Узники размещались на земле, им запрещалось разжигать костры, собирать хворост для подстилок. Людей морили голодом.

of people: old people, women and children from many settlements in the Gomel, Mogilev and former Polesie regions.

The camp was in the open air, surrounded by barbed wire, the entrances to it were mined. The prisoners were placed on the ground, they were forbidden to light a fire, collect brushwood for bedding. People were starved.

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 201. Л. 15
National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 201. L. 15

SURVEY PROTOCOL

The resident of the village of LUGOVAYA VIRNYA, Zhlobin district FEDORTSOV Fedor Avraamovich – 58 years old, said: in September 1943, the Germans drove us out of the house and burned Zhlobin. We stayed in Zhlobin for more than 5 months, experiencing torment and hunger, and many people from our village died.

In the first days of March 1944, the Germans loaded 70 people into freight cars and took them to the camp. When the Germans began to unload us from the train, they beat us, abused us and took away our belongings. In front of my eyes, when a woman from the village of TURSUK (I don't remember her surname) was passing by a German with three small children, he tore a 2-year-old child out of her hands and threw it into the mud and trampled it with his feet, and the Germans beat her mother with sticks because she slowly got out of the car. In the camps they lived on a bolt in the open air: many people died. I have been to three camps and have seen what the Germans are capable of. I have not seen a place where corpses would not lie. About 1,500 people died of hunger and cold and were not allowed to be buried.

My acquaintance KHOMYAKOV LUKYAN SPIRIDON – 48 years old was shot by the Germans. I am an invalid of the Civil War. The Germans did not look at my old age, and now I still feel pain on my body from blows with sticks.

About 7 months have passed since the Germans expelled the collective farmers of the village of LUGOVA VIRNYA, Zhlobin district, from their native village, depriving us of our native nest. For 7 months, as if for 7 years, our existence dragged on, filled with suffering and torment. I am 58 years old, I have never seen such atrocities, such inhuman mockery, as I experienced during the German occupation. Dozens and hundreds of people, deprived of shelter, deprived of a piece of bread and a sip of water, died in the swamp. These monsters do not even abhor death and blood.

За любое нарушение установленных запретов узников расстреливали.

Вместе со здоровыми людьми нацисты помещали в лагерь смерти тяжело больных тифом людей, которые заражали других обессилевших узников.

Всего за 10 дней существования Озаричского лагеря смерти через него прошло более 50 000 человек.

19 марта 1944 года войска 65-й армии 1-го Белорусского фронта под командованием генерал-лейтенанта П.И. Батова разгромили нацистов на этом участке фронта и освободили оставшихся в живых узников, среди которых было 15 960 детей до 1 года, 13 072 нетрудоспособные женщины и 4448 стариков.

Факт намеренного заражения узников Озаричского лагеря смерти сыпным тифом для распространения эпидемии подтверждается заявлением узницы Озаричского лагеря смерти М.Е. Вишневецкой.

For any violation of these prohibitions, prisoners were shot.

Together with healthy people, the Nazis placed seriously ill people with typhus in the death camp, who infected other exhausted prisoners.

In just 10 days of the existence of the Ozarichi death camp, more than 50,000 people passed through it.

On March 19, 1944, the troops of the 65th Army of the 1st Belorussian Front under the command of Lieutenant General P. Batov defeated the Nazis in this front sector and freed the surviving prisoners, including 15,960 children under 1 year old, 13,072 disabled women and 4,448 old people.

The fact of intentional infection of the prisoners of the Ozarichi death camp with typhus for spread of epidemic is confirmed by the statement of the prisoner of the Ozarichi death camp M. Vishnevskaya.

26с 65-67
26.3.44. 65

ЗАКВЛЕНИИ В.

Я, нижеподписавшаяся жительница д. САЛАТЬЕВ, Жлобинского района ВИШНЕВСКАЯ Матрена Ефимовна, 34 лет возраста, что:

В воскресенье 14-го марта нас жителей деревни САЛАТЬЕВА и с других эвакуированных сел согнали в г. ЖЛОБИН около трех тыс. человек.

В понедельник начали нас мить в баче до субботы, при чем обнаружилось, что у всех мившихся, на другой день появились на теле пузырьки, которые лопались после и тело стало сильно шелушиться. Это было поголовно у всех.

После того, как нас согнали в болото, 14 марта я ночью сидела с ребенком у проволоки. Одна проходившая патруль заговорила с нами. Он оказался родом из под Гнева, откуда и сама я родом (д. Маковка). Я его спросила, что он делает, где работает, на что он ответил, что работает в Бобруйске в карательном отряде. Когда же я его спросила, что будет с нами, то он сказал: "Мы не бойтесь, Гитлер издал приказ, чтобы всех больных тифом русских, молодых, старых, детей, калек, водогнать к русскому фронту и отдать их русским, чтобы заразить Красную Армию тифом."

66

Это поможет нам к маю месяцу закончить войну
и победу большевиков.

Зажми подписуюсь

Вишневецкая М. Е.

Капитан мед. службы (Карчевская)
Лейтенант (Шенько)
От. сержант (Антонов)

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 201. Л. 65-66
National archives of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 201. L. 65-66

March 26, 1944

STATEMENT

I, the undersigned resident of the village of Salatba, Zhlobin district, Vishnevskaya Matrena Efimovna, aged 34, declare that:

On Sunday, March 12, about three thousand people from the village of SALATBA and from other evacuated villages were driven to Zhlobin. On Monday, they began to wash us in the bathhouse until Saturday, and it turned out that all those who washed, had blisters on their bodies the next day, which burst afterwards and their bodies were very flaky. This was the case with everyone.

After we were herded into the swamp, on March 22, I sat with the child by the wire at night. One passing patrol spoke to us. He turned out to be from near Kyiv, where I was from (the village of Mavkovka I asked him what he was doing, where he was working, to which he replied that he was working in Bobruisk in a punitive unit. When I asked him what would happen to us, he said: "Don't be afraid, Hitler has issued an order that all typhus-sick Russians, unfit, old, children, cripples, should be driven to the Russian front and given to the Russians to infect the Red Army with typhus. This will help us to end the war by May and defeat the Bolsheviks".

I subscribe to that.
Vishnevskaya M. E.

Captain of the medical service (Karchevskaya)
Lieutenant (Shenko)
Senior Lieutenant (Antonov)

О зверствах нацистов в отношении мирного населения по пути в Озаричский лагерь смерти рассказала узница А.Л. Гончарова.

The prisoner A. Goncharova told on the atrocities of the Nazis against the civilian population on the way to the Ozarichi death camp.

I. Что Вам известно о зверстве немцев?
Во время перевозки нас от села и до лагеря мы подверглись неслыханным издевательствам и избиениям. На дороге немцы застрелили женщину, которая немного отставала, чтобы скрыть свое преступление они ее же платком прикрыли кровь на голове, чтобы проходящие не видели, а на нас кричал: "Проходите, чего глазете". У одной женщины немец вырвал из рук сумочку с сухарями, она не отдавала тогда немец кинжалом ударил ее по пальцам и отрубил их. Последних, кто шел сзади был палками. Ударил палкой по голове моя мать и сестру. В лагере держали без воды, мы вынуждены были пить грязную, болотную воду и поили ею детей. По дороге было убито не менее 400 человек, а в лагере больше этого. Часто травили собаками. Трое суток шли по болоту без огня и питания. Костры печь не разрешали, стреляли без предупреждения, многие умерли. Вся одежда была устлана трунами. Спали рядом с трупами. На станции и по дороге немцы труны сжигали, а в лагере оставляли на месте. Распространяли тиф на пробу многих пристрелять, отвечали: "Сами подохнете, зачем стрелять".
При входе в лагерь отобрали хорошую обувь и вещи, оставили голыми.
Подписала Гончарова Настя.
Опросил предстартель военной части 71690 майор Подяков Михаил Гаврилович в присутствии капитана Иванова Александра Ивановича.
Майор (Подяков)
27.11.44

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 201. Л. 189
National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 201. L. 189

I. What do you know about German atrocities?

During our transport from the village to the camp we were subjected to unheard of abuse and beatings. On the road the Germans shot a woman who was lagging a little behind, to cover up his crime he covered the blood on her head with her own handkerchief so that passers-by would not see, and ordered on us: "Come in, what are you staring at". The German snatched a purse with crackers out of the hands of one woman, she did not give it back, then the German stabbed her on the fingers with a dagger and cut them off. The last ones who walked behind were beaten with sticks. He hit my mother and my sister on the head with a stick. We were kept without water in the camp, we were forced to drink dirty swamp water and gave it to our children. At least 200 people were killed on the road, and more than that in the camp. Often we were poisoned by dogs. For three days we walked through the swamp without fire or food. Fires were not allowed to be lit, shots were fired without warning, many died. The whole area was strewn with corpses. We slept next to the corpses. At the station and on the road the Germans burned the corpses, but at the camp they left them in place. They spread typhus. To the request of many to shoot, they answered: "You will die yourself, why shoot".

Good shoes and clothes were taken away at the entrance to the camp and left them naked.

Signed by Goncharova Nastya.

Asked by a representative of military unit 71690

Major Polyakov Mikhail Gavrilovich in the presence of Captain Ivanov Alexander Ivanovich.

Major (Polyakov)

27.III.44

Члены ЧГК по расследованию и установлению злодеяний фашистов за исследованием трупов детей, погибших в лагере смерти «Озаричи». Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов. АН 0-137990
Members of the Extraordinary State Commission for the investigation and identification of the atrocities of the Nazis investigating the corpses of children who died in the Ozarichi death camp. Belarusian State Archive of Film and Photo Documents. AN 0-137990

О нечеловеческих условиях содержания в Озаричском лагере смерти, массовой смертности и распространении эпидемии следует из протокола опроса З.И. Котовой от 27 марта 1944 года.

On the inhuman conditions of detention in the Ozarichi death camp, mass mortality and the spread of the epidemic follows from the protocol of the interrogation with Z. Kotova from March 27, 1944.

Как только подошли к лагерям, несколько немцев стали у ворот делать проверку документов. Документы, деньги, ценные вещи - все это отбиралось. Молодежь и вообще трудоспособных немцы задерживали и отправляли в другой лагерь, в который и я попала. Даже у многих людей немцы снимали сапоги, ботинки, теплые вещи, а люди оставались разутые, в болотах обреченные на медленную смерть. Люди пробыли в этом лагере 2-е суток не получая пищи, отрывая руками мерзлую землю, чтобы достать хоть немного воды, дров не давали, а если дали кому, то нужно, что-то уплатить из вещей: как золотое кольцо, часам в др. За эти двое суток началась жизнь невыносимая. Люди стали умирать по 75-100 человек. Особенно умирали дети и старики, которые так и оставались лежать вместе с еще живыми людьми. Правда, в последствии стали трупы свозить в одно место, но это сделать было трудно так, как людей мертвых убирать не успевали. После двух суток нас перегнали во второй лагерь, где картина была еще ужасней. В этом лагере мы пробыли около 3-х суток, а затем перегнали в третий.

Прибыли в третий лагерь: увидели, что проволока однообразна, местность все также - болота. С каждым днем люди все больше и больше умирали.

В поисках пищи, воды, дров многие люди вернулись на минах, которые были обнесены вокруг лагеря перед проволочным заграждением. В последний день прибыла машина с хлебом. Стали разгружать и бросать прямо в грязь. Люди голодные лежали друг на друге. Много детей было задушено на смерть, многих немцы расстреляли из автоматов за то, что они пытались взять хлеб у проволочного заграждения.

То, что было словами невозможно рассказать. Немцы решили нас всех гр-н СССР умертвить новой своей "тех-никой" - путем голода, холода, болезни. Все эти

As soon as they approached the camps, several Germans began to check documents at the gates. Documents, money, valuables – all this were taken away. The Germans detained young people and able-bodied people in general and sent them to another camp, which is where I ended up. Even the Germans took off boots, boots, warm clothes from many people, and they were left naked, in the swamps, doomed to a slow death. People stayed in this camp for 2 days without getting food, tearing off the frozen ground with their hands to get at least a little water, they didn't give firewood, and if they gave it to someone, then you need to pay something from things: like a golden ring, a watch and more. During these two days, an unbearable life began. People began to die 75–100 at a time. Especially children and old people died and were left lying there with people who were still alive. True, later the corpses began to be demolished in one place, but this was difficult to do because they did not have time to remove the dead people. After two days, we were moved to a second camp, where the picture was even worse. We stayed in this camp for about three days, and then we were moved to the third camp.

We arrived at the third camp: we saw that the wire was monotonous, the terrain still the same – swamps. Every day people were dying more and more.

In search of food, water and firewood, many people exploded on mines that were encircled around the camp in front of a wire fence. On the last day, a car with bread arrived. They began to unload and throw it right into the mud. Hungry people lay on top of each other. Many children were strangled to death, many were shot by the Germans with machine guns for trying to take bread from the wire fence.

What was impossible to tell in words. The Germans decided to kill us all citizens of the USSR with their new "technology" – through hunger, cold, disease.

Незахороненные трупы узников лагеря смерти «Озаричи».
Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов. АН 0-138006
Unburied corpses of prisoners of the Ozarichi death camp.
Belarusian State Archive of Film and Photo Documents. AN 0-138006

Житель д. Подвидки Паричского района В. Горбань во время захоронения полуторалетнего внука, умершего от голода в лагере смерти «Озаричи». Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов. АН 0-138002
Resident of the village of Podvidki of Parichi district, V. Gorban during the burial of his 1.5-year-old grandson who died of starvation in the Ozarichi death camp. Belarusian State Archive of Film and Photo Documents. AN 0-138002

Трупы детей, погибших от голода и холода в лагере смерти «Озаричи». Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов. АН 0-138013
Corpses of children, perished from hunger and cold in the Ozarichi death camp. Belarusian State Archive of Film and Photo Documents. AN 0-138013

Четырехлетний мальчик Коля – узник лагеря смерти «Озаричи». Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов. АН 0-138021
Four-year-old boy Kolya, prisoner of the Ozarichi death camp. Belarusian State Archive of Film and Photo Documents. AN 0-138021

Допрошенная 2 июня 2021 года по уголовно-му делу о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период в качестве потерпевшей А.В. Чумакова – узница Озаричского лагеря смерти – рассказала о нечеловеческих условиях содержания и преступлениях нацистов в указанном месте массового содержания и истребления людей: «В Жлобине на станции нас согнали в товарный вагон. Там были жители Жлобина, нашей деревни, деревни Осиновка. Нас погрузили в вагон, сестры было некуда, все стояли. В вагоне была бочка, куда все справляли нужду. Крик, плач, дети плакали, и я в том числе... Этим составом нас привезли в Дубровенский район, где нас высаживали, выталкивали. Люди умирали от изнеможения, от голода. Сколько мы ехали, не помню. Это был март месяц. В поезде нас не кормили. У матери были сосульки, хлеб черный. Много увезти нельзя было. А дальше нас привезли в грузовых машинах и пешком в лагерь «Озаричи». Я хорошо помню, что нас сопровождали немцы с собаками, у них была зеленая форма, автоматы и овчарки. Люди плакали, тяжело было идти. Помню очень хорошо, как я плакала от лая собаки. Я плакала, а один немец подошел к маме, направил автомат и толкал им, чтобы быстрее шла. А рядом шла беременная девушка, она шла медленно, видимо, силы ее покидали, а немец на моих глазах ее в строю расстрелял. Когда мы пришли в лагерь, он представлял собой территорию, огражденную колючей проволокой в несколько рядов. Он заранее был подготовлен. На территории были только вагончики, в которых жили немецкие солдаты, которые нас охраняли. Лагерь был под открытым небом... А была такая Фекла Бабич, с детьми, которые голодали, собирали кору. А мама видела все это и сошла с ума, потом ее немцы застрелили. Очень много было случаев, что немцы насиловали молодых девушек. Ни воды, ни хлеба нам не давали. Спали на земле, что было, то и подстилали. Нас не кормили и не поили. Иногда приезжали немцы, через колючую проволоку кидали хлеб, кто успевал, тот и кушал хлеб. Был случай, когда немцы увели молодую девушку за колючую проволоку, изнасиловали, отрезали грудь, нос и выкинули возле мамы и бабушки. Одна девушка рожала и громко кричала. Помощи не было. Вдоль проволоки выше человеческого роста лежали трупы. Эту девушку бросили к трупам, а ребенка завернули в фуфайку и бросили туда. А потом приехала «трупярня» и

Interrogated on June 2, 2021 in a criminal case on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period as a victim A. Chumakova – a prisoner of the Ozarichi death camp – spoke on the inhuman conditions of detention and the crimes of the Nazis in the indicated place of mass detention and extermination of people: "In Zhlobin at the station, we were driven into a freight car. There were residents of Zhlobin, our village, the village of Osinovka. We were loaded into the carriage, there was no place to sit, everyone was standing. There was a barrel in the carriage, where we answered the call of nature. Scream, cry, children were crying, including me... On this train we were brought to the Dubrovno region, where we were detained and kicked out. People were dying of exhaustion, of hunger. I don't remember how far we drove. It was March. We were not given food on the train. Mother had icicles, black bread. It wasn't possible to bring a lot. And then we were brought in trucks and on foot to the Ozarichi camp. I remember well that we were accompanied by Germans with dogs, they had a green uniform, machine guns and sheepdogs. People were crying, it was hard to go. I remember very well how I cried from the barking of a dog. I was crying, and one German came up to my mother, pointed the machine gun and pushed by it, to make us go faster. And a pregnant girl was walking nearby, she was walking slowly, apparently, her strength was leaving her, and the German shot her in the formation in front of my eyes. When we arrived at the camp, it represented a territory, fenced with barbed wire in several rows. It was prepared in advance. On the territory there were only charging-car in which German soldiers lived, who guarded us. The camp was an open-air... And there was such Fekla Babich, with children who were starving, they collected bark. And my mother saw all this and went crazy, then the Germans shot her. There were many cases when the Germans raped young girls. We were not given water or bread. They slept on the ground, then they laid everything that could be found. We were not given food and water. Sometimes the Germans came, threw bread through the barbed wire, who managed to catch it, ate the bread. There was a case when the Germans took a young girl behind barbed wire, raped her, cut off her chest and nose, and threw her near her mother and grandmother. One girl gave birth and screamed loudly. There was no help. Dead bodies lay along the wire above human height. This girl was thrown to the corpses, and the child was wrapped in a fleece and thrown there. And then the "corpse house" ar-

увозили трупы. В лагере только издевались, работать не заставляли. Издевательства были жестокие» [10].

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Кадр из видеозаписи допроса потерпевшей А.В. Чумаковой Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. A frame from the video of the interrogation of the victim A. Chumakova

rived and took away the corpses. In the camp they were only mocked, they were not forced to work. The torture was brutal" [10].

Потерпевшая З.П. Буйко в ходе допроса 24 мая 2021 года сообщила: «...когда наша армия стала теснить немцев, освободив Гомельскую область, она двинулась освободить Беларусь в направлении Минска, немцы решили создать живой щит... Они организовали в Калинковичском районе лагеря, которые были под открытым небом, туда свозили стариков, детей, заражали тифом. Помню, что 8 марта, как рассказывала тетя, нас вывезли, и я с тех пор этот праздник не люблю, к нам пришли полицаи и сказали, что нас будут вывозить в концлагерь. В общем, нашу семью и бабушку и сестру папы загрузили в эти крытые тентом машины и повезли, целый день везли, и привезли в какой-то город, кто говорит, что Жлобин, а я, когда потом мой брат жил в Бобруйске и я к нему ездила, помню ту площадь, куда нас привезли и бросили. Бабушка в первую ночь умерла, замерзла, и мы всю ночь пробыли на площади этой, мерзли. Я тогда в школу не ходила, сестры ходили и у них была хоть какая-то обувь, одежда, а у меня этого не было. Я дома сидела на печи, у меня не было ни обуви, ни пальто, ничего. Как меня одели, были такие галоши, которые сами клеили, так называемые бахилы резиновые, обмотали тряпками ноги, веревками

The victim Z. Buiko during interrogation on May 24, 2021 said: "...when our army began to push back the Germans, having liberated the Gomel region, it moved to liberate Belarus in the direction of Minsk, the Germans decided to create a human shield... They organized camps in the Kalinkovichi district, which were in the open air, old people, children were taken there, they were infected with typhus. I remember that on March 8, as my aunt said, that we were taken, and since then I don't like this holiday, the policemen came to us and said that they would take us to a concentration camp. In general, our family and my grandmother and dad's sister were loaded into these canvas-covered cars and taken, they drove us all day and brought them to some city, somebody said that it was Zhlobin, and I, when my brother after lived in Bobruisk, went to him and I remember the square where they brought us and threw us on that square. Grandmother died on the first night, she froze, and we stayed all night at the square, we froze. I didn't go to school then, my sisters went and they had at least some kind of shoes, clothes, but I didn't have that. I was at home sitting on the stove, I had no shoes, no coat, nothing. As they dressed me, there were such flog shoes that they themselves glued, the so-called rubber shoe protectors, they wrapped their legs with rags,

и всунули в эти галоши, фуфайку надели и обвязали меня таким, как пледы теперь, платком, и так я была одета. До утра мы там просидели на холодном воздухе, мороз был, а утром построили и погнали к железнодорожному вокзалу. На вокзале нас погрузили в товарные вагоны.

Нас погрузили в такие вагоны и там не было ни окна, дверь так забили, что утром сами нас еле открыли. Поставили посредине бочку железную, куда мы могли сходить по своим делам, и повезли. Везли всю ночь. Утром привезли, куда я даже понять не могу. В лесу остановились, поезд остановился, рядом была станция какая-то, и мы увидели ужасную картину. Весь снег был красным от крови и лежали трупы, видимо, привезли так же, как и нас, и, может быть, и расстреляли, то есть весь снег был устлан трупами.

После этого нас построили, подвели к какому-то распределительному пункту, где нас распределяли, кого в Германию, кого в лагерь. Ну мы с сестрами попали в лагерь, тетя тоже. Был мальчи у нее на руках два годика, бабушка, я уже говорила, умерла, и вторая тетя, золовка, как теперь называют, брата отца жена, у нее девочка была пять лет. Нас распределили в лагерь и погнали. Шли в общем, сопровождали нас конвоиры с овчарками, подвели к дороге, которая не знаю куда вела, но по одной стороне шли машины, она была как каша взбита, ноги вязли в грязи по колено, а нас построили и погнали по этой дороге, с одной стороны шли машины, с другой – мы. И ноги настолько вязли, что если человек падал, то по нем прогоняли, то есть следующие шли, или расстреливали, или тут же разрывали собаки. Я же благодаря своим старшим сестрам, одна 30-го года рождения, вторая 31-го, они меня, взяв под руки, тянули, у меня уже не было сил, а они меня вынесли. К вечеру мы пришли к лагерю.

Что представлял собой лагерь. Лагерь представлял собой редколесье, основанное на Пинских болотах. Болото, уже таял снег, март месяц, оно ночью замерзло, но в основном вода, проволока колючая в два ряда высокая, на вышках стоят немцы с автоматами, между двумя такими рядами бегают овчарки и на входе конвоиры стоят. Нас пригнали, я помню, хоть и ребенком была, что настолько, устала, что мы тут же возле дверей упали и почти без сознания провели ночь. Бока примерзли к земле...

...никаких построек, ничего не было, просто кочки, возвышенности, и на этих кочках, болоте, на которых я сейчас собираю клюкву, где она

ropes and put them in these flog shoes, they put on a fleece and tied me with a scarf like blankets now, and so I was dressed. Until the morning we sat there in the cold air, it was frosty, and in the morning, we were lined up and drove to the railway station. At the station we were loaded into freight wagons.

We were loaded into such wagons and there was not a window, the door was boarded up so that in the morning they could hardly open us. They put an iron barrel in the middle, where we answered the call of nature, and drove. They drove all night. In the morning they brought me I can't even understand where. We stopped in the forest, the train stopped, there was some kind of station nearby and we saw a terrible picture. All the snow was red with blood and there were corpses, apparently brought in the same way as us, and maybe shot, that is, all the snow was covered with corpses.

After that, we were lined up, brought to some kind of distribution unit, where we were distributed, some to Germany, some to camps. So, my sisters and I ended up in the camp, my aunt too. She had a baby in her arms two years old, my grandmother, I already said, died, and the second aunt too, the sister-in-law, as they are now called, the wife of father's brother, her girl was five years old. We were assigned to the camp and driven. We walked, guards with sheepdogs accompanied us, led us to the road, which I don't know where it led, but cars were driven along one side, it was whipped like porridge, our legs got stuck in the knee-deep mud, and we were lined up and driven along this road, cars went on one side, we went on the other side. And, the legs were so bogged down so if a person fell, the next ones walked over him, or were shot, or were immediately torn apart by dogs. I survived, thanks to my older sisters, one who was born in 1930 and another in 1931, they pulled me by the arms, I no longer had the strength, and they carried me. In the evening we arrived at the camp.

What the camp represented. The camp was thin forest, established on the Pinsk swamps. Swamps, the snow was already melting, March, it froze at night, but mostly water, barbed wire in two rows, high, Germans with machine guns stand on the towers, sheep dogs run between two such rows and guards stand at the entrance. They drove us, I remember that even though I was a child, I was so tired that we immediately fell near the door and spent the night almost unconscious. The sides froze to the ground ...

...there were no buildings, there was nothing, just mounds, hills, and on these mounds, swamps, at which I now collect cranberries, where it grows on

на кочках растет, мы и распределились на этих кочках. Костры не разрешали жечь, если только разжигали, сразу стреляли, убивали. И вот мы на такие сосенки натянули домашние «дерюжки» и сделали такие как бы палатки, чем мы могли привязать. Кормить ничем не кормили, спасла нас тетя, папина сестра, потому что, когда началась война, люди говорили, что надо сушить сухари. Тетя засушила сухарей и взяла их с собой, немцы отбирали все, проверяли, но тетя подвязала под грудью платочек и сверху надела фуфайку и платком завязала, и так они не обнаружили эти сухари. Она нам давала по такому, как пальчик, кусочку в день, и мы их сосали как конфетку. И я даже теперь вот, будучи старушкой, иногда люблю пососать хлеб и вспомнить вот этот вкус.

Ели, как говорится, кору, таял снег... В общем, питались подножным кормом, тут же справляли свои дела, тут же воду брали, тут же пили ее и все. И помню холод, такой холод, перчаток не было, фуфайку эту обтяну низко и стою. Я не скажу, что так верила в бога, пусть простит он меня... Стою, смотрю в небо и думаю, когда это все кончится, такой холод, такой голод.

Один раз немцы объявили, что привезли хлеб. Тетя с сестрою старшей пошли за хлебом, но вернулись без хлеба. А какой хлеб – мука, смешанная с опилками, вот такой испечен хлеб. Немцы делали так, резали кусками и бросали в людей и старались попасть в голову или еще куда-нибудь. А люди голодные набрасывались на тот кусок, дрались между собой...

Пробыли в этом концлагере, спали мы на таких кочках, снизу наломали веточек сосны, постелили, потом дерюжку эту, ложились все подряд. Тетя нас укладывала, сама потом ложилась рядышком, накрывала нас той дерюжкой. Ночью был мороз, днем оттепель, выпадал снег, и она нас среди ночи будила и заставляла ходить вокруг этой кочки, чтобы мы не замерзли. И вот помню такой холод, рукам холодно, ногам холодно, голодно...

Так мы пробыли в этом лагере 10 дней. На 11-й день, а именно 18 марта, мы заметили над лагерем пролетел наш советский самолет с красной звездой. Все от радости кричали. В общем, нас обнаружили, и 18 марта в ночь немцы стали отступать. Но отступая, они не то что нас оставили, чтоб не уничтожить, а сделали так: клали мину и кусочек хлеба. И так они заминировали весь лагерь. Рано утром, было

mounds, we lived on these mounds. Fires were not allowed to be lighted, if somebody lighted it, he was immediately shot, killed. And so we pulled homemade "sackcloth" on such mounds and made them like tents which we could tie. They didn't give any food to us, our aunt, my father's sister, saved us, because when the war began, people said that it was necessary to dry the crackers. Aunt dried the crackers and took them with her, the Germans took everything away, checked, but the aunt tied a handkerchief under her chest and put on a sweatshirt on top and tied it with a scarf, and so they did not find these crackers. She gave us a piece like a finger a day, and we sucked them like candy. And even now, being an old woman, I sometimes like to suck bread and remember this taste.

We ate the bark, the snow melted... In general, we ate pasture, at the same place answered the call of nature and took water and immediately drank it. And I remember the cold, severe cold, there were no gloves, I fit this fleece close and stand. I won't say that I believed in God so much, may he forgive me... I stand looking at the sky and think when all will be over, such cold, such hunger.

Once the Germans announced that they would bring bread. My aunt and older sister went for bread, but returned without bread. And what kind of bread – flour mixed with sawdust, this is how bread is baked. The Germans did this, they cut it into pieces and threw it at people and tried to hit them in the head or somewhere else. And the hungry people jumped at that piece, fought among themselves...

We stayed in this concentration camp, we slept on such mounds, we broke pine branches from below, then laid this sackcloth, everyone laid on it. Aunt put us to bed, then she lay down next to us, covered us with that sackcloth. It was frosty at night, thaw during the day, snow fell, and she woke us up in the middle of the night and made us walk around this mound so that we would not freeze. And now I remember such a cold, cold hands, cold feet, hungry...

So we stayed in this camp for 10 days. On the 11th day, namely March 18, we noticed our Soviet plane with a red star flying over the camp. Everyone screamed with joy. In general, we were discovered, and on the night of March 18, the Germans began to retreat. But, retreating, they not just left us, so as not to kill, but did this: they laid a mine and a piece of bread. And by this method they mined the entire camp. Early in the morning, it was a very beautiful morning, nature itself rejoiced at our liberation, the sun was shining, and we saw (I was sitting on this mound, my hands and feet were frostbitten) and I saw

очень красивое утро, сама природа радовалась нашему освобождению, светило солнышко, и мы увидели (я сидела на этой кочке, у меня были обморожены руки, ноги) и по дорожке я увидела, как идут наши солдаты. Они приказывали узникам никому никуда не ходить, не двигаться, потому что лагерь заминирован, а я сидела на этой кочке полуживая и я уже этого хлеба не хотела сосать, еще бы денек или второй, я бы уже умерла, точно. Сестры приводят ко мне солдата и говорят: «Дядечка, миленький, а наша сестричка не ходит». Он взял меня на руки и понес к походной кухне. Освобождали нас, приготовив кашу какую-то, чтобы можно было нас как-то покормить. Он понес меня к той кухне, положили мне в железную миску каши, супа рисового с тушенкой, и мне настолько было это вкусно, я до сих пор прошу дочку сварить тушенку. Так солдат меня покормил, посадил на повозку, у меня была даже подобная картинка – солдат несет малыша... В этот лагерь было свезено более 50 тысяч человек, стариков, детей, больных тифом специально свозили, и я вот хорошо помню, мы недалеко от проволоки были и я хорошо помню, утром складывали штабелями, голова сюда, голова туда, возле колючей проволоки складывали умерших...

...вот я забыла еще один момент, когда нас вели в лагерь, нам пришлось переходить небольшую речушку, моста не было и немцы положили бревно, сбоку бревна была приделана палка, за которую можно было держаться, и мы по этому мосту, по этому бревну, переходили, было скользко, мокро, люди падали, и тут же погибали. И вот помню, передо мной женщина с ребенком на руках стала переходить, и вот помню, она подошла и остановилась и ей так стало страшно, она не знала, что делать – идти или не идти, немец тут же штыком проткнул того ребенка и бросил в речку, женщина бросилась за ребенком. Он ее тут же расстрелял. Поэтому мы старались идти, иначе можно было погибнуть...

Они специально свезли детей, стариков и специально заражали тифом, для того чтобы остановить наступление нашей армии, использовали нас как биологическое оружие. Они знали, что наша армия, когда бросится нас спасать, в этом лагере заразится» [10].

our soldiers walking along the path. They ordered the prisoners not to go anywhere, not to move, because the camp was mined, and I was sitting on this mound, half-dead, and I didn't want to suck this bread, if only a day or two, I would have died, for sure. The sisters bring a soldier to me, and say: "Uncle, dear, our sister can't go". He took me in his arms and carried me to the camp kitchen. They released us, having prepared some kind of porridge so that they could feed us somehow. He carried me to that kitchen, put porridge, rice soup with stew in an iron bowl, and it was so tasty for me, I still ask my daughter to cook stew. So, the soldier fed me, put me on a cart, I even had a similar picture, a soldier is carrying a baby... More than 50 thousand people were brought to this camp, old people, children, patients with typhus were specially brought, and I remember well, we were not far from the wire and I remember well, in the morning they piled the dead, head here, head there, near the barbed wire they piled the dead...

...so I forgot one more thing, when we were led to the camp, we had to cross a small river, there was no bridge and the Germans laid a log, a stick was attached to the side of the log, which you could hold on to and we crossed this bridge, along this log, often slippery, wet, people fell, and immediately died. And I remember in front of me a woman with a child in her arms began to cross, and now I remember, she came up and stopped and she became so scared, she didn't know what to do, to go not to go, the German immediately pierced that child with a bayonet and threw him into the river, a woman went after the child. He shot her right away. Therefore, we tried to go, otherwise we could die...

They deliberately brought children, the elderly and specially infected with typhus, in order to stop the advance of our army, they used us as a biological weapon. They knew that our army, when they save us, would become infected in this camp" [10].

Допрошенная 17 июня 2021 года в ходе расследования уголовного дела узница лагеря смерти «Озаричи» Т.Н. Волкова показала следующее: «...мы несколько дней шли. Вы говорите, по дороге – там дорога была устлана трупами, потому что идешь, идешь, идешь и видишь – лежит то старичок, то женщина лежит. А если слабо идешь, так некоторые пристреливали их, а некоторые палками добивали... Вот и моего братика, которому было шесть лет или пять, что-то он притомился и его начали бить палкой. Несмотря на то, что я тоже была ребенок, я подскочила, брата накрыла, и мне вот эту руку так отбили, что потом даже не могла поднять ее, и долго она у меня болела, уже после войны очень долго болела. Ну а потом немец как щенка моего брата... Там подвода шла, ну, тогда ж колхозные лошади люди себе забрали, так он его как щенка бросил туда, в ту подводу, и поехали мы дальше. И мы уже за этой телегой тянулись – то за палочку возьмемся, то за драбинку, чтоб легче было идти, а дядька добрый попался, говорит: «Держитесь за мои колеса, держитесь, детки, за мои колеса». Ну, со мной были женщины, которые помогали нам, не оставляли в беде с собой. Мы не успели ничего взять, у нас все сгорело, как-то вот так вот... все сгорело – ни одной бумажечки...

...ну и погнали нас. Наших мужчин забрали, молодежь куда-то в другое место отогнали, наверное, они в Германию, а может не знаю куда. Ну, в конце концов, все мы – и старики, и молодежь, и дети – оказались в Озаричах. Мы шли несколько дней, так несколько дней кормить нас не кормили, немцы на это не обращали внимания, что мы с голоду падаем...

...там нас не кормили, никаких условий не было. Мы под открытым небом жили, дождь и снег, спрячешься где-то под кустиком, сосенка вот такая вот... и уже с одного конца площадки в другой конец площадки идешь. И я, помню, шла и наступала на бревна, и идет со мной моя крестная Наталья. Я говорю: «А что это немцы такую плохую греблю сделали?» Она: «Где ты видишь греблю?» А я говорю: «Вот, я по этим палкам наступаю». Она говорит: «Танечка, это мертвецы, люди мертвые». А немцы не давали хоронить. Часть они там складывали в штабеля, там это часть люди своих бедненьких людей оттягивали, как-то присыпали землей – хоронить-то не разрешали. Когда она мне сказала, что это мертвецы, я как вкопанная стала...

...когда они нас перегоняют, идут старенькие люди, они очень слабенькие, они с ними не церемонились – «пчик» пистолетиком...» [10].

Interrogated on June 17, 2021, during the investigation of the criminal case of a prisoner of the Ozarichi death camp, T. Volkova told the following: "...we walked for several days. On the road – there the road was covered with corpses, so you go, you go, you go and you see – now an old man is lying, then a woman is lying. And if you walk slowly, then you can be shot, and some finished them off with sticks... My brother, who was six or five years old, got tired of something and they began to beat him with a stick. Despite the fact that I was also a child, I jumped up, covered my brother, and they beat hand so much that then I couldn't even lift it and for a long time it hurt, after the war it hurt for a very long time. Well, then a German took my brother like a puppy... There some people took the collective farm horses for themselves, the cart was moving, so he threw him like a puppy into that cart and we drove on. And we went after that cart, we would take a stick or pellet, so it would be easier to walk, and the good person said: "Hold on to my wheels, hold on, children, to my wheels". Well, there were women with me who helped us, did not leave us in trouble. We didn't have time to take anything, everything burned down, just like that... everything burned down – not a single piece of paper...

...well, they drove us. Our men were taken away, the young people were driven away somewhere else, probably to Germany, or maybe I don't know where. Well, in the end, all of us – both old people, and youth, and children – ended up in Ozarichi. We walked for several days, so for several days they did not feed us, the Germans did not pay attention to this, that we were falling from hunger...

...we were not fed there, there were no conditions. We lived in the open air, when it is rain and snow, you hide somewhere under a bush of a pine tree... and you go from one end of the site to the other end of the site. And I remember walking and stepping on logs, and my godmother Natalia is walking with me. I said: "Why did the Germans do such bad rowing?" She said: "Where do you see rowing?" And I said: "Here, I'm stepping on these sticks". She said: "Tanya, these are dead people, dead people". And the Germans did not allow to bury them. Some of them they put in piles there, some of poor people were pulled aside, somehow poured them with earth – they didn't allow them to bury them. When she told me that they were dead, I was rooted to the spot...

...when they drove us, old people go, they were very weak, they did not handle them with care – shot with a pistol... " [10].

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.
Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения
Беларуси в годы Великой Отечественной войны
и послевоенный период. Кадр из видеозаписи допроса
потерпевшей Т.Н. Волковой
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic
of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide
of the population of Belarus during the Great Patriotic War
and the post-war period. A frame from the video recording
of the interrogation of the victim T. Volkova

**Лагерь у переднего края немецкой обороны
(территория 5-го железнодорожного полка,
г. Витебск, ул. Титова) (шталаг № 313)**

«5-й полк», или шталаг № 313, – лагерь смерти, созданный немецко-фашистскими захватчиками в г. Витебске в сентябре 1941 года. Располагался на северо-западной окраине города на территории бывшего 5-го железнодорожного полка в конце современной ул. Титова. Его отделения находились на станциях Лиюзно, Витебск, Сиротино, Рудня и Куприно. Территория была огорожена проволокой изгородью в несколько рядов с тремя наблюдательными вышками.

В лагере смерти содержалось примерно 28–35 тысяч заключенных. Военнопленные проживали в бараках, которые зимой не отапливались. Питание было скудным: две мерзлые картофелины, пол-литра баланды на «костяной» муке, изготовлявшейся из перемолотых останков лошадей. Заключенные голодали, от истощения с трудом могли ходить. Администрация ежедневно высылала группы военнопленных на работы в город. Немцы-конвоиры по дороге избивали прикладами русских военнопленных за то, что они отставали, а обессилевших пристреливали из винтовок.

С 1942 года в лагере смерти также содержались узники из числа гражданского населения. В марте-апреле 1943 года в него было помещено около 20 тысяч жителей г. Витебска и окружающих деревень. До июля 1944 года он использовался как пересыльный. Через него прошло около 150 тысяч человек, около 80 тысяч из которых

**Camp at the front line of the German defenses
(territory of the 5th railway regiment,
city of Vitebsk, Titova Street (Stalag No. 313))**

"5th Regiment", or Stalag No. 313, is a death camp created by the Nazi invaders in the city of Vitebsk in September 1941. It was located on the northwestern outskirts of the city on the territory of the former 5th railway regiment at the end of the modern Titov street. Its branches were located at the stations of Liozno, Vitebsk, Sirotino, Rudnya and Kuprino. The territory is fenced with a wire fence in several rows with three observation towers.

The death camp contained approximately 28–35 thousand prisoners. The prisoners of war lived in barracks, which were not heated in winter. Food was scarce: two frozen potatoes, half a liter of gruel on "bone-dust" flour, made from the ground bones of horses. The prisoners were starving and could hardly walk from exhaustion. The administration daily sent groups of prisoners of war to work in the city. On the way, the German escorts beat Russian prisoners of war with rifle butts because they were lagging behind, and those who were exhausted were shot with rifles.

From 1942, civilian prisoners were also kept in the death camp. In March-April 1943, about 20 thousand residents of city of Vitebsk and surrounding villages were placed in it. Until July 1944, it was used as a transit ship. About 150 thousand people passed through it, about 80 thousand of whom died. Among the dead – about 12 thousand civilians.

From the copy of the Act of Extraordinary State Commission No. 9 on identification and investi-

погибли. В числе погибших – около 12 тысяч мирных жителей.

Из копии акта ЧГК № 9 по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников на территории Железнодорожного района г. Витебска следует, что в феврале месяце 1944 года немцы заключили в лагерь всех жителей города. К тому времени в нем осталось 8 непригодных к жилью барачков, в которых содержалось свыше 12 тысяч человек из числа гражданского населения, в подавляющем большинстве случаев женщины, старики и дети. Многие из них не могли втиснуться в бараки и оставались под открытым небом. Со слов лиц, содержащихся в лагере, из него каждый день выносили не меньше 30 тел узников, умерших от холода и голода.

Оставшихся в живых в начале мая немцы погрузили в товарные вагоны, не разрешили взять с собой вещи. В забитых вагонах несколькими составами их подвезли к линии фронта, в течение десяти дней водили по лесу и наконец поместили в лесу за колючую проволоку под открытым небом в зоне переднего края обороны на расстоянии 8–10 км от станции Крынка Западной железной дороги.

На территории лагеря обнаружено и обследовано около 370 могил убитых советских граждан, как из числа мирного населения, так и военнопленных. На трупах имелись следы пулевых ранений и пыток. Комиссией было установлено, что на территории лагеря захоронено около 80 тысяч человек, из них около 4 тысяч человек гражданского населения, в том числе дети и старики. Преобладающий возраст погибших составлял от 20 до 30 лет. С целью сокрытия могил немецкие преступники запахивали их плугами [10].

Из протокола допроса свидетеля Натальи Климентьевны Махоркиной, 1928 г. р., следует: «...меня и мою сестру Олю немцы погрузили в автомашину и отвезли в город Витебск в лагерь, который размещался в бывших казармах пятого полка. Лагерь был обнесен в несколько рядов колючей проволокой, и кругом лагеря ходили немецкие часовые, которые охраняли, чтобы никто не мог бежать из лагеря. Когда я совместно с другими гражданами вошла в казарму, то я увидела, что в казарме находились граждане. В данной казарме было более 500 человек, в том числе старики и дети. Граждане все размещались на цементном полу. Я совместно со своей

gation of the atrocities of the Nazi invaders and their accomplices on the territory of the Zheleznodorozhny district of Vitebsk, it follows that in February 1944, the Germans imprisoned all the inhabitants of the city in the camp. By that time, 8 barracks unsuitable for housing remained in the camp, in which more than 12 thousand people from among the civilian population were kept, in the vast majority women, the elderly and children. Many of them could be housed into the barracks and remained in the open air. According to oral information provided by people, kept in the camp, at least 30 bodies of people who died of cold and hunger were taken out every day.

In early May, the Germans loaded the survivors into freight wagons and they were not allowed to take things with them. They were brought to the front line in packed wagons in several trains, for ten days they were driven through the forest and finally placed in the forest behind barbed wire in the open air in the zone of the front line of defense at a distance of 8–10 km from Krynka station, Western railway.

About 370 graves of murdered Soviet citizens, both civilians and prisoners of war, were discovered and examined on the territory of the camp. On the corpses were traces of bullet wounds and torture. The commission established that about 80,000 people were buried in the camp, of which: about 4,000 civilians, including children and the elderly. The predominant age of the dead was between 20 and 30 years. In order to hide the graves, German criminals covered them with plows [10].

From the protocol of the interrogation of the witness Natalya Makhorkina, born in 1928, it follows vered them with plows: "...the Germans loaded me and my sister Olya to a car and drove to the city of Vitebsk to the camp, which was located in the former barracks of the fifth regiment. The camp was surrounded by several rows of barbed wire and German sentries walked around the camp, guarding it so that no one could escape from the camp. When I, together with other citizens, entered the barracks, I saw that there were citizens in the barracks. There were more than 500 people in this barracks, including old people and children. The citizens were all seated on the cement floor. Together with my sister Olya, I stayed in this barrack for 3 days, and during this period of time I saw that the German fascists were brutally treated civilians. Namely: in this barrack there were 500 people, if only no more than 40 people can be accommodated in the barrack, the citizens lived on the

сестрой Олей в данном бараке пробыла 3 дня, и за этот период времени я видела, что немецкие фашисты зверски относились к мирным жителям. А именно: в данном бараке было 500 человек, тогда как размещаться в бараке могли не более 40 человек, граждане жили на цементном полу и отдыхали сидя, так как не было места, где отдохнуть. Немцы находящихся граждан кормили какими-то помоями и то по пол-литра в сутки. Граждане с детьми голодали...» [10].

Из протокола допроса свидетеля Марии Павловны Рызо, 1906 г. р.: «В период 1944 года немцы трижды производили облавы на жителей города Витебска и под силой оружия собирали население из домов и отправляли на сборный пункт в казармы бывшего 5-го железнодорожного полка, а оттуда часть увозили в Германию, а часть расстреливали. Это было в период марта, апреля и мая месяцев 1944 года. Лично меня с семьей, троих детей и брата, немцы в мае месяце 1944 года под силой оружия вывели из подвала, где мы скрывались, и на автомашинах отвезли в числе других в бывший 5-й железнодорожный полк. В этом месте пробыла дней семь, после чего нас погрузили на поезд и отправили до разъезда Лучковский... Условия в лагере были невыносимые. Кормили нас очень плохо. От голода многие умерли...» [10].

Из протокола допроса потерпевшей Г.Д. Халецкой, 1937 г. р.: «...осенью 1943 года... всех мирных жителей сослали в лагерь, расположенный в районе 5-го полка в г. Витебске. Я тогда была очень юной. Мы жили в бараках, было очень холодно и голодно. Кормили один раз в день баландой. Я плохо помню события того времени, но помню постоянное чувство голода и страха, было очень холодно. Но моя мама потом после освобождения нас из лагеря рассказывала, что, когда мы с ней были в этом лагере смерти, я в своей миске с баландой увидела какой-то ноготь и показала его маме, а она показала еще кому-то из пленных, все рассматривали этот ноготь, четко определили, что это человеческий ноготь с руки, но он был не частью постриженного с руки, а весь ноготь с пальца человеческой руки. Тогда все узники, которые об этом узнали, сказали, что это действительно человеческий ноготь. А одна старушка сказала мне: «Что же ты, Галя, наделала, теперь мы все умрем от голода», но так как есть больше было нечего, то мы все продолжали есть баланду, которой нас кормили в лагере смерти...» [10].

cement floor and rested by sitting, since there was no place where to rest. The Germans were feeding citizens with some kind of swill, and then one half liter a day. Citizens with children starved... [10].

From the protocol of the interrogation of the witness Maria Ryzo, born in 1906: "In the period of 1944, the Germans raided the inhabitants of the city of Vitebsk three times and, at the point of the bayonet, took the population from their houses and sent them to the collection point in the barracks of the former 5th railway regiment, and from there some were taken to Germany, and some were shot. This was during the months of March, April and May 1944. Personally, my family, three children and my brother, the Germans in May 1944, at the point of the bayonet, were taken from the basement where we were hiding, and by car drove us with others to the former 5th railway regiment. I stayed in this place for seven days, after which we were loaded onto a train and transported to the Luchkovsky station... The conditions in the camp were unbearable. We were fed very badly. Many died of starvation..." [10].

From the protocol of the interrogation of the victim G. Khaletskaia, born in 1937: "...in the autumn of 1943... all civilians were exiled to a camp, located in the area of the 5th regiment in the city of Vitebsk. I was very young then. We lived in barracks, it was very cold and there was no food. We were fed once a day with gruel. I do not remember the events of that time well, but I remember the constant feeling of hunger and fear, it was very cold. But then, after we were released from the camp, my mother told me that when she and I were in this death camp, I saw some kind of nail in my bowl of gruel and showed it to my mother, and she showed it to another of the prisoners, everyone looked at this nail, clearly identified that it was a human nail from a hand, but it was not part of a cut one from a hand, but the entire nail from a finger of a human hand. Then all the prisoners who found out about it said that it was really a human nail. And one old woman told me: "What have you done, Galya, now we will all die of hunger", but since there was nothing else to eat, we all continued to eat the gruel that which were provided to us in the death camp..." [10].

From the protocol of interrogation of the victim M. Ryko, born in 1935: "Before the start of World War II, I lived with my parents, and then we moved to the village of Pushcha of Vitebsk district, and around 1943 the village was occupied by German soldiers, and my mother and I, like other civilians, were sent to a concentration camp located in the area of

Из протокола допроса потерпевшего М.Н. Рыко, 1935 г. р.: «До начала Великой Отечественной войны я проживал со своими родителями, а после мы переехали в д. Пуща Витебского района, а примерно в 1943 деревню оккупировали немецкие солдаты, а меня с моей матерью, как и остальных мирных жителей, отправили в концлагерь, расположенный в районе 5-го полка в Витебске... Условия проживания в этом концлагере были невыносимые, на глазах гражданских пленников расстреливали военных пленников, например тех, кто имел связь с партизанами, а потом заставляли нас копать ямы для убитых и закапывать. Кормили ужасно, на многих давали одну буханку черного хлеба раз в неделю, на всех хватало, многие умирали от голода. Бывало что притащат мертвого коня и дают его пленным есть. При этом не было ни ножа, ничего, и чтобы выжить, грызли зубами сырое мясо и тушу этого коня, который уже лежал и день, и два, и больше, от него пахло гнилью. Взрослые также не работали, как и дети, только хоронили военных русских, которых убивали на допросах или после... Мы в этом лагере жили в невыносимых условиях, спали на железных кроватях и не было ни одеяла, ничего, было очень холодно. Если кто-то из пленных болел, в том числе заразными болезнями, их не отделяли от остальных, они по-прежнему находились вместе с остальными, больным никакого лекарства и любой медицинской помощи не оказывали...» [10].

the 5th regiment in Vitebsk... The living conditions in this concentration camp were unbearable, in front of civilian prisoners they shot militaries, for example, those who had connections with the partisans, and then they forced us to dig holes for the dead and bury them. We were fed very poorly, many were given one loaf of black bread once a week, there was not enough food for everyone, many died of hunger. Sometimes they drag a dead horse and give it to the prisoners to eat. At the same time, there was not a knife, nothing, and in order to survive, they gnawed with their teeth the raw meat and the carcass of this horse, which had already been lying for a day, and two, and more, it smelled of rot. Adults also did not work, like children, they only buried militaries, who were killed during interrogations or after them... We lived in this camp in unbearable conditions, slept on iron beds and there was no blanket, nothing, it was very cold. If one of the prisoners fell ill, including with infectious diseases, they were not separated from the rest, they lived with the rest, they did not provide any medicine or any medical assistance to the sick... [10].

Группы узников, замученных немецко-фашистскими захватчиками на территории 5-го железнодорожного полка в г. Витебске. Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов. 0-034012
The corpses of prisoners tortured to death by the Nazi invaders on the territory of the 5th railway regiment in the city of Vitebsk. Belarusian State Archive of Film and Photo Documents. 0-034012

ЛАГЕРЬ У ПЕРЕДНЕГО КРАЯ НЕМЕЦКОЙ ОБОРОНЫ ТЕРРИТОРИЯ 5-ГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ПОЛКА, Г. ВИТЕБСК

Узники концлагеря «5-й полк», освобожденные бойцами 5-й гвардейской танковой армии 3-го Белорусского фронта около д. Марьяново Лиозненского района. Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов. 0-103470
Prisoners of the concentration camp "5th Regiment", liberated by soldiers of the 5th Guards Tank Army of the 3rd Belorussian Front near the village of Maryanovo of Liozno district. Belarusian State Archive of Film and Photo Documents. 0-103470

Акт ЧГК. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 46. Л. 12
Act of Extraordinary State Commission. National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 46. L. 12

Общий вид мест захоронения узников концлагеря «5-й полк» в г. Витебске (северо-западная сторона).
Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов. 0-132227
General view of the burial places of prisoners of the concentration camp "5th Regiment" in Vitebsk (north-western side).
Belarusian State Archive of Film and Photo Documents. 0-132227

Освобожденные из лагеря смерти «5-й полк» жители Витебска.
Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов. P001258
Residents of Vitebsk liberated from the death camp "5th Regiment".
Belarusian State Archive of Film and Photo Documents. P001258

ЛАГЕРЬ У ПЕРЕДНЕГО КРАЯ НЕМЕЦКОЙ ОБОРОНЫ
ТЕРРИТОРИЯ 5-ГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ПОЛКА, Г. ВИТЕБСК

Узники лагеря смерти «5-й полк». Личный архив В.Н. Борисенкова
Prisoners of the death camp "5th Regiment". Personal archive of V. Borisenkov

Узники лагеря смерти «5-й полк». Личный архив В.Н. Борисенкова
Prisoners of the death camp "5th Regiment". Personal archive of V. Borisenkov

Барак для узников лагеря смерти «5-й полк». Личный архив В.Н. Борисенкова
Hut for prisoners of the death camp "5th Regiment". Personal archive of V. Borisenkov

РАССЛЕДОВАНО

132/137

2

А К Т

26 сентября 1944 года.

Гор. Витебск.

Мы, ниже подписавшаяся комиссия в составе: Начальник УНКВД по Витебской области подполковник Госбезопасности т. ГОГОЛЕВ, военный прокурор войск НКВД майор Юстиции НОВИКОВ, Облсудмедэксперт СИЛИЩЕВ, сотрудник УНКВД младший лейтенант ДОМАННОВ, Начальник Облсанэпидстанции ДЕМЬЯНОВИЧ и Облгоссанинспектор КАРДАШ по поручению Облсоветской комиссии содействия в работе Черезграничной Государственной Комиссии по расследованию злодеяний немецких оккупантов произвели обследование мест захоронения истребленных немецкими оккупантами советских граждан на территории города Витебска.

Материалами следствия, осмотра мест истребления и захоронения, а так же судебно-медицинским исследованием трупов и их останков Комиссия установила: в течение всего периода временной оккупации на территории г. Витебска и его окрестностей немцами - фашистские варвары производили массовые, систематические истребления советских военнопленных и мирных граждан. Немецко-фашистские изверги уничтожили десятки тысяч бойцов и офицеров Красной Армии.

Безчисленные места захоронения, обнаруженные Комиссией в районе г. Витебска свидетельствуют, о планомерном умерщвлении фашистскими захватчиками, детей, подростков, женщин и стариков.

С целью сокрытия совершенных злодеяний немцы в некоторых местах делали захоронения могил ям и траншей и посея на них.

В районе г. Витебска и его окрестностей Комиссия обследовала могилы массовых жертв фашистского террора:

- 1) На территории бывшего 5-го железнодорожного полка,
- 2) На территории кирпичного завода и
- 3) На территории ново-улавоской гари и Черного болота.

Лагерь военнопленных на территории бывшего 5-го железнодорожного полка (в трех километрах от г. Витебска между двух шоссе - на Полоцк и на Городок).

Здесь Комиссия обнаружило 70 могил, имеющих в среднем размер 7 x 6 x 4 м. и возле этих могил еще до трех сот могил размером 2 1/2 x 3 x 2 1/2 м. Трупы найдены в могилах находились в беспорядочном положении т.е. одни из них лежали вниз лицом, другие вверх ногами, третья с подбитыми коленями и низоту, четвертые ногами к лицу пятых и т.п. (см. фотографии).

Большинство из них были одеты в военную или гражданскую одежду. Судебно-медицинским осмотром установлены повреждения костей черепа тупыми предметами (например прикладами винтовок) и пулевыми ранениями из огнестрельных орудий.

Осмотром пулевых ранений в костях черепа и тела установлено, что большинство входных отверстий пулевых ранений расположено в области затылка головы и задних частей тела.

Судебно-медицинским исследованием трупов и свидетельскими показаниями граждан, установлено, что содержавшиеся в лагере военнопленные и мирные жители умерщвлялись путем создания голодного режима при непосильном изнуряющем физическом труде, антисанитарных условиях ведения массовых и индивидуальным заболеваниями (сыпной тиф, дизентерия и др.) лишения медицинской помощи, истязаний и систематических расстрелов.

В одной из ям величиной 15 x 10 x 5 м. найдено большое количество трупов в военной одежде с наличием охоронившихся бинтов и металлических провололочных тин на местах ранений и перелома костей.

Эта яма была заполнена исключительно ранеными военнопленными. Другая яма представляющая собой почти круглую форму заполнена трупами мужчин в военной форме умерших от изнурительного голода и холода. Трупы не имеют под сохранившейся кожей никакой подкожно-жировой клетчатки. Это - оскелет обтянутые кожей. В верхней слое этой ямы насчитано Комиссией до трехсот трупов, а таких слоев здесь было семь.

С западной стороны лагеря. Здесь в низких обнаружено несколько могил крупного размера. В одной из них размером 7 x 8 x 4 м. трупы военнопленных

в одежде с солдатскими котелками, пустыми консервными банками, пряжкой - зажимами к пояскому ремню или заменяющей ремень проволоки. Здесь много ложек, вилочек, баночек с крупинками соли и других предметов. В этой яме найден труп одной женщины в гражданской одежде рядом с которой лежал стеклянный стакан с вложенными в него детскими чулочками.

Предполагаемый возраст погибших 20 - 30 лет.

Общее количество расстрелянных и погибших от голода и истязаний и захороненных на территории бывшего 5-го железнодорожного полка по свидетельским показаниям и данным экспертизы превышает 80 000 чел. Из них было около 4 000 человек гражданского населения: детей, стариков, женщин.

Расследованием Комиссией установлено, что лагерь военно-пленных на территории бывшего 5-го железнодорожного полка был местом массовых расстрелов советских людей с первых дней оккупации до дней прихода Красной Армии. Здесь с целью сокрытия следов злодеяний немцы производили запапки плугами поверхности могил.

Настоящий акт составили и подписали:

ГОГОЛЕВ
 НОВИКОВ
 СИЛИЩЕВ
 ДОМАННОВ
 ДЕМЬЯНОВИЧ
 КАРДАШ

A C T

September 26, 1944

Vitebsk

We, the undersigned commission, consisting of: the head of the UNKVD for the Vitebsk region, lieutenant colonel of state security Comrade GOGOLEV, the military prosecutor of the NKVD troops, Major of Justice NOVIKOV, the regional forensic expert SILISCHEV, UNKVD officer junior lieutenant DOMASHNEV, the head of the regional sanitary epidemiological station DEMYACHONOK and the regional state sanitary inspector KARDASH, by order of the regional commission for assistance on the work of the Extraordinary State Commission for Investigating the Atrocities of the German Occupiers, carried out a survey of the burial places of Soviet citizens exterminated by the German occupiers in Vitebsk.

By materials of the investigation, examination of the places of extermination and burial, as well as the forensic medical examination of the corpses and their remains the Commission established: during the entire period of temporary occupation on the territory of Vitebsk and its surroundings the Nazi barbarians carried out mass, systematic extermination of Soviet prisoners of war and civilians.

The Nazi monsters destroyed tens of thousands of soldiers and officers of the Red Army.

Numerous grave sites discovered by the commission in the Vitebsk region testify to the systematic slaughter by the Nazi invaders of children, adolescents, women and the elderly by the fascist invaders.

In order to hide the atrocities committed, the Germans in some places plowed up graves, pits and trenches and sowed on them.

In the area of Vitebsk and its environs, the commission examined the graves of the mass victims of the Nazi terror:

- 1) On the territory of the former 5th railway regiment.
- 2) On the territory of the brick factory.
- 3) On the territory of Novo-Ulavskaya hill and the Black Swamp.

POW camp on the territory of the former 5th railway regiment (three kilometers from Vitebsk between two highways to Polotsk and Gorodok).

Here the commission found 70 graves with an average size of 7×6×4m, and in addition to those, up to three hundred more graves measuring 2½×3×2½ m.

The corpses found in the graves were in a disorderly position, i.e., some of them lay face down, others upside down, others with their knees pressed to their stomachs, others with their feet to the faces of fifths, etc. (see photographs).

Most of them were dressed in military or civilian clothes.

The forensic medical examination established injuries to the skull bones from blunt objects (for example, rifle butts) and bullet wounds from firearms.

Examination of bullet wounds in the bones of the skull and body found that most of the entrance holes of bullet wounds were located at the back of the head and the back of the body.

The forensic medical examination of the corpses and testimonies of citizens established that the prisoners of war and civilians held in the camp were put to death by starvation and exhausting physical labour, unsanitary conditions that led to mass infectious diseases (typhus, dysentery, etc.), deprivation of medical care, torture and systematic executions.

In one of the pits, 15×10×5 m in size, a large number of corpses in military clothes were found with preserved bandages and metal wire splints at the sites of wounds and broken bones.

This pit was filled exclusively with wounded prisoners of war.

Another pit, which is almost round in shape, is filled with the corpses of men in military uniform who died from debilitating hunger and cold. The corpses do not have any subcutaneous fat under the preserved skin. They are skinned skeletons. In the upper layer of the pit, up to three hundred corpses were counted by a commission, and there were seven such layers here.

The western side of the camp. Several large graves were found here in the lowlands. In one of them, measuring 7×8×4 m, there are corpses of prisoners of war in clothes with soldier's bowlers, empty tin cans tied to a waist belt or a wire replacing a belt.

There are many spoons, mugs, jars with grains of salt and other items. In this pit, the corpse of a woman in civilian clothes was found, next to which lay a glass cup with children's stockings in it.

The predominant age of the dead is 20–30 years.

The total number of people shot and killed by starvation and torture and buried on the territory of the former 5th railway regiment, according to witness testimony and expert evidence, exceeds 80,000. Of these, there were about 4,000 civilians: children, the elderly, women.

The investigation of the commission established that the POW camp on the territory of the former 5th railway regiment was the site of mass executions of Soviet people from the first days of the occupation until the days of the arrival of the Red Army. Here, in order to hide the traces of atrocities, the Germans plowed the surfaces of the graves with plows.

This act has been drawn up and signed:

GOGOLEV
NOVIKOV
SILISCHEV
DOMASHNEV
DEMYACHONOK
KARDASH

ТРУДОВЫЕ (РАБОЧИЕ) ЛАГЕРЯ на оккупированной территории БССР

LABOR CAMPS on the occupied territory of the BSSR

Подобные места массового содержания и истребления людей создавались повсеместно на оккупированной территории БССР, в том числе при немецких воинских соединениях. В них загоняли население, захваченное в оккупированном районе или в районе действия воинского соединения специально выделенным нарядом войск. Заключенных использовали преимущественно на строительстве и ремонте шоссе и железных дорог, для работ по расчистке завалов, для разминирования, для сбора неразорвавшихся снарядов. Узники работали в составе рабочих команд, под строгим надзором охраны. Население подвергалось смертельной опасности в результате боевых действий. Условия труда и содержания, жестокое обращение со стороны охраны, крайне недостаточное питание стали причинами высокой смертности заключенных, частой сменяемости состава [3].

Similar places of mass detention and extermination of people were created everywhere in the occupied territory of the BSSR, including at the German military formations. They drove the population captured in the occupied district or in the area of operation of a military unit by a specially assigned detachment of troops. Prisoners were used mainly in the construction and repair of highways and railways, for work on clearing of rubble, for mine clearance, and for collection of unexploded shells. The prisoners worked as part of work teams, under the strict supervision of the guards. The population was exposed to mortal danger as a result of hostilities. Working and maintenance conditions, ill-treatment by the guards, extremely malnutrition became the reasons for the high death rate of prisoners, and the frequent turnover of composition [3].

**Трудовой лагерь вблизи
фабрики «Профинтерн» в г. Борисове**

На территории г. Борисова располагался трудовой лагерь вблизи фабрики «Профинтерн»/«Коминтерн». В указанном месте за время его существования было расстреляно не менее 540 граждан. Трудовой лагерь существовал до 28 июня 1944 года, вплоть до освобождения города Красной Армией [31].

Согласно показаниям свидетеля Е.Н. Петрова, в расстреле принимали участие немецкие военнослужащие, а также полицейские (в частности, указывает на полицейского смоленской полиции по фамилии Тарасов). Организаторами расстрела были шеф смоленской полиции и начальник трудового лагеря обер-лейтенант (фамилии ему неизвестны, оба немцы) [32].

Из показаний Д.Г. Мирука в ходе судебного процесса о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими преступниками в БССР, в январе 1946 года, где об обстоятельствах существования данного лагеря смерти он сообщил следующее: «...Я вернулся обратно в Борисов, где прожил 6 месяцев. 14 апреля 1944 года я был снова арестован. При допросе 19 апреля я был избит до потери сознания, били меня плетками и палками. 20 апреля меня отправили в тюрьму. С 20 по 27 апреля я находился в тюрьме без всяких допросов. 27 апреля меня перевели в лагерь, который находился рядом с фабрикой «Коминтерн».

Там же находилось около 1 тысячи граждан. Эти заключенные работали на фабриках «Коминтерн» и «Профинтерн», а также на строительстве укреплений. Работа была очень тяжелая, непосильная для человека. Кормили очень плохо: давали один литр воды и один литр баланды. На таком питании должны были жить заключенные.

В мае месяце приехали две машины, выстроили всех, кто находился в лагере, и стали вызывать по списку детей. Дети были в возрасте от 3 до 12 лет. Наполнили машину этими детьми и посадили нетрудоспособных стариков в другую. Если матери старались передать какую-либо одежду для детей, их травили собаками.

Немцы это объясняли: старики отвезут детей в детские дома, где они будут находиться, но оказалось, что это не так. Когда машины начали отходить, в машины сели автоматчики.

**Labor camp near
the Profintern factory in the city of Borisov**

A labor camp was located on the territory of the city of Borisov near the Profintern / Komintern factory. At least 540 citizens were shot in the indicated place during its existence. The labor camp existed until June 28, 1944, until the city was liberated by the Red Army [31].

According to the testimony of witness E. Petrov German military personnel and also police officers took part in the execution (in particular, he told about a policeman of the Smolensk police named Tarasov). The organizers of the execution were the chief of the Smolensk police and the head of the labor camp, chief lieutenant (surnames unknown to him, both Germans) [32].

From the testimony of D. Miruk during the trial of the atrocities, committed by Nazi criminals in the BSSR, in January 1946, where he reported the following on the circumstances of the existence of this death camp: "...I returned back to Borisov, where I lived for 6 months. On April 14, 1944, I was again arrested. During the interrogation on April 19, I was beaten until I lost consciousness, they beat me with whips and sticks. On April 20, I was sent to prison. From April 20 to April 27, I was in prison without any interrogations. On April 27, I was transferred to a camp located next to the Komintern factory.

There were also about 1 thousand citizens. These prisoners worked at the Komintern and Profintern factories, as well as at the construction of fortifications. The work was very hard, unbearable for a person. We were fed very poorly: they us gave one liter of water and one liter of gruel. The prisoners were supposed to live on such food.

In the month of May, two cars arrived, they lined up everyone who was in the camp, and began to call children according to the list. The children were between the ages from 3 to 12. They filled the car with these children and put the disabled old people in another. If mothers tried to give any clothes for the children, they were hounded.

The Germans explained this: the old people would take the children to orphanages, where they would be, but it wasn't like they told us. When the cars began to move away, submachine gunners got into the cars. The cars left the gates of the camp, but where they took the children is still unknown.

Машины вышли за ворота лагеря, но куда они девали детей, до сих пор неизвестно.

26 июня в 11–12 часов дня из лагеря было отправлено 600 человек, но никто не знает куда.

27 июня также неизвестно, куда было отправлено до 800 человек заключенных, а вечером того же дня вместо них было привезено из тюрьмы около 100 человек.

28 июня в лагере находилось около 1500 ни в чем неповинных советских людей.

28 июня 1944 года примерно в 11–12 часов дня все мужчины были согнаны в один барак, а дети и женщины – в другой. Конвой был усиленный как вокруг лагеря, так и внутри него. Скоро всех выгнали во двор лагеря и стали строить: мужчин – между двумя бараками, а женщин – на площади. По какой причине производились все эти перестроения, я не знаю. Однако после последнего построения женщин вывели на улицу и увезли, а мужчин, свыше 600 человек, оцепленных автоматчиками и пулеметчиками, начали расстреливать. Я сам, раненный в грудь тремя пулями и одной в ногу, скрылся среди трупов, которые лежали тут же, а затем с трудом отполз к болоту и залез в сарай.

Из этого сарая я видел все, что делалось внутри лагеря, как добывали заключенных, ни в чем неповинных советских граждан.

Когда в лагере все были расстреляны, не было уже живых, начали делать проческу по болоту и ближайшим домам. Там, где немцы обнаруживали раненых или спасшихся живых людей, то живых их приводили обратно в лагерь и расстреливали, а раненых добывали на месте. Они бросали на трупы расстрелянных гранаты и взрывали их.

Чтобы скрыть следы своего страшного преступления, они облили трупы какой-то жидкостью, после чего трупы подожгли...» [26].

Из показаний потерпевшей Л. следует, что она находилась в данном лагере смерти вместе с матерью на протяжении года, до освобождения территории БССР. В нем отдельно от членов своей семьи находился ее отец, которого избивали, заставляли работать, а также сдавать кровь для раненых немцев. Людей старшего возраста и больных расстреливали и массово хоронили на территории трудового лагеря. Мать рассказывала Т.А. Лихачевской, что после боев людей заставляли собирать останки человеческих тел [10].

On June 26, at 11–12 p.m., 600 people were sent from the camp, but no one knows where.

On June 27, it is also unknown where up to 800 prisoners were sent, and in the evening of the same day, about 100 people were brought from prison instead.

On June 28, there were about 1,500 innocent Soviet people in the camp.

On June 28, 1944, at about 11–12 p.m., all the men were driven into one hut, and the children and women into another. The convoy was reinforced, both around the camp, and also inside it. Soon everyone was driven out into the courtyard of the camp and began to build: men – between two barracks, and women – at the square. I don't know for what reason all these rebuilding were made. However, after the last formation, the women were taken out into the street and taken away, and over 600 men, cordoned off by submachine gunners and machine gunners, shooting started. I wounded in the chest by three bullets and one in the leg, hid among the corpses that lay right there, and then crawled with difficulty to the swamp and climbed into the shed.

From this shed, I saw everything that was done inside the camp, how prisoners, innocent Soviet citizens, were finished off.

When everyone in the camp was shot, no one was alive anymore, they began raid through the swamp and the nearest houses. Where the Germans found wounded or surviving living people, they were brought alive back to the camp and shot, and the wounded were finished off on the spot. They threw grenades on the corpses of the executed and blew them up.

In order to hide the traces of their terrible crime, they doused the corpses with some kind of liquid, after which they set the corpses on fire...» [26].

From the testimony of the victim L. it follows that she was in this death camp with her mother for a year, until the liberation of the territory of the BSSR. In the camp, apart from the members of his family, was her father, who was beaten, forced to work, and also to donate blood for the wounded Germans. Older people and the sick were shot and buried en masse in the territory of the labor camp. Mother told T. Likhachevskaya that after the fighting people were forced to collect the remains of human bodies [10].

А к т № 2.

7-го сентября месяца 1944 года, Город Ново-Борисов.

Мы нижеподписавшиеся, Комиссия в составе Председателя Комиссии Члена Городской Чрезвычайной Комиссии по учету ущерба причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками. Ответственный секретарь горисполкома тов. Будниковский, Члены комиссии г.т. Зав. Общед. Отделом Горисполкома Вершок, врач Борисовского Горздравпункта Банкетова, Землеустроитель Борисовского Района Подосенова, составили настоящий акт на нижеследующее:

В 1944 году 28 числа июня месяца, немцами было расстреляно в концлагере, расположенном в районе фабрики Прошилери города Ново-Борисов 540 человек советских граждан. Обследовав территорию бывшего концлагеря и опросив свидетелей нами установлено, и обнаружено 11 ям-могил, в которых захоронено 380 человек и 24 ям-могилы в которых захоронено по 5 человек, советских граждан, что и подтверждается показаниями свидетелей Мирук Д.Г., Петровой С.Н., Горох В.С.

Кроме того, комиссией обнаружены могилы вне пределов лагеря, на берегу реки Березины 6 могил, в которых захоронено 18 человек, вблизи лещачих и конюшарни, отгородах 8 ям-могил в которых захоронено 22 человека. Также на территории концлагеря, комиссией обнаружена бочка с ядовитым веществом, по показаниям свидетелей немцы обливали трупы этим веществом с целью скрывать их, и тем самым скрыть свои злодеяния.

Врачами Горздрава города Борисова, что за неизвестно убито, лишь не удалось.

Следовательно, всего 28 июня 1944 года в концлагере было расстреляно 540 человек советских граждан.

К акту прилагаются протоколы опроса свидетелей.

Председатель Комиссии [подпись]
Члены: 1. [подпись], 2. [подпись], 3. [подпись]
Секретарь Горисполкома [подпись]
Акт зарегистрирован в книге актов по учету ущерба от 1944 года.

Акт ЧГК. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 98. Л. 13
Act of Extraordinary State Commission. National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 98. L.13

September 7, 1944, Novo-Borisov

We the undersigned, Commission composed of the Chairman of the Commission Member of the City Extraordinary Commission for Accounting for Damage Caused by the Nazi Invaders and their accomplices, Executive Secretary of the City Executive Committee, comrade Butvlovsky; Members of the commission, comrades: Head of the General Department of the City Executive Committee Vershok, Doctor Bakishev of Borisov City Health, Land Surveyor of the Borisov District Land Department Podosenova, have drawn up the present act on the following:

In 1944, on the 28th of June, 540 Soviet citizens were shot by the Germans in a concentration camp near the Profintern factory in Novo Borisov. By examining the territory of the former concentration camp and interviewing witnesses, we identified and discovered 11 pit-graves, in which 380 people were buried and 24 pit graves, with 5 Soviet citizens each, which was confirmed by testimonies of witnesses Miruk D.G., Petrova S.V., Goroch E.S.

In addition, the commission found graves outside the camp on the banks of the river Berezhina 6 graves, in which 18 people were buried, in gardens adjacent to the concentration camps, in which 22 people were buried.

There, on the territory of the concentration camp, a barrel with some substance was found. According to the testimony of witnesses, the Germans had doused the corpses with this substance in order to burn them, thereby hiding their atrocities.

The doctors of the city health department of Borisov could not establish what kind of substance.

Consequently, on June 28, 1944, 540 Soviet citizens were shot in the concentration camp. The report is accompanied by records of witness interviews.

Chairman of the Commission

OFFICIAL SEAL

This act is certified by: Chairman of the City Executive Committee Signature
Secretary of the City Executive Committee Signature
The act is registered in the book of acts on accounting for damage from " " 1944
Secretary of the City Executive Committee Signature

В ходе расследования уголовного дела в качестве потерпевшей допрошена В.М. Петровская, которая находилась в лагере смерти в г. Борисове («Зеленый лагерь»).

Об известных ей фактах зверств немецко-фашистских захватчиков потерпевшая В.М. Петровская сообщила следующее: «...значит, лежу я под телегой, шел немец рядом, открыл занавеску и меня вытягивает оттуда, принес здоровенную сумку черную, растегнул, а там лежат только пальцы отрубленные, человечьи пальцы. Моя задача: взять каждый палец и снять с него кольцо и положить в другую коробку, а палец этот положить в еще одну. И так целый день моей работы. Но если сделаю мало, были такие толстые пальцы, я не могу снять с них этого

During the investigation of the criminal case, V. Petrovskaya, who was in the death camp in the city of Borisov ("Green Camp"), was interrogated as a victim.

On the facts of the atrocities of the Nazi invaders known to her, the victim V. Petrovskaya reported the following: "...so I'm lying under the cart, a German walked nearby, opened the curtain and pulled me out, brought a hefty black bag, unbuttoned it, and there were only severed fingers, human fingers. My task is to take each finger and remove the ring from it and put it in another box, and put this finger in another one. And the whole day of my work was like that. But if I don't do enough, there were such thick fingers, that I can't remove this ring from them, then when he took it, when he drained the water from my hands, he

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Кадр из видеозаписи допроса потерпевшей В.М. Петровской. Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. A frame from the video recording of the interrogation of the victim V. Petrovskaya

кольца, тогда он, когда забирал, он еще эту воду, когда слил с моих рук, он еще старался мне на лицо лунуть, на живот, на все лицо, что я мало сделала. Каждый день он приносил новую сумку с пальцами тех людей, которых жгли, отрубали пальцы...»

«...ночью привезли машину, чтоб людей газом душишь. Новую машину привезли, только там одно жгут, ихняя работа, здесь мужиков газом душат. Повезут на этот Борисов, там есть крутая гора, там они уже умерших сбрасывали вниз и там целая река из крови образовалась. Потом на лагерь налетели самолеты, разбомбили лагерь и так мы с родителями ползком успели спастись...» [10].

Трудовой лагерь в районе г. п. Богушевск Сенненского района Витебской области (лагерь в Богушевских лесах)

Согласно имеющимся сведениям, трудовой лагерь функционировал с 1943 года и располагался на территории современной д. Заозерье Сенненского района. В конце мая 1944 года среди узников также находились лица, эвакуированные из лагеря смерти на территории 5-го железнодорожного полка в г. Витебске.

В трудовом лагере содержалось около 12 тысяч человек, 4 тысячи из которых погибли в результате убийств, голода, болезней и невыносимых условий содержания. Узников использовали при сооружении оборонительных укреплений.

Кормили заключенных гнилой картошкой, гнилой кониной, супом-баландой. Спали в тесноте на нарах.

Из докладных записок от 24 ноября 1947 года № 2/3158 за подписью начальника управления МВД по Витебской области полковника Гоголева на имя секретаря Витебского обкома КП(б)Б Кудряева «Об итогах следствия по группе немецких военных преступни-

still tried to pour it to my face, on my stomach, on my whole face because I did little. Every day he brought a new bag with the fingers of those people who were burned, their fingers were cut off..."

"...at night they brought a car to choke people with gas. They brought a new car, only one thing they burn there, their work is strangle men with gas. They will take them to Borisov, there is a steep mountain, there they threw the dead down and a whole river of blood was formed. Then planes flew into the camp, bombed the camp, and so my parents and I managed to escape by crawling..." [10].

A labor camp near the town of Bogushevsk of Senno district of Vitebsk region (a camp in the Bogushevsky forests)

According to available information, the labor camp has been functioning since 1943 and was located on the territory of the modern village of Zaozerye of Senno district. At the end of May 1944, among the prisoners there were also persons, evacuated from the death camp on the territory of the 5th railway regiment in the city of Vitebsk.

About 12,000 people were detained in the labor camp, 4,000 of whom died as a result of starvation, disease, and unbearable conditions. Prisoners were used in the construction of defensive fortifications.

They fed the prisoners with rotten potatoes, rotten horse meat, and gruel soup. They slept in close quarters, on plank beds.

From internal memorandum from November 24, 1947 No. 2/3158 signed by the head of the De-

ков в городе Витебске», а также от 9 декабря 1947 года № 2/3260 «Об итогах подготовки и проведения процесса над немецкими военными преступниками в г. Витебске» следует, что в период с 29 ноября по 3 декабря 1947 года на базе Белгостеатра на территории г. Витебска Военным трибуналом Прибалтийского корпуса в открытом порядке осуществлен уголовный процесс над десятью немецко-фашистскими преступниками из числа командного состава, совершившими злодеяния на территории Витебской области, а именно: Гольвитцером, Хиттером, Мюллер-Беловым, Дилльманном, Шмидтом, Клуте, Рухом, Буцбахом, Адамом, Гюнтером.

Указанные лица признаны виновными в преступлениях против граждан Советского Союза, совершенных в период с 1941 по 1944 год.

Каждый приговорен Военным трибуналом Прибалтийского корпуса к 25 годам исправительно-трудовых лагерей.

Так, Гольвитцер, являясь командиром 53-го армейского корпуса, во исполнение преступного приказа командующего центральной группы войск Клюге по строительству оборонительной линии «Пантеры» от устья р. Припять до г. Витебска с июня 1943 года насильно мобилизовал до 200 тысяч мирных советских граждан, которые были согнаны в специально созданные концентрационные лагеря.

Немецкими офицерами Гольвитцером и Шмидтом в мае-июне 1944 года изданы приказы о вывозе из лагеря смерти, расположенного на территории 5-го железнодорожного полка в г. Витебске, в Богушевский район на переднюю линию фронта около 12 тысяч женщин, стариков, детей, а также лиц, больных тифом, которые впоследствии были использованы в качестве «живого щита» при отступлении немецких войск. Около 4 тысяч человек из указанного числа были расстреляны [33].

Из показаний узницы Б. следует, что приблизительно в ноябре 1943 года она с другими гражданскими лицами была пленена немцами и полицаями в районе д. Свободное Сенненского района, после чего доставлена в концентрационный лагерь в д. Заозерье в районе г.п. Богушевск, где пробыла до освобождения Красной Армией в 1944 году: «...там посадили за проволоку в сарай, завалило снегом за ночь, уставали, надевшиеся спали, не раздевались, уставали. Снег стрясешь и на работу» [10].

partment of the Ministry of Internal Affairs for the Vitebsk region, Colonel Gogolev, addressed to the secretary of the Vitebsk regional committee of Communist Party of Belarus Kudryaev "On the results of the investigation of a group of German war criminals in the city of Vitebsk", as well as from December 9, 1947 No. 2/3260 "On the results of the preparation and conduct of the trial of German war criminals in the city of Vitebsk" it follows that in the period from November 29 to December 3, 1947, on the basis of the Belarusian state theater on the territory of city of Vitebsk, by the Military Tribunal of the Baltic Corps in an open court, a criminal trial was carried out over ten German fascist criminals from among the commanders who committed atrocities on the territory of the Vitebsk region, namely: Gollwitzer, Hitter, Müller-Belov, Dillmann, Schmidt, Klute, Rukh, Butzbach, Adam, Günther.

These persons were found guilty of crimes against citizens of the Soviet Union committed in the period from 1941 to 1944.

Each was sentenced by the Military Tribunal of the Baltic Corps to 25 years of labor camps.

So, Gollwitzer, being the commander of the 53rd Army Corps, executing of the criminal order of the commander of the central group of troops Kluge to build the Panther defensive line from the mouth of the Pripyat River to the city of Vitebsk from June 1943, forcibly mobilized up to 200 thousand peaceful Soviet citizens, who were driven in specially created concentration camps.

In May-June 1944, German officers Gollwitzer and Schmidt issued orders on the transfer from death camp, located on the territory of the 5th railway regiment in the city of Vitebsk, in the Bogushevsk district, to the front line of about 12 thousand women, the elderly, children, as well as sick with typhus, who were subsequently used as a "human" shield during the retreat of German troops. About 4,000 of the indicated number were shot [33].

It follows from the testimony of prisoner B. that approximately in November 1943, she, along with other civilians, was captured by the Germans and policemen in the area of the village of Svobodnoye of Senno district, after which they were taken to a concentration camp in the village of Zaozerye in the area of the town of Bogushevsk, where she stayed until the liberation by the Red Army in 1944: "...they took us behind the wire in a barn, it was covered with snow overnight, we got tired, we slept in clothes, did not undress, got tired. Shake off the snow and go to work" [10].

**ЛАГЕРЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
И ВОЕННОПЛЕННЫХ
на оккупированной территории БССР**

**Лагерь гражданского населения
и военнопленных в местечке Клястицы
Россонского района Витебской области**

В период немецкой оккупации в 1943–1944 годах клястицкая хлебопекарня была превращена фашистами в лагерь смерти. Вначале здесь разместили военнопленных, а затем стали стогнать мирное население из близлежащих деревень. К организации создания и функционирования причастны немецкий военный комендант местечка Россоны Отто-Ленц и комендант Шмольц.

За время существования лагеря смерти через него прошли порядка 7,5 тысячи жителей Россонщины. Около 1,4 тысячи были убиты, сожжены или умерли от болезней. Узников морили голодом, содержали в условиях антисанитарии и тесноте. Многие заключенные через Латвию были направлены в Германию на принудительные работы.

Из показаний узницы О.Е. Мурзо, 1939 г. р.: «Я очень хорошо запомнила, что в какой-то момент девочка, которая стояла со мной, как ее звали, я не знаю, предложила мне хлебные крошки, которые она собрала где-то на земле. Я помню, что она насыпала этих крошек, которые были перемешаны с песком, мне в карман и я ела их. Потом нас перегнали на территорию ремонтных мастерских, спали мы на цементном полу. При этом территория была обнесена колючей проволокой, на башнях и у входа постоянно дежурили немецкие солдаты, затем взрослое население лагеря гоняли на работу, то есть они восстанавливали мосты и дороги в направлении г. Полоцка» [10].

Из показаний узницы М.В. Голубевой, 1933 г. р.: «...В начале войны сожгли немцы одну деревню... и мы с матерью и братьями пришли в лес, практически ничего не взяв из дома из одежды. Почти сразу нас поймали в лесу немцы и отправили в лагерь в клястицкую пекарню в д. Клястицы Россонского района. Там мы были долго. Там нас почти не кормили, а если и кормили, то хлебом с опилками. Мать постоянно заставляли работать. После этого из лагеря нас пешком отправили в Латвию, чтобы оттуда переправить в Германию» [10].

**CAMPS FOR CIVILIAN POPULATION
AND PRISONERS OF WAR
on the occupied territory of the BSSR**

**Camp for civilian population and prisoners
of war in the town of Klyastitsy
of Rossony district Vitebsk region**

During the German occupation in 1943–1944, the bakery of Klyastitsy was transformed into a death camp by the Nazis. Initially, prisoners of war were placed here, and then they began to drive the civilian population from nearby villages. The German military commandant of Rossony Otto-Lenz and the commandant Schmolz have been involved in organization creation and functioning.

During the existence of the death camp, about 7.5 thousand residents of Rossonshchina passed through it. About 1.4 thousand were killed, burned or died of disease. The prisoners were starved, kept in unsanitary conditions and overcrowded. Many prisoners were sent to Germany through Latvia for forced labor.

From the testimony of prisoner O. Murzo, born in 1939: "I remember very well that at some point the girl who was standing with me, I don't know her name, offered me bread crumbs that she had collected somewhere on earth. I remember that she put these crumbs, which were mixed with sand, in my pocket and I ate them. Then we were transferred to the territory of the repair shops, we slept on the cement floor. At the same time, the territory was surrounded by barbed wire, German soldiers were constantly on duty on the towers and at the entrance, then the adult population of the camp was driven to work, in other words, they restored bridges and roads in the direction of Polotsk" [10].

From the testimony of the prisoner M. Golubeva, born in 1933: "...At the beginning of the war, the Germans burned down one village... and my mother and brothers and I came to the forest, taking practically no clothes from the house. Almost immediately, the Germans caught us in the forest and sent us to a camp in the Klyastitsy bakery in the village of Klyastitsy of Rossony district. We were there for a long time. There they gave us practically no food, and if we were fed, they gave us bread and sawdust. Mother was constantly forced to work. After that, we were sent on foot from the camp to Latvia, in order to be transported from there to Germany" [10].

Из показаний узницы Р.У. Минеевой, 1937 г. р.: «...Я помню, что во время второй карательной операции было уже тепло, то есть это было уже примерно весной или летом 1943 года... Была очень ясная погода, а немцы, которых было очень много в лесу, жгли костры и загорелся лес. Немцы согнали женщин и приказали тушить огонь, угрожая расстрелом. Я помню, что спас всех дождь, который потушил пожар. После этого всех, кто был в лесу, перегнали в д. Морочково, и оттуда нас уже перевели в д. Клястицы в концлагерь, который располагался в помещении хлебопекарни. Туда было согнано очень много людей, и там нельзя было даже присесть, не говоря уже о том, чтобы прилечь. Кормили очень плохо, люди умирали и их выносили наружу, закапывали рядом. Потом нас перегнали на территорию мехдвора в д. Клястицы, где были кирпичные здания, где мы жили, спали на полу... Я помню, что взрослых водили на работу, где они ремонтировали дорогу на г. Полоцк, а дети просто находились на территории лагеря. Потом какую-то часть пленных... отправили в Германию, тоже в концлагерь...» [10].

**Лагерь для гражданского населения
и военнопленных в г. Кричеве**

В период оккупации Кричевского района на территории поселка рабочих цементного завода был организован лагерь военнопленных и гражданского населения. Он располагался на территории цементного завода, в застекленных промышленных корпусах и в двух казарменных постройках.

Согласно акту Кричевской районной комиссии по содействию в работе ЧГК по расследованию и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков от 29 ноября 1944 года, данный лагерь смерти был обнесен тремя рядами колючей проволоки высотой 3 метра, охранялся собаками.

В нем ежедневно умирало не менее 60–70 человек. Трупы умерших граждан немцы периодически сжигали. На цементном заводе был оборудован каменный подвал, куда бросали расстрелянных и умерших от голода и болезней граждан.

За весь период существования лагеря смерти в нем содержалось около 35–40 тысяч человек.

From the testimony of the prisoner R. Mineeva, born in 1937: "...I remember that during the second punitive operation the weather was already warm, in other words, it was the spring or summer of 1943... The weather was very clear, and the Germans, who were very numerous in the forest, burned fires and fire in forest started. The Germans rounded up the women and ordered them to put out the fire, threatening to shoot them. I remember that the rain that put out the fire saved everyone. After that, everyone who was in the forest was transferred to the village of Morochkovo, and from there we were already transferred to the village of Klyastitsy to a concentration camp, which was located in the bakery. A lot of people were driven there and it was impossible to even sit down there, let alone lie down. The food was very bad, people were dying and they were taken outside, buried nearby. Then we were transferred to the territory of the mechanical yard in the village of Klyastitsy, where there were brick buildings, where we lived, slept on the floor... I remember that adults were taken to work, where they were repairing the road to Polotsk, and the children were just in the camp. Then some part of the prisoners... sent to Germany, too, to a concentration camp..." [10].

**Camp for civilians
and prisoners of war in the city of Krichev**

During the occupation of the Krichev district, a camp for prisoners of war and civilians was organized on the territory of the settlement of cement plant workers. It was located on the territory of a cement plant, in glassed industrial buildings and in two barracks buildings.

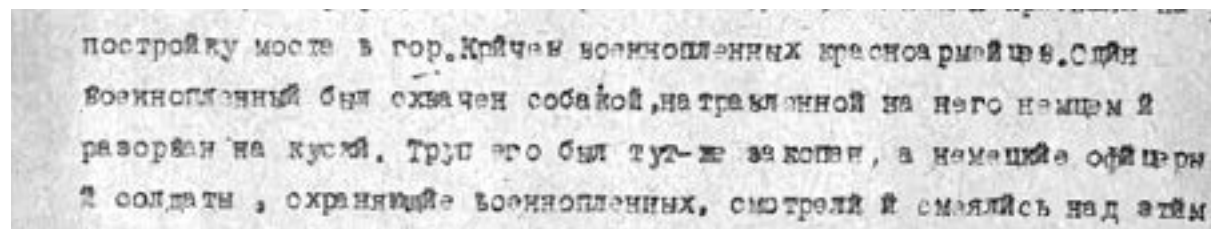
According to the act of the Krichev regional commission in assistance in the work of the Extraordinary State Commission for the Investigation and Establishment of the Atrocities of the Nazi Invaders from November 29, 1944, this death camp was surrounded by three rows of barbed wire 3 meters high, guarded by dogs.

In this death camp, at least 60–70 people died daily. The Germans periodically burned the corpses of dead citizens. A stone cellar was equipped at the cement plant, where citizens, shot or died from starvation and disease were thrown.

For the entire period of existence of the specified death camp, it contained about 35–40 thousand people.

Еду для узников готовили в спиртовых цистернах (бочках). Кормили их один раз в день супом из шелухи картофеля, выдавали по 100 грамм хлеба на человека, чаще всего по 100 грамм муки из желудей. Еду недоваривали, что вызывало массовые отравления [34].

Узников избивали палками, травили собаками. Тех, кто не мог работать, в итоге убивали.

Из акта ЧГК. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 144. Л. 5
From the act of Extraordinary State Commission. National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 144. L. 5

construction of a bridge in Krichev by Red Army soldiers. One POW was seized by a dog set on him by a German and torn to pieces. His corpse was immediately buried, and the German officers and soldiers guarding the prisoners of war looked and laughed at it.

Содержавшихся в этом лагере смерти при постоянном голоде принудительно привлекали к изнурительным работам, в том числе и сельскохозяйственным. От голода изнеможенные люди в отчаянии бросались на еду, за что тут же расстреливались охранниками.

Одними из организаторов и исполнителями злодеяний в акте приведены: капитан Бердер – комендант г. Кричева, капитан фон Бокк – начальник лагеря военнопленных [35].

Их показаний потерпевшей В., 1938 г. р., следует, что в годы войны она была узницей указанного лагеря смерти. Содержалась в трехэтажном здании-бараке. В зимний период барак отапливался при помощи печи. Кормили узников похлебкой из воды и картофельных очистков. Со слов Ф.П. Вододоховой, в лагере была вспышка тифа, из-за чего погибло большое количество людей. В лагере смерти она провела около года [10].

Food for the prisoners was cooked in alcohol tanks (barrels). They were fed once a day with soup from potato husk, they were given 100 grams of bread per person, most often 100 grams of acorn flour. The food was undercooked, which caused mass poisoning [34].

Prisoners were beaten with sticks, hounded. Those who could not work were eventually killed.

Those who were kept in this death camp, in conditions of constant hunger, were forcibly involved in exhausting work, including agricultural work. From hunger, exhausted people in despair fell upon food, for which they were immediately shot by the guards.

Some of the organizers and perpetrators of the atrocities in the act are: Captain Berder – commandant of the city of Krichev, Captain von Bock – head of the camp of prisoner of war [35].

From the testimony of victim V., born in 1938, indicates that during the war years she was a prisoner of the specified death camp. She was kept in a three-story building-barracks. In winter, the barracks were heated with a stove. They fed the prisoners a soup made from water and potato peels. According to F. Vododokhova there was an outbreak of typhus in the camp, which killed a large number of people. She spent about one year in the indicated death camp [10].

ДЕТСКИЕ ЛАГЕРЯ СМЕРТИ на оккупированной территории БССР

Практически повсеместно, в местах массового содержания и истребления людей вместе со взрослыми находились и их дети, которые переносили все тяготы заключения наравне с родителями. К примеру, из Озаричского лагеря смерти, созданного немецко-фашистскими захватчиками в марте 1944 года на территории современного Калинковичского района Гомельской области, было освобождено частями Красной Армии 15 960 детей в возрасте до 13 лет, 13 072 нетрудоспособные женщины и 4448 стариков.

Вместе с тем немецко-фашистские оккупанты и их пособники создавали и лагеря смерти специально для детей, где они содержались без родителей.

Геноцид детского населения на оккупированной территории был частью единого проекта истребления миллионов граждан страны. Материалы ЧГК позволяют представить себе масштабы гитлеровских злодеяний.

Абсолютное большинство детей рассматривалось как объект воздействия нацистской политики геноцида и германизации, как дешевая рабочая сила, при необходимости – как доноры для немецких солдат. Дети принудительно изымались у родителей и фактически не получали необходимого обеспечения, медицинской помощи, не имели условий для гармоничного развития.

Еще в сентябре 1942 года рейхсфюрер СС Гиммлер объявил программу ассимиляции славянских детей: «Я полагаю, что нашим долгом будет взять себе их детей для того, чтобы убрать их из нежелательного окружения и, если будет необходимо, даже просто выкрадывать или отнимать детей насильно. Или мы приобретем хорошую кровь, которую мы сумеем использовать и дадим ей место среди нашего народа, или мы уничтожим эту кровь... Мы будем воспитывать их детей так, как мы хотим сами» [10].

Летом 1944 года вывоз детей на Запад приобрел характер похищения. При отступлении гитлеровцы, по воспоминаниям населения, принудительно изымали детей в возрасте от 8 до 15 лет и направляли в специальные места массового содержания и истребления, которые именовались «юношескими селениями». При

DEATH CAMPS FOR CHILDREN on the occupied territory of the BSSR

Almost everywhere, in places of mass detention and extermination of people, along with adults, there were also their children, who endured all the hardships on an equal basis with their parents. For example, from the Ozarichi death camp, created by the Nazi invaders in March 1944 on the territory of the modern Kalinkovichi district of the Gomel region, 15,960 children under the age of 13, 13,072 disabled women and 4,448 old people were liberated by the Red Army.

At the same time, the Nazi invaders and their accomplices created death camps especially for children, where they were kept without parents.

The genocide of the child population in the occupied territory was part of a single project for the extermination of millions of citizens of our country. The materials of the Extraordinary Commission allow us to see the scale of Hitler's atrocities.

The overwhelming majority of children were considered as an object of influence of the Nazi policy of genocide and Germanization, as a cheap labor force, if necessary, as donors for German soldiers. Children were forcibly taken from their parents and in fact did not receive the necessary support, medical care, and did not have the conditions for harmonious development.

Back in September 1942, SS Reichsführer Himmler announced a program for the assimilation of Slavic children: "I believe that it will be our duty to take their children for ourselves in order to remove them from an undesirable environment and, if necessary, even simply steal or take children by force. Either we will acquire good blood, which we will be able to use and give them a place among our people, or we will destroy this blood... We will raise their children the way we want" [10].

In the summer of 1944, the transportation of children abroad to the West took shape of abduction. During the retreat, the Nazis, according to the memoirs of the population, forcibly taken children aged 8 to 15 years and sent them to special places of mass detention and extermination, which were called "youth villages". At the same time, parents were informed that this was done in order to "provide the children with a proper upbringing". In fact, these "children's camps" were created to take blood and send children to Germany. The blood of Slavic children was recognized as pure, and could not spoil the Aryan, despite the principle of the purity of the

этом родителям сообщали, что это делается для того, чтобы «предоставить детям правильное воспитание». На самом деле данные «детские лагеря» были созданы для забора крови и отправки детей в Германию. Кровь славянских детей признавалась чистой и не могла испортить арийскую, несмотря на принцип чистоты арийской расы и недопустимости контактов с представителями славянских народов. В данном случае детей насильственно забирали у родителей и вывозили в подготовленные для заборов крови места. Так, группу парней 12–14 лет в количестве около 50 человек фашисты отобрали в лагере для гражданского населения в д. Рудобелка и вывезли в г. Бобруйск в один из немецких госпиталей.

Детские дома, несмотря на различие в функциях, стали благоприятной для оккупантов организационной формой геноцида детей через создание непереносимых условий существования. Там господствовали голод, холод, отсутствовали элементарные условия для личной гигиены, квалифицированная медицинская помощь. Некоторые детдома были переведены на самообеспечение и самообслуживание за счет работы воспитанников в сельском хозяйстве. Этим планировалось достичь одновременно нескольких целей: использовать дешевый детский труд и через трудовое обучение воспитать послушных рабов.

Во время оккупации детские дома стали местом настоящего геноцида подрастающего поколения. Нацистской администрацией была поставлена задача не оказывать никакой поддержки детским домам и другим подобным учреждениям.

Факты использования детей в качестве доноров имели место и в детских домах, организованных фашистами на оккупированной территории БССР (Козыревский детский приют г. Минска, детдом при немецком госпитале в г. Витебске и другие, куда детей специально забирали с этой целью). Территорию обносили забором, выставляли вооруженных охранников. Создавался особый режим воспитания, предусматривавший жестокое обращение с детьми за непослушание: избиение ремнем, стеклом, нанесение ударов по голове, выкручивание ушей, лишение пищи. Как правило, после очередного забора крови детей больше не видели [10].

Чаще всего отбирали детей славянской внешности, с голубыми глазами, первой группой кро-

Aryan race and the inadmissibility of contacts with representatives of the Slavic peoples. In this case, children were forcibly taken away from their parents and brought to places prepared for blood sampling. So, a group of children aged 12–14, numbered about 50 people, was selected by the Nazis in a camp for the civilian population in the village of Rudobelka and taken to the city of Bobruisk, to one of the German hospitals.

Orphanages, despite the difference in functions, have become a favorable organizational form of the genocide of children through the creation of unbearable living conditions for the occupiers. Hunger, cold prevailed there, there were no elementary conditions for personal hygiene, qualified medical care. Some orphanages were became self-sufficient and self-serviced due to the work of pupils in agriculture. This was planned to achieve several goals at the same time: to use cheap child labor and, through labor training, to bring up obedient slaves.

During the occupation, orphanages became the site of a real genocide of the younger generation. The Nazi administration was given the task of not providing any support to orphanages and other similar institutions.

The facts of the usage of children as donors also took place in orphanages organized by the Nazis in the occupied territory of the BSSR (Kozyrevo orphanage in Minsk, an orphanage at a German hospital in city of Vitebsk and others, where children were specially taken for this purpose). The territory was surrounded by a fence, armed guards were posted. A special upbringing regime was created, harsh treatment of children for disobedience: beating with a belt, a crop, beating on the head, twisting of their ears, deprivation of food for them. As a rule, after the next blood sampling, the children were not seen again [10].

Most often, children of Slavic appearance were selected, with blue eyes, the first blood type and a positive Rh factor. It is the blood type that is universal for people with any blood type. Nazi criminals needed precisely teenage blood, because due to the hormonal development of children, its value is higher: the process of healing wounds and restoring the body is faster.

In order to prevent clotting of blood during the collection, a special injection was made. An extremely cruel method was tested: children were hung up by the armpits, their chests were squeezed, the skin on their feet was cut off, deep incisions were

vi и положительным резус-фактором. Именно эта группа крови является универсальной для людей с любой группой крови. Нацистские преступники нуждались именно в подростковой крови, поскольку из-за гормонального развития детей ее ценность выше: быстрее происходит процесс заживления ран, восстановления организма.

Для того чтобы кровь при заборе не сворачивалась, делали специальный укол. Был апробирован чрезвычайно жестокий метод: детей подвешивали за подмышки, сдавливали грудь, кожу на ступнях срезали, на них делали глубокие надрезы, и вся кровь стекала в герметичные ванночки. После полного забора крови тела уничтожались.

Начиная с зимы 1942 года воспитанников детских домов отправляли на принудительные работы в Германию. При этом нацистам были нужны здоровые и неизмученные голодом дети, которых предполагалось использовать как рабов. В 1942–1943 годах под депортацию попадали дети в возрасте от 12 лет. В 1944 году возрастной ценз на вывоз детей был снижен до 10 лет. По дороге в поездах сотни детей погибали от голода и холода. Имели место и факты убийства детей, содержащихся в детских домах.

На Нюрнбергском процессе фигурировал акт расстрела Домачевского детского дома Брестской области в сентябре 1942 года, когда были расстреляны 54 ребенка и воспитатель. Среди расстрелянных были и годовалые малыши.

Из показаний нацистских преступников во время проведения судебного процесса в Минске в январе 1946 года известно, что существовало несколько направлений вывоза детей: через Бобруйский детский лагерь (500 подростков из г. Петрикова, 60 – из д. Макаричи Петриковского района), через лагерь смерти на территории учебного хозяйства «Красный Берег» Жлобинского района (1990 детей из Жлобинского, Добрушского, Рогачевского, Стрешинского районов), через лагерь в д. Дворяниновичи в 7 км от Бобруйска (около 2 тысяч детей).

В результате проведения карательных операций дети захватывались для вывоза на принудительные работы и помещения в лагерь смерти. В отчетах об итогах таких операций отдельной строкой указывались общие сведения о количестве таких детей.

Так, во время проведения карательной операции «Зимнее волшебство» (февраль – март

made on them, and all the blood flowed into air-proof small baths. After complete blood sampling, the bodies were destroyed.

Beginning in the winter of 1942, children from orphanages were sent to forced labor in Germany. At the same time, the Nazis needed healthy and children who haven't been subjected to starvation, they were supposed to be used as slaves. In 1942–1943, children over the age of 12 were subject to deportation. In 1944, the age requirement for the transportation of children was reduced to 10 years. Hundreds of children perished on the trains from hunger and cold. There were also facts of the murder of children kept in orphanages.

At the Nuremberg trials, the act of shooting of Domachevo orphanage in the Brest region was presented in September 1942, when 54 children and a teacher were shot. Among those shot were one-year-old babies.

From the testimonies of German criminals during the trial in Minsk in January 1946, there were several directions for the removal of children: through the Bobruisk children's camp (500 teenagers from the city of Petrikov, 60 from the village of Makarichi of Petrikov district), through the death camp on the territory of the educational farm "Krasny Bereg" of Zhlobin district (1,990 children from Zhlobin, Dobrush, Rogachev, Streshin districts), through the camp in the village of Dvoryanovichy, 7 km from Bobruisk (about 2 thousand).

To death camps and forced labor they were placed as a result of conduction of punitive operations. In the reports on the results of such operations, with a separate line general information about the number of captured children was indicated.

So, during the punitive operation "Winter Magic" (February – March 1943), 1000 children were captured, during the operation "Herman" (July – August 1943), 4,178 children were captured, during the operation "Fritz" (September – October 1943) – 1,708 children. Any family that was suspected in dealing with the partisans was unconditionally sent to the death camp, regardless of age and number of children.

In the spring and summer of 1944, operations were carried out throughout BSSR to capture children and adolescents. The military surrounded villages, invaded homes and took children from their parents by force.

The special team "Center", which was located in Minsk, was engaged in transportation of teenagers to military German enterprises. As part of the op-

стр 62
68 54

А К Т

О ИЗДЕВАТЕЛЬСТВАХ И РАССТРЕЛЕ ДЕТЕЙ ДОМАЧЕВСКОГО ДЕТСКОГО ДОМА
БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ БССР.

Мы ниже подписавшиеся жители районного центра ДОМАЧЕВО и бывшие работники детского дома - ГРАЧЕВА Елизавета Дмитриевна, 1913 года рождения, работавшая зав. учебной частью детдома, УООВА Анастасия Ивановна 1920 года рождения - воспитательница, ГОЛОВЕЧКО Ольга Осиповна 1903 года рождения - ночная няня, повар МАЗИЧКИН Вера Иосифовна, 1911 года рождения, ПАВЛИК Антонина Петровна 1924 года рождения - бывшая заведующая детдома, сторож КОЗЛОВСКИЙ Давид Леонтьевич 1892 г. рождения, сторож ГРУШИНСКИЙ Збигнев-Тадеуш 1909 года рождения, ночная няня КАЛИНОВСКАЯ Александра Павловна 1900 года рождения, жители: РЕЗОНЬЕВА Анна Федоровна 1876 г. рожд., АБРАМОВА Наталья Иосифовна 1909 г. рожд., ДЯКИНА Валентина Ильинична 1912 года рождения составили настоящий акт о издевательствах и зверском уничтожении детей ДОМАЧЕВСКОГО детского дома.

В 1941 году, в детском доме находилось 100 детей - русской, белорусской, украинской, еврейской и польской национальностей в возрасте от грудных детей до 12 лет. Находящиеся в детском доме дети в большинстве своем не имели родителей и родственников.

22-го июня 1941 года приход немцев для детей детского дома ознаменован гибелью трех детей: Юли Ючеловского - 3-х лет, Мишеля - 3-х лет и Ивана - 4-х лет и ранением Романа - 6 лет и Надежды 7 лет.

Одно из трех зданий детского дома сгорело и дети были размещены в оставшихся двух зданиях. Переуплотнение и плохое питание способствовали заболеванию детей различными инфекционными болезнями

55

дифтерией, дизентерией и др. В результате заболеваний умерли дети ХОДУРОВЫ Ляся - 3 лет и Витя - 6-ти лет, а также Александр - 4 лет, Виктор - 3-х месяцев и еще 3 - 4 ребенка.

Сотрудники детского дома - заведующая детдомом ЛИЖАНОВА Анна Семеновна 1919 года рождения, комсомолка, ГРАЧЕВА Е.Д. - зав. учебной частью, УООВА Анастасия Ивановна 1919 г. рождения, по приходе немцев были отстранены от работы, а в 1943 году ЛИЖАНОВА расстреляна немцами. 15 детей еврейской национальности в возрасте от 2-х до 12 лет были изъяты из детского дома и помещены в "Тето" а затем 14 из них расстреляно и только КОВАЛЕРОВОЙ Оли - 12 лет удалось спастись бегством.

По приказу немецких оккупационных властей округа шеф района ПРОМОПЧУК приказал бывшей заведующей детским домом ПАВЛИК А.П. отравить больного ребенка РЕННИАХ Лёну 12 лет. После того как ПАВЛИК отказалась отравить ребенка, РЕННИАХ Лёна была расстреляна полицейскими вблизи детского дома, якобы при попытке к бегству.

В целях спасения детей от голода и смерти в 1942 году 11 детей было рождено на воспитание местными жителями и 16 детей взято родственниками.

23 сентября 1942 года к 7-ми часам вечера во двор детского дома прибыла пятитонная автомашина с 6 вооруженными немцами в военной форме. Старший из группы немцев МАКС объявил, что детей повесят в Брест и приказал сажать детей в кузов автомашины. В машину было помещено 55 детей и воспитательница ГРОХЛЬСКАЯ Пелагея. Из помещенных в автомашину детей ШЕХМЕТОВА Тося 9-ти лет спела с машины и убежала, а все остальные 54 ребенка и воспитательница ГРОХЛЬСКАЯ были вывезены в направлении ст. ДУБИЦА 1,5 км. в дер. Лешевка. На пограничной дерево-земляной огневой точке, расположен-

ной на расстоянии 800 метров от реки Западный Буг автомашина с детьми остановилась, дети были раздеты, о чем свидетельствует наличие детского белья на возвратившейся автомашине в Домачево, а дети расстреляны.

О расстреле детей детского дома свидетельствуют жители дер. Делетка : ЯКИМЧУК Матрена Ивановна, ПАНАСЮК Евгения Ивановна, ЛОБАЧ Иосиф Иосифович и ВОГЛАД Мария Тарасовна, находившиеся вблизи в момент расстрела и слышавшие плач и крики детей и выстрелы. В следующие дни ЯКИМЧУК Матрена, Панасюк Евгения, ЛОБАЧ Иосиф и другие были на месте расстрела, видели детские трупы и землю пропитанную невинной детской кровью.

Винными в совершении злодеяния над детьми Домачевского детского дома являются :

Руководители Брестского округа по их приказам расстреливались дети :

1. Начальник ОД округа - ГИЧМАН
2. Заместители начальника ОД - ЦИВЕЛЬ и ГЕРИК.
3. Гебиткомиссар округа - БУРАТ франц.
4. Начальник жандармерии при гебиткомиссариате - ДАУЕРЛЕЙН
5. Начальник Бюро полиции округа - майор РОДЕ и БИНЕР.
6. Начальник криминальной полиции - ЗАВАДСКИЙ.
7. ПРОНОПЧУК - украинец шеф Домачевского района.
8. ХАС Федор - бургомистр места Домачево.

Исполнители - проводившие расстрел детей :

1. МАКС - немец старший из группы немцев производившей расстрел.
2. КАМЕЦ-ГУЛЯЦ - немец из группы производившей расстрел.
3. ФРИКС - полицейский расстреливавший детей.

4. СОБИЛЬ - из немцев Псковской уроден г. Санкт-б.

5. Дегеншиг ОГИС - из г. Врест, принимавший участие в расстреле детей.

Кровь невинных детей-сирот русской, белорусской, украинской, польской и еврейской национальностей зовет каждого честного человека к справедливой мести.

Акт подписан 25 ноября 1944 года

<i>Григор</i>	1. ГРАЧЕВА Е.Д.	6. КОЗЛОВСКИЙ Д.Л. <i>Козловский</i>
<i>Тайн.</i>	2. УСОВА А.И.	7. ГРУШИНСКИЙ Збигнев
<i>Мазурик</i>	3. ГОЛОВЕЦ О.И.	8. КАЛИНОВСКАЯ А.П. <i>Калиновская</i>
<i>Авась</i>	4. МАЗЕПЧИК В.Л.	9. РЕЗОНЕВА А.Ф.
	5. ПАЦЮК А.П.	10. АБРАМОВА Н.И.

Примечание: Заключенная граждан 10, Цитирован опроса 6.

Домачевский Районный Исполнительный Комитет настоящим актом заверяет

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РАЙСПОЛКОМА *Визир*

СЕКРЕТАРЬ РАЙСПОЛКОМА *Тотт*

Акт зарегистрирован Брестской Областной Комиссией № 23/хп-44г.

Секретарь комиссии: *Красин*

A C T

ON THE BULLYING AND EXECUTION OF CHILDREN OF THE DOMACHEVO
ORPHANAGE IN THE BREST REGION OF THE BSSR

We, the undersigned, residents of the district center of Domachevo and former employees of the orphanage GRACHEVA Elizaveta Dmitrievna, born in 1913, worked as the head of the educational department of the orphanage; USOVA Anastasia Ivanovna, born in 1920 – teacher; GOLOVEIKO Olga Osipovna, born in 1903, a night nurse; cook MAZEPCHIK Vera Josephovna, born in 1911; PAVLYUK Antonina Petrovna, born in 1924, former head of the orphanage; watchman KOZLOVSKY Daniil Leontievich, born in 1892; watchman GRUSHINSKY Zbigniew-Tadeusz, born in 1909, night nurse KALINOVSKAYA Alexandra Pavlovna born in 1900; residents: REZONIEVA Anna Fedorovna, born in 1876; ABRAMOVA Natalya Osipovna, born in 1909, and DYAKINA Valentina Ilyinichna, born in 1912, have drawn up this act of bullying and brutal destruction of the children of the Domachevo orphanage.

In 1941, there were 100 children in the orphanage – Russian, Belarusian, Ukrainian, Jewish and Polish nationalities aged from infants to 12 years old. Most of the children in the orphanage had no parents or relatives.

On June 22, 1941, the arrival of the Germans for the children of the orphanage was marked by the death of 3 children: Kolya Kochelovsky – 3 years old, Moses – 3 years old and Ivan – 4 years old and the wounding of Roman – 6 years old and Nadezhda – 7 years old.

One of the 3 buildings of the orphanage burned down and the children were placed in the remaining 2 buildings. Overcrowding and poor nutrition contributed to children falling ill with various infectious diseases (diphtheria, dysentery, etc.). As a result of the disease, died the Chodurovs' children – Lyusya – 3 years old and Vitya – 6 years old, as well as Alexander – 4 years old, Viktor 3 months old and 3–4 more children.

Employees of the orphanage: LIZHANOVA Anna Semenovna, head of the orphanage, born in 1919, Komsomol member, GRACHEVA E. D., head of the educational department, USOVA Anastasiya Ivanovna, born in 1919, were dismissed from work upon the arrival of the Germans, and in 1943 LIZHANOVA was shot by the Germans. 15 Jewish children aged 2 to 12 years old were taken from the orphanage and placed in the "Ghetto", and then 14 of them were shot, and only KOVALEROVA Olya, 12 years old, managed to escape.

On the orders of the German occupation authorities of the district, the chief of the district, PROKOPCHUK, ordered the former head of the orphanage PAVLYUK A.P. to poison the sick child RENKLACH Lena, 12 years old. After PAVLYUK refused to poison the child, was shot dead by the police near the orphanage, allegedly while trying to escape.

In order to save children from starvation and death in 1942, 11 children were distributed to local residents for education and 16 children were taken by relatives.

On September 23, 1942, at 7 pm a 5-ton car with 6 armed Germans in military uniform arrived in the courtyard of the orphanage. The eldest of the group of Germans, Max, explained that the children would be taken to Brest, and ordered to put the children in the back of the car. The 55 children and their teacher GROHOLSKAYA Pelageya were put into the car. Of the children, who were put into the car, SHEKHMETOVA Tosya, 9 years old, got off the car and ran away, all the other 54 children and the teacher GROKHOLSKAYA were taken out in the direction of DUBITSA station, 1.5 km from the village LEPLEVKA. At the border wood-earthen firing point, located at a distance of 800 m from the Zapadny Bug river, the car with children stopped,

the children were undressed, as evidenced by the presence of children's underwear on the car that returned to Domachevo, and the children were shot.

Residents of the village of Leplevka testify to the execution of the children of the orphanage: YAKIMCHUK Matrena Ivanovna, PANASYUK Evgenia Ivanovna, LOBACH Iosif Isaakovich and BOGLAI Maria Tarasovna, who were nearby at the time of the execution and heard the crying and screams of children and shots. The following days, YAKIMCHUK Matrena, Panasiuk Evgenia, LOBACH Joseph and others were at the place of execution, they saw children's corpses and the ground soaked with innocent children's blood.

The perpetrators of the atrocities committed against the children of the orphanage are:

The leaders of the Brest District (on their orders the children were shot):

1. Head of the District SD – PICHMAN;
2. Deputy Heads of the SD – TSIBEL and GERIK;
3. Gebitskommissar of the district – BURAT Franz;
4. Chief of the gendarmerie at the gebitskommissar – DAUERLEIN;
5. Chief of the District Police Bureau – Major RODE and BINER;
6. Chief of the Criminal Police – Zavadsky.
7. PROKOPCHUK, Ukrainian, chief of the Domachevo district;
8. HAS Fedor, burgomaster of the place of Domachevo;

The perpetrators who carried out the shooting of the children:

1. MAX is the German, the eldest of the group of Germans who carried out the shootings.
2. KAMETS-GLYATS – the German from the group that carried out the shooting.
3. FRICKS – the policeman who shot the children.
4. JOGUL – from the Volga Germans, a native of Engels.
5. Lieutenant OGIS – from Brest, who took part in the execution of children.

The blood of innocent orphaned children of Russian, Belarusian, Ukrainian, of Polish and Jewish nationalities calls every honest person for just revenge.

The act was signed on November 25, 1944

Signature 1. GRACHEVA E. D.	6. KOZLOVSKY D. L.	Signature
Signature 2. USOVA A. I.	7. GRUSHINSKY Zbigniew	
Signature 3. GOLOVEIKO O. O.	8. KALINOVSKAYA A. P.	Signature
Signature 4. MAZEPCHIK V. J.	9. REZONIEVA A. F.	
Signature 5. PAVLYUK A. P.	10. ABRAMOVA N. O.	

Annex: Applications of citizens – 10, protocols of polls – 6

The Domachevo District Executive Committee certifies this act

CHAIRMAN OF THE DISTRICT EXECUTIVE COMMITTEE	Signature
SECRETARY OF THE DISTRICT EXECUTIVE COMMITTEE	Signature
OFFICIAL SEAL	

The act was registered by the Brest Regional Commission No. 1 on 12/23/1944.

Secretary of the commission Signature

OFFICIAL SEAL

1943 года) были захвачены 1000 детей, во время операции «Герман» (июль – август 1943 года) в плен попали 4178 детей, во время операции «Фриц» (сентябрь – октябрь 1943 года) – 1708 детей. Любая семья, которую заподозрили в общении с партизанами, безоговорочно отправлялась в лагерь смерти независимо от возраста и количества детей.

Весной – летом 1944 года по всей территории БССР были проведены операции по захвату детей и подростков. Военные окружали деревни, вторгались в дома и силой забирали детей у родителей.

Специальная команда «Центр», которая размещалась в г. Минске, занималась отправкой подростков на военные немецкие предприятия. В рамках разработанной нацистами «акции Сено» планировалось захватить 40–50 тысяч человек в возрасте 10–14 лет. Их предполагалось использовать на оккупированных территориях в качестве «особо надежной строительной силы».

В конце июня 1944 года на станции Блужа Пуховичского района Минской области советские танкисты 65-й армии 1-го Белорусского фронта отбили у фашистов 22 вагона с детьми [10].

Нацистская целенаправленная политика геноцида в отношении белорусских детей ставила своей целью:

- 1) не допустить военного усиления Красной Армии и воспрепятствовать развитию ее биологической силы в будущем;
- 2) набрать из детей дешевую рабочую силу как для работы на оккупированной территории, так и в Германии;
- 3) содействовать забвению национальных корней, обращению детей в послушных рабов через проведение политики германизации;
- 4) поддерживать высокую смертность среди населения, включая детей, способствовать снижению рождаемости;
- 5) использовать детей как доноров для немецких солдат, чья кровь не могла «испортить» арийскую.

Оккупанты также преследовали цель подорвать биологический потенциал белорусского народа, для чего осуществляли политику онемечивания детей.

В январе 1943 года Гиммлером подписан приказ «Об обращении с бандитскими детьми», регламентирующий отбор подростков мужского и женского пола для немецких предприятий.

eration "Hay harvest" developed by the Nazis, it was planned to capture 40–50 thousand people aged 10–14 years. They were supposed to be used in the occupied territories as a "particularly reliable construction force".

At the end of June 1944, at the Bluzha station of Pukhovichi district of the Minsk region, Soviet tankers of the 65th Army of the 1st Belorussian Front recaptured 22 wagons with children from the Nazis [10].

The Nazi purposeful policy of genocide against Belarusian children was aimed at:

- 1) prevent the military reinforcement of the Red Army and prevent the development of its biological potency in the future;
- 2) recruit cheap labor among children either for work in the occupied territory or in Germany;
- 3) stimulate the abandonment of national roots, to reduce children to obedient slaves through the policy of Germanization;
- 4) maintain high mortality among the population, including children, contribute to decrease in the birth rate;
- 5) to use children as donors for German soldiers, whose blood could not "spoil" the Aryan.

The invaders also pursued the goal of undermining the biological potential of the Belarusian people, for which purpose they carried out a policy of Germanization of children.

In January 1943, Himmler signed the order "On the treatment of bandit children", regulating the selection of male and female teenagers for German enterprises.

The facts of the sale of Belarusian children by Germans to wealthy peasants, landowners and merchants have been established. German soldiers and officers sold children for five marks per child, taking into account their beauty and age. The remaining children lived in exceptionally poor conditions.

Children's death camp in the village of Krasny Bereg of Zhlobin district of Gomel region

In June 1944, a children's transit (donor) death camp was established in the instructional farm Krasny Bereg of Zhlobin district.

It contained children from 8 to 14 years old, mainly from nearby settlements, namely Rogachev, Dobrush and Zhlobin districts. At least 1,990 children were taken from the territory of nearby regions to Germany alone.

Установлены факты продажи немцами белорусских детей зажиточным крестьянам, помещикам и торговцам. Немецкие солдаты и офицеры продавали детей по пять марок за ребенка, при этом учитывались их красота и возраст. Оставшиеся дети жили исключительно в плохих условиях.

Детский лагерь смерти в д. Красный Берег Жлобинского района Гомельской области

В июне 1944 года в учебном хозяйстве «Красный Берег» Жлобинского района был создан детский пересыльный (донорский) лагерь смерти.

В нем содержались дети от 8 до 14 лет, в основном из близлежащих населенных пунктов, а именно из Рогачевского, Добрушского и Жлобинского районов. Только с территории близлежащих районов в Германию вывезено не менее 1990 детей.

Согласно показаниям очевидцев, немцы и полицейские принудительно отбирали детей у родителей и привозили их на территорию усадьбы Козел-Поклевских. После прибытия их приводили в здание усадьбы, где в период оккупации располагался госпиталь для раненых немецких солдат.

According to eyewitnesses, the Germans and the police forcibly took away the children from their parents and brought them to the territory of the Kozel-Poklevsky estate. Upon arrival, they were brought to the country estate, where during the occupation a hospital for wounded German soldiers was located.

In the hospital, the children were examined and blood was forcibly taken. If a child died, then his body was packed and burned in a boiler room to conceal the traces of crimes. For this reason, there are no graves of child prisoners on the territory of Krasny Bereg.

The surviving children were escorted to peasant houses on the estate. The children were kept in them until the moment of their subsequent escort to the Krasny Bereg railway station, located on the straight to the south, about 2.5 km from the estate, where the children were placed in freight wagons and taken to Germany.

The death camp existed for 3 weeks. On June 26, 1944, the village of Krasny Bereg was liberated by the Red Army.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period

В госпитале детей обследовали и принудительно отбирали у них кровь. Если ребенок умирал, то его тело упаковывали и сжигали в котельной, чтобы скрыть следы преступлений. По этой причине на территории Красного Берега нет могил детей-узников.

Выживших детей конвоировали в крестьянские дома на территории усадьбы. В них дети содержались до момента последующего конвоирования на железнодорожную станцию Красный Берег, расположенную по прямой строго на юг примерно в 2,5 км от усадьбы, где детей помещали в товарные вагоны и увозили в Германию.

Детский лагерь смерти просуществовал 3 недели. 26 июня 1944 года д. Красный Берег была освобождена Красной Армией.

Акт ЧГК. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 65. Л. 151 об
Act of Extraordinary State Committee. National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 65. L. 151ob

In addition, in June 1944 on the territory of the educational farm Krasny Bereg the Germans established a collection point for children aged from 8 to 14 years. These children were forcibly taken by the Germans from their mothers in Zhlobin, Rogachyov, Streshin, Dobrush and other districts and driven to this collection point. At this point, the children underwent a medical examination at the commission, after which they were loaded onto trains at the Krasny Bereg station and sent to Germany to have blood drawn for the treatment of wounded German soldiers and officers. A total of 1,990 children were taken away by the Germans for this purpose, including 15 children from the Krasnoberezhny village council, who are included in the lists of those taken away into German slavery. The names of the remaining 1,975 children have not been established by the commission.

Кроме этого, в июне 1944 г. на территории усадьбы Красный Берег немцы создали сборный пункт для детей в возрасте от 8 до 14 лет. Отца детей немцы насильно отнимали у матерей в Жлобинской, Рогачевской, Стрешинской, Добрушской и др. районах и везли их на железнодорожные станции. На этом пункте дети проводили медицинский осмотр в комиссии, там же у них брали кровь на анализ. Кровь брали и себе и отправляли в Германию для лечения раненых немецких солдат и офицеров. Всего в этот пункт немцы увезли 1990 детей, в том числе 15 детей из Красноберезинского сельсовета, которые включены в список убитых в концентрационном лагере, фамилии остальных 1975 детей комиссией не установлены.

По уголовному делу о геноциде установлен и допрошен в качестве потерпевшего В.П. Чиртик – узник детского лагеря смерти в д. Красный Берег.

Вот что он сообщил об известных ему фактах издевательства над детьми: «Родился и жил в Бывальках Лоевского района. Когда началась война, немцы забрали меня от родителей и доставили в детский концлагерь «Красный Берег».

In the criminal case on genocide, V. Chirtik was identified and interrogated as a victim – a prisoner of the children's death camp in the village of Krasny Bereg.

Here is what he told on the facts of torture of children known to him: "I was born and lived in Bывальки of Loev district. When the war began, the Germans took me away from my parents and brought me to the children's concentration camp "Krasny Bereg".

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.
Кадр из видеозаписи допроса потерпевшего В.П. Чиртика
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period.
A frame from the video of the interrogation of the victim V. Chirtik

По прибытии в лагерь помыли и в палатку на 30 минут, чтоб обсохли в палатке, голенькие. Нас в кучу по 30 человек в палатку позагоняли. Потом комиссия, поставили. В халатах приблизительно человек семь было. Это врачи в белых халатах и два немца в немецкой форме. Столы поставлены тут, в парке. И нас, голеньких, по очереди пропускали... и вот последний немец такой послушал, послушал трубкой: «Гут киндер». И взяли мне 6-й номер, нацепили на шею бирку с шестым номером и в барак. В бараке уже и солома была послана, и часовой стоял. Нас отделили, выбрали, я помню, 10 человек. Были два брата, они больше меня были. Они меня немного смотрели. Я плакал много, мы сидели, плакал я. Плачешь в том кутку, отголоски, вроде бы мамин голос. Поползешь туда – не мама, а такой же самый, как и ты. Когда это прошли и номер поцепили – в столовую. До столовой часовой пройдет, а в столовой стояла еда. На столе стояла вода, еда, суп ячный с сахариную, немецкое печенье. Компот чем-то давали запивать.

Не на уме та еда была. Покормили – тогда кровь брать. Укол дали. Я понятия не имею. Другим дали – он упал. Дали укол – упал. На завтра уже нет этого хлопца, нет. Говорили, что тех, кто упал, будут «спальвать» [10].

Upon arrival at the camp, they washed us and went into the tent for 30 minutes in order to dry, naked, we were driven into the tent in a group of 30 people. Then the commission began, we were told to stand. There were about seven people in bathrobes. There were doctors in white coats and two Germans in German uniforms. Tables were set up here in the park. And we went naked one by one... and the last German listened, listened with "Gut Kinder" pipe. And they gave me the 6th number, put a tag with the sixth number around my neck and I went into the barracks. In the barracks, there was a straw and sentry was standing. We were separated, chosen, I remember 10 people. There were two brothers, they were bigger than me. They looked at me sometimes. I cried a lot, we sat, I cried. You cry in that hut, hear echoes, like a mother's voice, crawl there – not a mother, but the same child as you. After that they number was attached and we went to the dining room. Went with sentry to the dining room, and there was food in the dining room. On the table stood water, food, barley soup with saccharin, German biscuits. Compote to drink.

After we ate – they took us for blood collection. They gave injection. I have no idea. They gave it to others – they fell. Gave an injection – fell. Next day this boy died, no. They said that those who fell would be "burned" [10].

Детский пересыльный лагерь в г. п. Паричи Светлогорского района Гомельской области

В 1943–1944 годах в г. п. Паричи свозили детей в возрасте до 14 лет из окрестных районов и деревень. Детей принудительно отбирали из семей. При этом дети из самого поселка старше 6 лет также были взяты гитлеровцами на учет.

В период содержания в этом месте детям присваивались личные номера. В качестве так называемой «униформы» на них возлагалась обязанность носить на груди дощечки с личными номерами и надписью на немецком языке: «Детский лагерь. Паричи».

Детский пересыльный лагерь в г. п. Паричи был временным местом содержания перед принудительной отправкой детей в Германию, где их в последующем использовали в качестве доноров крови и бесплатной рабочей силы.

Всего за все время существования через него в нацистскую Германию было вывезено около 3 тысяч детей.

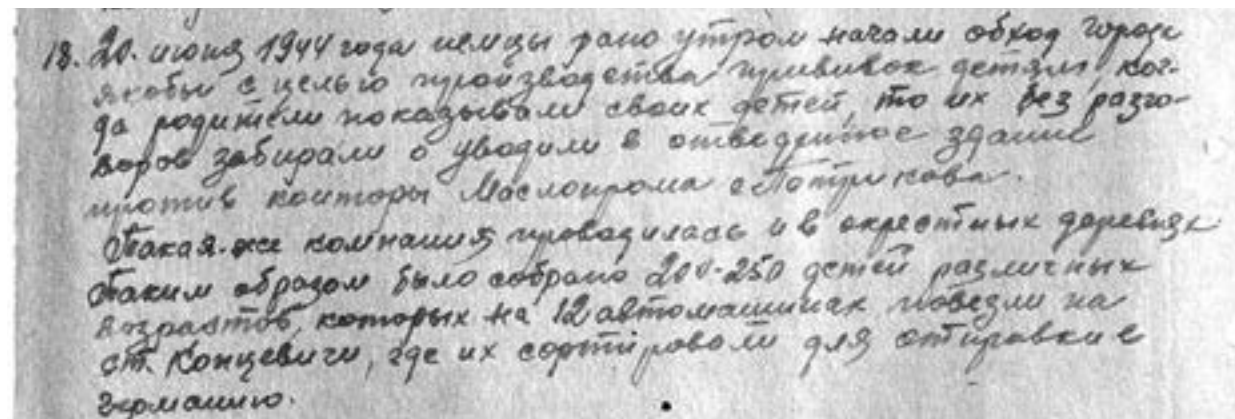
Children's transit camp in the town of Parichi of Svetlogorsk district of Gomel region

In 1943–1944, children under the age of 14 were brought to the town of Parichi from the surrounding regions and villages. Children were forcibly taken from their families. At the same time, the children of the village itself older 6 years were also registered by the Nazis.

During the period of detention in this place, the children were assigned personal numbers. As a so-called "uniform", they were required to wear plaques on their chests with personal numbers and the inscription in German "Children's camp. Parichi".

The children's transit camp in the town of Parichi was a temporary place of detention before the children were forcibly sent to Germany, where they were subsequently used as blood donors and free labor.

In total, for the entire period of its existence, about 3 thousand children were taken to Nazi Germany through it.

Акт ЧГК. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 195. Л. 4 об
Act of Extraordinary State Commission. National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 195. L. 4 ob

18. On June 20, 1944, early in the morning Germans began to come the city, allegedly with the aim of making vaccinations to children, when parents showed their children, they were taken immediately and taken to a designated building opposite the building of Masloprom from Petrikov.

The same company was carried out in the surrounding villages.

Thus, 200–250 children of various ages were gathered, who were taken to station of Koptsevichi, where they were sorted for shipment to Germany.

Стенограмма:

20 июня 1944 года немцы рано утром начали обход города якобы с целью производства прививок детям. Когда родители показывали своих

Record Verbatim:

On June 20, 1944, early in the morning Germans began to come the city, allegedly with the aim of making vaccinations to children, when parents showed

детей, то их без разговоров забирали и уводили в отведенное здание напротив конторы Маслопрома с Петрикова.

Такая же компания проводилась и в окрестных деревнях.

Таким образом было собрано 200–250 детей различных возрастов, которых на 12 машинах повезли на ст. Копцевичи, где их сортировали для отправки в Германию.

their children, they were taken immediately and taken to a designated building opposite the building of Masloprom from Petrikov.

The same company was carried out in the surrounding villages.

Thus, 200–250 children of various ages were gathered, who were taken to station of Koptsevichi, where they were sorted for shipment to Germany.

В экспозиции Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны имеются две бирки из детского пересыльного лагеря в Паричах. Они принадлежали Зое Белинской и Инне Трубач – узницам этого лагеря.

The exposition of the Belarusian State Museum of the History of the Great Patriotic War there are two tags from the children's transit camp in Parichi. They belonged to Zoya Belinskaya and Inna Trubach, prisoners of this camp.

Бирки Инны Трубач, 1934 г. р., и Зои Белинской, 1934 г. р. – узниц детского лагеря смерти в г. п. Паричи. Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. Фонды, КП 46468, КП 46469
Tags of Inna Trubach, born in 1934, and Zoya Belinskaya, born in 1934 – prisoners of the children's death camp in the town of Parichi. Belarusian State Museum of the History of the Great Patriotic War. Funds, KP 46468, KP 46469

Детский лагерь смерти в д. Спорковщизна Лидского района Гродненской области

Children's death camp in the village of Sporkovshchizna of Lida district of Grodno region

В ходе расследования уголовного дела о геноциде установлено, что в д. Спорковщизна Круповского сельского Совета Лидского района в бывшем здании школы с 1943 года до освобождения территории БССР Красной Армией от немецко-фашистских захватчиков располагался детский лагерь смерти. В нем содержались дети и беженцы.

Территория школы находилась за колючей проволокой, охрану осуществляли немецкие солдаты.

Находившихся в лагере смерти детей использовали в качестве доноров крови для раненых немецких солдат, из-за чего дети заболевали и

During the investigation of the criminal case on genocide, it was established that in the village of Sporkovshchizna of the Krupovo village council of the Lida district, in the former school building, from 1943 until the liberation of the territory of the BSSR by the Red Army from the Nazi invaders, there was a children's death camp. It contained children and refugees.

The school territory were behind barbed wire, guarded by German soldiers.

Children in the death camp were used as blood donors for wounded German soldiers, as a result of which the children fell ill and died. They were

умирали. Хоронили их на прилегающем к школе участке местности. При малейшей попытке бегства детей расстреливали на месте [10].

Из показаний свидетеля А.И. Берцевич: «В соседней деревне Спорковшчизна Лидского района во время войны располагалась средняя школа. Со слов местных жителей мне известно, что школа во времена Великой Отечественной войны немецкими солдатами использовалась как лагерь для беженцев. Там содержались как взрослые, так и дети. Сама территория была огорожена колючей проволокой. Я слышала, что немцы использовали беженцев как доноров, то есть брали у них кровь для переливания своим раненым солдатам» [10].

Допрошенная узница лагеря М.С. Жлотко сообщила, что узников не кормили. Еду бросали как собакам, по кусочку, вынуждая их сражаться за нее. Детей использовали как доноров крови. «Забирали их. Там они 2-3 дня побудут, их накормят, потом они выцеживают всю эту кровь и постепенно их отправляют назад. Назад привезут и кинут. Оказывается, что через день один умирает... что ж, голодный был... у него вся кровь была выкачена, ему дышать нечем. Потом через пару дней опять. И потихоньку количество наших детей стало уменьшаться, уменьшаться...» [10].

Детский лагерь смерти в д. Скобровка Пуховичского района Минской области

На территории Пуховичского района в д. Скобровка 27 мая 1944 года немецкими захватчиками и их пособниками создан детский лагерь смерти. В нем находились дети из Полесской области в возрасте от 6 до 14 лет. Лагерь смерти назывался «Детское село Скобровка». Перед входом висела надпись: «Детское село Скобровка. Жителям вход воспрещен» [35].

Лагерь смерти был расположен в центре Скобровки, по краям располагались дома местных жителей и стояла немецкая воинская часть. Значительная часть населения деревни была эвакуирована. «Село» имело обозначенные границы: на улице с обеих сторон построены деревянные двойные стены, засыпанные землей, с бойницами. По улице патрулировала вооруженная охрана [35].

Дети размещались в домах местных жителей. Всего было занято 57 домов, в каждом жило от

buried in the area, adjacent to the school. For the slightest attempt to escape, children were shot on the spot [10].

From the testimony of witness A. Bertsevich "During the war, a secondary school was located in the neighboring village of Sporkovshchizna of Lida district. According to oral information provided by local residents, I know that the school was used by German soldiers as a refugee camp during the Great Patriotic War. Both adults and children were contained there. The area itself was fenced with barbed wire. I heard that the Germans used the refugees as donors, in other words, they took blood from them for transfusion to their wounded soldiers" [10].

Interrogated prisoner of the camp M. Zhlotko reported that the prisoners haven't been provided with food. Food was thrown to them like to dogs, bit by bit, forcing the prisoners to fight for it. Children were used as blood donors. "They were taken. They would be contained there for 2-3 days, they would be provided food, then they extract all this blood and gradually send them back. They would be brought back and left. In a day they would die... well, due to the hunger... all blood was extracted, couldn't breathe. Then a couple of days later again. And slowly number of our children decreased, decreased, decreased..." [10].

Children's death camp in the village of Skobrovka of Pukhovichi district of Minsk region

On the territory of the Pukhovichi district in the village of Skobrovka in 1944, the German invaders and their accomplices created a children's death camp. It was created on May 27, 1944. There were children from the Polesie region aged 6 to 14 years old. The death camp was called "Children's Village Skobrovka". An inscription was in front of the entrance: "Children's village Skobrovka. Entrance to residents is prohibited" [35].

The death camp was located in the center of Skobrovka, on the outskirts there were houses of local residents and there was a German military unit. A significant part of the village population was evacuated. The "village" had marked boundaries: wooden double walls were built on the street on both sides, covered with earth with embrasures. Armed guards patrolled the street [35].

The children were placed in the houses of local residents. In total, 57 houses were occupied, each

20 до 36 детей смешанного возраста, но отдельно по полу. Спали дети на нарах. Общее количество детей колебалось от 1,3 до 1,8 тысячи человек [35].

Начальником лагеря смерти был капитан коллаборационистского формирования «Русская освободительная армия» Градюшко. В числе служащих были агроном, кладовщик, по одному «вожатому» на 25–30 детей и штат кухонных работников. В селе находился только один немец, которому подчинялся начальник лагеря. Весь остальной штат состоял из членов коллаборационистского формирования «Союз борьбы против большевизма», возглавляемого Октаном [35].

В этом детском лагере смерти отмечалась высокая смертность детей от тифа. Детей кормили плохо: 200 грамм хлеба, горький кофе, консервная банка щавеля, который дети собирали сами, изредка суп с несортавым мясом [35].

Распорядок дня был следующий: подъем в 7 утра. Завтрак. Построение в колонну по три. Уход на работу. Построение на обед, после обеда без отдыха снова построение и на работу. После работы построение, ужин, построение, сон [35].

Перед наступлением Красной Армии детей заставляли засыпать колодцы, бросать в них бочки из-под бензина, мусор. Так в селе было засыпано 12 колодцев. Детей заставляли жечь солому, приготовленную жителями для крыши. По указаниям немцев дети жгли фруктовые сады, уничтожали огороды местных жителей, били стекла окон. Сожжена оставленная населением домашняя утварь: бочки, кадки, ведра и др. [35].

Из воспоминаний Г.А. Хаецкой со ссылкой на очевидцев: «...детей в лагерь привозили из Бобруйска, Жлобина, а также Петриковского района. Дети жили в домах, из которых выселили жителей, по 40–50 человек в доме. Питались хлебом с опилками. Территория лагеря смерти была обнесена колючей проволокой. Дети были разбиты на две группы – доноры и кандидаты в доноры. Доноров гитлеровцы подкармливали, кормили из гарнизонной кухни. В каждом доме, где жили доноры, вместо ведра с водой стояло пиво для увеличения количества крови. Кровь брали регулярно. После того как ресурсы детского организма исчерпывались, детей вывозили в неизвестном направлении. Попытки бегства жестоко пресекались. Несколько ребят, пытавшихся бежать, гитлеровцы затравили собаками» [10].

housed from 20 to 36 children of mixed age, but separated by sex. The children were sleeping on the plant beds. The total number of children ranged from 1.3 to 1.8 thousand people [35].

The head of this death camp was the captain of the collaborationist formation "Russian Liberation Army" Gradyushko. Among the employees were an agronomist, a storekeeper, one "youth leader" for 25–30 children and a staff of kitchen workers. There was only one German in the village, to whom the head of the camp was subordinate. The rest of the staff consisted of members of the collaborationist formation "Union of Struggle Against Bolshevism", headed by Oktan [35].

In this children's death camp, there was a high death rate of children from typhus. The children were fed badly: 200 grams of bread, bitter coffee, a tin can of sorrel, which the children picked themselves, occasionally soup with off-grade meat [35].

The daily routine was as follows: waking up at 7.00 o'clock. Breakfast. Formation in a column of three. Commencement of work. Formation for lunch, after lunch without rest, again formation and work. After work formation, dinner, building, sleep [35].

Before advance of the Red Army, children were forced to dust the wells, throw gasoline barrels and garbage into them. So, 12 wells were dusted in the village. Children were forced to burn the straw, prepared by the inhabitants for the roof. According to the instructions of the Germans, the children burned orchards, destroyed the gardens of local residents, and smashed the windows. Household utensils left by the population were burned: barrels, tubs, buckets, etc. [35].

From the memoirs of G. Khaetskaya with reference to eyewitnesses: "...children were brought to the camp from Bobruisk, Zhlobin, and also Petrikovsky district. Children lived in houses from which the residents were evicted, 40-50 people per house. They ate bread with sawdust. The territory of the death camp was surrounded by barbed wire. Children were divided into two groups – donors and donor candidates. The Nazis fed the donors, fed from the garrison kitchen. In every house where the donors lived, instead of a bucket of water, there was beer to increase the amount of blood. Blood was taken regularly. After the resources of the child's body were exhausted, the children were taken in an unknown direction. Escape attempts were severely suppressed. Several children who tried to escape were hounded by the Nazis [10].

Как вспоминает В.Г. Циманович, «...в этом месте массового содержания и истребления детей находилось до 1,5 тысячи детей. Каждый дом был рассчитан на 20 детей. Подросткам выход за его территорию был запрещен, местных жителей не пускали. У детей брали кровь. Все дети в лагере были связаны круговой порукой: за одного бежавшего наказывали весь дом. Несколько ребят, бежавших из лагеря, гитлеровцы застрелили собаками» [10].

Из воспоминаний М.Г. Федоринчик следует, что «узников-детей было много, в основном в возрасте от 8 до 15 лет. У них брали кровь для немецких солдат. Большинство детей от этого умирало. Спали дети на нарах, застланных соломой. В домах не топили, было очень холодно. Поднимали их в 6 часов утра и гнали на работу. Работали дети целый день. В последующем группа партизан освободила детей и вывезла их в партизанскую зону. Детей отвезли в д. Хочин под Смилевичами, где был открыт детский дом. К моменту освобождения района в детском доме осталось 165 детей» [10].

Из воспоминаний М.И. Циманович следует, что «узников, которые теряли силы после взятия крови, истребляли в душегубках. Трупы увозили в неизвестном направлении. Душегубка находилась возле лаборатории. Часть детей немцы кормили, часть детей питалась тем, что удалось достать у местных жителей. После освобождения дети были направлены в Марьину Горку в детдом, часть из них забрали родители, часть разошлась по домам» [10].

Из показаний Козловой – узницы детского лагеря смерти в Скобровке – следует:

«...Примерно в октябре 1943 года нас завезли в лагерь Скобровку, и там нас расформировали. Мальчиков отдельно, девочек отдельно. В квартирах помногу детей было, на полах спали. Одежды никакой не давали, мы были в своем. Порванное все было, так как босые мы шли домой. В лагере у нас брали кровь, и нас водили, рядом с больницей улица была, тех детей, у которых побрали кровь, садили вокруг больницы. Они сидели на «присбах» такие белые, как бумага. Так как живое дитя еще было, не умерло, когда кровь всю «высосут».

Когда «вытянут» кровь, а брали раза четыре, и берут они помногу, то ребенок становится белым, как вот бумага. А немцы стоят, тоже смотрят. И когда солнце припекало, ребенок «валится» к стенке, а немец приходит,

As V. Tsimanovich recalls: "...in this place of mass detention and extermination of children there were up to 1.5 thousand children. Each house was designed for 20 children. Teenagers were forbidden to leave its territory, local residents were not allowed. The children were collected blood. All the children in the camp were bound by joint responsibility: for one who fled, the whole house was punished. Several children who fled from the camp were hounded by the Nazis" [10].

From the memoirs of M. Fedorinchik it follows "that there were many child prisoners, mostly in the age group from 8 to 15. They collected blood from them for German soldiers. Most of the children died because of this. The children slept on plant beds, covered with straw. There was no heating in the houses, it was very cold. They were waken up at 6 o'clock in the morning and driven to work. The children worked all day. Subsequently, a group of partisans liberated the children and took them to the partisan zone. The children were taken to the village of Khochin near Smilovichi, where an orphanage was established. By the time the district was liberated, 165 children remained in the orphanage" [10].

From the memoirs of M. Tsimanovich it follows that "the prisoners who lost strength after collection of blood were exterminated in gas chambers. The bodies were taken away to an unknown direction. The gas chamber was located near the laboratory. The Germans fed some of the children, some of the children ate what they managed to get from the locals. After their release, the children were sent to an orphanage in Maryina Gorka, some of them were taken by their parents, and some went home" [10].

From the testimony of Kozlova – prisoner of the children's death camp in Skobrovka – it follows:

"... Around October 1943, we were brought to the Skobrovka camp, and there we were separated. Boys and girl were separated. There were many children in the apartments, they slept on the floors. They didn't give us any clothes, we were in our own. All clothes was teared up, as we walked home barefoot. In the camp they collected blood from us, so they took us, there was a street next to the hospital, so those children who had blood their blood were housed around the hospital. They sat as white as paper. Since child still lived, he did not die when all the blood was "sucked out".

When the blood is "collected", and they collected it four times, and they take a lot and the child becomes white, like paper. And the Germans were also watching. And when the sun was hot, the child "falls" against

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Кадр из видеозаписи допроса потерпевшей Козловой
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. A frame from the video recording of the interrogation of the victim Kozlova

хватает за руку или рубашку и тянет его. А за больницей была большая канава выкопанная, и того ребенка живого в ту канаву. И ту канаву, говорили, почти всю забросали. Может 900 или сколько. Вот Гудульская была, так она помнила, сколько детей было там. Но она уже умерла. Я не знаю, была ли заполнена канава водой или была сухая. Детей бросали живых еще, но видели, что уже умирают. Брали же четыре раза кровь, но не за день. Вот сначала возьмут кровь, потом не берут, не берут, не берут, а потом опять намечали день. И в этот день нас уже подкормят немного. Кишки варили из коровы, из кабана. Кровь у всех детей брали. И у нас тоже. У нас брали три раза кровь.

Вопрос: После того как немцы забирали кровь, они специально держали на солнце, чтобы дети умирали?

Ответ потерпевшей: Наверное, что не было места там, так их выводили. А, может, выводили, не знаю чего. Но знаю, что вокруг больницы сидело очень много детей, когда мы шли на кухню. Мы так не рассматривали, так как немцы сзади идут (или русские были, кто их знает, но в немецкой форме были). Когда видели, что ребенок умирает, детей не расстреливали, не убивали, просто бросали в канаву, и они уже сами там умирали. Очень много их было в той канаве. Это было прямо за больницей...» [10].

the wall, and the German comes, grabs his hand or shirt and pulls him. And behind the hospital there was dug a big ditch and that child alive was thrown in that ditch. And that ditch was almost completely filled up. Maybe 900 or so. Gudulskaya remembered how many children were there. But she's already dead. I don't know if the ditch was filled with water or dry. Children were thrown still alive, but they saw that they were already dying. They took blood four times, but not in a day. Firstly, they take blood, then they don't take it, they don't take it, they don't take it, and then again, they scheduled a day. And on this day we would be fed a little. The intestines were of a cow was boiled, from a wild boar. They collected blood from all the children. And from us too. They took blood from us three times.

Question: After the Germans collected the blood, did they keep it in the sun on purpose so that the children would die?

The answer of the victim: Probably, there was no place there, so they were taken out. Or maybe they were taken for unknown reason. But I know that there were a lot of children sitting around the hospital when we went to the kitchen. We didn't see that as the Germans were walking behind, or there were Russians, who knows, but they were in German uniforms. When they saw that a child was dying, the children were not shot, they were not killed, they were simply thrown into a ditch, and they died there. There were a lot of them in that ditch. It was right behind the hospital...» [10].

Семковский детский дом в Минском районе

В границах нынешнего аг. Семково в 1917 году был организован детский дом на базе усадьбы Хмаров. С началом Великой Отечественной войны детский дом и его воспитанников эвакуировать не успели – оккупационные власти на свой манер распорядились судьбами детей.

В детском доме постоянно проживало до 500 человек. Численность детей поддерживалась немцами, несмотря на постоянные смерти. Детей сильно ограничивали в питании, не выдавали одежду. Главными задачами оккупационной администрации были проведение медицинских экспериментов и опытов над несовершеннолетними, забор крови для нужд госпиталя немецкой армии.

Погибших детей хоронили по всему периметру приусадебного парка.

В связи со стремительным наступлением Красной Армии в начале февраля 1944 года немцы приняли решение всех детей отправить в лагерь смерти «Тростенец» для их ликвидации. Партизанская бригада «Штурмовая» узнала о планах немцев и в ночь с 25 на 26 февраля 1944 года освободила 274 воспитанника детдома [10].

Допрошенный по уголовному делу о геноциде в качестве свидетеля С. показал следующее:

During the Great Patriotic War, an orphanage was located on the territory of the estate, which was run by local citizens who were recruited by the German invaders. The head of the orphanage was a Soviet citizen, Generalov (never found after the war).

Up to 500 people lived in the orphanage permanently. The number of children was maintained by the Germans, despite the constant deaths. The Germans did not give food or clothes to the children. The main tasks of the occupation administration were the following – conducting medical experiments and experiments on minors, and to draw blood for the needs of the German army hospital located in the village of Semkov gorodok.

During the research, I met Kabanova Nina Petrovna, Adamovich Vera Nikolaevna, Fedorova Maria Mikhailovna, and other eyewitnesses of the events. From their words, I learned most of the information about these events.

Kabanova Nina Petrovna was born in 1935 and died in 2019. During the war, she ended up in the Slutsk concentration camp, where her mother and two sisters died, and her brother died while trying to escape. After their stay in Slutsk, Nina Petrovna and her sister Claudia were taken to an orphanage located in Semkovo. There were many children from other places. Nina Petrovna told of how all the residents were constantly drawn blood, often vaccinated, severely restricted in their diet and not given any clothes. There was always the question of survival. Afterwards Nina Petrovna was ill for a long time after the end of the war, and the many scars on her hands, which she showed me, testified to the experiences she had undergone.

Adamovich Vera Nikolaevna died in 2019. She was also a pupil of the said orphanage. The memories of Vera Nikolaevna confirm the memories of Nina Petrovna, they are identical.

Semkovo orphanage in the Minsk district

Within the boundaries of the current agricultural settlement Semkovo in 1917, an orphanage was organized on the basis of the Khmarov estate. With the beginning of the Great Patriotic War, the orphanage and its foster children couldn't be evacuated – the occupation authorities, did what they wanted with their lives.

Up to 500 people permanently lived in the orphanage. The number of children was maintained by the Germans, despite constant deaths. Children were severely restricted in food, they were not given clothes. The main tasks of the occupation administration were conduction of medical experiments and experiments on minors, collection of blood for the needs of the German army hospital.

The dead children were buried around the entire perimeter of the homestead park.

In connection with the rapid advance of the Red Army in early February 1944, the Germans decided to send all the children to Trostenets death camp for liquidation. The partisan brigade "Shurmovaya" found out about the plans of the Germans and on the night of February 25–26, 1944, liberated 274 children from the orphanage [10].

Interrogated on the criminal case on genocide as a witness, S. testified as follows:

Signature

В период Великой Отечественной войны на территории имения располагался детский дом, которым руководили местные граждане, которые были подобраны на службу немецкими оккупантами. Во главе детского дома стоял советский гражданин Генералов (так и не найденный после войны).

В детском доме постоянно проживало до 500 человек. Численность детей поддерживалась немцами, несмотря на постоянные смерти. Немцы не давали еду и одежду детям. Главными задачами оккупационной администрации были следующие – проведение медицинских экспериментов и опытов над несовершеннолетними, забор крови для нужд госпиталя немецкой армии, расположенного в д.Семков городок.

Во время исследования я познакомился с Кабановой Ниной Петровной, Адамович Верой Николаевной, Федоровой Марией Михайловной, иными очевидцами произошедших событий. С их слов я и узнал большую часть информации об этих событиях.

Кабанова Нина Петровна родилась в 1935 году и умерла в 2019 году. В период войны она попала в Слуцкий концлагерь, в котором умерла её мама и две сестры, а брат погиб при попытке бегства. После пребывания в Слуцке Нину Петровну с сестрой Клавдией увезли в детский дом, расположенный в Семково. Там было много детей из других мест. Нина Петровна рассказывала о том, как постоянно брали кровь у всех постояльцев, часто делали прививки, сильно ограничивали в питании и не давали никакой одежды. Постоянно стоял вопрос о выживании. Впоследствии Нина Петровна долго болела после окончания войны, о проведенных опытах свидетельствовали имеющиеся на её руках многочисленные рубцы, которые она мне показывала.

Адамович Вера Николаевна умерла в 2019 году. Тоже являлась воспитанницей указанного детского дома. Воспоминания Веры Николаевны подтверждают воспоминания Нины Петровны, являются идентичными.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.

Протокол допроса свидетеля С.

Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period.

Protocol of the interrogation of the witness S.

Во время исследования я познакомился в г.Минске с Владимиром Эдуардовичем Соколовским, также воспитанником Семковского детдома (умер в 2016 году). У Владимира был старший брат – Борис, угнанный в Германию на принудительные работы. Со слов Эдуарда я узнал, что по возвращению из Германии Борис рассказал ему историю о том, как в Германии трупы детей, угнанных на принудительные работы, сдавали на мыловаренный завод для производства мыла.

Также, в данном детдоме содержались дети, чьи родители были активистами коммунистических движений и партий в странах западной Европы. На встрече бывших воспитанников в 1974 году присутствовал Бадьян Владлен, выходец из Словакии, сын австрийского коммуниста, который пережил войну в данном детдоме.

По воспоминаниям воспитанников, управляющий Генералов склонял девушек подросткового возраста к интимным связям и сожительству.

В связи со стремительным наступлением Красной Армии в начале февраля 1944 года немцы приняли решение всех детей отправить в Тростенец для их ликвидации. Партизанская бригада «Штурмовая» прознала о планах немцев и в ночь с 25 на 26 февраля 1944 года освободила 274 воспитанников детдома. В освобождении участвовала Федорова Мария Михайловна, жена комиссара данного партизанского отряда.

В последствии раз пять лет начиная с 60-ых годов собирались бывшие воспитанники детского дома. На встречи приходило всегда более 100 человек. Самая крупная состоялась в 1974 году.

Кабанова Нина Петровна рассказала мне о том где хоронили погибших детей – по всему периметру приусадебного парка.

ЛАГЕРЯ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ на оккупированной территории БССР

В подобных местах массового содержания и истребления людей содержались военнопленные всех стран-участников Второй мировой войны. Однако лагеря для советских военнопленных характеризовались самой высокой смертностью и жестокими условиями содержания. Так, из 5,7 миллиона оказавшихся в плену советских солдат погибло около 3,3 миллиона человек (57 %). В то же время смертность военнопленных стран-союзников, количество которых в немецком плену составило около 232 тысяч человек, была менее 3,5 % [6, с. 111–112].

В рамках подготовки к войне с СССР нацисты приняли решение об организации шталагов и офлагов, получивших особую серию номеров. Большую часть из них предполагалось разместить на Восточном фронте.

Положение советских военнопленных во всех типах лагерей, где бы они ни находились, являлось катастрофическим. Чинимые зверства не носили характер эксцессов отдельных недисциплинированных военнослужащих или частей германской армии. Это результат разработанных еще до начала агрессии против СССР и во время войны приказов и распоряжений нацистского руководства и верховного главнокомандования вермахта. Эта политика немецко-фашистского командования в отношении советских военнопленных связана с ходом военных действий на всех фронтах Второй мировой войны, а особенно – на советско-германском фронте и неизменно определялась целями Германии в войне.

Анализ организации и подготовки порядка обращения с советскими военнопленными в период до нападения Германии на Советский Союз с учетом планов немецкого руководства по молниеносной победе показывает, что главное внимание уделялось вопросам использования военнопленных в интересах частей и подразделений вермахта, а также мерам по предотвращению отрицательных последствий большого количества пленных на дальнейшее ведение боевых действий.

Приказы и распоряжения немецко-фашистского командования в отношении советских военнопленных, разработанные еще до нападения на Советский Союз, грубо нарушали международно-правовые положения о гуманном отношении к военнопленным.

CAMPS FOR PRISONERS OF WAR on the occupied territory of the BSSR

In such places of mass detention and extermination of people, prisoners of war from all countries participating in the Second World War were kept. However, only the camps for Soviet prisoners of war were characterized by the highest mortality and cruel conditions of detention. So, out of 5.7 million captured Soviet soldiers, about 3.3 million people (57 %) died. At the same time, the death rate of prisoners of war from the Allied countries, whose number in German captivity amounted to about 232 thousand people, was less than 3.5 % [6, p. 111–112].

Within the scopes of preparation for the war with the USSR the Nazis decided to organize stalags and offlags, which received a special series of numbers. Most of them were supposed to be placed on the Eastern Front.

The condition of Soviet prisoners of war in all types of camps, wherever they were located, was catastrophic. The committed atrocities didn't have the nature of excesses of individual undisciplined military personnel or formations of the German army. This is the result of the orders and directives of the Nazi leadership and the Supreme High Command of the Wehrmacht, prepared even before the start of the aggression against the USSR and during the war. This policy of the fascist German command towards Soviet prisoners of war is connected with the course of hostilities on all fronts of the Second World War, and especially on the Soviet-German front, and was invariably determined by Germany's goals in the war.

An analysis of the organization and preparation of the procedure of treatment of Soviet prisoners of war in the period before the German attack on the Soviet Union, taking into account the plans of the German leadership for a blitz victory, shows that the main attention was paid to the use of prisoners of war in the interests of units and divisions of the Wehrmacht, as well as measures to prevent the negative consequences of a large number of prisoners for further combat operations.

The orders and directives of the fascist German command in relation to Soviet prisoners of war, elaborated even before the attack on the Soviet Union, grossly violated international legal provisions on the humane treatment of prisoners of war.

According to the report verbatim of the trial in the case on atrocities, committed by Nazi criminals

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Протокол допроса свидетеля С.
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. Protocol of the interrogation of the witness S.

During the research, I met Vladimir Eduardovich Sokolovsky in Minsk, also a pupil of the Semkovo orphanage (died in 2016). Vladimir had an older brother, Boris, who was deported to Germany for forced labor. From Eduard's words, I learned that upon his return from Germany, Boris told him a story about how in Germany the corpses of children driven away for forced labor were handed over to a soap factory for the production of soap.

Also, this orphanage housed children whose parents were activists of communist movements and parties in Western Europe. At the meeting of former pupils in 1974, Badjan Vladlen a native of Slovakia, the son of an Austrian communist, who survived the war in this orphanage, was present.

According to the recollections of the pupils, the manager, Generalov, persuaded teenage girls to have intimate relationships and cohabitation.

Due to the rapid advance of the Red Army in early February 1944, the Germans decided to send all the children to Trostenets for elimination. The partisan brigade "Sturmovaya" learnt about the plans of the Germans and on the night of February 25-26, 1944, liberated 274 children from the orphanage. Fedorova Maria Mikhailovna, the wife of the commissar of this partisan detachment, participated in the liberation.

The children from the orphanage have been meeting every five years since the 1960s. More than 100 people attended the meetings. The biggest was in 1974.

Kabanova Nina Petrovna told me about where the dead children were buried - along the entire perimeter of the homestead park.

Согласно стенограмме судебного процесса по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими преступниками в БССР, обвиняемый генерал-майор германской армии Готфрид фон Эрдмансдорф – бывший комендант г. Могилева и Могилевского укрепленного района – сообщил: «...За несколько дней до вторжения на территорию Советской России я как командир 171-го пехотного полка был вызван на совещание командиров полков, где командир дивизии генерал-лейтенант Оффен дал приказ о физическом истреблении военнопленных, заявляя при этом, что это строгий приказ Гитлера...» [11].

Из информации указанного документа следует, что Карл Макс Лангут, капитан германской армии, заместитель коменданта лагеря № 131 в г. Бобруйске, обвинялся в том, что зимой 1941–1942 годов производил отправку советских военнопленных в Германию в неотапливаемых вагонах и даже на открытых платформах, в результате чего тысячи военнопленных замерзли в пути. В тот же период Лангут на железнодорожной станции Березина сформировал эшелон из 50 открытых платформ, на которые поместили свыше 3 тысяч военнопленных. Эшелон отправлен в сторону Минска, однако по пути следования все военнопленные замерзли и были сброшены под откос [11].

Еще одной из особенностей лагерей для военнопленных являлось заключение в них гражданского населения, которое широко практиковалось как в начале, так и на протяжении всего периода войны.

Под видом военнопленных немецкие оккупанты захватывали мужское население из числа мирных жителей. Таким образом они преследовали цели: уменьшить прирост белорусского населения, исключить возможность пополнения рядов сопротивления.

Нередко при конвоировании военнопленных охранники расстреливали их, а вместо убитых хватили гражданских лиц и ставили в колонны, чтобы пополнить недостающее число узников.

Питание военнопленных, как правило, состояло из пол-литра недоброкачественного супа и 100 грамм хлеба. Медицинская помощь больным не оказывалась. Раненые, замученные, доведенные до отчаяния, военнопленные бросались на проволоку. На почве голода и простудных заболеваний в течение одного дня умирало 600–700 человек.

in the BSSR, the accused Major General of the German Army Gottfried von Erdmannsdorff, the former commandant of the city of Mogilev and the Mogilev Fortified Region, told: "... A few days before the invasion on the territory of the Soviet Russia, I as the commander of the 171st infantry regiment, was summoned to a meeting of regimental commanders, where the division commander, Lieutenant General Offen, ordered the physical extermination of prisoners of war, declaring that this was a strict order of Hitler..." [11].

From the information of this document it follows that Karl Max Langut, the captain of the German army, the deputy commandant of camp No. 131 in Bobruisk, was accused of transportation Soviet prisoners of war to Germany in winter 1941–1942 in unheated wagons and as a result of which thousands of prisoners of war froze to death on the way. In the same period, Langut at the Berezina railway station formed an echelon of 50 open platforms, on which over 3,000 prisoners of war were placed. The echelon went in the direction of Minsk, however, along the way, all the prisoners of war froze and were thrown down a slope [11].

Another feature of the POW camps was the incarceration of the civilian population, which was widely practiced either at the beginning or throughout the entire period of the war.

Under the guise of prisoners of war, the German invaders captured the male population among the civilians. Thus, they pursued the goal of reduction of increase of the Belarusian population, eliminating the possibility to replenish the ranks of resistance.

Often, when escorting prisoners of war, the guards shot them, and in place of the dead, they grabbed civilians and put them in columns to replenish the missing number of prisoners.

The food of prisoners of war, as a rule, consisted of half a liter of poor-quality soup and 100 grams of bread. Medical care was not provided to the sick. Wounded, tortured, reduced to extremity prisoners of war threw themselves on the wire. On the basis of hunger and colds, 600–700 people died in one day.

Particularly in Soviet prisoners of war, already in August 1941, gas Zyklon B was tested for the first time in Auschwitz, which was subsequently used for the mass extermination of prisoners in gas chambers [6, p. 297].

The regime in prisoner-of-war camps, unlike other death camps, was characterized by the following features:

Именно на советских военнопленных уже в августе 1941 года в Аушвице был впервые опробован газ «Циклон В», который впоследствии применялся в целях массового истребления заключенных в газовых камерах [6, с. 297].

Режим в лагерях для военнопленных, в отличие от режима в других лагерях, характеризовался следующими особенностями:

1) охрану лагерей несли войска вермахта;

2) внутреннее управление и надзор за военнопленными осуществляли полицейские из числа узников;

3) военнопленные находились в военной форме, в которой они попали в плен, а не в арестантских костюмах;

4) за политическим настроением военнопленных вели наблюдение офицеры армейской контрразведки и по согласованию с командующим вермахта их контролировали органы гестапо. Тех, кого считали наиболее опасными в политическом отношении либо уничтожали сразу же после выявления, либо направляли в концентрационные лагеря.

На оккупированных территориях Советского Союза данные места массового содержания и истребления зачастую существовали лишь в течение небольшого промежутка времени. В организации внутрилагерного пространства они не имели ничего общего с концлагерями, кроме колючей проволоки по периметру территории. В них не было ни минимального обеспечения продовольствием, ни медицинской помощи. К концу ноября 1941 года в лагерях для советских военнопленных, располагавшихся в БССР, смертность достигала в день 2 % от общего числа узников [3].

После истребления советских военнопленных, которых предполагалось использовать как рабскую силу, нацисты переориентировались на другие группы. На военных предприятиях к 1943 году работало 2/3 всего контингента заключенных [6, с. 98].

Приказ обергруппенфюрера СС, генерала полиции Эриха фон дем Бах-Зелевского от 1 сентября 1943 года, адресованный фюрерам СС и полиции относительно приобретения рабочей силы в результате борьбы с партизанами для немецкой военной промышленности, устанавливал необходимость масштабного захвата и помещения мирного населения в лагеря смерти в целях использования рабского труда для нужд вермахта.

1) wehrmacht troops guarded the camps;

2) internal management and supervision of prisoners of war was carried out by police officers from among the prisoners;

3) the prisoners of war were in the military uniform in which they were captured, and not in prison clothes;

4) the political mood of the prisoners of war was monitored by army counterintelligence officers and, in agreement with the commander of the Wehrmacht, they were controlled by the Gestapo. Those who were considered the most politically dangerous were either killed immediately after identification, or sent to concentration camps.

In the occupied territories of the Soviet Union, these places of mass detention and extermination often existed for only a short period of time. In the organization of the intra-camp space, they had nothing in common with concentration camps, except for barbed wire along the perimeter of the territory. They did not have a minimum food supply or medical care. By the end of November 1941, in the camps for Soviet prisoners of war located in the BSSR, the death rate reached 2 % of the total number of prisoners per day [3].

After the extermination of Soviet prisoners of war, who were supposed to be used as slave labor, the Nazis repurposed themselves to other groups. By 1943, 2/3 of the entire number of prisoners worked at military enterprises [6, p. 98].

The order of SS-Obergruppenführer, Police General Erich von dem Bach-Zelewski from September 1, 1943, addressed to the Fuhrers of the SS and the police regarding the acquisition of manpower as a result of the fight against partisans for the German military industry, established the need for a large-scale capture and placement of civilians in death camps in order to use slave labor for the needs of the Wehrmacht.

The strict execution of the above order is confirmed by the testimony from December 24, 1945 of the former police captain Ernst August Frank – commander of the 2nd battalion of the 26th police regiment. In particular, he reported that during the punitive operation in April-May 1944, up to 18 thousand Soviet partisans were exterminated in the Glubokoe district and in the area of Lake Sho. At the same time, under the guise of fighting with partisans, civilians were also imprisoned in such death camps: "Question: *Are all 100 people detained by the battalion during combing forests, were partisans?*"

88 187
Рейхсфюрер СС и начальник
Германской полиции - началь-
ник соединений по борьбе с
бандами партизан - Ia

штабквартира, 1.9.1943 года

ОТНОСИТЕЛЬНО: приобретение рабочей силы в результа-
те борьбы с бандами партизан для не-
мецкой военной и пищевой промышлен-
ности.

ФЮРЕРУ СС И ПОЛИЦИИ

Одной из важнейших проблем данной войны и мероприятием, имеющим решающее значение в войне, является поставка необходимой рабочей силы для немецкой военной и пищевой промышленности. Немцев в рейхе для этой цели нет, поэтому следует доставлять в рейх все большее количество иностранцев. Чтобы добиться этой цели, необходимо во время проведения операций по борьбе с бандами партизан добывать больше рабочей силы для рейха. Это мероприятие обосновано приказом фюрера и это следует неуклонно претворять в жизнь.

В связи с этим приказывается:

1. С этого времени стараться захватить как можно больше пленных. На основании указания ОКВ № 08408/43 от 18.8.43 года, пункт I, приказывается, всех лиц, встречающихся в непосредственной близости к районам военных действий, рассматривать как пленных. Их нельзя обвинять в ведении военных действий, но можно рассматривать как пособников банд партизан.

2. Зараженные бандами партизан районы объявить районами военных действий и эвакуировать. Всех трудоспособных мужчин этих районов в возрасте 16-55 лет считать военнопленными и сразу же отправлять в рейх. Всех мужчин моложе 16 и старше 55 лет и всех работоспособных женщин отправлять в приемные лагеря, а оттуда кратчайшим путем в райх. Все оставшееся население, особенно женщины и дети, согласно секретному приказу :рейхсфюрера СС от 20.7.43 года выселяются и выполняются и

89 188
2.

полезные работы. Переселением этих людей занимается соответственный фюрер СС и полиции.

3. Чтобы тесно сотрудничать со службами генерального уполномоченного по использованию рабочей силы и использовать в этом направлении все возможности к штабу начальника соединения по борьбе с бандами партизан прикомандировывается обер-регирунгсрат Найнке в качестве полномочного представителя генерального уполномоченного по использованию рабочей силы. Ему следует оказывать помощь всеми средствами.

4. В распоряжение фюреров СС и полиции Норд, Митте, Зид и Остен поступает по одному ответственному представителю управления по использованию рабочей силы в качестве офицера связи с генеральным уполномоченным, а именно:

Норд - господин Ляйбензеттер
Митте - регирунгсрат доктор Тушен
Зид - кфр Вольф
Остен - доктор фон Гшлиссер

Офицеры связи по всем вопросам использования и приобретения рабочей силы должны поддерживать тесный контакт с фюрерами СС и полиции и при планировании операций вносить свои предложения.

5. В распоряжении офицеров связи находятся штабы по использованию рабочей силы, которые он в зависимости от операции распределяют по подразделениям вплоть до батальонов или даже рот. Фюреры СС и полиции в свою очередь приглашают офицеров связи на совещания относительно операций, а также на ежедневные совещания по обсуждению вопросов общего положения.

6. Во время каждой операции штабы по использованию рабочей силы устраивают в удобных местах приемные лагеря. Эти штабы следует повсеместно поддерживать и организовывать соответственную охрану лагерей. Обеспечением довольствия в лагерях и во время перевозки к сборным пунктам занимаются соответственные военные и гражданские хозяйственные службы.

7. Где захватывает сил штабов, фюреры СС и полиции обязаны организовать отправку в приемные лагеря и на сборные пункты.

70 168

Следует следить за тем, чтобы эшелоны прибывали в лагеря в полном составе.

8. В повседневных сообщениях и в заключительном отчете сообщать:

- а) сколько взято военнопленных и кому они переданы;
- б) Сколько мужчин, женщин и детей (моложе и старше 10 лет) переданы в приемные лагеря для отбора.
- в) Сколько мужчин, женщин и детей выселено и куда они поселены или должны быть поселены.

Начальники приемных лагерей сообщают военному командованию, сколько человек отправлено в рейх и сколько человек использовано на месте в мероприятиях военного значения. Должен быть составлен единый статистический материал по этому вопросу.

9. Деятельность офицеров связи и штабов по приобретению рабочей силы не следует ограничивать лишь большими операциями. Даже во время небольших местных операций при использовании частей для обеспечения сбора урожая, следует изучать, можно ли набрать при этом рабочую силу для военной и пищевой промышленности и каким образом. Даже в местах постоянного размещения на отдых необходимо по требованию офицеров связи и штабов по использованию рабочей силы предоставлять им части для набора рабочей силы (во время мелких операций).

10. Части, к которым прикреплены сотрудники штабов по использованию рабочей силы, должны поддерживать и обслуживать их во всех отношениях (обеспечивать жильем, питанием и т.д.).

11. Этот приказ сообщить всем подчиненным службам и подразделениям. При инструктировании солдат следует (перед каждой операцией) указывать им на решающее военное значение набора рабочей силы, будь то военнопленных или свободных рабочих.

Подписал: фон дем Бах
обергруппенфюрер СС, генерал
полицейской службы

Reichsführer SS and Chief
of the German Police – Chief of
the Units to Combat Partisan Gangs – 1a

headquarters, 1.9.1943

RELATED: Acquisition of labor as a result of the fight against partisan gangs for the German military and food industry.

TO THE FUHRERS OF THE SS AND THE POLICE

One of the most important problems of this war and an action of crucial importance in the war is the supply of the necessary manpower for the German military and food industries. There are no Germans in the Reich for this purpose, so increasing numbers of foreigners must be brought into the Reich. In order to achieve this goal, it is necessary during the operations against the bands of partisans to obtain more manpower for the Reich. This action is justified by the Fuhrer's order and should be steadily implemented.

In this regard, it is ordered:

1. From that time onwards try to take as many prisoners as possible. On the basis of the instruction of the OKW №03408/43 of 18.8.43, point 1, it is ordered that all persons who meet in close proximity to the areas of military operations shall be treated as prisoners. They cannot be accused of conducting hostilities, but can be seen as accomplices of bands of guerrillas.

2. The areas infested by partisan gangs shall be declared war zones and evacuated. All able-bodied men aged 16–55 in these areas to be considered prisoners of war and sent immediately to the Reich. All men under 16 and over 55 years of age and all able-bodied women are to be sent to reception camps and from there by the shortest possible route to the Reich. All remaining population especially women and children, according to the secret order of the Reichsführer SS of 20.7.43, are evicted and perform useful work. The resettlement of these people is handled by the respective Fuhrer of the SS and the police.

3. In order to cooperate closely with the services of the General Commissioner for the use of labor force and to use all the possibilities in this direction, Oberregierungsrat Meinke as the authorized representative of the General Commissioner for the use of labor force. He should be helped by all means.

4. At the disposal of the Fuhrers of the SS and the police Nord, Mitte, Süd and Osten, one responsible representative of the administration for the use of labor as a liaison officer with the General Commissioner, namely:

Nord – Mr. Leyensetter

Mitte – Regierungsrat Dr. Tuschen

Süd – Kfr Wolf

Osten – Dr. von Gschlissler

Liaison officers in all matters of the use and acquisition of manpower must maintain close contact with the Fuhrers of the SS and the police and make suggestions when planning operations.

5. At the disposal of the liaison officer there are headquarters for the use of manpower, which, depending on the operation, he distributes among subdivisions up to battalions or even companies. The Fuhrers of the SS and the police, in turn, invite liaison officers to meetings regarding the operation, as well as to daily meetings to discuss questions of the general situation.

6. During each operation, the headquarters for the use of labor arrange reception camps in convenient places. These headquarters should be maintained everywhere and organized appropriate protection of the camps. The military and civilian economic services are responsible for the provision of supplies in the camps and during transport to the assembly points.

7. Where there are not enough headquarters forces, the Fuhrers of the SS and the police are obliged to organize the dispatch to reception camps and assembly points.

It should be ensured that the echelons arrive at the camps in full strength.

8. Report in the daily communications and in the final report:

a) how many prisoners of war were taken and to whom they were transferred;

b) how many of men, women and children (under and above 10 years of age) transferred to the reception camps for selection;

c) how many men, women and children have been evicted and where they have been or are due to be settled.

The heads of the reception camps inform the military command how many people have been sent to the Reich and how many people have been used on the spot in military activities. Unified statistical material on this issue should be compiled.

9. The workforce acquisition activities of liaison officers and headquarters officers should not be limited to large operations. Even during small local operations, when using units to support harvesting, it should be studied whether it is possible to recruit labor for the military and food industries and how. Even in places of permanent accommodation on vacation, liaison officers and manpower use headquarters should be provided with units to recruit manpower (during minor operations) on request.

10. The units to which labour force headquarters staff are attached must support and serve them in all respects (provide housing, food, etc.).

II. Communicate this order to all subordinate services and subunits. When instructing soldiers, they should (before each operation) be made aware of the crucial military importance of recruiting manpower, whether prisoners of war or free labourers.

Signed: von dem Bach

SS-Obergruppenführer, police general

Неукоснительное исполнение вышеуказанного приказа подтверждается показаниями от 24 декабря 1945 года бывшего капитана полиции Эрнста Августа Франка – командира 2-го батальона 26-го полицейского полка. В частности, он сообщил о том, что в ходе карательной операции в апреле – мае 1944 года в Глубокском районе и в районе озера Шо было истреблено до 18 тысяч советских партизан. При этом под видом борьбы с партизанами в такие лагеря смерти заключалось и мирное население: «Вопрос: Действительно ли все 100 человек, задержанные батальоном во время прочески лесных массивов, являлись партизанами?»

Ответ: О том, что все 100 человек, задержанные нами, являлись партизанами, я об этом сказать не могу, так как из всех задержанных только незначительная часть имела оружие, но так как все эти лица были задержаны во время прочески лесных массивов, то все они считались как партизаны и направлялись как военные в специально созданные для них лагеря. Где располагались эти лагеря, мне не известно.

Вопрос: Значит, под видом борьбы против партизан вами проводились репрессивные действия по отношению к мирным советским гражданам?

Ответ: Да, это так. И делалось это, во-первых, для того, чтобы парализовать всякое партизанское движение и, во-вторых, чтобы получить рабочую силу для промышленности и сельского хозяйства Германии...

Как на совещании, так и в приказе по полку, который был доведен мной до каждого командира роты, перед моим батальоном была поставлена следующая задача: борьба против партизан, вылавливание и угон всего мирного населения, не взирая на их пол и возраст, и изъятие всего скота и запасов зерна...» [36].

ШТАЛАГ-337

В сентябре 1941 года около железнодорожной станции Лесная (ныне – агрогородок Лесная Барановичского района Брестской области) на расстоянии 22 км от г. Барановичи был создан лагерь для военнопленных «Шталаг-337». «Он располагался примерно в 3 км от железнодорожной станции Лесная, слева от автодороги Барановичи – Слоним и примыкал к проселочной дороге Березовка – Лесная [37, с. 239]. Его

Answer: I can't say that all 100 people we detained were partisans, since from all those detained only an insignificant part had weapons, but since all these persons were detained during the raid of forests, they were all considered as partisans and were sent as soldiers to camps specially created for them. Where these camps were located, I do not know.

Question: So, under the guise of fighting against partisans, you carried out repressive actions against peaceful Soviet citizens?

Answer: Yes, it is. And this was done, firstly, in order to immobilize any partisan movement and, secondly, in order to obtain labor power for industry and agriculture for Germany...

Either at the meeting, or in the order on the regiment, which was disseminated by me to each company commander, my battalion was given the following task: to fight against partisans, to catch and steal the entire civilian population, regardless of their sex and age, and to seize all livestock and grain reserves...» [36].

STALAG-337

In September 1941, near the Lesnaya railway station (now the agricultural town of Lesnaya of Baranovichi district of Brest region), at a distance of 22 kilometers from the city of Baranovichi, a prisoner-of-war camp Stalag-337 was created. "It was located about 3 kilometers from the railway station Lesnaya, to the left of the highway Baranovichi – Slonim and adjoined the rural road Berезовка – Lesnaya [37, p. 239]. Its branches were established in the city of Baranovichi in the prison building and in the city of Slutsk. It had 8 branches at railway stations.

The commandant of the camp until the spring of 1942 was Oberleutnant Eichhorn, from the spring of 1942 – Tiefenbach. The security service was carried out by Wehrmacht soldiers.

The functions of the camp police were carried out by soldiers of the Ukrainian Hundred, formed in March 1942. Becoming a part of Ukrainian Hundred, its soldiers received better food, new uniforms. After, Ukrainian Hundred received allowances as German soldiers. The uniform consisted of a khaki military shirt with pockets and belt, dark blue breeches, an officer's cap, in winter the guards received good boots and an overcoat. They wore white armbands. Under the guidance of German instructors, drill and physical training was carried out for

филиалы были созданы в г. Барановичи в здании тюрьмы и в г. Слуцке. Он имел 8 отделений на железнодорожных станциях.

Комендант лагеря до весны 1942 года – оберлейтенант Эйхгорн, с весны 1942 года – Тифенбах. Охранную службу несли военнослужащие вермахта.

Функции лагерной полиции выполняли солдаты украинской сотни, сформированной в марте 1942 года. С поступлением в сотню ее служащие получали лучшее питание, новое обмундирование. В дальнейшем охранники сотни получали довольствие как немецкие военнослужащие. Обмундирование состояло из военной рубашки защитного цвета с карманами и поясом, темно-синего галифе, офицерской фуражки. Зимой охранники получали добротные сапоги и шинель. Они носили нарукавные белые повязки. Под руководством немецких инструкторов в течение двух месяцев велась строевая и физическая подготовка, охранники обучались конвойной и охранной службе. В мае 1942 года, после окончания обучения, солдаты украинской сотни приняли присягу на верность службе нацистской Германии.

Командиром первой сотни был назначен Ярош. В лагере были подготовлены еще две сотни охранников: в июле – августе и ноябре 1942 года. Их подготовку вели солдаты первой сотни. Охранники украинской сотни несли внешнюю охрану, конвоировали рабочие команды военнопленных на работу, охраняли их, а также участвовали в расстрелах военнопленных.

Охранники внешней охраны получали из трофейного имущества винтовки, холодное оружие, боеприпасы. Охранная и конвойная службы были построены так, чтобы немецкие солдаты и охранники сотни несли службу совместно. Из числа украинской сотни назначались комбаты, составлявшие внутреннюю администрацию. Они были вооружены дубинками, ремнями, резиновыми шлангами. Гитлеровцы использовали украинскую сотню в управлении и истреблении плененных. На основании собранных многочисленных доказательств, Военный трибунал Белорусского военного округа признал Яроша и его подручных виновными в совершении преступлений [3].

Первые эшелоны с военнопленными прибыли в сентябре 1941 года. Основная часть плененных была доставлена осенью и зимой 1941 года.

two months, the guards were trained in escort and security service. In May 1942, after completing their training, the soldiers of the Ukrainian Hundred took an oath of allegiance to the service of Nazi Germany.

Yarosh was appointed commander of the First Hundred. Two hundred more guards were trained in the camp: in July – August and November 1942. Their training was conducted by soldiers of the First Hundred. The guards of the Ukrainian Hundred carried outside guards, escorted work teams of prisoners of war to work, guarded them, and also participated in the executions of prisoners of war.

The guards of the outside guard received rifles, cold-arms, and ammunition from the captured equipment. Security and escort duty has been performed by such method that hundreds of German soldiers and guards served together. From among the Ukrainian Hundred, battalion commanders were appointed, who were part of internal administration. They were armed with clubs, belts, rubber hoses. The Nazis used the Ukrainian Hundred in management and extermination of prisoners. Based on the numerous collected evidence, the Military Tribunal of the Belarusian Military District found Yarosh and his henchmen guilty in commission of crimes [3].

The first echelons with prisoners of war arrived in September 1941. The majority of the prisoners was delivered in the autumn and winter of 1941.

By the end of 1942, on the part of the territory intended for the placement of prisoners of war, there were 24 barracks [37, p. 239].

The barracks represented large dugouts with two exits. On the surface, only a high roof with chimneys was visible. The half-meter walls of the barracks were littered with earth. Small windows barely permitted the light; some of the barracks had no windows at all. There were no illumination means in the barracks. For illumination, they burned pieces of telephone cable, which is why soot and fumes were in the barracks. Initially there were no plank beds. The prisoners themselves built four-story plank beds from rough, crude plates. The plank beds were divided into cells half a meter wide with a calculation of half a meter per person, but in fact, three to five people were stuffed into each such cell. The distance between the tiers of plank beds in height was so low that it did not allow to sit down. There was not enough space: they could only lie sideways, closely clinging to each other, turning at the same time all together. They also lay down under the plank beds, on the bare earth floor, without a bed, even without

К концу 1942 года на части территории, предназначенной для размещения военнопленных, насчитывалось 24 барака [37, с. 239].

Бараки представляли собой большие землянки с двумя выходами. На поверхности была видна лишь высокая крыша с печными трубами. Полуметровые стены бараков были завалены землей. Маленькие окна едва пропускали свет, в некоторых бараках окна вообще отсутствовали. Осветительных средств в бараках не было. Для освещения жгли куски телефонного кабеля, отчего внутри стояли копоть и чад. Нар поначалу также не было. Узники сами соорудили четырехэтажные нары из грубых, неотесанных досок. Они были разделены на ячейки в полметра шириной с расчетом в полметра на человека, но фактически в каждую такую ячейку набивали от трех до пяти человек. Расстояние между ярусами нар по высоте было столь низкое, что не позволяло сесть. Места не хватало: лежать могли только боком, тесно прижавшись друг к другу, поворачивались одновременно все вместе. Ложились и под нарами, на голый земляной пол, без постели, даже без соломенной подстилки. Печи в бараках не топили. Осенью и зимой 1941 года большая часть заключенных не могла поместиться в бараках и ютилась под открытым небом, хотя морозы доходили до 30 и более градусов.

В лагере смерти на станции Лесная к концу 1941 года одновременно содержалось до 55 тысяч военнопленных.

Ежедневный рацион пищи военнопленных в 1941 – начале 1942 года состоял из 250 грамм хлеба – двухкилограммовую буханку хлеба делили на восемь человек – и пол-литра несоленой баланды с гречневой шелухой или картофельными очистками. Хлеб состоял на 20–30 % из муки, остальная часть – молотая солома, древесная мука, картофельные очистки.

В первое время, когда еще не были созданы рабочие команды, на почве голода среди военнопленных развился «голодный психоз», когда основной темой разговоров был разговор о еде. Пленные, обессиленные голодом, лежали на нарах с полным безразличием. Многие страдали куриной слепотой, ослаблением мочевого пузыря.

Условия содержания военнопленных были рассчитаны на то, чтобы физически истребить узников, при этом унизив их человеческое достоинство. Скученность, грязь, холод, голод, отсутствие медикаментов и медицинской помо-

litter. There were no stoves in the barracks. In the autumn and winter of 1941, most of the prisoners could not fit in the barracks and huddled outside, although temperature reached –30 °C or less.

In the death camp at Lesnaya station, by the end of 1941, up to 55 thousand prisoners of war were simultaneously kept.

The daily food ration of prisoners of war in 1941 – early 1942 consisted of 250 grams of bread – a two-kilogram loaf of bread was divided for eight people – and half a liter of unsalted gruel with buckwheat husks or potato peels. The bread consisted of 20–30 % flour, the rest – ground straw, wood flour, potato husks.

Initially, when work teams had not yet been created, due to the hunger among the prisoners of war, a "hungry psychosis" developed, when the main topic of conversation was food. The prisoners, exhausted by hunger, lay on plank bed, with complete indifference. Many suffered from night blindness, debilitation of the bladder.

The conditions of detention of prisoners of war were designed to physically exterminate the prisoners, while humiliating their human dignity. Overcrowding, dirt, cold, hunger, lack of medicines and medical care – all this caused a wide spread of stomach diseases, camp fever and mass mortality, which reached in the winter of 1941–1942 up to 200–300 cases per day. Often, along with the dead, people who were still alive were taken out and thrown into the grave.

In this place of mass detention and extermination, a strict daily routine was in place: at 5.00 – waking up, at 6.00 – the prisoners received bread and boiling water, at 7.00 – forming up for inspection, relief of work teams, at 17.00 – lunch (soup-gruel), at 19.00 – evening formation and inspection, at 20.00 – the barracks were closed outside. Formations and inspections took place daily, in any weather: in the cold, in the wind, rain, snow, hungry, naked, exhausted prisoners were kept outside for hours, in winter many froze. At the same time, they were beaten for any reason and simply without a reason. After each such formation, the bodies of people who had lost all their strength or had already died remained in front of the barracks. Others were dying in the barracks, barely dragging themselves to their plank beds [3].

On the extermination of a group of doomed men in September 1942, Yarosh showed the Military Tribunal: "The prisoners, realizing that they are transported in a gas chamber for extermination, and not

щи – все это вызывало широкое распространение желудочных заболеваний, сыпного тифа и массовой смертности, доходившей зимой 1941–1942 годов до 200–300 случаев в день. Нередко вместе с умершими вывозили и бросали в могилу людей, еще подающих признаки жизни.

В этом месте массового содержания и истребления действовал не терпящий отклонений жесткий распорядок дня: в 5:00 – подъем, в 6:00 – пленные получали хлеб и кипяток, в 7:00 – построение на поверку, развод рабочих команд, в 17:00 – обед (суп-баланда), в 19:00 – вечернее построение и поверка, в 20:00 – бараки закрывались снаружи. Построения и поверки проходили ежедневно, в любую погоду: на холоде, ветру, дожде, под снегом, голодных, раздетых, измученных пленными держали на улице часами, в зимнее время многие замерзали. При этом избивали по всякому поводу и просто без повода. После каждого такого построения перед бараками оставались тела потерявших последние силы или уже умерших людей. Другие умирали в бараке, еле дотащившись до своего места на нарах [3].

Об истреблении группы смертников в сентябре 1942 года Ярош показал Военному трибуналу: «Пленные, понимая, что их отправляют в машине-«душегубке» на смерть, а не переводят в другой лагерь, подняли сильный крик и стали отчаянно сопротивляться. Шум группы пленных, подведенных для погрузки к машине, передался в лагерь. В лагере из солидарности подняли шум и крик все пленные. В этот момент на одной из вышек открылась пулеметная стрельба. Стреляли прямо по баракам. Шум в лагере прекратился, но пленные, которых грузили в машину, сильно сопротивлялись. Стоявшие в живом коридоре от бункера к машине охранники силой толкали пленных, как бы передавая из рук в руки. Те же, кто стоял у самой машины, хватили пленного и забрасывали его в кузов. Сопротивлявшихся пленных избивали. Картина была страшной. Пленные, которых таким образом грузили в машины-«душегубки», выкрикивали: «Да здравствует Родина!».

В августе 1942 года за отказ от вступления в ряды коллаборационистов в «газенагентах» были умерщвлены 720 человек, главным образом лица командного состава.

К августу 1943 года – ко времени ликвидации этого лагеря смерти – там оставалось около 200–300 военнопленных. К началу сентября 1943 года

being transferred to another camp, shouted loudly and began to desperately resist. The noise of a group of prisoners brought to the van for embarkation was heard in the camp. In the camp, out of solidarity, all the prisoners raised a shout and screamed. At that moment, machine-gun fire was opened from one of the towers. They fired directly at the barracks. The noise in the camp stopped, but the prisoners, who were loaded into the van, strongly resisted. The guards standing in the "living corridor" from the bunker to the car pushed the prisoners by force, as if pushing them from hand to hand. Those who stood at the very van grabbed the prisoner and threw him into the back. Those who resisted were beaten. The situation was terrible. The prisoners, who were embarked into gas chambers using this method, shouted "Long live the Motherland!"

In August 1942, for refusal to join the ranks of collaborators in 'gas chambers 720 people were killed, mainly command personnel.

By August 1943 – by the time the death camp was liquidated – there were about 200–300 prisoners of war remained there. By early September 1943, 7,785 refugees were housed there. On September 5, a transport with 516 able-bodied people was sent to Germany, the rest worked in the farms of nearby villages. [3]

After the liquidation of Stalag-337, the prisoners of war remained for some time in the Baranovichi prison. According to the act of the Baranovichi City Commission of Assistance in the Work of the Extraordinary State Commission, 44,000 prisoners of war were buried in mass graves in the area of Stalag-337; 31,000 prisoners of war held in the Baranovichi prison were buried in 290 meters from the prison of the city of Baranovichi along the Baranovichi–Slonim highway. According to the data of the Extraordinary State Commission, a total of 88,407 prisoners of war were exterminated in the Baranovichi region during the occupation, who were mainly held in Stalag-337, its branches and departments.

Up to 75,000 people were constantly held in the present death camp.

Within the territory of operation, 60 graves were established, in which the bodies of about 50 thousand people were buried, of which about 44 thousand were prisoners of war, and about 6 thousand people were civilians.

From the memoirs of a former prisoner K.: "... in 1943, our family was taken to the Baranovichi region to a camp at Lesnaya station. In the camp... they barely had been given food, they lived in barracks crowded

А К Т.

1-го января 1945 года.

гор. Барановичи.

Барановичская Городская Комиссия Содействия в работе Государственной Чрезвычайной Комиссии по расследованию и установлению виновных немецко-фашистских захватчиков, в составе: Председатель Комиссии, секретаря Барановичского Горкома КП(б)В МАСЛАН Иван Иванович, заместители председателя Комиссии, председателя Исполкома Горсовета депутатов трудящихся г. Барановичей Андрея Федоровича и членов: Горвоенкома подполковника тов. ЛЕВИНСОНА Зиновия Ильича, капитана милиции тов. ЧАДОВА Николая Егоровича, Городского прокурора тов. МУЖИВА Владимира Филипповича, коменданта-дежурного Станционной РО СКОБОГО, с участием зам. областного секретаря Областной Комиссии тов. РАВШЮГО Bronislava Андреевича и экспертов судебной медицины под председательством зав. Горздравоотделом врача тов. ЛЕОНТЬЕВА Леона Ивановича и врачей-г.г. Горбылевой Веры Александровны, олецкой Елены Викторовны и майора медицинской службы СЕРГЕЕВА Николая Петровича произвела расследование фактов злодеяний, совершаемых немецко-фашистскими захватчиками в период их временной оккупации территории города Барановичи и его окрестностей.

Материалами следствия, осмотром мест истребления и захоронения, медицинским исследованием трупов и их останков, а также многочисленными свидетельскими показаниями Комиссия установила, что оккупировав 27 июня 1941 года гор. Барановичи, гитлеровское правительство и его учреждения-Гестапо, СД, воинские комендатуры с первого же дня своего господства и на протяжении 3-х лет непрерывали в городе и его окрестностях грабежи, издевательства, пытки, угон на каторжный труд в Германию, повешания, расстрелы и массовое уничтожение не в чем неповинных советских граждан. С той же силой участвовали в равной степени русские, белоруссы, евреи, цыгане, поляки, мушман и женщины, старики и дети. Всего в городе Барановичи и его окрестностях немецко-фашистские захватчики за период своей оккупации истребили 128.110 человек.

1. МЕРСПРИМТИЯ ГИТЛЕРОВЦЕВ ПО ОРГАНИЗОВАНОМУ УНИЧТОЖЕНИЮ

СОБЪЕЗДНЫХ ГРАЖДАН.

На основании неопровержимых фактов, свидетельских показаний очевидцев и пострадавших установлено, что немецко-фашистские захватчики, в целях истребления граждан СССР, по заранее наметченному плану создали целый ряд концлагерей, тюрем и различных застенков, которые по мере уничтожения людей, живших в них советских людей непрерывно пополнялись новыми жертвами.

В сентябре месяце 1941 года на расстоянии 2-х километров от города Барановичи около железнодорожной станции Лесная был создан лагерь военнопленных № 337, в котором постоянно содержалось до 50 тысяч человек.

В городе Барановичи центральной тюрьме было организовано отделение лагеря № 337, где количество военнопленных доходило до 20 тысяч человек. В декабре 1941 года в городе Барановичи для советских граждан еврейской национальности создаются "Гетто", в котором было стариков, женщин и детей до 15 тысяч человек.

В 1942 году, в 18 километрах от города Барановичи, по шоссе Барановичи-Новогрудок, в имении Колдычево был создан концлагерь для мирных советских жителей всех славянских национальностей, в котором содержалось до 10000 человек мужчин, женщин и детей.

Созданные лагеря имели незначительное количество помещений, легкого типа, без печей и нар, амбюлансы 30-40% находившихся заключенных. Территории лагерей огораживались в несколько рядов колючей проволокой, устанавливалась усиленная охрана с использованием дзотов, прожекторов, специально выдрессированных собак и даже вкопанных в землю танков. Общение с внешним миром заключенным воспрещалось, а также и не разрешались передачи продуктов. За попытки получить, что либо из продуктов или одежды заключенные расстреливались.

Мобилизованный для работы в лагерь № 337 житель станции Лесная Ново-Минского р-на Станислав Матвеевич Высокинский рассказывает:

" В штаб-лагере № 337 в бараках не было печей и нар. В стенах были щели, через которые зимой выдувало много снега. Бараки не могли вместить всех военнопленных. На протяжении всей зимы 1941, 1942 годов большая часть заключенных находилась под открытым небом, при 20-30 градусном морозе. В бараки могли люди попасть только по очереди и на непродолжительное время".

Житель деревни Гурбак Ново-Минского района Вячеслав Николаевич ЖДЮНОВИЧ рассказывает:

" Проходя зимой 1942 года мимо лагеря № 337 я подумал кусок хлеба военнопленному и за то, что тот взял этот хлеб тут же был концлагерем расстрелян, а я местою избе".

В лагерях гитлеровцы условили голодный режим при непосильно-изнурительном физическом труде, что неизбежно вызвало массовые эпидемии инфекционных заболеваний (сипной тиф, дизентерия). Во всех лагерях медпомощь заключенным не только не оказывалась, а, наоборот, создавались условия для еще большего распространения болезней и увеличения смертности.

Работавший по мобилизации в лагере № 337 житель хутора Березовка Ново-Минского района Федор Иосифович ГОРДИКОВ говорит:

" Питание военнопленных выражалось в 1,5 граммах хлеба с опилками и полтора литра болланды при объеме расхода воды в день на 1 пленного не более 2-х литров. Перед выходом на работу ежедневно проводились утренние проверки длившиеся от 2-х до 3-х часов, независимо на морозные дни. При таких проверках замерзало от 40 до 70 человек в день. Все виды работ и транспорта выполнялись силами военнопленных. Они за 6 километров тащали на плечах дрова, возили на

леса дрова, упрягались в сани по 10-15 человек. На работах от тереутомления, голода и холода, многие падали и их тут же пристреливали конвоиры".

Бывший заключенный лагеря военнопленных № 337 врач СЕРГИЙК Сафрон Степанович показывает:

" Для больных никакого перевязочного материала и медикаментов не отпускалось. Бараки кишели паразитами, в них было грязно, а зимой холодно, как на улице. Периодически находившись в лагерях варились мы со из полуразложившихся трупов павших животных. Это по существу был сознательно подготовленный яд, так как сейчас же после принятия пищи, приготовленной из такого мяса у заключенных вызывалась страшная болезнь наподобие холеры и от которой умирали сотни людей. Для изучения этой болезни в 1942 году из Германии специально приезжали в лагерь немецкие врачи.

Бывший заключенный Барановичской тюрьмы врач СЕРГОВ Петр Афанасьевич рассказывает:

" Все мы находившиеся в заключении были покрыты язвами и рваной одеждой. Источники дышло до такой степени, что мы были похожи на сизальгов. Многие умирали, а которые не могли подниматься их немцы досредливали. За период моего заключения в тюрьме около 2-х лет только от инфекционных болезней умерло 17 тысяч человек".

Руководители гитлеровских учреждений и организации Барановичского Округа, расположенных в городе Барановичи систематически с садистской жестокостью подвергали находившихся в лагерях советских граждан невиданным издевательствам, истязаниям, пыткам и казням через повешение.

Бывшая заключенная концлагеря Колдычево учительница Мария Ивановна ЕРМАКОВИЧ показала:

" Когда я прибыла в лагерь, то у входной будки увидела изуродованный труп мужчины. Он лежал, как мне потом сказали, уже 2 дня. После я узнала, что это был труп врача НАЗАРОВА из местечка Новая Мышь. Около тюрьмы лагеря была виселица, рядом с ней стоял юноша лет 16-ти, который все время кричал "удирай-догнай", когда его голос слабел, он был избиваем рядом стоящими полицейскими. Вдруг "натешились" этого юношу повесили и труп его затем был на виселице в течении нескольких дней".

Бывшая партизанка БАБУШКИНА Анна Михайловна показала:

" В августе месяце 1943 года в полицейском участке местечка Городища я увидела женщину с хутора Городишки, Городищенского р-на гражданку ГРИШ, которую пытали в Колдычевском лагере. Она была вся изрезана ударами резиновых дубинок, пальцы, груди и все тело было испечено раскаленным железом, от нее несло трупным запахом и она еле дышала".

Бывший военнопленный лагеря № 337 врач ДДН Владимир Павлович рассказывает:

" Особенно издевались немцы над командным составом Красной Армии. Их голыми, босыми зимой выгоняли на улицу и заставляли простаивать часами. После, часть увозили на расстрел, а остальных загоняли назад в камеру. Была установлена система, когда камеру с военнопленными наполняли водой до полного их умертвления. Таким методом немцы только в течении 3-х месяцев 1942 года задушили 160 человек командиров Красной Армии".

Бывший заключенный концлагеря Колдычево Леонид Захарович ВАСИЛЬЕВИЧ сообщил:

"Немецко-фашистские захватчики концлагеря Колдычево создали специальную камеру пыток. Она находилась под зданием управления лагеря. Гитлеровцы заключенным концлагеря прокалывали иголками языки, подшивали, растягивали мышцы и направляли на них специально выдрессированных собак".

Кроме созданных концлагерей и тюрем в городе Барановичи была организована целая сеть полицайских и гестаповских застенков. В каждом этом застенке имелась своя камера пыток, происходили систематические убийства, расстрелы и публичные повешения. Особенно устраивались виселицы в базарные и воскресные дни.

Гражданин города Барановичи Виктор Степанович ШЕВКО рассказал:

"В марте месяце 1944 года гестаповцы арестовали моего единственного сына и через несколько дней повесили его вместе с другими 9-ю человеками на базарной площади города Барановичи. Перед казнью сын был настолько избит, что очень трудно мне отцу было опознать его труп".

Находясь в подвале Барановичского СД Мария Ивановна ЕРМАКОВИЧ показала:

"Я видела женщин, которых приводили в подвал после пыток в СД. Они были с оторванными носами, выбитыми глазами. Заключенных ЮНИЦА Ядвигу со станции Альбертина, Слонимского района и СЕРИОЗУ Пелагею, промывавшую до ареста в месочке Полонка, Ново-Минского района пытали 4 раза электрическим током".

Многие жители города Барановичи-Буховицкой Ш.Л., Беложурник И.И., РОБК С.М. и другие рассказали, что они были очевидцами, когда:

"...в июле месяце 1941 года немцы на Цюмверской улице города Барановичи привязали к столбам 4-х бойцов Красной Армии, подожгли им под ноги сено, облили горячим и заживо сожгли".

По улице Садовая в подвале дома № 52 от СД притаились 135 человек советских граждан. Узнав об этом гестаповцы несколько человек вытащили пожарными баграми, а остальных убили, брошенными в подвал гранатами.

II. МАССОВОЕ УМЕРЩВЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН И СКРЫТИЕ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.

Обследованым мест захоронения в городе Барановичи и его окрестностях, а также многочисленными свидетельскими показаниями и заключением Судебно-Медицинской Экспертизы установлено, что наряду с беспрерывными и повсеместными убийствами советских людей фашистско-немецкие захватчики производили и массовые расстрелы.

4-го марта 1942 года в 6 часов в лагерь, расположенный в городе Барановичи, с усиленной командой немцев явились: начальник Барановичского СД-Гестапо Унтерштурмфюрер Амелонг Вальдемир, начальник канцелярии Обершлейтенант ШРЕДЕР Вильгельм, главный врач Гебитскомиссариата Визман

Артур, начальник Бирки Труда Гебитскомиссариата ГЕЗЕКЕ, заместители Гебитскомиссара Крампе Макс, Гаутман, штурмполитри МИСЛЕНИЦ, которых отобрав 3.400 человек, вывели на автомашинах за город на расстоянии 300 метров к железнодорожной канаве и к 14 часам расстреляли.

С 22 сентября по 2-е октября 1942 года из лагеря города Барановичи под руководством начальника Барановичского СД-Гестапо Унтерштурмфюрера Амелонга Вальдемира, заместителя Гебитскомиссара Округа Бертрам Курта, обершарфюрера Берхардт Отто, заместителя начальника полиции Округа Оберштурмфюрера Шлегеля в течении 9-ти суток вывозились на автомашинах и дугерубках за город, на расстоянии 3-х километров (между деревнями Грабовец и Глинисер) к заранее подготовленным ямам советские граждане мужчины, женщины и дети. В этот период было расстреляно 5.000 человек.

С 17 декабря 1942 года в течении месяца в городе Барановичи под непосредственным руководством начальника СД-Гестапо Унтерштурмфюрера Амелонга Вальдемира и его заместителей немцев: Бартеля Александра, Унтерштурмфюрера Шаупеетера, Андруса, Дадшек, майстеров-Бригемана, Цегарца, Обершарфюрера Берхардт Отто, Брекнер, Гинтер Александра, Андруса, Унтершарфюрера-Мулле, Шаух, Шидль началось еще более кровавое массовое уничтожение советских граждан.

Гитлеровцы за это время расстреляли 7.000 человек.

В ноябре месяце 1941 года на станцию Лесная прибыли эшелоны с военнопленными, которые были подвержены также массовому уничтожению.

Мобилизованный немцами для охраны железной дороги, житель станции Лесная Иван Михайлович ШЕКО показал:

"В 1941 году нас мирных жителей немцы гонили для охраны железной дороги. В одну ночь, на станцию Лесная привезли много эшелонов военнопленных. Несмотря на сильный 30 градусный мороз везли их в открытых вагонах и в летнем обмундировании. Военнопленных, которые были обморожены, истощены и не могли идти под конвоем, избивали палками и пристреливали. Вечером пригнали крестьянские подводы и всех убитых и еще живых на подводах возили в железно-дорожный ров станции Лесная, где до этого была вырыта огромная яма. Подводы ездили взад и вперед до часу ночи. Когда все стихло я подошел к яме, она была слегка засыпана землей и оттуда были слышны страшные стоны и вопли".

В конце июня месяца 1942г. на станцию Барановичи в спец. эшелонах были привезены чехословацкие подданные с семьями из разных городов Чехословакии преимущественно интеллигенция (врачи, инженеры, учителя и др.) в количестве 3.000 человек. По прибытии эшелонов на станцию привезенным было предложено оставить все свои вещи, сесть в машины и поехать на обед. Под предлогом обеда их вывозили за город на расстояние 2-х км. в Урочище Гай и там расстреливали. Часть была умерщвлена во время перевозок в дугерубках. Все их вещи из вагонов были привезены в СД-Гестапо, а затем продолжительное время немцы эти вещицовым семьям отправляли в Германию.

С 27 по 29 июня 1944 года накануне отступления немцев под непосредственным руководством шефа концлагеря Колдычево Обершарфюрера Корна Фрица было расстреляно 2.000 человек заключенных, а остальных оставшихся в живых 300 человек угнали в Германию.

Свидетельскими показаниями, медицинским исследованием и опознанием трупов захороненных установлено, что в городе Барановичи и его окрестностях уничтожено:

January 1, 1945

Baranovichi

Baranovichi City Commission for Assistance in the Work of the State Extraordinary Commission for Investigation and Establishment of the Atrocities of the Nazi Invaders, consisting of: Chairman of the Commission, Secretary of the Baranovichi City Committee of the CP(b) B MIKHIN Ivan Ivanovich, deputy Chairman of the Commission, Chairman of the Executive Committee of the City Council of Workers' Deputies Comrade BURY Andrey Fedorovich and members: city military commissar, Lieutenant Colonel comrade LEVINSON Zinovy Ilyich, police captain comrade CHALOV Nikolai Egorovich, city prosecutor comrade AKULOV Vladimir Filippovich, Priest dean Stanislav ROGOVSKY, with the participation of Deputy Executive Secretary of the Regional Commission comrade RZHEVSKY Bronislav Andreevich, and experts of forensic medicine, chaired by the head of the city health department, doctor comrade LEONT-YEVA Lyubov Ivanovna and doctors comrades GORBYLEVA Vera Alekseevna, DOLETSKAYA Elena Viktorovna and Major of the Medical Service SERGEEV Nikolai Petrovich – conducted an investigation into the facts of atrocities committed by the Nazi invaders during their temporary occupation of the territory of the city of Baranovichi and its environs.

The materials of the investigation, inspection of the places of extermination and burial, medical examination of corpses and their remains, as well as numerous testimonies of eyewitnesses, the commission established that, having occupied Baranovichi on June 27, 1941, the Nazi government and its institutions – the Gestapo, SD, military commandant's offices with the first day of their rule and for 3 years did not stop in the city and its environs robberies, bullying, torture, deportation to hard labor in Germany, hanging, executions and mass destruction of innocent Soviet citizens. Russians, Belarusians, Jews, Gypsies, Poles, men and women, old people and children were equally subjected to this fate. In total, in Baranovichi and its environs, the Nazi invaders exterminated 128,110 people during the period of their occupation.

I. MEASURES OF THE NAZIS FOR THE ORGANIZED DESTRUCTION OF SOVIET CITIZENS.

On the basis of irrefutable facts, testimonies of eyewitnesses and victims, it was established that the Nazi invaders, in order to exterminate the citizens of the USSR, according to the premeditated plan created a system of concentration camps, prisons and various dungeons, which, as the destruction of the Soviet people in them, were continuously replenished new victims.

In September 1941, at a distance of 22 kilometres from Baranovichi, near the Lesnaya railway station, prisoner-of-war camp No. 337 was established, in which up to 55 thousand people were constantly kept.

In Baranovichi, a branch of camp No.337 was organized in the central prison, where the number of prisoners of war reached 20,000 people.

In December 1941, a "Ghetto" was created in Baranovichi for Soviet citizens of Jewish nationality, in which there were up to 15 thousand old people, women and children.

In 1942, 18 kilometers from Baranovichi, along the Baranovichi-Novogrudok highway, a concentration camp for Soviet civilians of all Slavic nationalities was established in the estate of Koldychevo, where up to 10,000 men, women and children were held.

The created camps had an insignificant number of summer-type rooms, without stoves and bunks, which accommodated 30–40 % of the prisoners. The territories of the camps were fenced with several rows of barbed wire and were heavily guarded with bunkers, searchlights, specially trained dogs and even tanks buried in the ground. Communication with the outside world was forbidden to the prisoners, and also the transfer of products was not allowed. The prisoners were shot if they tried to obtain food or clothing.

Stanislav Matveyevich VYSOKINSKY, a resident of Lesnaya station in the Novo-Myshsky district, who was mobilized to work at Camp No. 337, said:

"In Sta-Lager No. 337, there were no stoves and bunks in the barracks. There were cracks in the walls through which a lot of snow swept in winter. The barracks could not accommodate all the prisoners of war. During the winter of 1941 and 1942 most of the prisoners were kept outside in the open air, with temperatures of 20–30 degrees below zero. People could only get into the barracks one by one and for a short time".

Vyacheslav Nikolayevich ZHDANOVICH, a resident of the village of Tartak in the Novo-Myshsky district, says:

"In the winter of 1942, passing by camp No. 337, I gave a piece of bread to a prisoner of war, and because he took this bread, he was immediately shot by a guard, and I was severely beaten".

In the camps, the Nazis established a starvation regime with unbearably exhausting physical labor, which inevitably caused massive epidemics of infectious diseases (typhus, dysentery). In all camps, medical care was not only not provided to prisoners, but, on the contrary, conditions were created for an even greater spread of diseases and an increase in mortality.

Fedor Iosifovich GORDEYCHIK, a resident of the Berezovka farm in the Novo-Myshsky district, who worked on mobilization in camp No. 337, says:

"The nutrition of prisoners of war was expressed in 125 grams of bread with sawdust and one and a half liters of balanda, with a total consumption of no more than 2 litres of water per prisoner. Before going to work, daily morning checks were carried out, lasting from 2 to 3 hours, despite the frosty days. During such checks, 40–70 people a day froze to death. All types of work and transport were carried out by the forces of prisoners of war. They carried boards on their shoulders for 6 kilometers, carried firewood from the forest, harnessed to a sleigh of 10–15 people. At work, from overwork, hunger and cold, many fell down and were immediately shot by the guards".

The former prisoner of war in camp No. 337 doctor SKRIPCHUK Safron Stepanovich testifies:

"For patients, no dressings and medicines were dispensed. The barracks were infested with parasites, they were dirty, and in winter it was as cold as outside. Periodically, those who were found were boiled meat from the semi-decomposed dead corpses of animals. It was essentially a deliberately prepared poison, since immediately after eating food prepared from such meat, the prisoners caused a terrible disease like cholera and from which hundreds of people died. German doctors arrived at the camp in 1942 from Germany to study the disease".

The former prisoner of the Baranovichi prison, doctor SMIRNOV Petr Afanasyevich, said:

"All of us who were imprisoned were covered in lice and torn clothes. Exhaustion had reached the point where we looked like skeletons. Many died, and those who couldn't get up were shot by the Germans. During the period of my imprisonment in prison for about two years, 17 thousand people died from infectious diseases alone".

The leaders of Hitler's institutions and organizations of the Baranovichi district, located in Baranovichi, systematically subjected Soviet citizens in the camps to unprecedented humiliation, torture, torture and executions by hanging with sadistic cruelty.

The former prisoner of the Koldychevo concentration camp, teacher Maria Ivanovna YERMAKOVICH testified:

"When I arrived at the camp, I saw the mutilated corpse of a man at the entrance booth. He had been lying there, I was later told, for two days. Afterwards I found out that it was the corpse of the doctor NAZAROV from Novaya Mysh. There was a gallows near the camp prison, and next to it stood a young man of about 16 years old, who kept shouting: "I was running away, they caught up", when his voice weakened, he was beaten by the policemen standing nearby, having had enough 'fun', this young man was hanged, and his corpse was then on the gallows for several days".

The former partisan BABUSHKA Anna Mikhailovna testified:

"In August 1943, at the police station in Gorodishche, I saw a woman from the Ogorodniki farm in the Gorodishchensky district, citizen GRIPP, who had been tortured in the Koldychevo

camp. She was all cut up with rubber truncheons, her fingers, breasts and whole body were baked with hot iron, she reeked of cadaverous smell and could hardly breathe".

The former prisoner of war in camp No.337, doctor YUDIN Vladimir Pavlovich said:

"The Germans especially mocked the command staff of the Red Army. They were driven out into the street hungry and barefoot in winter and forced to stand idle for hours. Afterwards, some of them were taken away to be shot, while the rest were driven back to their cells. A system was installed when a cell with prisoners of war was filled with water until they were completely killed. The Germans tortured 160 Red Army commanders by this method only during the three months of 1942".

Leonid Zakharovich VASILYEVICH, a former prisoner of the Koldychevo concentration camp, said:

"The Nazi invaders of the Koldychevo concentration camp created a special torture chamber. It was located under the administration building of the camp. The Nazis pierced the tongues of concentration camp prisoners with needles, hung them up, stretched their muscles and set specially trained dogs on them.

In addition to the established concentration camps and prisons, a whole network of police and Gestapo dungeons was organized in Baranovichi. Each of these dungeons had its own torture chamber, systematic murders, executions and public hangings took place. The gallows were especially arranged on market and Sunday days.

Victor Stepanovich SHCHETKO, a citizen of Baranovichi, said:

"In March 1944, the Gestapo arrested my only son and a few days later they hanged him along with 9 other people in the Baranovichi market square. Before the execution, the son was so beaten that it was very difficult for me, the father, to identify his corpse".

Maria Ivanovna ERMAKOVICH, who was in the basement of the Baranovichi SD, testified:

"I saw women who were brought to the cellar after being tortured by the SD. They had their noses torn off and their eyes knocked out. Prisoners Yadviga KUNITSA from the Albertina station in the Slonim district and Pelageya SMIRNOVA, who lived in the village of Polonka in the Novo-Mysh district before their arrest, were tortured four times with electric shocks".

Many residents of Baranovichi – Zhukhavetsky Sh.L., Beloshkurnik I.I., Rojek S.M. and others said that they were eyewitnesses when:

"... in July 1941, the Germans on Pionerskaya Street in the city of Baranovichi tied 4 Red Army soldiers to poles, put hay under their feet, doused them with fuel and burned them alive".

There were 135 Soviet citizens hiding from the SD in the basement of house No. 52 on Sado-vaya street. When the Gestapo learned of this, several people were dragged out with fire hooks, and killed the rest with grenades thrown into the basement.

II. THE MASS MURDER OF SOVIET CITIZENS AND THE CONCEALMENT OF TRACES OF THE CRIME

The examination of the burial places in Baranovichi and its environs, as well as numerous testimonies and the conclusion of the forensic medical examination show that along with the incessant and widespread murders of Soviet people the Nazi German invaders also carried out mass shootings.

On March 4, 1942, at 6 o'clock in Baranovichi, the camp was visited by a reinforced team of Germans: the head of the Baranovichi SD-Gestapo Untersturmführer Ammelyung Waldemir, the head of the gendarmerie, Oberstleutnant SCHROEDER Wilhelm and the head doctor of the Ghibitskommissariat Wichman Artur, head of the Gebitskommissariat's labour exchange GEZE-KE, the deputy Gebitskommissar Krampe Max, Gautmann of the Schutzpolice MISLEVITS, who selected 3,400 people, were taken out of the city by car at a distance of 300 meters to the railway ditch and by 14 o'clock they were shot.

From September 22 till October 2, 1942, from the Baranovichi camp, under the leadership of the head of the Baranovichi SD-Gestapo, Untersturmführer Ammelyung Waldemir, deputy

district Gbntskommissar Bertram Kurt, Obersturmführer Berhardt Otto, deputy chief of Police of the district, Obersturmführer Schlegel, were taken out by car for 9 days and gas chambers outside the city at a distance of 3 kilometers (between the villages of Grabovets and Glinishche) to pre-prepared pits, Soviet citizens – men, women and children. During this period, 5,000 people were shot.

From December 17, 1942, for a month in Baranovichi under the direct supervision of the head of the SD-Gestapo Untersturmführer Ammelyung Waldemir, and his deputies, Germans: Barthel Alexander, Untersturmführers Schaupter, Anders and Dadishek, Majors Brigeman and Pegarz, Obersharführers Berhardt Otto, Brekker, Ginter Alexander and Enders, and Untersharführers Mullet, Schmauch and Schmidl began an even more bloody massacre of Soviet citizens.

The Nazis shot 7,000 people during this time.

In November 1941, trains with prisoners of war arrived at the Lesnaya station, who were subjected to mass destruction.

Ivan Mikhailovich SCHEPKO, a resident of Lesnaya station, who was mobilised by the Germans to guard the railway, testified:

"In 1941, the Germans drove us, civilians, to guard the railway. In one night, many echelons of prisoners of war were brought to the Lesnaya station. Despite the strong 30-degree frost, they were transported in open wagons and in summer uniforms. Prisoners of war, who were frostbitten, exhausted and could not go under escort, were beaten with sticks and shot. In the evening, peasant carts were brought in, and all the dead and still alive were taken on carts to the railway ditch at Lesnaya station, where a huge pit had been dug before. The carts drove back and forth until one in the morning. When everything was quiet, I went to the pit, it was lightly covered with earth, and terrible groans and cries were heard from there".

At the end of June 1942, Czechoslovak citizens with families from different cities of Czechoslovakia, mostly intellectuals (doctors, engineers, teachers and others), in the amount of 3,000 people, were brought to the Baranovichi station in special echelons. Upon the arrival of the echelon at the station, those brought in were asked to leave all their belongings, get into the car and go to lunch. Under the pretext of lunch, they were taken out of the city for a distance of 2 kilometers to the Gai tract and shot there. Some of them were killed during transportation in gas chambers. All their belongings from the wagons were transported to the SD-Gestapo, and then for a long time the Germans sent these things to their families in Germany.

From July 27 to 29, 1944, on the eve of the German retreat, under the direct supervision of the chief of the Koldychevo concentration camp, Oberscharführer Jorn Fritz, 2,000 prisoners were shot, and the remaining 300 survivors were driven to Germany.

Witness testimony, medical examination and identification of the corpses of those buried established that Baranovichi and its surroundings had been destroyed:

там были размещены 7785 беженцев. 5 сентября транспорт с 516 трудоспособными лицами был отправлен в Германию, оставшиеся работали в хозяйствах близлежащих деревень [3].

После ликвидации шталага-337 военнопленные находились еще некоторое время в барановичской тюрьме. По данным акта Барановичской городской комиссии по содействию в работе ЧГК, в районе расположения шталага-337 в массовых ямах-могилах захоронено 44 тысячи военнопленных; в 290 метрах от тюрьмы г. Барановичи по шоссе Барановичи – Слоним захоронена 31 тысяча военнопленных, содер-

with people, there were an awful lot of bedbugs, sick with typhus. No one could go anywhere, everywhere was barbed wire, security. After about a week of our stay in Lesnaya, the German command asked who wanted to go to Baranovichi for work. My parents agreed not to die of starvation or illness... [10].

Interrogated in the course of the investigation of the criminal case on the fact of the genocide, the victim K. testified that he had been kept in the death camp in the village of Lesnaya of Baranovichi district. Its territory was fenced with barbed wire and divided into two parts. In one part prisoners of war were held (Stalag-337), and in the second part civil-

жавшихся в барановичской тюрьме. Согласно данным ЧГК, всего в Барановичской области в период оккупации было истреблено 88 407 военнопленных, содержащихся в основном в штаблаг-337, его филиалах и отделениях.

В этом лагере смерти постоянно содержалось до 75 тысяч человек.

В пределах территории функционирования лагеря было установлено 60 могил, в которых были похоронены около 50 тысяч человек, из которых около 44 тысяч составили военнопленные и около 6 тысяч человек – мирные жители.

Из воспоминаний бывшего узника К.: «...в 1943 году наша семья была вывезена в Барановичскую область в лагерь на станции Лесная. В лагере... почти не кормили, жили в бараках, переполненных людьми, ужасно много было клопов, больных тифом. Никто не мог никуда выйти, кругом колючая проволока, охрана. Примерно через неделю нашего пребывания в Лесной немецкое командование объявило, кто хочет поехать в г. Барановичи на работы. Мои родители согласились, чтобы не умереть с голоду или от болезни...» [10].

Допрошенный в ходе расследования уголовного дела по факту геноцида потерпевший К. показал, что содержался в лагере смерти в д. Лесная Барановичского района. Его территория была огорожена колючей проволокой и разделена на две части. В одной части находились военнопленные (штаблаг-337), а во второй – гражданское население, так называемые «беженцы». На территории для военнопленных находились казармы, а на территории «беженцев» строений не было. Площадь составляла около 5-6 га. Питались только за счет продуктов, которые передавали местные жители [10].

Допрошенная 21 мая 2021 года по уголовному делу Е.Л. Зеленская пояснила, что является бывшим узником штаблага-337, действовавшего в годы Великой Отечественной войны на территории Барановичского района возле д. Лесная. Она совместно с семьей была помещена в штаблаг-337 примерно летом 1942 или 1943 года и находилась в нем до осени, после чего была вывезена в д. Грабовец, где совместно с семьей проживала и работала у местных жителей.

О пребывании в штаблаг сообщила следующее: «...Спустя некоторое время нас привезли в д. Лесная Барановичского района, в лагерь. В лагере были помещения, большая часть которых

ians were hold, the so-called "refugees". There were barracks on the territory for prisoners of war, and there were no buildings on the territory of the "refugees". The area amounted about 5-6 hectares. They could eat only the products, that were provided by local residents [10].

Interrogated on May 21, 2021 in the criminal case E. Zelenskaya explained that she was a former prisoner of Stalag-337, which operated during the Great Patriotic War on the territory of the Baranovichi district near the village of Lesnaya. She and her family, was placed in Stalag-337 approximately in summer of 1942 or 1943 and stayed there until autumn, after which she was taken to the village of Grabovets, where she and her family lived and worked with local residents.

She reported the following about her stay in the Stalag: "...After some time, we were brought to the village of Lesnaya of Baranovichi district, to the camp. There were rooms in the camp, most of which were underground, only the roofs were visible. These cellars were so overcrowded that if a soldier (prisoner of war) died, he could not fall, only when the policemen came in, they pulled him out, and buried him there. In total, about 900 people were buried. I can explain that while I was in the camp, we lived on the street, because it was warmer there and we could walk around. They gave us soup, which I couldn't eat, the bread was with sawdust. I can explain that the soup was cooked by prisoners over whom the Germans guarded. Approximately in November, they began to boil frozen potatoes, which smelled very bad. My younger brother ate this potato, but I could not eat it..." [10].

A. Belinsky, a former prisoner of Stalag-337, recalls: "In December 1941, he was taken prisoner in the Vyazma region. We were loaded into freight wagons, there was a lot of snow. There were about 80 people in each carriage. On the way, they did not let us out from the cars, we answered the call of nature on the spot, they did not give us food or water. In our carriage, 15 people died along the way. The corpses of the dead were thrown away along the line. When the prisoners of war were unloaded at the Lesnaya station, those who could not walk were shot by the Germans. On the way to the camp, weakened prisoners of war were shot. On the road-side lay corpses with crushed heads" [10].

From the protocol of the interrogation of the former Stalag-337 "doctor at the Lesnaya station S. Skripchuk "[...] Unbearable living conditions were created in the POW camp itself. Soviet prisoners of war were kept for several hours in the cold outside.

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.
Кадр из видеозаписи допроса потерпевшей Е.Л. Зеленской
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period.
A frame from the video recording of the interrogation of the victim E. Zelenskaya

находилась под землей, только крыши торчали. Данные погребя были настолько загромождены, что если умирал солдат (военнопленный), то он не мог упасть. Только когда полиция заходила, то его вытаскивали, там и хоронили. Всего было похоронено около 900 человек. Могу пояснить, что во время нахождения в лагере мы жили на улице, так как там было теплее и мы могли ходить. Кормили нас супом, который я очень плохо ела, хлеб был с опилками. Могу пояснить, что суп варили узники, над которыми стояли немцы. Примерно в ноябре месяце стали варить мерзлую картошку, которая очень воняла. Мой младший брат ел данную картошку, а я не могла ее есть...» [10].

Бывший узник штаблага-337 А.Ф. Белинский вспоминает: «В декабре 1941 года попал в плен в районе Вязьмы. Нас погрузили в товарные открытые вагоны, в них было много снега. В каждом вагоне было около 80 человек. В пути следования нас из вагонов не выпускали, оправлялись на месте, воды и пищи не давали. В нашем вагоне в пути следования умерли 15 человек. Трупы умерших выбрасывали в пути. Когда военнопленных

The dugouts, which housed the prisoners of war of the Red Army, were unsuitable for habitation, damp, cold. Poorly dressed and provided with shoes were sent to the most difficult work at the station. Lesnaya, loading and unloading of cargo. Food for the prisoners of war of the Red Army was organized extremely poorly. They were provided unsuitable products. So, for example, bread was given from different substitutes, soup-gruel was prepared from unpeeled potatoes or grain waste. As a result, the prisoners of war got massive famine edema. Horse meat, completely unfit for consumption, was sometimes put into the soup-gruel, which also caused mass deceases, usually ending in death. There was definitely not enough water in the camp, and those who tried to get water were beaten severely. In addition, during the existence of the entire period of the camp, all political workers from among the prisoners of war and Jews were taken for execution" [10].

на станции Лесная разгрузили, то тех, кто не мог идти, немцы расстреливали. По пути следования в лагерь ослабевших военнопленных расстреливали. На обочине дороги лежали трупы с разможенными головами» [10].

Из протокола допроса бывшего врача штаблага-337 на станции Лесная С.С. Скрипчука: «[...] В самом лагере для военнопленных были созданы невыносимые условия жизни. Советских военнопленных по нескольку часов держали на морозе под открытым небом. Землянки, в которых размещались военнопленные Красной Армии, были не приспособлены для жилья, сырые, холодные. Плохо одетых и обутых слали на самые трудные работы на ст. Лесная для погрузки и разгрузки грузов. Питание для военнопленных Красной Армии было организовано крайне плохо. Продукты выдавались непригодные. Так, например, хлеб давали из разных суррогатов, суп-баланда готовился с неочищенной картошки или зерновых отбросов. В результате у военнопленных получались массовые голодные отеки. В суп-баланду иногда закладывалось конское мясо, совершенно непригодное к употреблению, после чего также вызывались массовые заболевания, обычно заканчивавшиеся смертью. Воды в лагере было совершенно недостаточно, а лица, пытавшиеся добыть воду, подвергались жестоким избиениям. Кроме того, на протяжении существования всего периода лагеря все политработники из числа военнопленных и евреи вывозились на расстрел» [10].

Шталаг № 352 («Лесной» лагерь)

В начале июля 1941 года немцами в Минском районе вблизи д. Масюковщина был создан лагерь для советских военнопленных «Шталаг № 352», так называемый «Лесной». Он располагался недалеко от д. Масюковщина, слева от железной дороги Минск – Молодечно на территории военного городка бывшей кавалерийской части Красной Армии (в настоящее время – район пересечения улиц Нарочанской и Тимирязева). Начальником лагеря являлся капитан Литит (в другом протоколе – Липп). Охрану лагеря также осуществляли части 332-го охранного батальона. Они охраняли лагерь и конвоировали пленных на работу [10].

Шталаг № 352 существовал в течение трех лет – с июля 1941 до 3 июля 1944 года – дня осво-

Stalag No. 352 ("Forest" camp)

In early July 1941, the Germans in the Minsk district near the village of Masyukovshchina, created a camp for Soviet prisoners of war "Stalag No. 352", the so-called "Forest". It was located near the village of Masyukovshchina, to the left of the Minsk – Molodechno railway on the territory of the military camp of the former cavalry unit of the Red Army (currently the area at the intersection of Narochanskaya and Timiryazeva streets). The head of the camp was Captain Litit (in other protocol – Lipp). The camp was also guarded by units of the 332nd security battalion. They guarded the camp and escorted the prisoners for work [10].

Stalag 352

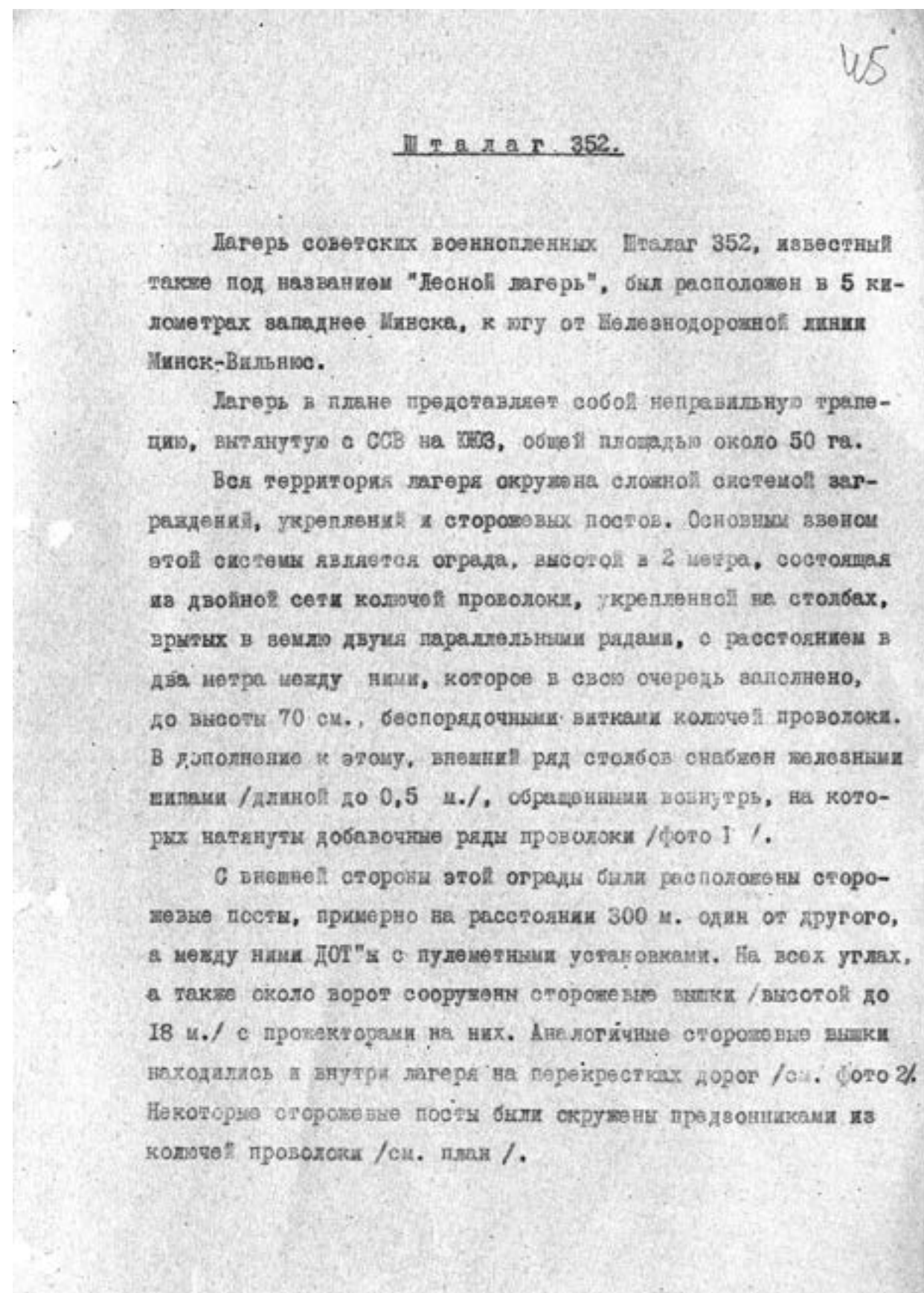
The Soviet prisoner of war camp Stalag 352, also known as the Forest Camp, was located 5 kilometers west of Minsk, south of the Minsk – Vilnius railway line.

The camp represents an irregular trapezoid, extending from NNE to SSW, with a total area of about 50 ha.

The entire territory of the camp is surrounded by a complex system of barriers, fortifications and guard posts. The main link of this system is a fence, 2 meters high, consisting of a double network of barbed wire, fixed on poles dug into the ground in two parallel rows, with a distance of two meters between them, which in turn is filled up to a height of 70 cm. random coils of barbed wire. In addition, the outer row of pillars is fitted with iron spikes (up to 0.5 m long) facing inwards, on which additional rows of wire are strung /foto 1/.

On the outer side of this fence, guard posts were located, approximately at a distance of 300 m from one another, and between them pillboxes with machine-gun installations. At all corners as well as near the gate, watchtowers (up to 18 m high) with searchlights on them were erected. Similar watchtowers were located inside the camp at the crossroads /see photo 2/. Some of the guard posts were surrounded by pre-field barbed-wire posts (see plan).

Stalag No. 352 existed for three years – from July 1941 until July 3, 1944 – the day of the liberation of Minsk. During its existence, there were more than

Сторожевая вышка на территории лагеря «Масюковщина». Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 117. Л. 52
Watchtower on the territory of the camp "Masyukovshchina". National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 117. L. 52

бождения Минска. За время его существования в нем находилось более 140 тысяч узников из числа советских военнопленных, из них **свыше 80 тысяч истреблены** и закопаны в ямах-могилах в 300–400 метрах юго-восточнее д. Глинище и в 3 ямах в 300 метрах северо-западнее лагеря.

В лагере содержались военнопленные с разных участков советско-германского фронта – с территории Беларуси, из-под Вязьмы, Ржева, Калинина, Москвы, Сталинграда и других городов.

Территория лагеря смерти имела форму неправильной трапеции, была обнесена несколькими рядами колючей проволоки на бетонных столбах высотой до 3 метров. По периметру проволочных заграждений с промежутком

140 thousand prisoners from among the Soviet prisoners of war in it, of which over **80 thousand were exterminated** and buried in grave pits 300–400 meters southeast near the village of Glinishche and in 3 pits 300 meters northwest to the camp.

The camp contained prisoners of war from different sectors of the Soviet-German front – from the territory of Belarus, from the vicinity of Vyazma, Rzhev, Kalinin, Moscow, Stalingrad and other cities.

The territory of the present death camp had the shape of an abnormal trapezoid, surrounded by several rows of barbed wire, reinforced on concrete pillars up to 3 meters high. Along the perimeter of the wire fences, watchtowers were erected with a space of 300 meters, searchlights were installed, patrols were organized, and there were bunkers with machine

в 300 метров были возведены сторожевые вышки, установлены прожекторы, организовано патрулирование, имелись ДОТы с пулеметными установками. Общая площадь составляла около 50 га, на которой располагалось около 20 бараков, один трехэтажный и один одноэтажный каменные дома. Все строения по отдельности были обнесены колючей проволокой. Территория была разбита на 4 зоны, каждая из которых огорожена колючей проволокой. Напротив главных ворот вдоль железнодорожных путей находилась траншея, в которую сбрасывались тела умерших при транспортировке в лагерь военнопленных [10].

gun mounting. The total area was about 50 hectares, on which there were about 20 barracks, 1 three-storey stone house and 1 single-floor stone house, all the buildings were separately fenced by barbed wire. The territory was divided into 4 zones, each of which is fenced with barbed wire. Opposite the main gate along the railroad tracks was a trench into which the bodies of the dead were dumped during transportation of the prisoner of war camp [10].

Место массового расстрела. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 117. Л. 54
Place of mass execution. National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 117. L. 54

Из материалов о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в шталаге № 352.

From materials on the atrocities of the Nazi invaders in the Stalag No. 352.

Западная часть, за исключением небольшого квартала, занятого постройками служебного характера /кухня, гараж и т.п./ была отведена для военнопленных /8 барачков/ и главным образом под лазарет, где было замучено несколько десятков тысяч людей, где за один день умирало 50-60 человек. В частности, только за 8 месяцев, с октября 1941 г. по август 1942 г., по сохранившимся документальным данным здесь погибло около 10000 человек преимущественно от истощения. Лазарет занимал большое каменное 3-х этажное здание и 7 деревянных барачков. Также и здесь все постройки были отделены одна от другой заборами из колючей проволоки.

Перед зданием лазарета - обширная площадь /фото 4/, на которой в 1942 г. был произведен массовый расстрел военнопленных. Поводом к расстрелу послужил небольшой пожар, возникший где-то на территории лагеря.

Национальный архив Республики Беларусь.
Ф. 1569. Оп. 1. Д. 117. Л. 47
National archive of the Republic of Belarus.
F. 1569. Op. 1. D. 117. L. 47

The western part, with the exception of a small quarter occupied by buildings of a service nature /kitchen, garage, etc./ was reserved for prisoners of war /8 barracks/ and mainly under the infirmary, where several tens of thousands of people were tortured, and 50-60 died in a single day. In particular, only for 8 months, from October 1941 to August 1942, according to the surviving documentary data, about 10,000 people died here, mainly from exhaustion. The infirmary occupied a large stone 3-storey building and 7 wooden barracks. Also here, all the buildings were separated from one another by barbed wire fences.

In front of the infirmary there is a vast square /photo 4/ where a mass execution of prisoners of war was carried out in 1942. The reason for the execution was a small fire that broke out somewhere in the camp.

Зимой 1941-1942 годов около 80 % узников содержалось под открытым небом. Оставшиеся строения представляли собой полуразвалившиеся бараки с земляным полом, без настила и отопления, с отверстиями в крыше, служившими также основным источником освещения. В попытках согреться люди набивались в сараи в большом количестве. По воспоминаниям Г.А. Воронова, в барак набивалось 6,5 тысячи человек, многие размещались на стропилах, на высоте, рискуя сорваться.

Питание состояло в сутки из 80-100 грамм хлеба, состоящего наполовину из древесных стружек, и 2 кружка перлового либо перебродившего гречишного супа (0,75 литра) с примесью гнилой картошки и соломы. При раздаче еды полицейские и немцы издевались над людьми, били их резиновыми палками, беспричинно открывали огонь из оружия. В шталаге военнопленные не имели даже самых необходимых предметов обихода. Для получения пищи приспособляли консервные банки, пользовались старыми котелками, некоторые были вынуждены получать горячую похлебку в пригоршни, но, не выдерживая температуры, тут же выливали ее на землю и оставались голодными. Специальных мест для приема пищи в шталаге не было. Обычно ели, стоя около котлов или сидя на земле около барачков, в лучшем случае - в бараках на нарах.

За две недели те, кто еще мог передвигаться, совершенно обессиливали. Зимой за ночь умирало 100-150 человек. В середине ноября под предлогом наказания за сломанные нары истощенных, больных и раздетых узников заставили более 7 часов стоять на плацу на сильном морозе, в результате чего насмерть замерзло более 200 человек. В ту зиму от холода, голода и болезней погибла основная масса военнопленных.

Помимо голода военнопленных доводили до крайнего истощения бессмысленными работами (таскать кирпичи 5 км из города в шталаг, кто не мог пройти - расстреливали) и всевозможными мерами наказания за провинность или неосторожность. Одной из них было содержание в карцере, где узник получал еду один раз в три дня, что приводило к смерти. На площадке в центре шталага была установлена виселица с тремя крюками. На этих крюках периодически вешали провинившихся прямо за

In winter of 1941-1942, about 80 % of the prisoners were kept outdoors. The remaining buildings were dilapidated barracks with an earthen floor, without flooring and heating, with holes in the roof, which also served as the main source of lighting. In an attempt to keep warm, people crowded into the sheds in large numbers. According to the memoirs of G. Voronov, 6.5 thousand people crowded into the barracks, many were placed on the rafters, at a height, with the risk to fall down.

Nutrition per day consisted of 80-100 grams of bread, consisted by half of wood chips and 2 mugs of barley or fermented buckwheat soup (0.75 liters) with mix of rotten potatoes and straw. When distributing food, the police and the Germans bullied people, beat them with rubber sticks, opened fire from weapons without any reason. In the Stalag, prisoners of war did not even have the most necessary household items. Tin cans were adapted for receipt of food, old pots were used, some were forced to receive a hot stew in hadful, but, unable to withstand the temperature of the hot stew, they immediately poured it on the ground and remained hungry. There were no special places for eating in the Stalag. Usually they ate standing near the boilers, or sitting on the ground, near the barracks, at best - in the barracks on plank beds.

For two weeks, those who could still move were completely exhausted. In winter, 100-150 people died per night. In mid-November, under the pretext of punishment for broken plank beds, exhausted, sick and undressed prisoners were forced to stand at parade ground in severe frost for more than 7 hours, as a result of which more than 200 people froze to death. That winter, the majority of prisoners of war died from cold, hunger and disease.

In addition to starvation, prisoners of war were brought to extreme exhaustion by senseless work (to carry bricks 5 kilometers from the city in a Stalag, those who could not reach the destination were shot) and all kinds of punishments for wrongdoing or negligence. One of them was detention in the punishment cell, where the prisoner received food once every three days, which led to death. Gallows with three hooks was installed on the platform in the center of the Stalag. On these hooks, the delinquents were periodically hung right by the chin, their death was long, painful. At the same time, executions were sometimes accompanied by music.

подбородок, их смерть была долгой, мучительной. При этом казни порой сопровождалась музыкой. Широко применялась порка. Военнопленных избивали дубинками, нагайками, плетками из проволоки, шомполами. Практиковались и массовые расстрелы, которые происходили ежедневно.

Голод, скученность, антисанитарное состояние, жестокое обращение охраны доводили военнопленных до крайнего истощения, вели к тяжким заболеваниям. В ноябре – декабре 1941 года в шталаге вспыхнула эпидемия тифа, в результате чего погибло 25 тысяч человек (умирало до 500–600 человек в день), в последующем в декабре 1941 – марте 1942 года погибло еще около 30 тысяч узников. Смертность военнопленных была настолько велика, что трупы не успевали вывозить и хоронить, и их складывали на территории шталага, предварительно сняв одежду [3].

Вывозили мертвых к местам захоронений (на кладбище в 400 метрах юго-восточнее д. Глинище и в 3 огромные ямы в 300 метрах северо-западнее лагеря) специальные команды из санитаров-военнопленных, которые укладывали тела в ямах, а после закапывали. Часто трупы не успевали своевременно зарывать и те просто лежали огромными штабелями месяцами.

По результатам обследования в 1944 году у д. Глинище обнаружено 197 ям-могил, большая часть которых имела следующие размеры: 35 метров в длину, 25 метров в ширину, 4 метра в глубину.

По проведенным расчетам в указанных ямах похоронены останки около 80 тысяч человек [10].

По результатам исследования документальных материалов о шталаге № 352 и лазарете при нем по 9425 советским военнопленным 2/3 случаев смерти (6829) наступили в результате истощения, остальные – заболевания, в том числе колитом, сыпным тифом. Лечение больных зачастую не проводилось, в нередких случаях больных в большом количестве (до 150 человек одновременно) забирали из лазарета на работы без санкции врача по решению командования, что напрямую отражалось в документах.

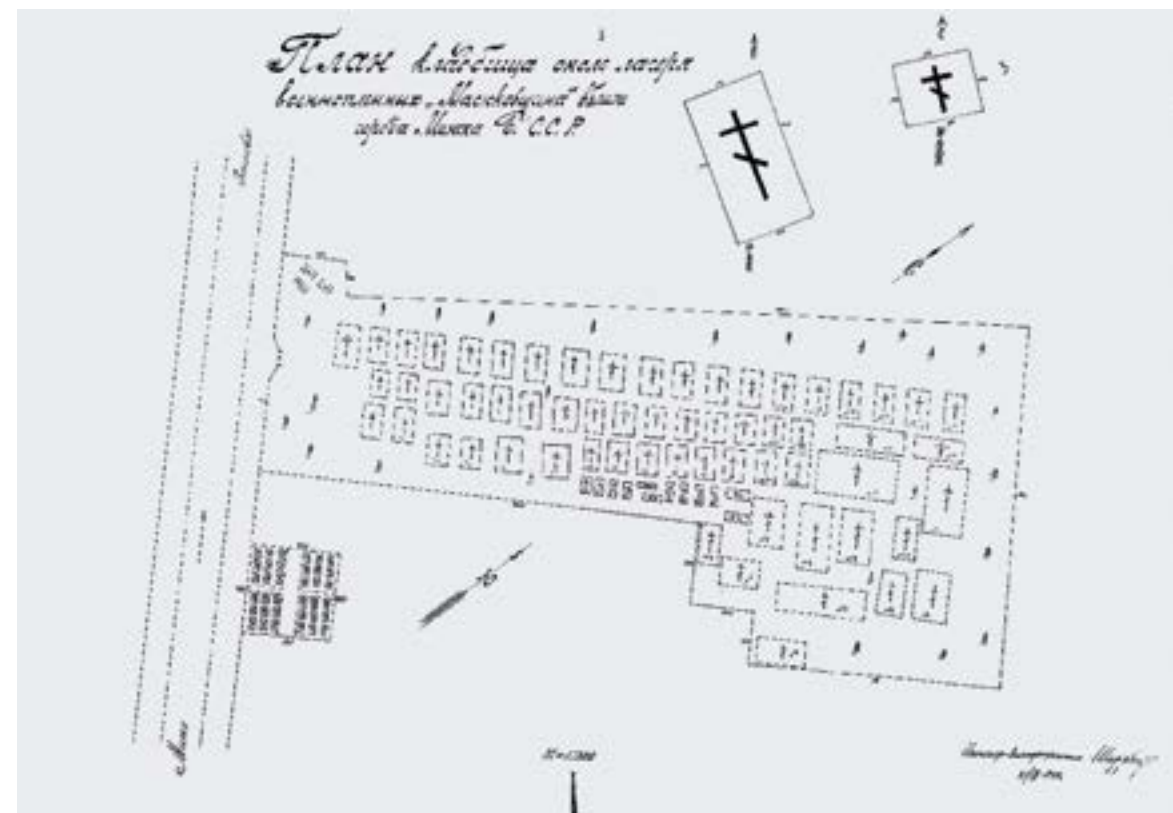
Flogging was widely used. Prisoners of war were beaten with clubs, whips, wire clubs, and ramrods. Mass executions were also practiced, which took place daily.

Hunger, overcrowding, unsanitary conditions, and ill-treatment by the guards brought the prisoners of war to complete exhaustion and resulted in serious illnesses. In November-December 1941, a typhus epidemic burst out in the Stalag, as a result of which 25 thousand people died (up to 500–600 people a day), in the subsequent December 1941 – March 1942, about 30 thousand more died. The death rate of prisoners of war was so high that the corpses did not have time to be taken out and buried, and they were piled on the territory of the Stalag, having previously taken off their clothes [3].

Special teams of orderlies-prisoners took the dead to the burial places (400 meters southeast at the cemetery near the village of Glinishche and 3 huge pits 300 meters northwest of the camp), then laid the bodies in the pits, and then buried them. Often the corpses did not have time to bury them in a timely manner and they simply lay in huge piles, sometimes for months.

According to the results of a survey in 1944, 197 pit-graves were found near the village of Glinishche, most of which had the following dimensions: 35 meters long, 25 meters wide, 4 meters deep. According to calculations, the remains of about 80,000 people are buried in these pits [10].

According to the results of a study of documentary materials about Stalag No. 352 and its infirmary 9,425 Soviet prisoners of war, 2/3 of the deaths (6,829) occurred as a result of exhaustion, the rest – as a result of diseases, incl. colitis, camp fever. Treatment of patients was often not provided, patients in large numbers (up to 150 people at a time) were taken from the infirmary to work without authorization of doctor in accordance with the decision of the command, which was directly reflected in the documents.

Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 105. Л. 5
National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 105. L. 5

The totality of the medical documents submitted to us gives the commission grounds to consider the following as the main causes of death of sick Soviet prisoners of war in the infirmary at "Stalag No. 352":

- a) Exhaustion – in 6829 cases out of 9425.
- b) Colitis – in 772 " " " "
- c) Typhus – in 665 " " " "

Thus, the death rate due to emaciation and colitis was 80.3 %.

The emergence and enormous development of diseases and deaths from colitis, hemocolitis, dystrophy and exhaustion have their full explanation in the investigative material describing the regime established by the German command in "Stalag No. 352".

From these materials it follows that the food that the prisoners of war received per day consisted of: a small amount of bread – 100–200 grams, containing 50 % sawdust, 3/4 liter of warm water mixed with potato peelings or rotten potatoes, or stale flour. This was designed and caused the obligatory occurrence of gastrointestinal diseases and exhaustion; it was extermination by starvation.

Вся совокупность представленных нам медицинских документов дает основание комиссии считать основными причинами смерти больных советских военнопленных в лазарете при "Шталаге № 352" следующие:

- а) Истощение - в 6829 случаях из 9425.
- б) Колит - в 772 " " "
- в) Сыпной тиф - в 665 " " "

Таким образом на почве истощения и колита смерть наступала в 80,6%.

Появление и колоссальное развитие заболеваний и смертности от колита, гемоколита, дистрофии и истощения имеет свое полное раз'яснение в следственных материалах, характеризующих режим, установленный немецким командованием в "Шталаге . 352".

Из этих материалов следует, что пища, которую получали военнопленные в сутки, состояла: из незначительного количества хлеба - 100-200 грамм, содержавшего 50% древесных опилок, 3/4 литра теплой воды с примесью картофельных очисток или гнилого картофеля, или затхлой муки. Это было рассчитано и вызывало обязательное возникновение желудочно-кишечных болезней и истощение; это было истребление голодом.

Акт судебно-медицинской экспертизы по поручению ЧГК.
Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 117. Л. 10.
The act of a forensic medical examination at the instruction from Extraordinary State Commission.
National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 117. L. 10

При ознакомлении с историями болезни больных и раненых военнопленных лазарета при Шталаге №352 в гор. Минске обращает на себя внимание следующие обстоятельства.

1. В случаях заболеваний туберкулезом, почти неизменно дневник в истории болезни заканчивается словами: "вышел на транспорт", "вышел на этап", "в этап".
2. Имеют место массовые выписки больных, как то: 28-П, 30-У-43г., 2-У, 10-У и 13-У-43г. на сельскохозяйственные работы, нередко без достаточных к тому оснований /резкое истощение, нарастающая слабость и т.д./.
3. Записи в дневниках историй болезни прерываются в июне месяце 1944года, не будучи законченны.
4. Есть отметка в истории болезни: "Без санкции врача в болезненном состоянии взят на работу".
5. В случаях сыпного тифа применяется уриногенная.
6. В случаях помещения в лазарет лиц командного состава Красной Армии /сержант, лейтенант, почти как правило, отсутствуют указания на исход заболевания, на дальнейшую судьбу больного, или же вылет за кратковременным пребыванием больного в лазарете имеется запись: "в этап", "в лагерь комсостава", "Оср. №5", куда переводятся и туберкулезные и тяжелые больные, или: "выписан по распоряжению немецкого командования".
7. Свообразная запись в истории болезни с пометкой в виде рашеного за счет спекуляции табаком /ист. болезни №84/.
8. В ряде историй болезни с длительными течениями процесса и длительным пребыванием больного в лазарете дневники вводят не регулярно, е неровными в 1-12 месяца.
9. Ряд историй болезни с пометкой о выписке больного не закончен, причем отсутствуют записи в дневнике за последние дни пребывания больного в лазарете, что не дает возможности суждения о состоянии здоровья выписанного.
10. В ряде законченных историй болезни имеется только пометка "выписан", без указания куда, на какую работу и т. д.

НАУЧНЫЕ СОТРУДНИКИ ИНСТИТУТА СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЫ

Гаркави /
Горькова /
Хижнякова /
Осорович /

Общие данные по историям болезней. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 117. Л. 5
General data on case histories. National archive of the Republic of Belarus. F. 1569. Op. 1. D. 117. L. 5

When examining the medical records of the sick and wounded prisoners of war in the infirmary at Stalag No. 352 in Minsk, the following circumstances attract attention.

1. In cases of tuberculosis, the diary almost invariably ends with the words: "discharged to transport", "discharged to a stage", "to a stage".
2. There are mass discharges of patients, such as: 28-II, 30-IV-43, 2-V, 10U and 23-V-43 for agricultural work, often without sufficient grounds for this /sharp exhaustion, increasing weakness, etc./.
3. The entries in the medical diaries were interrupted in June 1944 without being completed.
4. There is a note in the medical history: "Without doctor's sanction, taken to work in ill health".
5. In cases of typhus, urine therapy is used.
6. In cases of placement in the infirmary of persons of command of the Red Army / sergeant, lieutenant / almost as a rule, there are no indications of the outcome of the disease, the further fate of the patient, or after a short stay of the patient in the infirmary there is an entry: "to the stage", "to the camp command staff", "bar No. 5", where both tuberculosis and seriously ill patients are transferred, or "discharged by order of the German command".
7. A peculiar record in the medical history of the weight gain of the wounded due to speculation in tobacco / medical history No. 84).
8. In a number of case histories with a long process and a long stay of the patient in the infirmary, diaries are not kept regularly, with intervals of 1-1½ months.
9. A number of medical history records marked for discharge are incomplete, with no diary entries for the last days of the patient's stay in the infirmary, which makes it impossible to judge the health status of the discharged person.
10. A number of completed medical records contain only the note "discharged", without indication of where, for what job, etc.

RESEARCHERS OF THE INSTITUTE OF FORENSIC MEDICINE

Signature	GARKAVI
Signature	GRYAZEVA
Signature	KHIZHNYAKOVA
Signature	OMEROVICH

ЖИТЕЛИ БССР В ЛАГЕРЯХ СМЕРТИ НА ТЕРРИТОРИИ ДРУГИХ СТРАН

Как уже было отмечено, население БССР в годы войны содержалось в местах массового содержания и истребления людей не только на территории страны, но и за ее пределами.

Многие из узников таких печально известных концлагерей, как Освенцим, Дахау, Бухенвальд и другие, прибывали в указанные места из лагерей смерти на оккупированной территории БССР. Будучи допрошенными по возбужденному Генеральной прокуратурой Республики Беларусь уголовному делу о геноциде узники подчеркивают, что условия содержания в них были невыносимые вне зависимости от места расположения.

Практически постоянно советские граждане, попадая в лагеря смерти, сталкивались с особой жестокостью со стороны охраны, которая не всегда была характерна в отношении других узников.

Немецкое командование возводило зверства в отношении жителей СССР в ранг государственной и военной политики, нашедшей свое подтверждение в ходе расследования уголовного дела.

Так, например, в ходе карательной операции «Зимнее волшебство», проводившейся нацистами и их пособниками в белорусско-латвийском приграничье в феврале – марте 1943 года уничтожено более 430 населенных пунктов и более 7 тысяч человек угнано на принудительные работы. Из них более 2 тысяч человек помещено в концлагерь Саласпилс.

Данный концлагерь начал функционировать с ноября 1941 года на территории Латвии недалеко от Риги. В концлагере эксплуатировались и истреблялись трудом не только взрослые, но и дети. Оказавшиеся в нем без родителей, они подвергались жесточайшим истязаниям, непосильному труду и массовому принудительному забору крови.

Согласно донесению отдела обеспечения и народного благополучия от 15 марта 1943 года, в г. Ригу после проведения карательной операции «Зимнее волшебство» эвакуировано 1100 детей, которые временно устроены в Саласпилском концлагере. Как видно из фрагмента документа, советским детям, по мнению немецкого командования, «не обязательно предоставлять тот же уход, что и латышским»

RESIDENTS OF THE BSSR IN DEATH CAMPS ON THE TERRITORY OF OTHER COUNTRIES

As it has already been noted, the population of the BSSR during the war years was kept in places of mass detention and extermination of people not only on the territory of the country, but also abroad.

Many of the prisoners of such notorious concentration camps as Auschwitz, Dachau, Buchenwald, and others arrived at these places from death camps on the occupied territory of the BSSR. Being interrogated in connection with the criminal case on the genocide initiated by the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus, the prisoners emphasize that the conditions of detention in these camps were unbearable, regardless of their location.

Almost constantly, Soviet citizens, inside the death camps, faced peculiar ferocity from guards, which was not always typical for other prisoners.

The German command brought atrocities against the inhabitants of the territory of the USSR to the level of a state and military policy, which was confirmed during the investigation of the criminal case.

So, for example, during the punitive operation "Winter Magic", carried out by the Nazis and their accomplices at the Belarusian-Latvian border area in February – March 1943, more than 430 settlements were destroyed and more than 7 thousand people were driven for forced labor. Of which, more than 2 thousand people were placed in the Salaspils concentration camp.

This concentration camp was established in November 1941 near Riga on the territory of Latvia. In the concentration camp, not only adults, but also children were exploited and exterminated by labor. Children, who were held in it without parents, were subjected to the most severe tortures, backbreaking work and massive involuntary blood collection.

According to the report of the Department of provision and public welfare, 1,100 children were evacuated to Riga on March 15, 1943, after the punitive operation "Winter Magic", and they were temporarily placed in the Salaspils concentration camp. As it can be seen from a fragment of the document, according to the German command, Soviet children "shouldn't be obligatory provided with the same care as Latvian children".

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМПЬЮСАР Ч.Р.И.Г.А.
1.отд.Обеспечение и Народное
благосостояние.

г.Рига 15.марта 1943.г.

Г-НУ ГЕНЕРАЛУ ДИРЕКТОРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.
СОЦИАЛЬНОГО ДЕПАРТАМЕНТА.

Р И Г А

ОПИСАТЕЛЬНО: Эвакуированные дети из Русских областей, около
Латвийской границы.

Согласно сообщения Команданта Полиции Независимости и
ОД в Латвии, в связи с акцией против бандитизма в Латвии, в Ригу
эвакуировано большое количество людей из русских областей, в том
числе и многочисленные дети. Количество детей, в настоящее время,
достигает примерно 1100, при чем не исключено, что в ближайшее вре-
мя, число детей прибавится.

Дети временно устроены в Саласпилском лагере рабоче-
воспитательном лагере, вместе с эвакуированными, что в дальнейшем
неудобно. Помимо того, что в лагере устроить детей подобными об-
разом невозможно, они, при совместной жизни со сотнями политических
и уголовных элементов, подвергаются большой опасности.

Прошу Вас немедленно позаботиться о том, чтобы дети
были или можно скорее переведены в другие учреждения. Не обязательно,
но, чтобы дети пользовались теми же удобствами, как и обычно пользуются
латвийские дети, в особенности обеспечения могут содержаться гораздо
проще. Необходимо также как можно скорее использовать все воз-
можности устройства детей в деревне, по крайней мере детей постар-
ше.

Независимо от окончательной установки плательщика, кото-
рая еще не произведена, прошу Вас ^{временно} ~~застыть~~ ~~расход~~ ~~расход~~ ~~расход~~. Не-
обходимые суммы будут Вам предоставлены через Генеральную Дирекцию
Финансов.

Необходимо, чтобы устройство детей было проведено немед-
ленно. Ни в коем случае, однако, не должно происходить задержки из-за
денежного вопроса.

Прошу сообщить о намеченном до 30.III-43.г.

/подпись/

ГАН. /Hahn/

КОПИЯ ВЕРНА:

/от. канцелярской работниц/

/подпись/

М. БУРНАВО.

Перевела с латинского
инструктор Ч.Р.И.Г.А.

/Эпштейн/

г.Рига 22.марта 1943.г.

GENERAL COMMISSIONER OF RIGA

1. depart. Provision and People's Welfare.

COPY

Riga March 15, 1943

TO THE GENERAL DIRECTOR OF INTERNAL AFFAIRS
SOCIAL DEPARTMENT

RIGA

RELATED: Evacuated children from the Russian regions, near the Latvian border.

According to the report of the commander of the Security Police and SD in Latvia, in con-
nection with the action against banditry in Latvia, a large number of people from the Russian area
have been evacuated to Riga, including numerous children. The number of children currently
reaches approximately 1,100, and it is possible that in the near future, the number of children
will increase.

The children are temporarily settled in the Salaspils labor and educational camp, which is
intolerable in the future. In addition to the fact that it is impossible to properly arrange children
in the camp, they, while living together with hundreds of political and criminal elements, are in
great danger.

I ask you to immediately take care that the children are transferred to other shelters as soon
as possible. It is not necessary that the children should be cared for in the same way as Latvian
children, especially the dormitories can be maintained much more easily. It is also necessary to
make the widest possible use of all possibilities for the placement of children in the village, at
least the older children.

Regardless of the final installation of the payer, which has not yet been made, I ask you to take
over the costs temporarily. The necessary amounts will be provided to you through the General
Directorate of Finance.

It is necessary that the placement of children be carried out immediately. Under no circum-
stances, however, should there be a delay due to a money issue.

I ask you to inform about the planned until 30.III-43

/ Signature /

GAN

COPY IS CORRECT :

/ senior clerk /

/signature/

M. BURNAVO

Translated from Latin

instructor Ch.R.C.

Signature

/Epstein/

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.
Кадр из видеозаписи допроса потерпевшей М.А. Юхневич
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period.
A frame from the video of the interrogation of the victim M. Yuhnevich

Концлагерь Саласпилс также являлся местом проведения опытов над детьми. По данным Чрезвычайной республиканской комиссии Латвийской ССР, при вскрытии 54 могил (только 1/5 территории кладбища, где происходили массовые захоронения узников концлагеря Саласпилс) обнаружено 632 детских тела: грудного возраста – 114, от 1 года до 3 лет – 106, от 3 до 5 лет – 91, от 5 до 8 лет – 117, от 8 до 10 лет – 160, свыше 10 лет – 44. У всех без исключения имелись признаки голодания. В желудках маленьких мучеников обнаруживали сосновые почки и траву. Среди этих невинных жертв немало жителей БССР.

The Salaspils concentration camp was also the site of experiments on children. According to the data of the Extraordinary Republican Commission of the Latvian SSR, during the opening of 54 graves, of only one-fifth of the territory of the cemetery, where mass burials of prisoners of the Salaspils concentration camp were performed, 632 children's bodies were found: infants – 114, from 1 year to 3 years old – 106, from 3 to 5 years old – 91, from 5 to 8 years old – 117, from 8 to 10 years old – 160, over 10 years old – 44. All without exception had signs of starvation. Pine buds and grass were found in the stomachs of little martyrs. Among these innocent victims many are the residents of the BSSR.

Допрошенная по уголовному делу в качестве потерпевшей М.А. Юхневич, находившаяся в концлагере Саласпилс, сообщила: «...каждое утро ребята на уколы. Ширмы завешаны, а мы туда ручки. Не один, а может, 5-6 женщин или детей. У нас кровь «сосали». Немцам надо было раненым, переливали. Это же было в Латвии...»

У нас, некоторых ребят, кровь брали. Пришел передо мной мальчик – лет восемь или девять ему было – за руки взяли и на 4-й этаж, где кровати были, где кровь брали у нас, и на последнюю полочку забросили. Он уже «высосан» был...» [10].

В ходе расследования уголовного дела о геноциде допрошено 14,4 тысячи свидетелей, из них 7,7 тысячи – узники концлагерей и лагерей смерти, 2,2 тысячи – их родственники. Многие из бывших узников прошли лагеря смерти, расположенные как на территории БССР, так и за ее пределами. Вот что рассказывают узники и их родственники в ходе допросов.

«В годы войны моя мама содержалась в лагере Освенцим. Рассказывая о содержании в лагере, она вспоминала, как в 8 часов вечера узникам выдали суп-баланду. Когда она приступила к еде, то выловила человеческий палец. Когда подошла к немцу и спросила, что это, он ударил ее палкой... Охраняли лагерь поляки, которые очень жестоко относились к евреям и белорусам». Из показаний дочери узницы концлагеря Освенцим С., 1922 г. р. [10].

«Меня с матерью из д. Кошелево направили в лагерь на территории Витебска, а после – в Освенцим. В лагере мне и маме присвоили номера, у меня был 62126, у нее – 62125. Номера накалывали. Помню, как это было больно. В лагере я заболела тифом. Перед тем, как лагерь был освобожден, нас хотели отравить, но не успели...» Из показаний узницы концлагеря Освенцим Г., 1939 г. р. [10].

Interrogated in a criminal case as a victim M. Yuhnevich, who was in the Salaspils concentration camp, told: "...every morning the children were injected. Covers were hung, but opened them with their hands. Not one, but maybe 5-6 women or children. They collected our blood. They transfused blood to wounded soldiers. This was in Latvia..."

They collected blood from us and other boys. A boy came in front of me – he was eight or nine years old – they took him on hands and went to the 4th floor, where the beds were, where they collected blood from us, and threw them on the last bed. All blood has been collected from him...» [10].

During the investigation of the criminal case on the genocide, 14.4 thousand witnesses were interrogated, including 7.7 thousand prisoners of concentration camps and death camps, 2.2 thousand of their relatives. Many of the former prisoners were inmates of death camps, located either on the territory of the BSSR or abroad. Inmates and their relatives told the following during interrogations.

"During the war, my mother was detained in the Auschwitz camp. Talking about detention in the camp, she recalled how at 8 pm the prisoners were given soup-gruel. When she started eating, she found a human finger in it. When she approached the German and asked what it was, he hit her with a stick... The Poles guarded the camp, who treated Jews and Belarusians very cruelly". From the testimony of the daughter of a prisoner of the Auschwitz concentration camp S., born in 1922 [10].

"Me and my mother from the village of Koshel'ev were sent to a camp on the territory of Vitebsk, and then to Auschwitz. In the camp, my mother and I were assigned numbers, I had 62126, she had 62125. The numbers were pricked, I remember how painful it was. In the camp, I got sick with typhus. Before the camp was liberated, they wanted to poison us, but they did not have time..." From the testimony of a prisoner of the Auschwitz concentration camp, G., born in 1939 [10].

«В 1943 году я, мой брат и моя мама попали в лагерь Майданек в Польше. В лагере в 4 часа утра было построение, всех, кто шатался и не мог стоять, уводили и сжигали в печи. В один из дней мы стояли на построении и мой младший брат, которому было 2 года, стал шататься. Немец сказал, что заберет его на лечение. Рядом с нашим бараком находился барак евреев. Одна из женщин сказала, что в этом бараке находится мой брат. Мы с мамой аккуратно обошли этот барак и увидели, как евреев травят газом. Потом их трупы выносят и складывают на тачки. Так мы увидели, как выносят труп моего брата». Из показаний узницы концлагеря Майданек Ш., 1936 г. р. [10].

«Меня, маму и сестру погрузили в вагон и повезли в лагерь смерти Освенцим. В этом лагере нас клеймили. Мой номер 149833 набили на запястье левой руки. Когда нас привезли, то вначале согнали в одно большое помещение, где вначале полностью раздели, переодели в робу, на ноги – деревянные колодки. В первый день нас развешивали с сестрой и матерью, мою мать остригли, раздели и заживо сожгли в крематории. Возле крематория было много женских длинных волос». Из показаний узника концлагеря Освенцим К., 1934 г. р. [10].

«В Освенцим я попала из лагеря «5-й полк». Зимой 1944 года меня и моего младшего брата из Освенцима перевели в лагерь Потулице. В этом лагере над нами ставили эксперименты, брали кровь, заражали болезнями». Из показаний узницы П., 1938 г. р. [10].

«Во время карательной операции (прим. «Зимнее волшебство») заживо сожгли мою бабушку Марфу. Меня, маму, сестру и брата забрали латыши, погрузили в вагоны и привезли в н. п. Саласпилс, после чего брата отняли. Меня отправили в лагерь Майданек. Медицинской помощи не оказывали, кто заболел – того сжигали. Кормили баландой, давали хлеб 100 грамм в день. Избивали плеткой. Помню случай, когда нас заставили смотреть, как за подбородок подвели молодую девочку-еврейку и живую сожгли на костре, а кто не смотрел, того били». Из показаний узницы Х., 1926 г. р. [10].

"In 1943, my brother, my mother and I were taken to the Majdanek camp in Poland. There was a formation in the camp at 4 o'clock in the morning, everyone who staggered and could not stand was taken away and burned in the furnace. One day we were standing in line and my younger brother, who was 2 years old, began to stagger. The German said that he would take him for treatment. Next to our barracks was a Jewish barrack. One of the women said that my brother was in this barrack. My mother and I carefully walked around this barrack and saw how the Jews were gassed, then their corpses were taken out and piled on wheelbarrows. So, we saw how my brother's corpse was taken out". From the testimony of a prisoner of the Majdanek concentration camp Sh., born in 1936 [10].

"Me, my mother and sister were loaded in wagon and taken to the Auschwitz death camp. In this camp we were branded. My number 149833 was pricked on the wrist of my left hand. When they brought us, they first drove us into one large room, where immediately we were completely undressed, dressed in work clothes, wood blocks were put on our feet. On the first day we were separated from my sister and mother, my mother had her hair cut, stripped naked and burned alive in the crematorium. Near the crematorium there were many women's long hair". From the testimony of a prisoner of the Auschwitz concentration camp K., born in 1934 [10].

"I got to Auschwitz from the camp "5th Regiment". In the winter of 1944, my younger brother and I were transferred from Auschwitz to the Potulice camp. In this camp, they experimented on us, collected blood, infected us with diseases". From the testimony of prisoner P., born in 1938 [10].

"During the punitive operation (notation. "Winter magic"), my grandmother Marfa was burned alive. The Latvians took me, my mother, sister and brother, loaded them to the wagons and brought them to the settlement Salaspils, after which the brother was driven away. I was driven to the Maidanek camp. Medical assistance was not provided, those who fell ill were burned. We were fed with gruel, 100 grams of bread a day. They beat me with a whip. I remember a case when we were forced to watch how a young Jewish girl was brought up by the chin and burned alive at the stake, and those who did not look were beaten". From the testimony of H., born in 1926 [10].

Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Кадр из видеозаписи допроса потерпевшей М.М. Карповой. Потерпевшая демонстрирует фотографию матери, которую она носила на одежде в лагере
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period. A frame from a video recording of the interrogation of the victim M. Karpova. The victim shows a photograph of her mother that was in her clothes in the camp

«Летом 1943 года нацисты забрали меня, моего брата и маму в лагерь «5-й полк», где мы пробыли месяц. После этого направили в концлагерь Алитус в Литве. В обоих концлагерях были антисанитарные условия, нацисты постоянно применяли в отношении нас физическую силу, били палками, руками, прикладами. Кормили очистками от картошки и свеклы». Из показаний узницы С., 1930 г. р. [10].

«Меня отправили в концлагерь Дахау. Там люди жили в больших бараках, на улицу не выпускали, каждый день выносились трупы на улицу и сжигались, кормили баландой, похлебкой и отходами. За малейшее передвижение людей избивали». Из показаний узницы Д., 1937 г. р.

Давая показания об условиях нахождения в лагере потерпевшая М.М. Карпова рассказала следующее:

"In the summer of 1943, the Nazis took me, my brother and mother to the camp "5th regiment", where we stayed for a month. After that, we were driven to the Alytus concentration camp in Lithuania. In both concentration camps there were unsanitary conditions, the Nazis constantly used physical force against us, beat us with sticks, hands, rifle butts. We were fed with potato peelings and beets". From the testimony of prisoner S., born in 1930 [10].

"I was driven to the Dachau concentration camp. There, people lived in large barracks, they were not allowed to go outside, every day corpses were taken out to the street and burned, we were fed with gruel, stew and waste. For the slightest movement, people were beaten". From the testimony of prisoner D., born in 1937 [10].

Giving evidence on the conditions of detention in a camp on the territory of Europe, the victim M. Karpova told the following:

Отца мы не знали, только потом мы узнали, что он находится в других бараках и отец работал на заводе, как-то, немецком, а мама работала в шахтах, там шахты по добыче калийного удобрения. 400 метров она говорила опускались вниз и там они работали. А мы дети, конечно у нас был надзиратель, за нами детьми. Детей конечно там было много, один человек на произвол судьбы. Главное, что, тем, которые работали, им давали немножко лучшую еду, мы ничего не знали, кроме «калираби» такая, это у нас она сейчас культивируется, а тогда мы понятия не знали, ни в Белоруссии, ни в России. Бручка такая и вот давали кусочек этой бручки, четвертая часть и вода варенная, иногда давали ракушки. Привезут, обыкновенные ракушки, как в озерах, маленькие такие, не большие. Вот сыпанут этих ракушек, так у меня, вот, знаете, что и мы выковыривали с этих ракушек, немножко дети ели. Потом, когда мы узнали, что отец тут где-то, и отец узнал, что я, он там, всё-таки русские, они подрывали в своём бараке, это на метров пятьсот они от нас были, подрывали пол, вырыли через ограждение, который лагерь был, а там были свёкла сахарная. И они закладывали дёрном, эту свёклу они как-то приносили, хранили в своём бараке, и он как-то начал передавать в наш барак понемножку этой свёклы. Он, как-то поддерживали нас. Ну, что, а потом, мы дети ели ж, буржуйка была стояла, ести, водички там закипишь, и мы втроем человек, я и два мальчика, там была столовая, ну столовая готовили для пленных, наших граждан, а очистки уже немного выбрасывали туда. И я с этими мальчиками пошла, чтобы взять этих очисток немножко. Ну и немцы увидели. Вот у меня посмотрите (показывает голову, просит потрогать), пробит череп — вот здесь. Это знак от ноги немца. Так я всю жизнь носила...».

Следователь: «Это за то, что Вы хотели взять очистки?».

Потерпевшая: «Да, взять несколько...но, а потом, знаете, что, конечно мать, сохранилась...(показывает фотографию матери), двадцать пять лет, посмотрите. Это я на память оставила. Это носили, и у меня такая фотография была, и у мамы фотография, номер всех. Двадцать пять лет, а как старушка (показывает фотографию), истощенная женщина...».

Следователь: «Носили фотографию на одежде где-то?».

Потерпевшая: «На одежде, все время на одежде (показывает область груди справа) фотографию носили. Ну а потом, что еще мучения, я от голода уже, когда уже перед тем как нас освободили...».

*Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.
Протокол допроса потерпевшей М.М. Карповой
Archive of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus. Criminal case No. 21028030022 on the genocide of the population of Belarus during the Great Patriotic War and the post-war period.
Protocol of interrogation of the victim M. Karpova*

We didn't know my father, only later we found out that he was in other barracks and my father worked in a factory, somehow, German, and my mother worked in the mines, there are mines for the extraction of potash fertilizer. 400 metres she said went down and that's where they worked. And we children, of course we had a warden, for us children. Of course, there were many children there, one person to the mercy of fate. The main thing is that those who worked were given slightly better food, we knew nothing but "kalirabi", it is cultivated now, but back then we had no idea, neither in Belarus, nor in Russia. Such a bruchka, and now they gave a piece of this bruchka, a fourth part and boiled water, sometimes they gave shells. They will bring ordinary shells, like in lakes, small ones, not big ones. Here they pour these shells, so I have, you know, what we also picked out from these shells, the children ate a little. Then when we found out that my father was here somewhere, and my father found out that I, he was there, all Russians, they undermined in their barrack, it was five hundred meters away from us, they undermined the floor, dug through the fence, which was the camp, and there were sugar beets there. And they laid it with turf, they somehow brought this beetroot, kept it in their barracks, and somehow he began to transfer a little of this beetroot to our barracks. He somehow supported us. Well, then, we are children to eat, the stove was standing, eat, boil some water there, and the three of us, me and two boys, there was a dining room, well, the dining room was prepared for prisoners, our citizens, and peelings were already thrown away a little there. And I went with these boys to get some of these peelings. And the Germans saw it. Look at my head (he shows his head, asks to touch it), the skull is punctured – here. It is a sign from a German's foot. I have been wearing it all my life...".

Investigator: "Is this for what you wanted to take peelings?"

Victim: "Yes, take a few... but, and then, you know, of course, the mother survived... (shows a photo of the mother), twenty-five years old, look. I left this as a keepsake. They wore it, and I had a photo like that, and my mother had a photo, the number of everyone. Twenty-five years old, but like an old woman (shows a photograph), an emaciated woman...".

Investigator: "Did you wear a photograph on your clothes somewhere?"

Victim: "All the time on my clothes (shows the right side of my chest) they were carrying the picture. And then, what more torture, I was already starving, when before we were liberated...".

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОТНОШЕНИИ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ

Уже с 1941 года и до конца оккупации проводились открытые суды в партизанских отрядах и бригадах – над предателями, шпионами, мародерами. Их живыми свидетелями были сами партизаны, жители прилегающих населенных пунктов. В освобожденных районах народные суды проводили показательные процессы над коллаборационистами.

19 апреля 1943 года в СССР был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников», на основании которого был проведен 21 открытый судебный процесс над военными преступниками.

Вопрос о привлечении к ответственности нацистских преступников с начала Второй мировой войны носил острый политический характер. Вместе с тем необходимость осуществления правосудия над немецко-фашистскими захватчиками являлась принципиальной. Дипломатическая борьба Советского Союза за осуществление идеи «Суд народов» привела к организации Международного военного трибунала.

На Потсдамской конференции трех держав (СССР, США, Великобритании), состоявшейся в июле – августе 1945 года, было достигнуто соглашение о необходимости ареста и проведения скорого и справедливого суда в отношении немецких военных преступников, нацистских лидеров, руководящего состава нацистских учреждений и организаций. Судебный процесс над группой главных военных нацистских преступников проходил в Нюрнберге (Германия) в Международном военном трибунале с 20 ноября 1945 по 1 октября 1946 года. Всего за период процесса было проведено свыше 400 судебных заседаний.

На территории БССР после Великой Отечественной войны прошли 4 крупных процесса над немецко-фашистскими захватчиками: в Минске, Гомеле, Бобруйске и Витебске в 1946–1947 годах. Все, представшие перед судом, получили заслуженное наказание – на Минском процессе из 18 осужденных 14 были казнены,

LAWSUITS AGAINST NAZI CRIMINALS AND THEIR ACCOMPLICES

As early as from 1941 until the end of the occupation, open trials were held in partisan detachments and brigades – against traitors, spies, marauders. Their living witnesses were the partisans themselves, residents of adjacent settlements. In the liberated regions, people's courts held show trials of collaborators.

On April 19, 1943, the USSR adopted Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR from April 19, 1943 No. 39 "On punitive measures against Nazi villains, guilty in killing and torturing the Soviet civilian population and captured Red Army soldiers, for spies, traitors from among Soviet citizens and for their accomplices", on the basis of which 21 open trials of war criminals were held.

The issue of prosecution of Nazi criminals since the beginning of the Second World War was of a critical political nature. At the same time, the need to administer justice to the Nazi invaders was fundamental. The diplomatic struggle of the Soviet Union for the implementation of the idea of the "Court of Nations" led to the organization of the International Military Tribunal.

At the Potsdam Conference of the Three Countries (USSR, USA, Great Britain), held in July – August 1945, an agreement was reached on the need to arrest and hold a speedy and fair trial of German war criminals, Nazi leaders, and the leadership of Nazi institutions and organizations. The trial of a group of major Nazi war criminals took place in Nuremberg (Germany) at the International Military Tribunal from November 20, 1945 to October 1, 1946. In total, over 400 court hearings were held during the process.

On the territory of the BSSR after the Great Patriotic War, 4 major trials of the Nazi invaders took place: in Minsk, Gomel, Bobruisk and Vitebsk in 1946–1947. All those who appeared before the court due penalty was applied in their regard – at the Minsk trial from 18 convicts 14 were executed, and the rest various terms of imprisonment were applied in their regard. At the trials of 1947, the death penalty in the Soviet Union was abolished, so most of those who appeared before the court received the maximum terms of imprisonment under Soviet law – 25 years in prison

It should be noted that not all Nazi criminals were punished for their crimes. Many of them hid in

а остальные получили различные сроки заключения. На процессах 1947 года смертная казнь в Советском Союзе была отменена, поэтому большинство представших перед судом получили максимальные по советскому законодательству сроки заключения – 25 лет тюремного заключения.

Следует отметить, что далеко не все нацистские преступники понесли наказание за совершенные ими преступления. Многие из них еще в годы Второй мировой войны скрылись в странах Западной Европы, США, Канады и др. По этой причине вопрос о привлечении нацистских палачей к уголовной ответственности не теряет свою актуальность и в настоящее время.

Вместе с тем многие каратели лагерей смерти еще в Советском Союзе, спустя многие годы после окончания Великой Отечественной войны, все же были привлечены к уголовной ответственности.

Одним из громких актов правосудия в отношении палачей лагерей смерти стал судебный процесс в отношении членов 13-го белорусского полицейского батальона при СД Н.А. Калько, Л.А. Сенкевича, М.М. Кухты и А.И. Королевича. За измену Родине, в том числе избиения, истязания, пытки, расстрелы и казни через повешение заключенных в Колдычевском лагере смерти, приговором Военного трибунала Белорусского военного округа от 14 марта 1962 года они были приговорены к смертной казни – расстрелу.

Судебные процессы в отношении нацистских преступников проходили и на территории других республик Советского Союза.

С 10 по 20 октября 1962 года в г. Вильнюсе Литовской ССР проходил судебный процесс, в ходе которого в качестве подсудимых предстали бывшие солдаты 2-го (12-го) литовского батальона вспомогательной службы полиции: Антанас Импулявичюс, Зенонас Кемзура, Юозас Усялис и др. [38, с.3].

По итогам открытого рассмотрения уголовного дела Судебная коллегия Верховного суда Литовской ССР 20 октября 1962 г. признала всех лиц виновными в измене Родине и множестве других тяжких преступлениях. Подсудимые были приговорены к расстрелу с конфискацией всего имущества. Среди совершенных батальоном под командованием Импулявичюса злодеяний – массовое уничтожение узников лагерей смерти на территории Минска и Минской области [39].

the countries of Western Europe, the USA, Canada, etc. during the Second World War. For this reason, the issue of bringing Nazi executioners to criminal responsibility does not lose its relevance at the present time.

At the same time, many punishers of death camps in the Soviet Union, many years after the end of the Great Patriotic War, were nevertheless brought to criminal responsibility.

One of the high-profile acts of justice against the executioners of the death camps was the trial against members of the 13th Belarusian police battalion under the Security Division N. Kalko, L. Senkevich, M. Kukhta and A. Korolevich. For high treason, including beatings, torture, torment, shootings and executions by hanging of prisoners in the Koldychevo death camp by the verdict of the Military Tribunal of the Belarusian Military District from March 14, 1962. They were sentenced to death – shooting

Trials against Nazi criminals also took place on the territory of other republics of the Soviet Union.

From October 10 to October 20, 1962, a trial took place in Vilnius, Lithuanian SSR, during which former soldiers of the 2nd (12th) Lithuanian battalion of the auxiliary police service appeared as defendants: Antanas Impulyavichyus, Zenonas Kemzura, Juozas Ushalis and others [38, p. 3].

On the basis of the results of an open consideration of the criminal case, on October 20, 1962, the Judicial Collegium of the Supreme Court of the Lithuanian SSR found all persons guilty of treason and many other serious crimes. The defendants were sentenced to death with confiscation of all property. Among the atrocities committed by the battalion under the command of Impulyavichyus is the mass extermination of prisoners of death camps on the territory of Minsk and the Minsk region [39].

The present trial had a particularity: the battalion commander, Antanas Impulyavichyus, was absent at defendants' bench [38, p. 3].

Antanas Impulyavichyus was convicted in absentia. This happened due to the fact that in October 1944 Impulyavichyus fled to Germany, and from 1949 he lived in the USA [38, p.15].

After the fall of the occupation regime, trials also took place on the territory of liberated Germany. In the first post-war years, the occupation administration of the allies in the anti-Hitler coalition significantly limited the competence of German justice in the area of prosecution of Nazi criminals. According to the Law of the Allied Control Council No. 4 from October 30, 1945, the German justice authorities

Данный судебный процесс имел особенность: на скамье подсудимых отсутствовал командир батальона – Антанас Импулявичюс [38, с.3].

Антанас Импулявичюс был осужден заочно. Произошло это в связи с тем, что в октябре 1944 года Импулявичюс сбежал в Германию, а с 1949 года жил в США [38, с. 15].

После падения оккупационного режима судебные процессы проходили и на территории освобожденной Германии. В первые послевоенные годы оккупационная администрация союзников по антигитлеровской коалиции существенно ограничила компетенцию немецкой юстиции в сфере преследования нацистских преступников. Согласно Закону Контрольного совета № 4 от 30 октября 1945 года, немецким органам правосудия запрещалось рассматривать преступления, совершенные гитлеровцами по отношению к гражданам стран-союзниц по антигитлеровской коалиции. Подобного рода уголовные дела разбирались исключительно трибуналами союзников.

Однако по мере восстановления суверенитета Германии и образования двух германских государств осуществлялось постепенное расширение полномочий немецких судов. Так, в советской зоне оккупации уже с 1946 года военная администрация допускала рассмотрение германскими судами уголовных дел по преступлениям, совершенным немцами против граждан других государств. В 1948 году в американской зоне немецкие суды получили разрешение разбирать уголовные дела по преступлениям против евреев Восточной Европы, иностранных принудительных рабочих, насильственно угнанных на территорию Третьего рейха. Подобное расширение компетенции немецких судов в британской зоне произошло в 1949 году.

К 1949 году в правосудии Западной Германии сформировалась устойчивая практика, согласно которой суды рассматривали нацистские преступления исключительно в рамках немецкого законодательства. Со вступлением в силу Конституции ФРГ 23 мая 1949 года, закрепившей в ст. 103 абсолютный запрет обратной силы закона, данный подход восторжествовал окончательно: приговоры гитлеровским преступникам выносились в соответствии с нормами германского права, действовавшего на момент совершения преступления.

Таким образом, юстиция ФРГ проигнорировала нормы Международного военного трибу-

were forbidden to consider crimes committed by the Nazis against citizens of the allied countries in the anti-Hitler coalition. Such criminal cases were handled exclusively by the Allied tribunals.

However, with the restoration of German sovereignty and the formation of two German states, a gradual expansion of the powers of the German courts was carried out. Thus, in the Soviet zone of occupation, as early as 1946, the military administration allowed German courts to consider criminal cases on crimes committed by the Germans against citizens of other states. In 1948, in the American zone, German courts received permission to try criminal cases on crimes against the Jews of Eastern Europe, foreign forced labour workers who were forcibly driven into the territory of the Third Reich. A similar expansion of the competence of the German courts in the British zone occurred in 1949.

By 1949, a well-established practice had developed in West German justice, according to which the courts considered Nazi crimes exclusively within the framework of German law. With the entry into force of the Constitution of the Federal Republic of Germany on May 23, 1949, which enshrined in Art. 103 the absolute prohibition of the retroactive effect of the law, this approach prevailed definitively: sentences for Nazi criminals were passed in accordance with the norms of German law in force at the time the crime was committed.

Thus, the FRG justice ignored the norms of the International Military Tribunal in Nuremberg and the legislative acts of the allies based on the provisions of the present tribunal. In particular, the German courts did not actually apply the Law of Allied Control council No. 10, which provided such elements of Nazi crimes as crimes against peace, against humanity, war crimes, belongings to certain categories of a criminal group or organization (National Socialist German Workers' Party, Gestapo, Security Service, SS, SA and etc.).

German legislation ruled out the possibility of punishment of Nazi criminals for genocide, crimes against peace and humanity. German justice considered each case of murder during the years of National Socialism as a separate crime, caused by personal motives.

Because of this, the defendant Adolf Rube, accused of killing 436 prisoners of the Minsk ghetto, was found guilty of unlawful deprivation of life of 27 people and sentenced to life imprisonment. However, in 1962 he was pardoned and released.

Presenting the genocide as a mosaic of individ-

нала в Нюрнберге и основанные на положениях этого трибунала законодательные акты союзников. В частности, немецкими судами фактически не применялся Закон Контрольного совета № 10, предусматривавший такие составы нацистских преступлений, как преступления против мира, против человечности, военные преступления, принадлежность к определенным категориям преступной группы или организации (НСДАП, гестапо, СД, СС, СА и др.).

При рассмотрении дел нацистских преступников немецкие судьи руководствовались положениями Уголовного кодекса Германии, принятого еще в 1871 году и действующего с определенными изменениями и дополнениями по сей день. В нем отсутствовали такие составы, как преступления против мира, человечности, геноцид. Исходя из этого, организованные государством, бюрократически спланированные массовые истребления людей могли рассматриваться лишь как отдельно взятые, не связанные между собой случаи убийств.

Законодательство ФРГ исключало возможность наказания нацистских преступников за геноцид, преступления против мира и человечности. Немецкое правосудие рассматривало каждый случай убийства в годы национал-социализма в качестве отдельного преступления, вызванного личностными мотивами.

В силу этого подсудимый Адольф Рубе, обвинявшийся в убийстве 436 узников Минского гетто, был признан виновным в противоправном лишении жизни 27 человек и приговорен к пожизненному лишению свободы. Однако в 1962 году он был амнистирован и оказался на свободе.

Представляя геноцид в виде мозаики индивидуальных, не связанных между собой преступных деяний, немецкая юстиция поддерживала иллюзию о том, что «нормальные» немцы «ничего не знали» о массовом истреблении евреев и граждан других национальностей, что это исключительно плод деяний Гитлера, его фанатичного окружения и отдельных «патологических садистов», «сексуальных маньяков» и «выскочек» наподобие А. Рубе [10].

Процесс в Кобленце

Еще одним из последних и малоизвестных процессов на Западе над бывшими солдатами и офицерами вермахта после Нюрнберга был

ual, unrelated criminal acts, the German justice maintained the illusion that "normal" Germans "knew nothing" about the mass extermination of Jews and citizens of other nationalities, that this was exclusively the acts of Hitler, his fanatical entourage and individual "pathological sadists", "sexual maniacs" and "wannabes" like A. Rube [9].

Trial in Koblenz

Another of the last and little-known trials in the West over former soldiers and officers of the Wehrmacht after Nuremberg was the trial that began in Koblenz in October 1962. It is characterized by the fact that there was no delegation from the BSSR, despite the fact that the jury considered criminal case on charges of responsible officers of the security police and Security Service in Belarus Erlinger, Strauch, Heuser, Wilke, Schlegel, Oswald Miller and others who committed grave crimes in the temporarily occupied territory of the BSSR during the Great Patriotic War. This fact is explained by the fact that the German authorities refused to provide visas and give permission to the Belarusian, as well as the allied delegation to enter the FRG and, accordingly, to participate at the trial in Koblenz.

Despite the refusal of the German side to grant visas to the Belarusian delegation, the republic carefully prepared for this process, hoping that, under public pressure, it would be possible to attend and speak at this trial. Prior to the start of trial, a Belarusian commission was created consisting of: the chairman of the commission – Minister of Foreign Affairs K. Kiselev, members – T. Gorbunov, I. Stelmashonok, M. Lynkov, G. Mashkov, K. Korshuk, K. Krapiva, I. Zapsha, V. Yashumov and M. Tank.

Prominent Soviet international lawyers should also go to Koblenz: lawyer V. Samsonov, who was supposed to represent the interests of the injured Soviet citizens, living in the temporarily occupied territory of Belarus and the public prosecutor – N. Alekseev.

Because of this, Belarusian side was not granted the right to speak at the trial in Koblenz, a press conference was held at which members of the delegation spoke.

The speech of the Doctor of Laws, Professor, Department Chairman of the Faculty of Law of the Leningrad University, Doctor Honoris Causa of Laws of the Humboldt University in Berlin, Nikolai Alekseev, was devoted to the analysis of the law of the Federal Republic of Germany in relation to war

судебный процесс, начавшийся в г. Кобленце в октябре 1962 года. Он характерен тем, что на нем отсутствовала делегация от БССР несмотря на то, что в суде присяжных Кобленца рассматривалось уголовное дело по обвинению ответственных сотрудников полиции безопасности и СД в Беларуси Эрлингера, Штрауха, Хойзера, Вильке, Шлегеля, Освальда Миллера и других, совершивших тяжчайшие преступления на временно оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Этот факт объясняется тем, что немецкие власти отказались предоставить визы и дать разрешение белорусской, равно как и союзной, делегации на въезд в ФРГ и соответственно выступление на судебном процессе в Кобленце.

Несмотря на отказ немецкой стороны в предоставлении виз белорусской делегации, в республике тщательно готовились к этому процессу, надеясь, что все же под давлением общественности удастся присутствовать и выступить на этом процессе. До начала процесса была создана белорусская комиссия: председатель – министр иностранных дел К.В. Киселев, члены – Т.С. Горбунов, И.М. Стельмашонок, М.Т. Лыньков, Г.Н. Машков, К. Коршук, К.К. Крапива, И.В. Лапша, В.Н. Яшумов и М. Танк.

В Кобленц должны были также ехать видные советские юристы-международники: адвокат В.А. Самсонов, который должен был представлять интересы потерпевших советских граждан, проживавших на временно оккупированной территории Беларуси, и государственный обвинитель – Н.С. Алексеев.

В связи с тем, что право выступить на судебном процессе в Кобленце белорусской стороне так и не было предоставлено, была проведена пресс-конференция, на которой выступили члены делегации.

Выступление доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой юридического факультета Ленинградского университета, почетного доктора юридических наук университета имени Гумбольдта в Берлине Николая Сергеевича Алексеева было посвящено анализу права ФРГ в отношении военных преступников. Он, в частности, отметил, что «в ФРГ нет каких-либо законодательных постановлений относительно уголовной ответственности нацистских военных преступников. Уголовное преследование военных преступников осуществляется на основании статей УК, предусматривающих

criminals. In particular, he noted that "there are no legislative decrees in the FRG regarding the criminal liability of Nazi war criminals. The criminal prosecution of war criminals is carried out on the basis of the articles of the Criminal Code, which provide liability for murder out of base motives. Thus, the same responsibility is obtained either for the murder of one person or for the murder of several tens and hundreds of thousands of people. They can be convicted under an article, stipulating only a single murder, which undoubtedly provides a mitigation of responsibility for war criminals". He also noted that in the Criminal Code of Germany there are no rules of law punishing crimes against humanity, i.e. in fact, the legislation of the Federal Republic of Germany "withdrawn" from its jurisdiction the rules of law on prosecution of war criminals. At the end of his speech, he emphasized that "according to Soviet lawyers, it is necessary to strictly adhere to international legal documents that require the fight against the crimes of fascism. Bringing to justice all persons who have committed war crimes and crimes against humanity, as provided by the 1945 agreements and confirmed by UN resolutions, is a universally recognized norm of international law, binding for all states, including the FRG".

The crimes of the defendants were such that even West German justice couldn't exonerate them from blame. On May 21, 1963, the court of Koblenz found guilty and sentenced K. Dahlheimer to 4 years of imprisonment, G. Hoiser to 15 years of imprisonment, F. Merbach to 7 years of imprisonment, R. Schlegel to 8 years of imprisonment, F. Shtark to life imprisonment, A. Wilke – to 10 years of imprisonment, J. Feder – to 4 years of imprisonment, V. Kaul – to 4 years of imprisonment, Ya. Oswald – to 4 years of imprisonment, E. von Toll – to 4 years of imprisonment and only Arthur Haider was acquitted [10].

ответственность за убийство из низменных побуждений. Таким образом, получается одинаковая ответственность как за убийство одного человека, так и за убийства нескольких десятков и сотен тысяч людей. Они могут быть осуждены по статье, предусматривающей лишь единичное убийство, что, бесспорно, обеспечивает смягчение ответственности военным преступникам». Он также отметил, что в УК ФРГ нет норм права, карающих за преступление против человечества, то есть фактически законодательство ФРГ «вывело» из своей юрисдикции нормы права, преследующие военных преступников. В заключение своего выступления он подчеркнул, что «по мнению советских юристов, необходимо строго придерживаться международно-правовых документов, которые требуют проведения борьбы с преступлениями фашизма. Привлечение к судебной ответственности всех лиц, совершивших военные преступления и преступления против человечности, как это предусмотрено соглашениями 1945 года и подтверждено резолюциями ООН, является общепризнанной нормой международного права, обязательной для всех государств, в том числе и для ФРГ».

Преступления подсудимых были таковы, что признать их невиновными не могло даже западногерманское правосудие. 21 мая 1963 года суд г. Кобленца признал виновными и приговорил К. Дальхаймера к 4 годам тюремного заключения, Г. Хойзера – к 15, Ф. Мербаха – к 7, Р. Шлегеля – к 8, Ф. Штарка – к пожизненному тюремному заключению, А. Вильке – к 10, Й. Федер – к 4, В. Кауля – к 4, Я. Освальда – к 4, Э. фон Толля – к 4 годам тюремного заключения, и только Артур Хайдер был оправдан [10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Беларусь неоднократно становилась ареной жестоких войн, самой кровопролитной из которых стала Великая Отечественная война. Предварительные результаты расследования уголовного дела о геноциде свидетельствуют, что немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками на белорусской территории убито не менее 3 миллионов мирных граждан и военнопленных.

Великая Победа, достигнутая советским народом, – незабываемая ценность для каждого жителя Беларуси. Вместе с тем мы воочию наблюдаем, как политические элиты «коллективного Запада» пытаются переписать историю. Из единичных попыток это переросло во внешнеполитическую модель поведения в отношении нашей страны. В этих государствах пропагандируется крайний национализм и неонацизм, нацистские преступники представляются «борцами за свободу». На наших глазах в этих странах демонтируют памятники воинам-освободителям, оскверняют могилы советских солдат. Принцип невмешательства во внутренние дела государства уже давно не является непреложным для Запада, что открыто демонстрируется на протяжении длительного времени в отношении Республики Беларусь.

Приведенные в книге примеры лагерей смерти – очередное доказательство системности нацистских преступлений и их нацеленности на тотальное истребление жителей БССР. На каждой странице – факты о тысячах людей, хладнокровно убитых гитлеровскими палачами и их приспешниками, заживо сожженных стариках, женщинах и детях, сломанных судьбах целых семей. Это лишь малая часть собранных по уголовному делу доказательств геноцида.

Мы будем открыто заявлять о невосполнимых потерях белорусского народа, добиваться признания геноцида жителей БССР на международном уровне. На белорусской земле нет места героизации нацистских преступников. Республика Беларусь как преемница БССР – одной из наиболее пострадавших от «коричневой чумы» советских республик – продолжит политику нетерпимости и преследования любых проявлений нацизма и фашизма, попыток их реабилитации.

CONCLUSION

Belarus has repeatedly become the area of cruel wars, the most bloody of which was the Great Patriotic War. Preliminary results of the investigation of the criminal case on the genocide show that at least 3 million civilians and prisoners of war were killed by the Nazi invaders and their accomplices on Belarusian territory.

The Great Victory achieved by the Soviet people is an unassailable value for every inhabitant of Belarus. At the same time, we are seeing personally how the political elites of the "collective West" are trying to rewrite history. From isolated attempts, this has grown into a foreign policy model of behavior towards our country. In these states, extreme nationalism and neo-Nazism are promoted, Nazi criminals are presented as "freedom fighters." We see how in these countries, monuments to soldiers-liberators are being dismantled, the graves of Soviet soldiers are desecrated. The principle of non-interference in the internal affairs of the state has not been indisputable for the West for a long time, which was clearly demonstrated for a long period of time in relation to the Republic of Belarus.

The examples of death camps, given in the book are another proof of the systematic nature of Nazi crimes and their focus on the total extermination of the inhabitants of the BSSR. On each page there are facts about thousands of people murdered in cold blood by Hitler's punishers and their accomplices, old people, women and children burned alive, broken lives of entire families. This is only a small part of the evidence of the genocide collected in the criminal case.

We will openly declare on the irreparable losses of the Belarusian people, seek recognition of the genocide of the inhabitants of the BSSR at the international level. There is no place for the glorification of Nazi criminals on Belarusian soil. The Republic of Belarus, as the successor of the BSSR, one of the Soviet republics most affected by the "brown plague", will continue the policy of intolerance and persecution of any manifestations of Nazism and fascism, attempts to rehabilitate them.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ LIST OF LITERATURE REFERENCES

1. Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941–1944. – Минск, 2001. – 158 с.
2. Звягинцев, А.Г. Главный процесс человечества. Нюрнберг: документы, исследования, воспоминания. – М., 2012. – 656 с.
3. Савоняко, М.Я. Немецко-фашистские лагеря на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны 1941–1944. – Минск, 1993. – 225 с.
4. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 926.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3-7445. Оп. 1. Д. 1670. Л. 1-370.
6. Аристов, С. Система нацистских концлагерей на оккупированной территории СССР (1941–1944 гг.). – М., 2022. – 300 с.
7. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 29. Д. 111.
8. Бездзель, В.Я. Становішча дзяцей і іх удзел у народнай барацьбе супраць акупантаў на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. – Віцебск, 2010. – 140 с.
9. Центральный архив Министерства обороны Республики Беларусь. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 581. Л. 300–301.
10. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. – Уголовное дело № 21028030022 о геноциде населения Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.
11. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 29. Д. 111.
12. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 845. Оп. 1. Д. 206. Л. 1–2.
13. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 845. Оп. 1. Д. 206. Л. 3–4.
14. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 845. Оп. 1. Д. 206. Л. 14–15.
15. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 845. Оп. 1. Д. 206. Л. 40–41.
16. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 845. Оп. 1. Д. 206. Л. 147.
17. Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах. – Минск, 1999. – 432 с.
18. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 66. Л. 365–374.
19. Шерман, Б. П. Колдычево //... И ужаснулась земля: Факты, документы, свидетельства. – Барановичи, 1990. – Гл. 3. – С. 20–30.
20. Сикорин, Н. Д. Чудовищные преступления // Память: Ист.-докум. хроника Березовского р-на. – Минск, 1987. – С. 166–168.
21. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Віцебска: у 2 кн. Кн. 1. – Мінск, 2002. – 648 с.
22. Рывкин, М.С., Шульман, А.Л. Хроника страшных дней. Трагедия Витебского гетто. – Витебск, 2014. – 236 с.
23. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 84. Л. 2–3.

24. Пивоварчик, С.А. Холокост на территории СССР [Текст]. – М., 2011. – С. 241–247.
25. Дюков, А.Р., Селеменев, В.Д. Без срока давности. Беларусь: Гомельская область. – Минск; М., 2021. – 144 с.
26. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4. Оп. 29. Д. 111. Л. 315–320.
27. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 861. Оп. 1. Д. 8. Л. 66–67 об.
28. Государственный архив Российской Федерации. Ф.р-7021. Оп. 88. Д. 532. Л. 4–6
29. Государственный архив Российской Федерации. Ф.р-7021. Оп. 88. Д. 532. Л. 12–13.
30. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 29. Д. 111.
31. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 861. Оп. 1. Д. 8. Л. 68.
32. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Д. 3. Оп. 87. Л. 23–27.
33. Государственный архив Витебской области. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 921. Л. 84–100, 121–127.
34. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 144. Л. 1–10.
35. Центральный архив Министерства обороны Республики Беларусь. Оп. 10510. Д. 63, кор. 13032. С. 181–184.
36. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1365. Оп. 1. Д. 1925. Л. 23–23 об.
37. Шчарбакоў, С.А. Ім, загінуўшым, але не пакараным // Памяць : Баранавічы і Баранавіцкі раён. – Мінск, 2000. – С. 239–246.
38. Селюкина, Н.В. Батальон Импульвичюса. Обвинительный приговор. – М., 2022. – 56 с.
39. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0129. Оп. 48. П. 368. Д. 53.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Foreword	4
О целях создания нацистами лагерей смерти	7
On purposes of creation of death camps by Nazis	7
Виды лагерей смерти	17
Types of death camps	17
Способы истребления нацистами узников лагерей смерти	23
Means of extermination by the Nazis of prisoners of death camps	23
О роли коллаборационистов в истреблении узников лагерей смерти	57
On the role of collaborationists in extermination of prisoners of death camps	57
«Акция 1005»	72
"Campaign 1005"	72
Лагеря смерти на оккупированной территории БССР	99
Death camps in the occupied territory of the BSSR	99
Жители БССР в лагерях смерти на территории других стран	317
Residents of the BSSR in death camps on the territory of other countries	317
Судебные процессы в отношении нацистских преступников и их пособников	326
Lawsuits against Nazi criminals and their accomplices	326
Заключение	332
Conclusion	332
Список использованной литературы	333
List of literature references	333

Массово-политическое издание

**ГЕНОЦИД БЕЛОРУССКОГО НАРОДА.
Лагеря смерти**

Информационно-аналитические материалы и документы

На русском и английском языках

Перевод на английский язык: «PrimeVeda» LLC

Подписано в печать 06.03.2023. Формат 60×84 1/8.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 39,06. Уч.-изд. л. 34,40.

Тираж 4000 экз. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/4 от 09.07.2013.
Пр. Победителей, 11, 220004, Минск, Республика Беларусь.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/102 от 01.04.2014.
Пр. Независимости, 79/1, 220013, Минск, Республика Беларусь.

ISBN 978-985-01-1638-3

9 789850 116383